

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

C1862.15

Harvard College Library

FROM THE BEQUEST OF

JAMES WALKER, D.D., LL.D.

(Class of 1814)

FORMER PRESIDENT OF HARVARD COLLEGE

“Preference being given to works in the
Intellectual and Moral Sciences.”

СОБРАНІЕ
ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКИХЪ СОЧИНЕНІЙ

ПРОФЕССОРА

МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА ПО КАФЕДРѢ ИСТОРИИ ЦЕРКВИ

ДОКТОРА БОГОСЛОВІЯ

Алексыя Лебедева.

Чо.мъ IV.

Исторія вселенскихъ соборовъ, часть II.

ВСЕЛЕНСКІЕ СОБОРЫ

VI, VII и VIII ВѢКОВЪ.

~~~~~  
Изданіе второе.  
~~~~~

А. П. Лебедева,

Профессора Московскаго Университета.

МОСКВА

ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ

ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.

1897

1596

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго комитета печатать дозволяется.
Москва, 6 Мая 1897 года.

Цензоръ, Протоіерей *Іоаннъ Петропавловскій*.

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ.

	<i>Стран.</i>
Краткія свѣдѣнія о распространеніи монофизитства послѣ IV-го вселенскаго собора	1—9

СПОРЪ О ТРЕХЪ ГЛАВАХЪ И ПЯТЫЙ ВСЕЛЕНСКІЙ СОБОРЪ.

I. Происхожденіе спора.—Отношеніе V вселенскаго собора къ III и IV вселенскимъ соборамъ.—Побужденія для императора Юстиніана къ осужденію трехъ главъ.—Содержаніе указа Юстиніанова съ осужденіемъ трехъ главъ.—Возникновеніе спора.—Возможность споровъ за Теодора Мопсуестскаго и противъ него.—Возможность споровъ за Теодорита Кирскаго и противъ него.—Возможность споровъ за Иву Едесскаго и противъ него . . .

10—33

II. Исторія спора о трехъ главахъ.—Согласіе епископовъ Востока на осужденіе трехъ главъ.—Первоначальное сопротивленіе церкви западной осужденію трехъ главъ: латинскіе духовные въ Константинополѣ, епископъ Африканскій Понтіанъ и его посланіе.—Римская церковь и посланіе къ ней Ферранда.—Стремленіе Юстиніана склонить папу Вигилія на осужденіе трехъ главъ, прибытіе папы въ Константинополь и поведеніе его здѣсь; папа склоняется къ осужденію трехъ главъ.—Дальнѣйшее сопротивленіе Западу осужденію трехъ главъ: діаконъ Рустикъ и Севастіанъ, Африканскій и Иллирійскій соборы.—Фагундъ и изложеніе его сочиненія «въ защиту трехъ главъ». Новыя мѣры Юстиніана къ достиженію согласія церкви на осужденіе трехъ главъ: соборъ Мопсуестскій 550 г.,—религіозный указъ Юстиніана съ разборомъ возраженій объ

осужденіи трехъ главъ. — Необходимость новаго вселенскаго собора . . . . .

34—53

III. V-ый вселенскій соборъ 553 года. — Составъ собора. — Отказъ папы Вигилія и иныхъ западныхъ епископовъ отъ участія на соборѣ. — Императорскій указъ собору и его отношеніе къ дѣятельности онаго. — Соборное изслѣдованіе о заблужденіяхъ Θεодора. — «Сокровища нечестія Θεодорова», — разборъ возраженій, направленныхъ защитниками Θεодора противъ его осужденія. — Соборное изслѣдованіе нѣкоторыхъ сочиненій Θεодорита, заключавшихъ какъ несторіанское ученіе, порицанія на св. Кирилла и на соборъ III вселенскій, такъ и защиту еретика Несторія. — Соборное изслѣдованіе посланія Ивы къ Марію. — Соборное опредѣленіе о трехъ главахъ. — Признаніе V вселенскаго собора на Западѣ и окончаніе спора о трехъ главахъ . . . . .

54—72

МОНОЕЛИТСТВО И VI ВСЕЛЕНСКІЙ СОБОРЪ.

I. Моноелитство и поборники православія до VI вселенскаго собора. **A. Моноелитство.** Происхожденіе ереси. — Моноелиты Ираклій, Сергій, Киръ. — Киръ и его унія въ Египтѣ. — Еретичество папы Гонорія. — «Изложеніе». — «Образецъ». — Сила моноелитства. — **Б. Поборники Православія.** — Св. Софроній и его борьба съ моноелитствомъ. — Дѣятельность св. Максима исповѣдника въ пользу православія. — Страданія св. Мартина за вѣру. — Страданія за нее св. Максима. — Необходимость признанія новаго вселенскаго собора . . . . .

73—98

II. Константинопольскій VI вселенскій соборъ 680 года. — Свѣдѣнія о внѣшней исторіи собора. — Моноелитъ Макарій. — Пренія съ нимъ. — Исповѣданіе вѣры Макарія. — Его же три свитка. — Свитокъ папскихъ легатовъ. — Изобличеніе и осужденіе Макарія. — Другіе еретики на соборѣ. — Фанатикъ Полихроній. — Еретикъ Константинъ. — Осужденіе моноелитскихъ сочиненій. — Поддѣльныя «дѣянія». — Утвержденіе православія. — Значеніе посланія папы Агаѳона. — Вѣроопредѣленіе. — Провозглашеніе вѣроопредѣленія. —

Рѣчи.—Указъ.—Храненіе «дѣяній» собора.—Замѣчаніе о
 пято-шестомъ или Трулльскомъ соборѣ . . . . . 99—125

ИКОНОБОРСТВО И VII ВСЕЛЕНСКИЙ СОБОРЪ.

I. Происхожденіе иконоборства.—Вопросъ объ отношеніи
 иконоборства къ предшествующимъ спорамъ догматиче-
 скимъ.—Исторія иконоупотребленія и иконопочитанія въ
 церкви.—Иконоборцы до эпохи иконоборства.—Левъ Исав-
 рянинъ и его характеръ.—Кружокъ иконоборцевъ при
 Левѣ.—Иконоборческая дѣятельность Льва.—Противодѣй-
 ствіе православныхъ.—Возрѣнія иконоборцевъ и иконо-
 почитателей по вопросу объ иконахъ.—Значеніе споровъ. 126—151

II. Господство иконоборства (741—775 г.).—Взглядъ на
 состояніе церкви при Константинѣ Копронимѣ.—Церковь
 въ первые годы царствованія Копронима.—Левселенскій
 соборъ 754 года.—Свѣдѣнія о немъ.—Вѣроопредѣленіе
 левселенскаго собора и его содержаніе: происхожденіе
 иконопочитанія отъ діавола (!); употребленіе иконъ Христа
 есть несторіанство, оно также есть монофизитство;—Евха-
 ристія — единственный образъ Христа;—причины почему не
 слѣдуетъ дѣлать иконъ Богоматери и святыхъ;—доказа-
 тельства противъ иконопочитанія изъ свящ. писанія и
 церковнаго преданія.—Прещенія и анаематствованія.—
 Защита иконоборцами почитанія Богоматери и святыхъ —
 Уничтоженіе религіозной живописи.—Истребленіе св. мо-
 щей.—Дерзновеніе монаховъ.—Гоненіе на монаховъ.—
 Михайлъ «драконъ».—Иконоборческая присяга.—Право-
 славіе въ иныхъ странахъ . . . . . 152—172

III. Никейскій вселенскій VII-ый соборъ 787 года.—Пе-
 ремѣна дѣлъ къ лучшему.—Причины, условливавшія воз-
 можность торжества иконопочитанія.—Значеніе императрицы
 Ирины и ея дѣятельность въ пользу православія.—Необ-
 ходимость созванія вселенскаго собора: патриархи Павелъ
 и Тарасій.—Несостоявшійся соборъ вселенскій въ Констан-
 тинополѣ.—Открытіе собора вселенскаго въ Никеѣ и со-
 ставъ его.—Возсоединеніе съ церковью на соборѣ еписко-

повъ иконоборцевъ: три класса ихъ.—Разсужденія собора по вопросу объ иконопочитаніи: польза иконопочитанія; отношеніе искусства къ религіи христіанской; уясненіе истиннаго понятія о почитаніи св. иконъ; результатъ.—Судъ надъ иконоборчествомъ вообще.—Разборъ въроопредѣленія лже-вселенскаго собора Копронимова.—Православное въроопредѣленіе, провозглашеніе и утверженіе его.—Похвальная рѣчь собору. . . . . 173—205

IV. Послѣднія времена иконоборства.—Императоръ Левъ Армянинъ.—Причина его иконоборствованія;—коронація;—Іоаннь Граматикъ;—императоръ и патріархъ Никифоръ;—торжественная бесѣда иконопочитателей съ императоромъ;—требованіе молчанія для стороны православныхъ и Феодоръ Студитъ;—новый патріархъ иконоборецъ;—соборъ иконоборческій;—противодѣйствіе Феодора Студита;—гоненіе на православныхъ;—крайности преслѣдованія.—Императоръ Михаилъ Косноязычный.—Надежды православныхъ;—неуваженіе ходатайства православныхъ въ пользу иконопочитанія;—посланіе на западъ; гоненіе на православныхъ.—Императоръ Теофилъ. Его религіозный характеръ;—гоненія.—Императрица Феодора.—Условія благопріятствующія возстановленію иконъ;—соборъ для возстановленія ихъ;—недѣля православія.—Мысли Феодора Студита объ иконопочитаніи;—заключеніе. . . . . 206—228

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ «ИСТОРИИ ВСЕЛЕНСКИХЪ СОБОРОВЪ».

- I. Первый Никейскій соборъ по тексту Коптскому . . . 231—245
- II. Константинопольскій соборъ 448 года, противъ Евтихіа. (Разсказъ—на основаніи актовъ IV-го вселенскаго собора) . . . . . 246—265
- III. Соборъ Разбойничій 449 года, руководимый Діоскоромъ. (Разсказъ—на основаніи актовъ того же IV вселенскаго собора) . . . . . 266—286
- IV. Соборъ Разбойничій 449 года, въ Сирскомъ текстѣ. 287—296
- V. Халкидонскій IV вселенскій соборъ 451 года (Разсказъ—на основаніи актовъ этого собора) . . . . . 297—332

Соборъ Халкидонскій четвертый вселенскій восторжествовалъ надъ ересью монофизитскою; для всѣхъ стало очевиднымъ, чѣмъ отличается истина православія отъ ереси монофизитской, которая также выдавала себя за истину. Но это не значитъ, чтобы по окончаніи собора Халкидонскаго не стало болѣе еретиковъ монофизитовъ въ восточной Церкви. Въ умахъ многихъ монофизитство пустило такіе глубокіе корни, что ихъ не могъ истребить и соборъ Халкидонскій. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще продолжали храниться преданія собора разбойничьяго 449 года. Что дѣйствительно было такъ на самомъ дѣлѣ, это показали беспорядки, нестроенія и даже открытыя возмущенія въ разныхъ церквахъ, какими встрѣчены были догматическія опредѣленія Халкидонскаго собора, тотчасъ по его окончаніи.

Первымъ мѣстомъ на Востокѣ, гдѣ Халкидонскій соборъ встрѣтилъ себѣ сопротивленіе, была церковь Палестинская. Сюда пробрался одинъ изъ александрійскихъ монаховъ Θεодосій, который былъ въ Халкидонѣ во время дѣятельности здѣсь собора; съ нимъ явились въ Палестину и другіе монахи, также бывшіе свидѣтелями торжества православія въ Халкидонѣ; они то и посѣяли первыя сѣмена раздора въ Церкви іерусалимской ¹⁾. Упомянутый нами Θεодосій былъ человѣкъ въ высшей степени недостойный. Еще ранѣе этого времени, онъ какъ злодѣй былъ изгнанъ изъ монастыря, былъ самымъ Диоскоромъ за преступленія наказанъ розгами

---

¹⁾ Евагрій. Церк. Истор. кн. 2. гл. 5. Дѣян. Всел. соб. т. IV, стр. 410. Изд. 1-ое.

и въ посрамленіе возимъ на ослѣ по городу ²⁾). Лишь только Θεодосій и другіе монахи прибыли изъ Халкидона въ Палестину, какъ начали разглашать здѣсь самыя нелѣпыя клеветы противъ собора: они начали утверждать, что соборъ искажилъ вѣру, что онъ училъ почитать во Христѣ двухъ сыновъ, допустилъ во Христѣ два лица, какъ дѣлали несторіане, и что онъ провозгласилъ вѣру отличную отъ той, какую заключили отцы въ символахъ (Дѣян. IV, 411. 437). Главными приверженцами Θεодосія въ его противленіи собору сдѣлались несвѣдущіе монахи, въ палестинскихъ пустыняхъ ³⁾). Такихъ монаховъ собралось около него до 10,000 ⁴⁾). Подъ предводительствомъ Θεодосія они начали открытое возмущеніе. Монахи, оставивши свои монастыри и пустыни, составили толпу подъ предводительствомъ Θεодосія, напали на Іерусалимъ, производили здѣсь пожары, убійства, отворили темницы, заперлись въ городѣ. Такъ какъ ихъ цѣль состояла въ провозглашеніи монофизитства, то они требовали отъ всѣхъ въ Іерусалимѣ и окрестностяхъ, чтобы соглашались съ ихъ ученіемъ, возгласами и подвигами, анаеѣматствовали Халкидонскій соборъ, папу Льва и всѣхъ членовъ собора Халкидонскаго (Дѣян. IV, 411. 423). Θεодосій провозгласилъ себя архіепископомъ іерусалимскимъ. Истинный же архіепископъ іерусалимскій Ювеналій былъ лишенъ престола и удаленъ изъ города. Самая жизнь его подверглась опасности. Начались низверженія съ архіерейскихъ кафедръ и другихъ епископовъ Палестины. вмѣсто низверженныхъ возводились на кафедры сторонники монофизитовъ. Священническія мѣста занимались монахами приверженцами Θεодосія. Дерзкіе монофизиты осмѣливались даже на самыя убійства епископовъ; такъ отъ руки ихъ погибъ епископъ скиѣопольскій Северіанъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими епископами. Не довольствуясь убійствомъ православныхъ священниковъ, они еще позволяли себѣ ругаться надъ тѣлами убитыхъ. Такъ убивши одного діакона, они лишили его христіанскаго погребенія, владели его по

²⁾ Евагрій. Тамъ же.

³⁾ Евагрій. Тамъ же. Дѣян. IV, 411. 435.

⁴⁾ Гефеле въ „Исторіи соборовъ“ (В. II. S 545. Ausgabe 1856).

улицамъ и позорно издѣвались надъ нимъ (Дѣян. IV, 411. 412. 418. 419). Когда слухъ о такихъ дерзкихъ поступкахъ Θεодосія и его приверженцевъ достигъ до слуха императора Маркіана, онъ отправилъ противъ нихъ вооруженную силу. Боясь справедливаго мщенія за свои дерзости, Θεодосій и его сторонники покидаютъ Іерусалимъ, отправляются въ Синайскій монастырь, производя по дорогѣ новые безпорядки и разсѣвая сѣмяна монофизитскаго ученія. Достигнувъ Синайскаго монастыря, Θεодосій съ его соучастниками и здѣсь не оставался бездѣятельнымъ. Онъ нашелъ себѣ довѣріе у простодушныхъ монаховъ здѣшнихъ, клеветалъ на Халкидонскій соборъ и не безъ успѣха. Императоръ грамотами старался вразумить уловляемыхъ ересью Θεодосія синаитовъ, разъясняя имъ, кто такой былъ Θεодосій и что въ дѣйствительности сдѣлано соборомъ Халкидонскимъ; наконецъ просилъ всѣхъ содѣйствовать къ поимкѣ такого бунтовщика и нечестивца, какимъ былъ Θεодосій (Дѣян. IV, 412. 413. 441. 442). Съ другой стороны тотъ же императоръ помогаетъ истинному архіепископу іерусалимскому Ювеналію возвратиться на свою кафедру и водворить нарушенный порядокъ въ округѣ. Порядокъ былъ восстановленъ, но споры между монофизитами и православными не прекращались здѣсь. Иные изъ монофизитовъ доходили до такого ожесточенія, что хотѣли скорѣе принять смерть, чѣмъ уступить истинѣ. ¹⁾

Другую страну, гдѣ на самыхъ же первыхъ порахъ былъ отвергнутъ соборъ Халкидонскій и поднято знамя монофизитства, былъ Египетъ. Здѣсь монофизитство разразилось еще сильнѣе, еще бурнѣе, чѣмъ въ Палестинѣ, и это совершенно понятно. Не даромъ Діоскоръ, виновникъ разбойничьего собора, былъ александріецъ. Не одинъ онъ былъ въ Египтѣ мыслящимъ по-монофизитски; монахи, которыхъ привелъ съ собой Діоскоръ на соборъ разбойничій 449 года, и которые показывали себя жаркими исполнителями его воли, были первыми ревностными монофизитами въ Египтѣ. На самомъ соборѣ Халкидонскомъ 13 епископовъ египетскихъ

¹⁾ Евагрій. Кн. 2, гл. 5.

отказались подписать православное посланіе папы Льва подѣтъмъ предлогомъ, будто бы они не могли этого сдѣлать безъ соизволенія своего архіепископа. Понятно, что подобные епископы, возвратившись изъ Халкидона въ свое отечество, мало могли служить интересамъ собора Халкидонскаго. И въ самомъ дѣлѣ въ Египтѣ, тотчасъ же по заключеніи собора Халкидонскаго, обнаружались сильныя монофизитскія движенія. Эти движенія замѣчательны въ исторіи церковной: они впоследствии привели къ тому, что въ Египтѣ образовалась отдѣльная монофизитская церковь. Зерно бунтовавшихъ здѣсь противъ собора Халкидонскаго составляли, какъ и въ Палестинѣ, монахи въ Александріи и ея окрестностяхъ (Дѣян. IV, 409). Въ Египтѣ разнеслась нелѣпная молва, что соборъ Халкидонскій измѣнилъ древней вѣрѣ и ввелъ какую-то новую вѣру; заблуждающіеся упорствовали въ этой мысли и „накопляли зло ко злу“ (Дѣян. IV, 409—10. 415). Народъ александрійскій легко поддавался влиянію монофизитствующихъ; онъ по самой своей природѣ склоненъ былъ ко всякаго рода возмущеніямъ и безпорядкамъ. „Чернь всегда такова, что легко воспламеняется яростію и пользуется всякимъ поводомъ къ произведенію безпорядковъ, но преимущественно предъ всякою другою такова была именно чернь александрійская; она была многочисленна, состояла изъ людей грубыхъ и разноплеменныхъ, дерзкихъ и склонныхъ къ порывамъ. Всякій желающій, ухватившись за малѣйшій случай, могъ возбудить этотъ городъ къ народному возстанію, вести его и двигать куда угодно“¹⁾. Слѣдовательно александрійское народонаселеніе представляло удобную почву для развитія безпорядковъ по поводу собора Халкидонскаго, какъ скоро нашлись вожаки у него; а въ такихъ вожакахъ недостатка не было. Въ царствованіе Маркіана возмущеніе въ Египтѣ состояло въ слѣдующемъ: когда на соборѣ Халкидонскомъ низвергнуть былъ Діоскоръ, то на его мѣсто назначенъ былъ архіепископомъ александрійскимъ Протерій. Городъ раздѣлился; одни приняли Протерія, другіе, монофизитски настроенные,

1) Евагрій. Церк. ист. кн. 2, гл. 8.

и слышать не хотѣли о новомъ архипастырѣ, продолжали считать архіепископомъ Діоскора и даже требовали возвратить его на александрійскую кафедру. Возмущеніе выразилось въ томъ, что народъ, расположенный къ Діоскору, большими толпами отправился къ дому начальника города; когда отрядъ войска хотѣлъ остановить возмущеніе, мятежники начали бросать въ воиновъ камнями и обратили ихъ въ бѣгство. Обезсиленное множествомъ бунтовавшихъ, войско принуждено было запереться въ одномъ храмѣ, передѣланномъ изъ Сераписова капища, но народъ поджегъ зданіе и вопны сдѣлались добычею пламени. Префектъ города Флоръ далъ знать объ этомъ императору Маркіану, а самъ между тѣмъ закрылъ для бунтующаго народа театры, бани, и лишилъ его обычной даровой раздачи хлѣба. Императоръ прислалъ въ Александрію двѣ тысячи войска. Возмущеніе мало-по-малу потухло ¹⁾. Но не надолго. Смерть императора Маркіана (въ 457 г.) принята была египетскими монофизитами за благопріятный случай къ новому возмущенію противъ православнаго епископа александрійскаго Протерія и собора Халкидонскаго. Душею бунта былъ александрійскій пресвитеръ Тимоеей, прозывавшійся „неистовымъ“ (Дѣян. IV, 482; онъ назывался также *муръ*, что значитъ кошка). Онъ собралъ около себя нѣсколько епископовъ, которые подобно ему были проникнуты монофизитскими идеями; вошелъ въ связи со многими монахами, особенно изъ подгородныхъ, подобно ему отторгшимися отъ Церкви православной по поводу собора Халкидонскаго (Дѣян. IV, 469. 489), и началъ свои истинно-разбойническія дѣйствія. Тимоеей началъ съ того, что вмѣстѣ съ своими единомышленниками „анаематствовалъ Халкидонскій соборъ“, провозгласилъ низверженнымъ архіепископа Протерія, рукоположилъ себя при помощи двухъ епископовъ, сочувствующихъ ему, въ архіепископы Александріи. Затѣмъ открылся цѣлый рядъ церковныхъ и общественныхъ безпорядковъ въ Египтѣ. Тимоеей посвятилъ новыхъ епископовъ и клириковъ для церквей египетскихъ изъ числа лицъ ему

¹⁾ Евагріѣ. Кн. 2, гл. 5.

приверженныхъ. Протерій былъ убитъ: когда онъ въ видахъ безопасности скрылся въ крещальню, какія обыкновенно устраивались при храмахъ христіанъ въ древности, нѣсколько человекъ изъ партіи Тимоея напали на беззащитнаго святителя и умертвили, не принимая во вниманіе ни святости мѣста, такъ какъ христіанскія крещальни читли даже и варвары и люди самые жестокіе,—ни времени, такъ какъ убіеніе произошло въ праздникъ св. Пасхи; убійцы однакожь недовольствовались этимъ: „они влачили израненный трупъ по всѣмъ мѣстамъ города, безъ милосердія поражали ударами безчувственное тѣло, разсѣкли его на части и неудержались, наподобіе собакъ, кусать внутренности этого мужа; наконецъ предавши останки тѣла его огню, разсѣяли даже пепель его по вѣтру, превосходя въ свирѣпости всѣхъ дикихъ звѣрей“. Тимоеей, провозгласивши себя архіепископомъ, подбираетъ къ своимъ рукамъ церковныя имущества въ Александріи, лишаетъ церковнаго содержанія бѣдныхъ, пропитывавшихся отъ щедротъ Церкви, раздаетъ деньги своимъ единомышленникамъ. Онъ разсылаетъ своихъ приверженцевъ по другимъ городамъ для преслѣдованія епископовъ православныхъ. Онъ анаематствовалъ и Протерія и другихъ епископовъ, державшихся опредѣленій Халкидонскаго собора; къ ихъ анаематствованію присоединилъ и имя св. Кирилла александрійскаго. Но этого всего было мало для Тимоея, — онъ вычеркнулъ изъ церковныхъ диптиховъ (помянниковъ) имя Протерія и поставилъ вмѣсто него имя Діоскора. Православныхъ клириковъ, въ особенности посвященныхъ рукою Протерія, лишилъ мѣстъ, выгналъ изъ города, запретилъ своимъ приверженцамъ имѣть съ ними какое бы то ни было общеніе; положеніе изгнанныхъ и находящихся въ постоянномъ страхѣ за свою жизнь православныхъ клириковъ было поистинѣ печально, — они должны были „проводить жизнь боязливѣе зайцевъ и лягушекъ“ (Дѣян. IV, 462—475). Отъ разбойнической мести монофизитовъ не снались и „монастыри, издавна прославившіеся православною вѣрою, мужскіе и женскіе: онъ приказалъ ихъ разрушить“ (Дѣян. IV, 481). Свою злобу на православныхъ Тимоеей изливаетъ даже на предметы

бездушные, но напоминающіе о Протеріи и вообще православныхъ. Такъ самыя сѣдалища епископскія, на которыхъ возсѣдалъ Протерій, онъ приказалъ разломать и сжечь, а св. алтари въ церквахъ, если они были освящены Протеріемъ, велѣлъ измыть морскою водою, какъ оскверненные (Дѣян. IV. 487). Наконецъ обѣ партіи александрійской Церкви, православная и монофизитская, обратились къ императору Льву I (457—474 гг.), каждая прося себѣ защиты и покровительства (Дѣян. IV, 466—490 и д.) Императоръ Левъ, какъ человѣкъ расположенный къ Халкидонскому собору, сталъ на сторонѣ православныхъ, изгналъ Тимофея изъ Александріи въ бѣдный Пафлагонскій городъ Гангры ¹⁾. Этимъ и закончилась первоначальная оппозиція Египта въ отношеніи къ собору Халкидонскому.

Третьимъ мѣстомъ, гдѣ нашло себѣ благопріятный пріемъ монофизитство, была Сирія съ городомъ Антіохіей во главѣ. Нужно думать, что главнымъ виновникомъ отпаденія многихъ сирійцевъ отъ православія и непризнанія ими собора Халкидонскаго былъ архимандритъ Варсума, тотъ самый Варсума, который въ качествѣ ревностнаго монофизита вызванъ былъ по мысли Діоскора на соборъ разбойничій, для участія въ ономъ, и который еще до времени Халкидонскаго собора, по свидѣтельству отцовъ этого собора, производилъ безпорядки въ Сиріи, собравъ около себя цѣлыя тысячи родственныхъ ему по убѣжденіямъ монаховъ (Дѣян. IV, 63). Поэтому неудивительно, что здѣсь соборъ Халкидонскій не былъ встрѣченъ должнымъ сочувствіемъ. Это обнаружилось въ царствованіе Льва I, преемника Маркіана. Правителемъ Сиріи, по волѣ Льва, сдѣлался его родственникъ Зенонъ (впослѣдствіи императоръ). Въ свитѣ Зенона прибылъ въ Антіохію и нѣкто Петръ Фуллоуъ (что значить: сукноваль), священникъ отъ одной церкви въ Халкидонѣ. Будучи чело-вѣкомъ монофизитскихъ понятій, онъ нашелъ себѣ въ Антіохіи приверженцевъ; съ ними возсталъ противъ тогдашняго архиепископа антіохійскаго Мартирія, довелъ своимъ смутами его до того, что онъ отказался отъ самой кафедры

¹⁾ Евагріѣ, кн. 2, гл. 11.

антиохійской, сказавъ: „отрицаюся клира непокорнаго, на-
рода непослушнаго, церкви запятанной“. Открывшеюся
вакансією воспользовался Петръ и провозгласилъ себя архі-
епископомъ антиохійскимъ, въ чемъ ему содѣйствовалъ упо-
мянутый нами Зенонъ. Главнѣйшими дѣяніями Петра Фул-
лона было слѣдующее: онъ проповѣдывалъ, будто Сынъ Божій
страдалъ по божеству, а не по человѣчеству, подвергалъ
анаѳемѣ всѣхъ ему противящихся въ этомъ и наконецъ при-
казалъ прибавить къ богослужбной пѣсни *Трисвятому* слова:
„распныйся за ны“. Такая прибавка съ точки зрѣнія мо-
нофизитской была естественна и послѣдовательна; ибо если
Сынъ Божій страдалъ по божеству за насъ, какъ учили
монофизиты, то, вслѣдствіе единосущія лицъ Св. Троицы,
съ Сыномъ необходимо страдать должны были и Богъ Отецъ
и Духъ Святой, а эту мысль и выражала прибавка къ Три-
святому. Монофизитское правленіе Петра Фуллона церковію
антиохійскою было непродолжительно, — онъ былъ сосланъ
императоромъ въ ссылку¹⁾. Тѣмъ не менѣе Сирія сдѣлалась
гнѣздомъ монофизитства.

Наконецъ въ самой столичной Константинопольской Цер-
кви монофизитство не умерло, по окончаніи Халкидонскаго
собора, по временамъ оно заявляло о томъ, что закваска
его осталась и здѣсь. Самъ ересіархъ монофизитства Евти-
хій, какъ извѣстно, вышелъ изъ одного изъ константино-
польскихъ монастырей. Неудивительно, если, и по осужденіи
Евтихія, въ Константинополѣ обнаруживаются такъ или
иначе сѣмена того же заблужденія. Именно: нѣкоторые мо-
нахи константинопольскіе тотчасъ же по провозглашеніи
православія въ Халкидонѣ объявляютъ себя противъ этого
собора, пишутъ обширныя сочиненія въ защиту монофи-
зитства и противъ православія (Дѣян. IV. 430—31). Да и
позднѣе не переводятся монофизиты въ столицѣ²⁾. Нѣко-
торые изъ самыхъ императоровъ византійскихъ, своими ука-
зами и распоряженіями, частію прямо направленными къ
защитѣ монофизитства, частію безтактными, съ своей стороны

1) Феодоръ Чтець. Церковная исторія, изъ кн. 1, гл. 20—22.

2) Евагрій, кн. 3, гл. 5.

подливали масло въ огонь не только въ самой столицѣ, но и вообще на востокѣ. Такъ императоръ Василискъ (476—477 гг.) издаетъ окружную грамоту (энкиклионъ), которою анаеematствовался соборъ Халкидонскій и его дѣянiя; въ ней читаемъ: „что нарушило единенiе святыхъ Божiихъ церквей и миръ всего мiра, какъ-то сочиненiе Льва (папы) и все постановленное въ Халкидонѣ для опредѣленiя вѣры, въ каждой церкви, гдѣ будетъ найдено, повелѣвается всюду находящимся епископамъ предавать анаеemѣ и огню“ ¹⁾. Императоръ Зенонъ (477—491 гг.) выдаетъ грамоту единенiя (энотиконъ) и въ ней двусмысленно говоритъ о соборѣ Халкидонскомъ, напр. „кто же мыслилъ и мыслить что либо другое, противное вѣрѣ, постановленное на Халкидонскомъ соборѣ или на иномъ какомъ соборѣ, того анаеematствуемъ“ ²⁾. Императоръ Анастасiй (491—518 гг.) хочетъ ввести и въ константинопольской Церкви извѣстную монофизитскую прибавку къ *Трисвятому*: „распныйся за ны“, какъ это было въ Антиохiи ³⁾. Всѣ подобныя дѣйствiя императоровъ служили къ большому и большому распространенiю монофизитства на востокѣ.

---

¹⁾ Евагрiй, кн. 3, гл. 4.

²⁾ Евагрiй, кн. 3, гл. 14.

³⁾ Евагрiй, кн. 3, гл. 44.

Споръ о трехъ главахъ и пятый вселенскій соборъ.

I. Происхождение спора.

Отношеніе V вселенскаго собора къ III и IV вселенскимъ соборамъ.— Побужденія для императора Юстиніана къ осужденію трехъ главъ.— Содержаніе указа Юстиніанова съ осужденіемъ трехъ главъ.— Возникновеніе спора.— Возможность споровъ за Θεодора Мопсуестскаго и противъ него.— Возможность споровъ за Θεодорита Кирскаго и противъ него.— Возможность споровъ за Иву Едесскаго и противъ него.

Пятый вселенскій соборъ ¹⁾ не имѣетъ дѣла съ какими-либо новыми ересями, подобно вселенскимъ соборамъ предшествовавшимъ и послѣдующимъ. Его задача уже; его дѣятельность совпадаетъ съ дѣятельностію III и IV вселенскихъ соборовъ, потому что онъ имѣетъ въ виду частію монофизитовъ, частію несторіанъ, въ особенности первыхъ. Онъ разрѣшаетъ споръ о трехъ главахъ или трехъ лицахъ, уже умершихъ, но которыя своею предъидущею дѣятельностію и ученіемъ продолжали производить соблазнъ въ Церкви. Лица эти—Θеодоръ, епископъ Мопсуестскій, Θεодоритъ, епископъ Кирскій, Ива, епископъ Едесскій; всѣ они умерли въ V вѣкѣ. Они извѣстны были тѣмъ, что принимали прямое или не прямое, но все-таки рѣшительное участіе въ появленіи и развитіи ереси несторіанской и въ борьбѣ этой ереси противъ православія. Но несмотря на это, ни одинъ изъ нихъ не былъ осужденъ ни на соборѣ III вселенскомъ, на которомъ рѣшался вопросъ о несторіанскомъ ученіи, ни на соборѣ халкидонскомъ, которъ имѣлъ случай обсуждать образъ дѣятельности Θεодорита и

---

¹⁾ Исторія пятаго всеел. собора и нѣкоторыя свѣдѣнія для исторіи спора о трехъ главахъ изложены въ V томѣ *Дьявій вселенскихъ соборовъ*, переведенныхъ при Казанской Дух. Академіи. Мы будемъ пользоваться первымъ изданіемъ этого тома.

Ивы и отчасти вмѣлъ поводъ выразить свое сужденіе и о Ѳеодорѣ Мопсуестскомъ. Память объ этихъ трехъ лицахъ, какъ не вполне православныхъ, не исчезла и въ VI вѣкѣ, въ которомъ былъ V вселенскій соборъ. Больше всего о заблужденіяхъ этихъ мужей помнили монофизиты, враги Церкви. Выискивая случаи всячески вредить интересамъ православія, они разглашали, что Церковь держится ереси несторіанской, потому что она не осудила и не осуждаетъ Ѳеодора Мопсуестскаго, Ѳеодорита Кирскаго и Иву Едесскаго, — укоряли церковь въ скрытой приверженности къ несторіанству. „Еретики (монофизиты), по свидѣтельству одного современника, поносили священниковъ церкви, какъ послѣдователей Несторія“ (Дѣян. вс. соб. т. V, стр. 51). Въ особенности монофизиты нападали на IV вселенскій халкидонскій соборъ, столь имъ непріязненный, — такъ какъ на немъ было произнесено осужденіе на монофизитское ученіе, — нападали потому, что онъ не выразилъ осужденія противъ Ѳеодора, Ѳеодорита и Ивы и такимъ образомъ, какъ заключали монофизиты, выказалъ себя приверженцемъ ихъ возрѣній, близкихъ къ несторіанству. Такимъ образомъ хотя эти названные лица и давно уже сошли съ поприща историческаго, давно уже умерли, однакожь Церковь не могла забыть о нихъ; монофизиты напоминали ей о нихъ, ко вреду для достоинства и спокойствія церкви. Съ другой стороны и другіе еретики прошедшаго пятаго вѣка также сохраняли твердую память о Ѳеодорѣ, Ѳеодоритѣ и Ивѣ. Несторіанъ было много въ восточной Римской имперіи, между тѣмъ именными императорскими указами сочиненія Несторія изъяты были изъ публичнаго употребленія; при такихъ обстоятельствахъ для поддержанія и распространенія своей ереси несторіане прибѣгли къ такому средству: вмѣсто сочиненій Несторія они стали изучать и распространять сочиненія тѣхъ церковныхъ писателей, которые во всѣхъ или нѣкоторыхъ сочиненіяхъ проводили несторіанскія мысли, являлись приверженцами этой ереси, каковы именно и были — Ѳеодоръ, Ѳеодоритъ и Ива (Д. V, 31. 52). Это въ свою очередь безпокоило Церковь не менѣе того, какъ и нападки,

какія дѣлались монофизитами на православіе, по поводу этихъ трехъ лицъ.

Для того, чтобы отнять у однихъ (монофизитовъ) поводъ къ нападкамъ на церковь, у другихъ (несторіанъ) средства къ утверженію въ своей ереси, Церкви надлежало произвести свое осужденіе на Θεодора, Θεодорита и Иву за то, что ими написано и сдѣлано въ пользу несторіанства и вопреки интересамъ православія. За это-то дѣло и принимается Церковь, по внушенію тогдашняго императора Юстиніана. Дѣла церкви были предметомъ самыхъ ревностныхъ попеченій этого императора; въ этомъ отношеніи онъ былъ вторымъ Константиномъ Великимъ. За дѣлами церкви онъ готовъ былъ забывать свои прямыя обязанности государственный. Одною изъ пламеннѣйшихъ заботъ этого императора было возсоединить съ Церковію многочисленныхъ монофизитовъ, жившихъ въ имперіи византійской, и на единствѣ религіозномъ основать единство и прочность гражданскую, въ которыхъ нуждалось государство. Съ этою цѣлію императоръ принялъ на себя трудъ составить обширное богословское сочиненіе, въ которомъ онъ хотѣлъ доказать неправоту мнѣній монофизитскихъ и чистоту вѣры и убѣжденій церкви православной. Намѣренію этому однакожь не суждено было осуществиться; сочиненіе оставлено въ сторонѣ и приняты были другія средства въ видахъ возсоединенія монофизитовъ съ православными. При дворѣ императора находился въ числѣ приближенныхъ къ нему лицъ нѣкто Θεодоръ Аскида, архіепископъ Кесаріи Каппадокійской. Архіепископъ этотъ пользовался большимъ вліяніемъ на Юстиніана. Въ своихъ личныхъ дѣлахъ онъ началъ указывать императору другое, болѣе легкое и болѣе вѣрное средство къ цѣли, чѣмъ составленіе сочиненія, направленаго противъ монофизитовъ; онъ доказывалъ ему, что стоитъ только произнести анаѳематствованіе на Θεодора, Θεодорита и Иву ¹⁾, на которыхъ доселѣ не было произнесено

---

¹⁾ Θεодоръ Аскида былъ оригенистъ, т. е. послѣдователь церковнаго учителя III вѣка Оригена, заблуждавшагося въ ученіи о Троицѣ, происхожденіи душъ человѣческихъ, твореніи міра, искупленіи и проч. А такъ какъ Юстиніанъ велъ рѣшительную борьбу съ оригенизмомъ, то Θεодоръ,

осужденія, и изъ-за которыхъ монофизиты смотрятъ подозрительно на православіе и соборъ Халкидонскій, — и миръ церковный водворится; монофизиты охотно перейдутъ къ церкви, императоръ покроетъ себя вѣчною славою. Совѣтъ императору понравился ¹⁾. Были достаточныя основанія придавать полную важность такому совѣту. Въ самомъ дѣлѣ, въ 533 году при одномъ случаѣ одна изъ партій монофизитскихъ прямо заявляла, что главною причиною, почему монофизиты не хотятъ принимать соборъ Халкидонскій, состоитъ въ томъ, что на немъ Θεодоритъ и Ива признаны за православныхъ, несмотря на ихъ несторіанство ²⁾.

Руководясь внушеніями Θεодора Аскиды, которые столь согласовались съ его намѣреніемъ такъ или иначе обратить монофизитовъ въ православіе, съ другой стороны безъ сомнѣнія и имѣя въ виду отнять у несторіанъ средство къ распространенію своего лжеученія, Юстиніанъ издалъ указъ, около 544 года, которымъ онъ подвергалъ анаѳемѣ Θεодора Мопсуестскаго со всѣми его сочиненіями и ученіемъ, Θεодорита Кирскаго за его сочиненія, направленныя въ свое время противъ св. Кирилла Александрійскаго и III вселенскаго собора, Иву Едесскаго за его посланіе къ нѣкому Марію Персу, изъ котораго можно было видѣть несторіанскія склонности этого епископа. Указъ этотъ не дошелъ до насъ; въ какихъ именно выраженіяхъ Юстиніанъ осуждалъ этихъ трехъ главъ ³⁾, объ этомъ можно судить только по отрывкамъ изъ указа, какія сохранились у современниковъ. О Θεодорѣ въ этомъ указѣ говорилось: „если кто не анаѳематствуетъ Θεодора Мопсуестскаго и ученіе его, равно и тѣхъ, кто мудрствовалъ или мудрствуетъ подобно

чтобы пособить своей партіи, указывая Юстиніану на необходимость осужденія трехъ главъ, тѣмъ самымъ хотѣлъ отвлечь его вниманіе отъ оргенизма, направивъ оное въ другую сторону. — *Liberatus, Breviarium causae Nestorianorum et Eutychianorum. Cursus patrologiae, Lat. Series, tom. 68 p. 1049. Facundus, pro defensione trium capitulorum. Cursus patrologiae, Migne, Lat. Series, tom. 67, pag. 532 627.*

¹⁾ *Ibidem*, и еще Евагрій, церковн. исторія, кн. IV, гл. 38.

²⁾ Гефеле въ „Исторіи Соборовъ“ (Band 2, Ausg. 1856) стр. 777.

³⁾ Названіе *главъ* Θεодоръ, Θεодоритъ и Ива получили не потому, что они были главами ереси несторіанской (напр. Ива былъ очень мало замѣтное лицо въ несторіанскихъ движеніяхъ), а потому что въ указѣ Юстиніана каждому изъ нихъ посвящена была отдѣльная глава или параграфъ;

ему, тотъ анаѳема“¹⁾). Объ Ивѣ же говорилось такъ: „если кто нечестивое посланіе къ Марію, которое, говорятъ, составлено Ивою, считаетъ православнымъ, является защитникомъ оаго посланія и не подвергаетъ его анаѳемѣ, несмотря на то, что оно худо отзывается о св. Кириллѣ, порицаетъ 12 анаѳематствъ Кирилловыхъ (противъ Несторія), нападаетъ на первый Ефесскій (III всел.) соборъ, защищаетъ Несторія, хвалитъ Θεодора Мопсуестскаго, тотъ анаѳема“²⁾). Вѣроятно подобнымъ же образомъ, какъ объ Ивѣ, указъ отзывался о Θεодоритѣ Кирскомъ³⁾).

Указъ изданъ былъ Юстиніаномъ съ тѣмъ, чтобы его подписали и приняли всѣ представители церковной власти, и чтобы, такимъ образомъ, онъ получилъ общее церковное значеніе. Но это не такъ было легко сдѣлать, какъ представлялось Юстиніану. Указъ вызвалъ великое смятеніе и споры въ Церкви. Истинныя причины, которыя вызвали это смятеніе, эти споры, состояли въ томъ, что о каждомъ изъ названныхъ лицъ—Θеодорѣ, Θεодоритѣ и Ивѣ можно было дѣйствительно спорить: кто знакомъ былъ съ церковной исторіей прошедшаго пятаго вѣка, тотъ всегда могъ находить основанія для того, чтобы или соглашаться съ указомъ Юстиніана, осуждать Θεодора, Θεодорита и Иву, или защищать ихъ. И вотъ по изданіи указа Юстиніанова явились порицатели его, но нашлись и защитники; возгорѣлся споръ. Въ жизни и дѣятельности трехъ главъ и въ отношеніи Церкви къ нимъ легко можно было находить основанія для осужденія и неосужденія каждаго изъ нихъ. Исторія давала богатый матеріалъ и въ пользу и противъ трехъ главъ. Разсмотримъ, въ чемъ состоятъ эти основанія.

Θеодора Мопсуестскаго можно было осуждать, но съ другой стороны его можно было и защищать. Его можно было

такихъ главъ или параграфовъ, въ которыхъ говорилось объ этихъ лицахъ, было три; отсюда споръ происходилъ въ началѣ собственно о трехъ главахъ указа Юстиніанова, но вскорѣ этотъ первоначальный смыслъ выраженія: *три главы* потерялся и главами стали называть самыя лица Θεодора, Θεодорита и Ивы.

¹⁾ Facundus. Ibidem, p. 582.

²⁾ Facundus. Ibidem, p. 667.

³⁾ Что въ указѣ говорилось о всѣхъ трехъ лицахъ, это видно apud Facundum, p. 527.

осуждать: Θεодоръ былъ учителемъ еретика Несторія, если не въ собственномъ, то въ переносномъ смыслѣ, т.-е. Несторій несомнѣнно воспитался на сочиненіяхъ Θεодора и изъ нихъ усвоилъ еретическія убѣжденія. Ученіе Θεодора ничѣмъ существенно не отличалось отъ несторіанскаго. Онъ вооружался противъ церковнаго ученія, что отъ св. Маріи Дѣвы родился Богъ Слово; допускалъ, что между Богомъ Словомъ и человѣкомъ Христомъ во время земной жизни было единеніе не полное; онъ отличалъ въ лицѣ Богочеловѣка храмъ (человѣчество) отъ обитающаго въ немъ Бога, противился названію: Богородица, которое усвоила церковь св. Маріи Дѣвѣ и пр. ¹⁾. Церковь пятого вѣка, когда развилось и распространилось несторіанство, хорошо понимала сродство ученія Θεодора съ Несторіевымъ, и въ лицѣ того или другаго ея представителя произносила свое слово осужденія противъ сочиненій Θεодора. Св. Кириллъ, борецъ противъ Несторія, въ одномъ посланіи такъ отзывается о Θεодорѣ: „Θеодоръ былъ отцемъ зломыслия Несторіева; сочиненія его заключаютъ хуленія гораздо худшія Несторіевыхъ“ (Д. V. 132). Въ другомъ посланіи, писанномъ къ Акакію, епископу Мелитинскому, тотъ же Кириллъ такъ отзывается о Θεодорѣ: „нѣкоторые удивляются тому, что принадлежитъ Θεодору (написано Θεодоромъ) и что содержитъ въ себѣ конечно равную и даже гораздо болѣе худшую болѣзнь несчастія (чѣмъ Несторіева). Ибо не Θεодоръ былъ ученикомъ Несторія, но послѣдній былъ ученикомъ перваго; они какъ говорятъ одними устами, такъ и одинъ ядъ изрыгаютъ изъ своего сердца. Θεодоръ имѣлъ хульный языкъ и перо послушное ему“ (Д. V. 173). Въ посланіи къ самому императору Θεодосію младшему Кириллъ прямо называетъ Θεодора „отцемъ несчастія Несторіева“ (Д. V. 174), и старается вызвать императора принять мѣры противъ сочиненій Θεодора (Д. V, 133). Кириллъ кромѣ этого писалъ сочиненіе противъ заблужденій Θεодора, въ которомъ онъ не находитъ довольно словъ для изображенія и изобличенія

¹⁾ Подробнѣе объ ученіи Θεодора будетъ сказано при изложеніи исторіи V вѣ. собора. См. „исторію вѣ. собор.“ епископа Іоанна, стр. 147 — 149. Выпускъ первый, 1871 г. Москва.

лжеученій Θεодора. Здѣсь онъ между прочимъ писалъ: „*Θεοδωρὸς χυλὶτὴ τὰ μυστήρια τοῦ Χριστοῦ καὶ ὡς εἴη ἀπορρίπτει τὸν Θεὸν ὡς λόγος διὰ τὸ ὅτι αὐτὸς ὑπὲρ ἡμᾶς ἐκένεκεν τὸν ἑαυτοῦ πόρον. αὐτὸς μεγαλύνεται ὑπὲρ τὴν ἀκατάληκτον σοφίαν, ὡς εἰπὼν ἡμῶς ἐν τῷ ἱουδαϊσμῷ τῷ σωτῆρι πάντων: *ὁ ἀγαθὸς πόρος τῶν λίθων οὐκ ἐκείνη ἐστὶν ἐν σοί, ἀλλὰ ἐν τῷ χυλίτῃ*“ (Ιωάν. 10, 33). И въ другомъ мѣствъ: „*Ὁρῶσθε τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν καὶ φοβεσθε τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν διὰ τὸ ὅτι ὁ υἱὸς τοῦ ἀνθρώπου ἐρχεται ἐν νεφέλῃσιν καὶ ἐκείνη ἐστὶν ἐν σοί, ἀλλὰ ἐν τῷ χυλίτῃ*“ (Іер. 2, 12)! О невыносимое злословіе! о языкъ говорящій нечестіе противъ Бога и умъ крайне надмѣвающийся!“ И еще: „*ἀφραδίστες οἱ μεθυσμένοι ἀπὸ τοῦ οἴνου τοῦ ἑαυτοῦ; παύσατε τὸ ἐξυψῆσαι τὸν ὄρον τοῦ κεφαλῆς ὑμῶν καὶ λαλῆσαι ἐν τῷ Θεῷ ἀδικίαν (Πα. 74, 6)! Ὡς ἐκείνη ἐστὶν ἐν σοί, ἀλλὰ ἐν τῷ χυλίτῃ*“ (Д. V, 111—112. 117)? Св. Прокль архіепископъ Константинопольскій, съ своей стороны подобно Кириллу вступаетъ въ борьбу съ еретическими мнѣніями Θεодора Мопсуестскаго. Онъ составилъ сочиненіе, въ которомъ собралъ извлеченія изъ книгъ Θεодора, заключающія въ себѣ еретическія мнѣнія, и послалъ его въ Антиохійскій церковный округъ съ тѣмъ, чтобы эти мнѣнія были анаѳематствованы, при чемъ впрочемъ не было упомянуто самаго имени Θεодора (Д. V, 133). Въ то время рѣшительною борьбою съ мнѣніями Θεодора ознаменовываетъ себя епископъ Равула въ Едессѣ, въ Месопотаміи. Его ревность становится тѣмъ понятнѣе, когда возьмемъ во вниманіе, что Месопотамія сдѣлалась гнѣздомъ несторіанства, здѣсь осѣлились Несторіане, и начали переводить сочиненія Θεодора на сирскій, персидскій и армянскій языки. Равула, требуя Кириллова содѣйствія въ борьбѣ съ ученіемъ Θεодора, писалъ ему: „*какая то скрытая болѣзнь застарѣла на востокѣ, подобно неизлѣчимой ранѣ, источающая тѣло Церкви и весьма многимъ неизвѣстная, а у тѣхъ, которые какъ будто ревностны къ учености, тайно уважаемая, ибо епископъ Киликійскій Θεοδωρὸς, мужъ умѣющій убѣждать, иное говорилъ на трибуналѣ церкви и иныя козни на погибель изложилъ въ сочиненіяхъ*“ (Д. V, 137). Государственная власть временъ св. Кирилла также не оставалась безучастною зрительницею распространенія ученія и сочиненій Θεодора Мопсуестскаго: она вооружалась на нихъ*

препеченіями. Въ „Дѣяніяхъ“ пятого вселенскаго собора встрѣчаемъ два указа, которые изданы были Θεодосіемъ младшимъ противъ Θεодора, вмѣстѣ съ Несторіемъ ¹⁾. Въ одномъ указѣ этого императора читаемъ: „ученіе нечестиваго и развительнаго Θεодора (и Несторія) показалось намъ омерзительнымъ; подобнымъ образомъ и всѣ, кто слѣдуетъ его заблужденію и соглашается съ его нечестіемъ, справедливо и сами заслуживаютъ тоже названіе и облакаются срамомъ. Поэтому симъ нашимъ закономъ мы повелѣваемъ, чтобы тѣ, которые по всей землѣ находятся въ согласіи съ нечестивѣйшимъ и несостоятельнѣйшимъ ученіемъ Θεодора, огннѣ назывались симоніанами. Пусть никто не дерзаетъ читать или имѣть у себя или списывать святотатственныя книги, изложенныя Θεодоромъ (и Несторіемъ), противныя правому ученію и изложенію епископовъ, собравшихся въ Ефесѣ (на III вс. соборѣ). Надлежитъ, чтобы эти книги были отыскиваемы со всѣмъ тщаніемъ и найденныя были публично предъ всѣми сожигаемы“ (Д. V, 141—142). Въ томъ же родѣ полагаются угрозы и въ другомъ указѣ того же императора на ученіе и сочиненія Θεодора Мопсуестскаго (Д. V, 143—144). Почитатели Θεодора въ своемъ уваженіи къ этому лицу выходили изъ предѣловъ законности, къ соблазну для истинныхъ сыновъ церкви. Вотъ какой былъ случай въ городѣ Кирѣ, въ Антиохійскомъ патріархатѣ, въ царствованіе предшественника Юстиніанова Юстина. Распространилась молва, что епископъ города Кира Сергій совершилъ какое-то небывалое празднество въ честь Θεодора Мопсуестскаго и другихъ представителей несторіанства. Правительство было поражено неожиданностію такого извѣстія. Началось разслѣдованіе дѣла; слухъ подтвердился; епископъ Сергій былъ лишенъ своей кафедры (Д. V, 329—330; 353—355). Всѣ эти вышеизложенные нами факты, говорящіе не въ пользу Θεодора, могли быть обращаемы и дѣйствительно обращались какъ средство къ осужденію

¹⁾ Если только эти указы дѣйствительно изданы были во времена Θεодосія въ томъ видѣ, какъ они читаются въ Дѣяніяхъ V вс. собора, т.-е. если въ нихъ и прежде рядомъ съ именемъ Несторія стояло имя Θεодора, чего одвакожъ учевый Гефеле не признаетъ. В. II, стр. 779.

этого епископа, послѣ того какъ Юстиніанъ своимъ указомъ поднялъ вопросъ о Ѳеодорѣ. Въ этихъ фактахъ партія порицателей Ѳеодора находила богатый матеріалъ для осужденія и порицанія памяти Ѳеодора.

Но и партія защитниковъ Ѳеодора не оставалась ни при чемъ: въ ея распоряженіи также могли быть факты, которые давали достаточныя основанія для охраненія памяти Ѳеодора отъ порицаній и анафематствованія. Ѳеодоръ умеръ (428 г.) прежде третьяго вселенскаго собора (431 г.), на которомъ разсматривалось ученіе Несторія, родственное съ ученіемъ Ѳеодора. Такимъ образомъ хотя его идеи и были не православы, онъ умеръ, пребывая въ мирѣ съ св. церковію. Два вселенскіе собора III и IV, хотя имѣли нѣкоторые поводы выразить свое сужденіе о неправославіи Ѳеодора, однакожь не сдѣлали этого, какъ бы считая это незаконнымъ и неправильнымъ. Главный руководитель III всел. собора Кириллъ, конечно, хорошо зналъ родство идей Ѳеодора съ несторіевыми мнѣніями, однакожь вопроса о Ѳеодорѣ не поднималъ на соборѣ, быть можетъ потому, что Ѳеодора не было въ живыхъ въ это время. Когда на соборѣ III вселенскомъ былъ представленъ и прочтенъ символъ, выдаваемый за символъ Ѳеодора, хотя въ немъ были выраженія не совсѣмъ точныя въ догматическомъ отношеніи, отцы собора не произнесли осужденія на символъ ¹⁾. Это обстоятельство казалось защитникамъ Ѳеодора весьма благопріятнымъ для памяти его; соборъ, казалось, своимъ молчаніемъ ограждалъ отъ порицаній символъ Ѳеодоровъ. Въ выгодномъ для Ѳеодора свѣтѣ приверженцы его старались выставить 10-е дѣяніе Халкидонскаго собора, на которомъ разсматривалось дѣло Ивы Едесскаго, при чемъ на соборѣ былъ прочитанъ такой отзывъ о Ѳеодорѣ изъ посланія Ивы: „тиранъ нашего города (еп. Равула) подъ предлогомъ вѣры наказываетъ не только живыхъ, но и тѣхъ, которые давно отошли къ Богу. Одинъ изъ сихъ послѣднихъ есть блаженный Ѳеодоръ (Мопсуестскій), проповѣдникъ истины и учитель церкви, который не только при жизни своей обращалъ

¹⁾ Гефеле. Ibidem. стр. 190—191.

еретиковъ къ истинной вѣрѣ, но и послѣ смерти въ своихъ сочиненіяхъ оставилъ сынамъ церкви духовное оружіе. Его-то дерзнулъ онъ (Равула) открыто анаематствовать предъ церковію, его, который по ревности Божіей не только свой собственный городъ отъ заблужденія обратилъ къ истинѣ, но и отдаленныя церкви научилъ своимъ ученіемъ“ (Д. IV, 227—8). ¹⁾ Соборъ Халкидонскій, выслушивая эти хвалы Θεодору, ничего не сказалъ противъ нихъ. Это могло давать поводъ поклонникамъ Θεодора защищать его, какъ лицо, похваламъ котораго не счелъ долгомъ противорѣчить соборъ вселенскій. Подобные люди могли въ пользу Θεодора истолковать и то, что отъ Ивы соборъ Халкидонскій требовалъ произнести анаемему на Несторія, а ничуть не потребовалъ анаемемы на Θεодора, не смотря на сродство ученія обоихъ лицъ (Д. IV, 244). Это можно было истолковать такъ: соборъ Халкидонскій не считалъ законнымъ анаематствовать Θεодора. Но это еще не все, въ чемъ можно было находить опору для защиты Θεодора, изъ чего можно было видѣть, что церковь какбы еще охраняла память Θεодора отъ осужденія. Извѣстно было, что и цорикатели Θεодора изъ 4-го вѣка, каковы св. Кирилль, св. Прокль, императоръ Θεодосій младшій, падали память Θεодора. Въ то время, когда Кирилль и Прокль послѣ III вселенскаго собора начали борьбу противъ Θεодора и противъ его сочиненій, какъ зараженныхъ несторіанствомъ, появились и другіе борцы противъ тогоже Θεодора, но борцы неразумные, не разсудительные, которые въ своемъ противодѣйствіи Θεодору заходили такъ далеко, что даже и православныя мнѣнія его провозглашали еретическими; это были монахи и клирики изъ Арменіи и Персіи, зараженные монофизитствомъ ²⁾. Они обратились къ Проклу и самому императору съ прошеніемъ, въ которомъ энергически умоляли ихъ подвергнуть осужденію Θεодора: „просимъ, дабы было у васъ единство противъ Θεодора и святотатственныхъ главъ и мнѣній его и тѣхъ, которые думаютъ или

¹⁾ Дѣяній т. IV мы цитируемъ вездѣ по первому изданію его.

²⁾ Гефеле, стр. 269. Дѣян. V, 126.

учать подобному. Просимъ, чтобы чрезъ васъ осуждёнъ былъ по имени, еще прежде осужденный безъименно (т.-е. въ сочиненіи Прокла противъ Θεодора), болѣе Несторія святотатственный въ различномъ нечестіи Θεодоръ“ (Д. V, 130). Составители прошенія писали: „мы опредѣлили признать Θεодора уклоняющимся *во всемъ* отъ правоты догматовъ“ (Д. V, 128). Голосъ этихъ неразумныхъ противниковъ Θεодора, мыслившихъ монофизитски, заставилъ быть болѣе осторожными, болѣе мягкими въ отношеніи къ Θεодору прежнихъ жаркихъ порицателей его, именно Прокла и Кирилла. Къ этому присоединились и другія обстоятельства, которыя также требовали особенной осторожности отъ вождей православія въ образѣ дѣятельности противъ Θεодора. Мы имѣемъ въ виду указать высокое уваженіе, какимъ имя и сочиненія Θεодора пользовались въ цѣломъ обширномъ патріархатѣ Антиохійскомъ. Какъ оно было высоко и глубоко у Антиохійцевъ къ Θεодору, это видно изъ слѣдующихъ фактовъ. Антиохійская церковь, какъ скоро узнала, что Кириллъ и Проклъ поражаютъ проклятіемъ Θεодора, начала заступаться за честь этого представителя антиохійской богословской школы. Кириллу писали, что Θεодоръ во многомъ училъ согласно съ Аванасіемъ Великимъ, Василіемъ Великимъ, Григоріемъ Богословомъ, что если осуждать Θεодора, то придется осуждать и этихъ величайшихъ учителей церкви. Кириллъ узналъ, что церковь Антиохійская сильно заволновалась при извѣстіи объ анаематствованіи Θεодора; начались въ церковномъ Антиохійскомъ округѣ сходы христіанъ, на которыхъ народъ провозглашалъ: да умножится вѣра Θεодора! Такъ вѣруемъ, какъ Θεодоръ! (Д. V, 400—401). Этого мало: архіепископъ Антиохійскій Іоаннъ и епископы его округа собрались на соборъ, на которомъ положено было твердо стоять за Θεодора и ходатайствовать за него предъ Прокломъ и императоромъ Θεодосіемъ. Съ этою цѣлію соборъ составилъ слѣдующее защитительное за Θεодора письмо къ Проклу: „наши души поражены, что распространяются клеветы не только противъ живыхъ, но и противъ блаженнаго Θεодора, добрѣ отошедшаго отъ сей жизни, противъ Θεодора, который

45 лѣтъ блисталь своимъ ученіемъ, ниспровергая всякую ересь, который умеръ совершивши многія борьбы съ ересями и написавши 10,000 книгъ, который былъ въ уваженіи у священниковъ, царей и народовъ и считался у нихъ первымъ. Теперь же поднялось смятеніе не только между нами (епископамъ), но и между всѣмъ народомъ христіанскимъ; не проходитъ ни одного церковнаго праздника безъ замѣшательства, поднимаются возстанія противъ насъ самихъ, и все потому, что не хотятъ слышать, чтобы подвергались анаемѣ умершіе отцы¹⁾. Съ подобнымъ же сильнымъ письмомъ въ защиту Θεодора обращается соборъ Антиохійскій и къ Θεодосію младшему. Въ немъ между прочимъ говорилось: „священный императоръ, если найдется что либо темное въ сочиненіяхъ его (Θеодора) или другихъ лицъ, за это не слѣдуетъ порицать непременно. Кто жизнь свою окончилъ наилучшимъ образомъ, тѣмъ мы должны воздавать полную славу и судить о нихъ не на основаніи того, въ чемъ обвиняють ихъ. Да и возможно ли, чтобы учителя церкви, будучи людьми, избѣгли клеветы? Даже самое Евангеліе, и то еретики перетолковываютъ въ своихъ видахъ, извращая божественныя слова. Вотъ что говоримъ мы всѣ епископы антиохійскіе, собравшіеся на соборъ“²⁾. При такой ревности, съ какою отцы церкви антиохійской отстаивали Θεодора, представителямъ духовной и свѣтской власти въ имперіи ничего не оставалось дѣлать, какъ въ видахъ мира церковнаго уступить до извѣстной степени друзьямъ Θεодора по вопросу о немъ. Такъ именно и было. Кириллъ пишетъ къ Іоанну архіепископу антиохійскому, успокоиваетъ его относительно Θεодора, называетъ Θεодора „мужемъ удивительнымъ, пріобрѣтшимъ величайшую славу“, не одобряетъ тѣхъ, которые „вопіють противъ него, ненавидятъ его; онъ называетъ такихъ стремящимися неизвѣстно на кого и поражающими воздухъ“ (Дѣян. V, 168—9). Въ другомъ посланіи къ самому Проклу Кириллъ относится снисходительнѣе, кротче прежняго къ памяти Θεодора; прямо

---

1) Facundus, p. 709—710.

2) Facundus, p. 715.

высказывается противъ анаематствованія Θεодора. Вотъ что писалъ онъ къ Проклу: „самый третій вселенскій соборъ не подвергнулъ анаемѣ его, Θεодора, по имени для того, чтобы нѣкоторые, относящіеся съ уваженіемъ къ этому мужу, не отдѣлились отъ церкви. Благоразуміе въ этомъ есть прекрасное и мудрое дѣло, ибо еслибы онъ былъ въ живыхъ и благопріятствовалъ хуламъ Несторія или хотѣлъ бы подавать голосъ за то, что онъ написалъ, то онъ и въ собственномъ лицѣ подвергся бы анаемѣ. А такъ какъ онъ *отошелъ къ Богу*, то достаточно, какъ я думаю, чтобы только нелѣпо написанное имъ было отвергаемо тѣми, которые имѣютъ правыя мысли“ (Дѣян. V, 403). „Скройтесь вы сами, натягивающіе луки противъ праха, ибо нѣтъ того, кто обвиняется вами. Я уступаю тѣмъ, кто говоритъ, что грѣшно ругаться надъ умершими, хотябы они были мірскіе, и еще болѣе надъ тѣми, которые отошли отъ жизни въ епископскомъ санѣ“ (Дѣян. V, 170. 403). Съ своей стороны и Проклъ началъ иначе относиться къ вопросу объ осужденіи Θεодора. До насъ сохранились отрывки письма его къ Іоанну антиохійскому, въ которомъ онъ пишетъ: „когда я писалъ тебѣ, что должно анаематствовать Θεодора или кого-либо другаго изъ умершихъ уже? Когда я сообщалъ тебѣ, чтобы имена Θεодора и другихъ лицъ были анаематствованы? Они отошли къ Богу; излишне тѣхъ подвергать оскорбленію по смерти, на кого при жизни мы не возводили никакой вины“¹⁾. Императоръ Θεодосій издаетъ указъ, которымъ онъ въ свою очередь хочетъ оградить честь и имя Θεодора отъ проклятій. Этотъ указъ обращенъ къ Іоанну антиохійскому; призывая въ немъ всѣхъ къ миру и спокойствію, императоръ пишетъ: „пусть никто не осмѣливается предначинать что-либо противъ тѣхъ, которые скончались въ мирѣ съ церковію“²⁾.

Спорить такимъ образомъ о Θεодорѣ было возможно; противники Θεодора могли въ предшествующей исторіи указывать одни факты, а защитники другіе.

1) Facundus, 728.

2) Facundus, 717—718.

Не менѣе было возможности спорить за и противъ Θεодорита Кирскаго. Жизнь и дѣятельность его были исполнены тревоженій: его можно было съ одинаковымъ правомъ выставять и еретикомъ, и ревностнымъ православнымъ. Въ порицаніе Θεодорита могли указывать на слѣдующіе факты изъ исторіи его жизни. Предъ третьимъ вселенскимъ соборомъ, во время его и вскорѣ послѣ него, Θεодоритъ оставался приверженцемъ несторіанства ¹⁾. Приверженность его къ Несторію съ ясностію можно видѣть изъ нѣкоторыхъ писемъ его, писанныхъ къ разнымъ лицамъ и самому Несторію. Такъ въ письмѣ къ этому послѣднему онъ писалъ: „съ тѣмъ, что несправедливо и противозаконно совершенно было противъ твоей святости, я не позволю ссбѣ согласиться и тогда, если бы кто-нибудь отсѣкъ мнѣ обѣ руки“. Въ другомъ письмѣ къ одному никоидійскому епископу, Θεодоритъ говорить: „на осужденіе достопочтеннаго и святѣйшаго епископа Несторія, которое, говорятъ, сдѣлано, мы не должны давать согласія“. Въ письмѣ къ Александру епископу іерапольскому, также говорить: „я и прежде говорилъ твоей святости, что если ученіе господина моего достопочтеннаго и святѣйшаго епископа Несторія будетъ осуждено, я не буду имѣть общенія съ тѣми, которые это сдѣлають“. О своемъ отношеніи къ III вселенскому собору въ одномъ письмѣ Θεодоритъ объявляетъ: „я никакимъ образомъ не соглашаюсь на осужденіе Несторія, которое постановлено въ Ефесѣ“ (Дѣян. V, 448—449). Θεодоритъ, стоя на сторонѣ Несторія и раздѣляя, хотя и не до крайности, ученіе этого еретика, въ тоже время съ яростію нападалъ на главнаго борца противъ несторіанства — Кирилла Александрійскаго. Онъ разбиралъ знаменитое сочиненіе Кирилла — анаематизмы противъ Несторія и порицалъ Кирилла за его ученіе, считая его еретикомъ, послѣдователемъ Аполлинарія, который отрицалъ въ Богочеловѣкѣ Христѣ душу человѣческую и допускалъ страданіе Христа по божеству. Приводимъ нѣкоторые отрывки изъ полемики

¹⁾ А. Лебедева. Вселенск. соборы IV и V в., стр., 162—3. 192. С.П. 1896 г.

Θеодорита противъ Кирилла. „Мужъ (т.-е. Кириллъ), которому поручено пасти и ввѣрено такое стадо и повелѣно врачевать немощныхъ овецъ, не только самъ боленъ и весьма сильно, но и старался заразить болѣзнію и овецъ и хуже дикихъ звѣрей терзаетъ своихъ овецъ. Меня особенно сокрушаетъ то, что подъ именемъ и видомъ благочестія и состоя въ достоинствѣ пастыря, онъ изрыгаетъ еретическія и хульныя слова и возобновляетъ уничтоженное прежде пустое и вмѣстѣ нечестивое ученіе Аполлинарія“. Самаго Кирилла называетъ человѣкомъ „дерзкимъ, коварнымъ“, его ученіе нелѣпостію, сносами еретическихъ сѣмянъ (Дѣян. II, стр. 126—7; 139). При другомъ случаѣ, пиша въ защиту Θеодора Мопсуестскаго, котораго опровергалъ Кириллъ, Θеодоритъ порицалъ Кирилла, этого защитника истины, съ небольшою яростію. Онъ писалъ; „что воспламенило въ тебѣ, защитникъ истины, столько ревности, что ты такъ и столько высокопарничаешь противъ Θеодора и представляешь его нечестивѣйшимъ язычникомъ и вмѣстѣ іудеевъ и содомлянъ? Что новаго (еретическаго) сказалъ Θеодоръ, что ты забросалъ его столькими хулами, приказывая ему обуздывать языкъ, а самъ пустилъ его бѣжать безъ узды? Какою нескладною рѣчью, какъ съ похмѣлья, и сколько хуленій ты излилъ противъ него!“ (Дѣян. V, 148). Кириллъ въ свою очередь, опровергая возраженія, какія представлялъ Θеодоритъ противъ него, дѣлаетъ самыя строгіе отзывы о характерѣ и ученіи епископа кирскаго. Онъ писалъ противъ Θеодорита: „ты, который разверзаешь противъ насъ величественныя уста, ты утонченно созерцаешь таинство едва-едва въ бодрственномъ состояніи, какъ будто бы сквозь сонъ и въ опьянѣлости“. Кириллъ называетъ его „клеветникомъ, дерзкимъ, коварнымъ, блуждающимъ въ непотребныхъ умствованіяхъ“, и ученіе его „странными и противными истинѣ словами, безстыднымъ сопротивленіемъ слову Божію, извращеніемъ догматовъ истины (Дѣян. II. 131, 143, 145, 155); наконецъ прямо объявляетъ его послѣдователемъ Несторія: „ты усердный подражатель мерзости Несторія“ (Ibid. 184). Такимъ образомъ склонность Θеодорита къ несторіанству, его борьба съ Кирилломъ, против-

леніе его собору III вселенскому, и авторитетный отзывъ о немъ Кирилла давали сильное оружіе порицателямъ Θεодорита въ спорѣ о трехъ главахъ.

Но съ другой стороны не безъ оружія въ рукахъ оставались въ борьбѣ съ противниками Θεодорита и защитники его чести и памяти. Θεодорита съ полнымъ правомъ можно было отстаивать, какъ мужа послужившаго благу церкви и какъ приверженца православія. Θεодоритъ не остался навсегда слѣпымъ приверженцемъ Несторія; когда характеръ дѣятельности и ученія Кириллова выяснился для Θεодорита, онъ пересталъ враждебно относиться къ Кириллу и собору III вселенскому, воссоединился съ вселенскою церковію. Когда же начало развиваться монофизитство, онъ сдѣлался первою жертвою происковъ монофизитовъ; сдѣлался исповѣдникомъ за православіе, ибо соборъ разбойничій 449 года лишилъ Θεодорита епископскаго сана, а императоръ Θεодосій II сослалъ его въ ссылку¹⁾. Но важнѣйшимъ обстоятельствомъ, какимъ можно было пользоваться для защиты Θεодорита—должно было быть оправданіе Θεодорита на соборѣ Халкидонскомъ, IV вселенскомъ. Дѣло было такъ: Θεодоритъ на соборѣ разбойничьемъ лишенъ былъ епископства; соборъ Халкидонскій по прошенію Θεодорита, долженъ былъ пересмотрѣть этотъ приговоръ, что имъ и сдѣлано было въ 8-мъ днѣхъ. Лишь только явился Θεодоритъ на это засѣданіе, отцы потребовали: пусть Θεодоритъ тотчасъ анаематствуется Несторія. Θεодоритъ на это объявилъ, что пусть прочтутся документы, на основаніи которыхъ теперь разбирается его дѣло, и отцы увидятъ, что онъ не погрѣшаетъ въ вѣрѣ. Отцы снова повторили свое требованіе: „мы не хотимъ ничего читать, анаематствуй сейчасъ Несторія“. Тогда Θεодоритъ сказалъ: „я и воспитался между православными и наученъ православно и проповѣдывалъ православно, и не только Несторія и Евтихія, но и всякаго человѣка, не право мудрствующаго, отвращаюсь и считаю отлученнымъ“. Но отцы не удовлетворились такимъ объясненіемъ и говорили: „ясно скажи: анаеема Несторію

¹⁾ Гефеле. В. II, S. 782.

и ученію его, анаѣема Несторію и друзьямъ его!“ Θεодоритъ продолжалъ уклоняться отъ такого рѣшительнаго анаѣематствованія на Несторія. Епископы снова восклицали: „скажи ясно: анаѣема Несторію и одинаково съ нимъ думающимъ“. Θεодоритъ, вмѣсто исполненія требованій, заявилъ, что онъ изложитъ сначала, какъ именно онъ вѣруетъ. Отцы прервали его снова, восклицая съ негодованіемъ: онъ еретикъ, несторіанинъ, вонъ еретика. Теперь Θεодоритъ безъ всякихъ уклоненій ясно и выразительно произноситъ анаѣему на Несторія: „анаѣема Несторію и тому, кто не признаетъ св. Дѣву Марію Богородицею, и тому, кто единого и единороднаго Сына раздѣляетъ на двухъ сыновъ. Такъ я мудрствую!“ При этомъ Θεодоритъ заявилъ, что онъ принимаетъ догматическое посланіе папы Льва. Соборъ единодушно призналъ его оправданнымъ. Отцы восклицали: „Θεодоритъ достоинъ престола, православный учитель да приметъ церковь, Θεодориту епископу пусть будетъ возвращена церковь“ (Дѣян. IV, 179—181). Изъ этого изслѣдованія дѣла Θεодоритова, какое происходило на соборѣ Халкидонскомъ, видно, что отцы собора встрѣтили Θεодорита подозрительно, считая его тайнымъ несторіаниномъ, что Θεодоритъ не вдругъ произнесъ анаѣему на Несторія, а колебался и тѣмъ доказывалъ, что подозрѣнія собора относительно его личности не напрасны (этимъ могли пользоваться во вредъ Θεодорита противники его), но что наконецъ истина взяла верхъ въ душѣ Θεодорита надъ всякою склонностію къ ереси, какъ и признали это отцы собора (а это было вѣрнымъ ручательствомъ, которымъ могущественно могли пользоваться въ своихъ интересахъ защитники этого епископа). Защитники Θεодорита, принимая во вниманіе приговоръ собора Халкидонскаго надъ нимъ, могли указывать на осужденіе Θεодорита, какого требовалъ указъ Юстиніана, какъ на прямое сопротивленіе этому собору, какъ на стремленіе поколебать авторитетъ его, какъ на вредную попытку перемѣнить уже рѣшенное голосомъ всей церкви. Притомъ въ пользу Θεодорита современники Юстиніана съ правомъ могли указывать на то, что онъ своими богословскими сочиненіями слишкомъ много послу-

жилъ церкви, чтобы осуждать его за немногія сочиненія, написанныя имъ не въ пользу православія, и что онъ умеръ въ мирѣ съ церковію. Слѣдовательно и о Θεодоритѣ спорить было можно: церковь знала за нимъ не мало непохвальнаго; но знала и много похвальнаго.

Третье лицо, о которомъ поднимается споръ въ церкви, по изданіи указа Юстиніанова, содержащаго въ себѣ осужденіе трехъ главъ, былъ Ива епископъ едесскій. Его жизнь давала много доказательствъ и въ пользу его несторіанства и въ пользу его православія. Вскорѣ послѣ собора III вселенскаго, сдѣлавшись епископомъ едесскимъ, Ива сталъ извѣстенъ, какъ приверженецъ мнѣній Несторія, старался о переводѣ сочиненій несторіанскихъ на сирскій языкъ и приносилъ явный вредъ церкви, въ чемъ и былъ укоряемъ Прокломъ (Дѣян. V, 182. 232). Кромѣ того собирались два помѣстные собора для разсмотрѣнія между прочими преступленіями Ивы и еретическихъ несторіанскихъ его воззрѣній, въ Беритѣ и Тирѣ (около 448 г.). На соборѣ въ Беритѣ на него донесено было, что онъ несторіанинъ и св. Кирилла называлъ еретикомъ (Дѣян. IV, 211). Здѣсь же одинъ изъ обвинителей рассказывалъ слѣдующее о нечестивыхъ мнѣніяхъ Ивы: „есть обычай въ св. Церкви, по которому Ива въ день Пасхи или за день раздаеть клирикамъ собственноручно кое-что для праздника. Намѣреваясь дѣлать это, онъ прежде бесѣдуетъ и такимъ образомъ раздаеть. Онъ бесѣдовалъ предъ всѣми клириками, присутствовавшими для принятія того, что раздаеться для праздника. Произнося бесѣду, онъ сказалъ: „не завидую Христу, сдѣлавшемуся Богомъ, ибо насколько сдѣлался Онъ, сдѣлался и я“. Чтобы понять это изреченіе въ настоящемъ смыслѣ, нужно принять во вниманіе, что, если Ива мыслилъ несторіански, то могъ сказать эти слова, основываясь на ученіи о раздѣленіи во Христѣ двухъ естествъ (Дѣян. IV, 214—215). На соборѣ въ Тирѣ онъ обвинялся, какъ мыслящій неправо, учащій иному вопреки ученію благочестія, т. е. по несторіански (Дѣян. IV, 188). Подобныя обвиненія, какія возводились на Иву въ его время, должны были выставлять его, какъ человѣка подозрительнаго по отношенію къ ученію

вѣры. Но однакожь ни соборъ въ Беритѣ, ни соборъ въ Тирѣ не объявилъ его еретикомъ. На первомъ соборѣ, когда его обвиняли въ томъ, что онъ называлъ Кирилла еретикомъ, Ива сознался, что онъ дѣйствительно называлъ его еретикомъ, но только тогда, когда еще не произошло примиренія между нимъ (Кирилломъ) и Іоанномъ архіепископомъ антиохійскимъ (по поводу осужденія Несторія); когда же Кириллъ и Іоаннъ, въ вѣдомствѣ котораго жилъ Ива, примирились между собою и первый истолковалъ свои анаѳематизмы, соблазнявшіе епископовъ антиохійскаго округа, мы, заявилъ Ива, были во взаимной перепискѣ съ Кирилломъ и общеніи съ нимъ (Дѣян. IV, 220—221). Что касается до обвиненія, какое возвозилось на Иву на томъ же соборѣ, что будто онъ публично въ проповѣди говорилъ: „я не завидую Христу“ и пр., то Ива рѣшительно отвергалъ силу этого обвиненія. На соборѣ онъ говорилъ: „анаѳема говорящему это и клеветующему; ибо я это не говорилъ. Нѣтъ, я дозволю разсѣчь себя десять тысячъ разъ, чѣмъ сказать эти слова; мнѣ даже не думалось этого“ (Дѣян. IV, 214). На соборѣ въ Тирѣ Ива также защищалъ себя противъ обвиненій въ неправославіи и не безъ успѣха. Соборъ удовлетворился его объясненіями, именно когда онъ торжественно обѣщался въ своей едесской церкви проклясть Несторія и тѣхъ, кои увлекались его сочиненіями или его словами, когда объяснилъ, что онъ подобно Іоанну антиохійскому примирился съ теченіемъ времени съ Кирилломъ и считаетъ III вселенскій соборъ соборомъ, движимымъ отъ Духа Святаго и равнымъ съ Никейскимъ I вселенскимъ соборомъ (Дѣян. IV, 189). Однако дѣло о чистотѣ вѣры епископа Ивы на этомъ не окончилось. Обвинителями его оно было перенесено на соборъ Ефесскій 449 года или разбойничій, гдѣ исканія обвинителей увѣнчались успѣхомъ. Ива былъ лишенъ епископства, разумѣется потому, что соборъ этотъ призналъ его мыслящимъ по несторіански. Окончательный судъ по дѣлу Ивы постановленъ былъ уже на соборѣ Халкидонскомъ въ 9 и 10 его засѣданіи. Приговоръ собора разбойничьяго касательно Ивы признанъ здѣсь не имѣющимъ никакой силы и значенія (Дѣян. IV, 193—4;

236—7). Для того, чтобы испытать степень православія Ивы, Халкидонскій соборъ потребовалъ отъ него, чтобы онъ проклялъ Несторія и Евтихія, что Ива и исполнилъ съ готовностію и полною искренностію. Халкидонскіе отцы говорили ему: пусть онъ анаеematствуетъ Несторія и Евтихія и ихъ ученіе. Ива отвѣчалъ: „я уже письменно анаеematствовалъ Несторія и его ученіе и нынѣ анаеematствую его десять тысячъ разъ. Ибо что однажды сдѣлано въ удовлетвореніе (собора), то хотя бы дѣлалось десять тысячъ разъ, не причиняетъ скорби. Анаеема и самому Несторію и Евтихію. Анаеematствую и всякаго, кто мудрствуетъ не такъ, какъ мудрствуетъ этотъ святой соборъ“ (Дѣян. IV, 245). Кромя того на соборѣ Халкидонскомъ прочитано было заявленіе клириковъ едесской церкви, что Ива былъ православенъ. „Да будемъ мы прокляты, писали они, если мы знаемъ, что Ивою сказано было нѣчто противное каеолической вѣрѣ“ (Дѣян. IV, 230—231). Послѣ этого Ива, какъ мужъ неподозрительный въ отношеніи къ православію, былъ возстановленъ въ своемъ епископскомъ достоинствѣ.

Всѣ эти, изложенные нами, факты касательно Ивы могли давать пищу для неодинаковыхъ сужденій о немъ; съ одной стороны было несомнѣнно, что было время, когда Ива подобно Θεодориту являлся противникомъ Кирилла и III вселенскаго собора; но съ другой стороны не могло быть сомнѣній и въ томъ, что Ива свои заблужденія очистилъ исправленіемъ себя и объявленъ человѣкомъ мыслящимъ правильно отъ самаго Халкидонскаго собора. Если обращали болѣе вниманія на первый періодъ его жизни и на показанія его обвинителей, то могли осуждать его; если же болѣе обращали вниманія на второй періодъ его жизни и на приговоръ о немъ Халкидонскаго собора, могли оправдывать и защищать его. Значить спорить и объ Ивѣ было можно. Впрочемъ всѣ эти факты могли имѣть только второстепенное значеніе въ спорѣ объ Ивѣ. Главнымъ предметомъ спора по поводу Ивы было его *посланіе къ Марію Персу*¹⁾. Это посланіе въ числѣ доказательствъ несторіанскихъ воззрѣній

¹⁾ Епископъ Гардаширскій въ Персіи.

Ивы было представляемо обвинителями этого епископа и ~~ранѣ~~ IV вселенскаго собора, было читано и на Халкидонскомъ соборѣ. Писаніе это было такого содержанія, что на немъ можно было постронивать и обвиненіе противъ Ивы и защиту его. Первая ~~половина~~ посланія прямо и рѣшительно говорила противъ Ивы, во вредъ ему. Здѣсь 1) Кириллъ порицался самымъ недостойнымъ образомъ; онъ описывался смутотворцемъ и еретикомъ. Ива писалъ: „произошелъ споръ между двумя чловѣками — Несторіемъ и Кирилломъ. Они написали одинъ противъ другаго пагубныя книги. Ибо Несторій сказалъ въ своихъ книгахъ, что блаженная Марія не есть Богородица, такъ что многіе думали, что онъ былъ послѣдователь Павла Самосатскаго (еретикъ III в.), который говорилъ, что Христосъ былъ чистый чловѣкъ. А Кириллъ, желая опровергнуть книги Несторія, погрѣшилъ и оказался впавшимъ въ ученіе Аполлинарія. Ибо онъ говорилъ подобно ему, что самъ Богъ Слово сдѣлался чловѣкомъ, такъ что не было различія между храмомъ, т.-е. чловѣчествомъ Христа, и Обитающимъ въ немъ, т.-е. Божествомъ. Онъ написалъ двѣнадцать главъ о томъ, что естество божества и чловѣчества Господа нашего Іисуса Христа одно. Это полно всякаго нечестія“ (Д. IV, 225; V, 233). 2) О соборѣ Ефесскомъ третьемъ вселенскомъ письмо отзывается съ неуваженіемъ; дѣятельность его оно считаетъ выраженіемъ личныхъ происковъ Кирилла и причиною нескончаемыхъ волненій въ церкви. Ива писалъ: „вслѣдствіе преній положено было собраться въ Ефесъ и сообща разсудить о книгахъ Несторія и Кирилла. Но прежде чѣмъ всѣ епископы, которымъ повелѣно было собраться, прибыли въ Ефесъ, этотъ Кириллъ, предупредивъ, овладѣлъ слухомъ всѣхъ посредствомъ какой-то отравы, ослѣпляющей очи мудрыхъ. Онъ воспользовался ненавистію, какую питали къ Несторію, и безъ суда и слѣдствія низложилъ его. Отъ этого произошла великая скорбь; епископы были во враждѣ съ епископами и народы съ народами. Каждый преслѣдовалъ ближняго своего, какъ врага“ (Д. IV, 226—7. V, 234—5). 3) Въ своемъ письмѣ Ива превозноситъ Θεодора Мопсуестскаго, несмотря на его еретическія мнѣнія, такими

похвалами, какія были совершенно неумѣстны въ устахъ человѣка истинно православнаго, при чемъ порицаетъ тѣхъ, кто, стоя на точкѣ зрѣнія православія, осуждалъ сочиненія и ученіе Θεодора. Въ письмѣ читаемъ: „многіе, не имѣя предъ очами страха Божія, подъ предлогомъ ревности о церквахъ спѣшили привести въ дѣйствіе вражду, которую скрывали въ сердцахъ своихъ. Одинъ изъ таковыхъ есть тираннъ нашего города (т.-е. епископъ Равула). Онъ подъ предлогомъ вѣры не только наказываетъ живыхъ, но и тѣхъ, которые давно отошли къ Богу. Одинъ изъ сихъ послѣднихъ есть блаженный Θεодоръ, проповѣдникъ истины и учитель церкви, который не только при жизни своей обращалъ еретиковъ къ истинной вѣрѣ, но и послѣ смерти оставилъ сынамъ церкви духовное оружіе. Его-то, Θεодора, дерзнулъ онъ, на все дерзающій, открыто анаеematствовать предъ церковію, его, который по ревности Божіей не только свой собственный городъ отъ заблужденія обратилъ къ истинѣ, но и отдаленныя церкви научилъ своимъ ученіемъ. И о книгахъ его повсюду было произведено много изслѣдованій, не потому чтобы онъ были чужды истинной вѣры, но по причинѣ скрытой вражды, которую тотъ (Равула) имѣлъ противъ него за то, что онъ открыто обличалъ его на соборѣ“ (Д. IV, 227—8. V, 235). Таково содержаніе первой половины письма; вторая же половина письма могла быть обращена въ защиту Ивы. Въ ней говорится о томъ, что Ива съ сочувствіемъ относится къ примиренію, которое послѣ III вселенскаго собора состоялось между Кирилломъ, защитникомъ православнаго ученія, и Іоанномъ Антиохійскимъ (который ранѣе былъ сторонникомъ Несторія), и послѣ котораго наступаетъ въ церкви миръ и спокойствіе. Т.-е. вторая половина письма показываетъ, что Ива, если сначала и стоялъ на сторонѣ несторіанской, то впоследствии перешелъ на сторону православныхъ. Здѣсь онъ писалъ: „Богъ, всегда цекущійся о своей церкви, восхотѣлъ, чтобы сердце Кирилла умягчилось. Кириллъ и Іоаннъ вошли въ общеніе другъ съ другомъ; распря прекратилась; въ церкви водворился миръ. И въ церкви нѣтъ раскола, но миръ, какъ было прежде. Распря уже успокоилась и средостѣнне вражды

разрушено“ (Д. IV, 229; V, 236). Кроме того въ посланіи заключается хоть краткое, но ясное, противонесторіанское исповѣданіе вѣры, изъ котораго можно видѣть, что ученіе Ивы, по крайней мѣрѣ за познѣйшій періодъ его жизни, было чуждо подозрѣній. Онъ говоритъ, что онъ наученъ и утвержденъ божественнымъ ученіемъ, что „два естества, одна сила. одно лицо, которое есть одинъ Сынъ Господь нашъ Исусъ Христосъ“ (Д. IV, 226. Д. V, 234). Теперь, если судить объ Ивѣ на основаніи этого посланія, то можно было считать его заслуживающимъ порицанія и снисхожденія. И правду сказать, Ива за это посланіе болѣе заслуживалъ осужденія, чѣмъ снисхожденія, потому что и послѣ того какъ онъ перешелъ на сторону православныхъ, о чемъ говоритъ его посланіе, онъ однакожь позволяетъ себѣ выражаться о Кириллѣ и III вселенскомъ соборѣ въ тонѣ вражды. Какъ бы то ни было, соборъ Халкидонскій, принимая во вниманіе другія свидѣтельства чистоты вѣры Ивиной, какъ мы замѣтили выше, оправдалъ Иву. Но самое это оправданіе, когда поднялся во время Юстиніана вопросъ объ Ивѣ, сдѣлалось предметомъ не одинаковыхъ толкованій. Въ приговорѣ, который произнесли отцы халкидонскіе объ этомъ епископѣ, спорящія стороны находили опору для защиты и осужденія Ивы (Д. V, 247—9). Одни (защитники Ивы) находили, что отцы собора признали Иву православнымъ и самое его посланіе не предосудительнымъ; другіе (противники его) утверждали, что отцы собора не одобряли посланія Ивы и смотрѣли на Иву, какъ на раскаявшагося еретика, и только потому заслужившаго прощеніе собора. Основанія для такого разнорѣчія могли давать сужденія отцевъ Халкидонскаго собора. въ которыхъ они выразили свой приговоръ о немъ. Напримѣръ, папскіе легаты и Максимъ патріархъ Антиохійскій, повидимому безусловно признали Иву православнымъ; они говорили: „по прочтеніи хартіи. мы узнали изъ заявленій епископовъ, что Ива оказывается невиннымъ. Прочитавши его посланіе, мы узнали, что онъ православенъ“ (Д. IV, 240—241). Другіе отцы, произносившіе свой судъ надъ Ивою, иначе выразили свой приговоръ надъ нимъ, напр. Анатолій патріархъ Кон-

стантинопольскій и Ювеналій патріархъ Іерусалимскій. Они говорили (слова Ювеналія): „божественное писаніе повелѣваетъ принимать обращающихся изъ еретиковъ. Посему мы находимъ справедливымъ оказать милосердіе Ивѣ, который притомъ старъ, возвративъ ему, какъ православному, достоинство епископства. (Д. IV, *ibidem*). На основаніи этихъ не одинаковыхъ сужденій объ Ивѣ, защитникамъ его казалось необходимымъ защищать не только лицо Ивы отъ осужденія, но и самое его посланіе; осуждать посланіе, казалось имъ, значило посягать на авторитетъ IV вселенскаго собора. Наоборотъ, противники Ивы, обращая вниманіе на голоса Анатолія и Ювеналія, находили, что осужденіемъ посланія Ивина не только не наносится никакого оскорбленія IV всел. собору, а именно и дѣлается то, что сдѣлалъ самъ соборъ.

Изъ раскрытыхъ нами фактовъ касательно Теодора, Теодорита и Ивы открывается, что споръ о трехъ главахъ имѣлъ большой запасъ матеріала. Какъ скоро изданъ былъ указъ Юстиніана, споръ могъ возгорѣться и дѣйствительно возгорѣлся.

II. *Исторія спора о трехъ главахъ.*

Согласіе епископовъ Востока на обсужденіе трехъ главъ. — Первоначальное сопротивленіе церкви западной осужденію трехъ главъ: латинскіе духовные въ Константинополь, епископъ Африканскій Понтіанъ и его посланіе. — Римская церковь и посланіе къ ней Ферранда. — Стремленіе Юстиніана склонить папу Вигилія на осужденіе трехъ главъ, прибытіе папы въ Константинополь и поведеніе его здѣсь; папа склоняется къ осужденію трехъ главъ. — Дальнѣйшее сопротивленіе Западу осужденію трехъ главъ: диаконы Рустикъ и Севастіанъ, Африканскій и Иллирійскій соборы. — Факулдъ и изложеніе его сочиненія „въ защиту трехъ главъ“. — Новые мѣры Юстиніана къ достиженію согласія церкви на осужденіе трехъ главъ: соборъ Мопсуестскій 550 г., — религиозный указъ Юстиніана съ разборомъ возраженій объ осужденіи трехъ главъ. — Необходимость новаго вселенскаго собора.

Своему указу, изданному въ 554 году, въ которомъ произносилась анаѳема на лицо и сочиненія Θεодора мопсуестскаго, на нѣкоторыя сочиненія Θεодорита и письмо Ивы къ Марію Персу, императоръ Юстиніанъ хотѣлъ придать общецерковное значеніе. Съ этою цѣлью онъ потребовалъ, чтобы подъ нимъ подписались всѣ представители церковной власти — патріархи и епископы. Но этого достигнуть было не легко. Мысль о томъ, что подобнымъ осужденіемъ наносится оскорбленіе собору Халкидонскому и даже колеблется авторитетъ его, однихъ изъ епископовъ сдѣлала медлительными въ исполненіи императорскаго повелѣнія и желанія, другихъ — явными врагами указа.

Патріархи восточные сначала приняли указъ недовѣрчиво и колебались подписаться подъ нимъ, не только на короткое время. Впослѣдствіи они подписались и начали дѣйствовать единодушно съ императоромъ. Первое лицо, отъ котораго императоръ потребовалъ подписи указа, былъ патріархъ Константинопольскій Мина. Онъ подписался не вдругъ; онъ находилъ сначала, что осужденіе трехъ главъ, чего желалъ императоръ, грозитъ опасностью авторитету собора Халкидонскаго. Но потомъ онъ подписался на условіи, что

онъ признаетъ свою подпись недѣйствительною, если папа Римскій не согласится на подпись указа¹⁾. Другой восточный патріархъ Зоиль Александрійскій подписался подъ указомъ Юстиніана также не безъ колебаній и только послѣ понужденій со стороны Юстиніана²⁾. Третій патріархъ восточный Ефремъ Антиохійскій сначала объявилъ себя врагомъ указа Юстиніана, отказался отъ подписи его, и только опасность лишиться своей патріаршеской кафедры побудила его исполнить требованіе³⁾. Въ подобномъ же отношеніи находился къ указу при изданіи его и патріархъ Іерусалимскій Петръ. Онъ объявилъ предъ Іерусалимскими монахами, что кто подпишетъ указъ, тотъ врагъ Халкидонскаго собора. Но наконецъ и онъ согласился исполнить волю императора⁴⁾. За этими главами церкви такъ или иначе подписались и прочіе епископы Востока⁵⁾. Такимъ образомъ согласіе на осужденіе трехъ главъ на востокѣ императоромъ было приобрѣтено. Большая часть церкви поддержала, хотя и не безъ колебанія, волю Юстиніана.

Иначе отнеслась церковь западная къ указу. Западъ, какъ одинъ человекъ, поднялся на борьбу съ нимъ. Это противленіе своей волѣ императоръ встрѣтилъ прежде всего въ самомъ Константинополѣ отъ латинскихъ духовныхъ: апокрисиарій (повѣренный) папскій въ Константинополѣ Стефанъ по изданіи указа императорскаго прервалъ церковное общеніе съ патріархомъ Миною и запрещалъ другимъ имѣть общеніе съ нимъ, послѣ того какъ узналъ о подписи Миною указа. Противъ указа возсталъ и епископъ Дакій Медиоланскій, который былъ въ это время въ столицѣ востока⁶⁾.

---

1) Къ сожалѣнію, извѣстія о томъ, при какихъ условіяхъ подписались епископы восточные, сохранились въ свидѣльствахъ только западныхъ писателей, пристрастныхъ въ вопросѣ о трехъ главахъ; дѣйствительно ли такъ было дѣло, какъ представляютъ они — судить невозможно. — Facundus, pro defensione trium capitulorum, p. 625. Migne, Cursus patrol. Lat. series, tom. 67.

2) Facundus, ibidem, p. 626.

3) Facundus. Ibidem.

4) Facundus. Ibidem.

5) Liberatus, Breviarium causae Nestorianorum et Eutychianorum, p. 1049. Migne, Cursus part. ser. lat. tom. 68.

6) Facundus. Ibidem. 623. 624.

Но это было только начало сопротивления указу, которое нашло себѣ поддержку на всемъ западѣ. Съ особенною ревностью сопротивлялись осужденію трехъ главъ епископы африканскіе. Когда и отъ нихъ потребовали подписанія указа, они выказали себя рѣшительно противъ указа. Отъ лица епископовъ африканскихъ императору было написано посланіе епископомъ Понтіаномъ, въ которомъ онъ высказалъ свое несогласіе съ намѣреніемъ Юстиніана. Въ этомъ посланіи, послѣ привѣтственныхъ словъ императору, Понтіанъ писалъ: „изъ вашего послѣдняго указа мы узнали, и это насъ сильно смутило, что мы должны осудить Θεодора, сочиненія Θεодорита и письмо Ивы. Сочиненія ихъ намъ мало извѣстны. Если они дойдутъ до насъ и мы прочтемъ ихъ, а равно и другія сочиненія противныя правой вѣрѣ, то мы осудимъ ихъ, но не самихъ авторовъ, уже умершихъ. Еслибы они живы были доселѣ и не захотѣли осудить своихъ погрѣшностей, то только въ такомъ случаѣ они сами могли бы подлежать справедливому осужденію. Къ чему послужитъ осужденіе наше, если они не могутъ исправиться въ своихъ заблужденіяхъ? Боимся, государь, чтобы осужденіе ихъ не послужило въ пользу монофизитовъ; и какъ бы не желая пренебрегать небольшимъ, не придти къ большей ереси и затрудненіямъ. Да и къ чему намъ вести войну съ умершими? Они предъ лицомъ Судіи истиннаго, выше котораго нѣтъ другаго судіи. Оставь, государь, миръ церквамъ! Осуждая уже умершихъ, ты долженъ будешь наказывать и живыхъ за непослушаніе, и за нихъ дать отвѣтъ Тому, Кто придетъ судить живыхъ и умершихъ“¹⁾. Въ Римѣ указъ императора также встрѣтилъ сопротивленіе. Когда Римскому папѣ Вигилію сдѣлался извѣстнымъ указъ Юстиніана, онъ не подписался подъ нимъ, но вмѣсто того заставилъ двухъ своихъ діаконовъ (Целагія и Анатолія) освѣдомиться у африканскихъ епископовъ о томъ, какъ смотрятъ они на вопросъ объ осужденіи трехъ главъ. Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ ученый карагенскій діаконовъ Фульгенцій Феррандъ написалъ

¹⁾ Pontiani, epistola ad Iustinianum. Migne, cursus patr. L. series. tom. 67, p. 994—998.

посланіе въ Римъ, въ которомъ высказалъ свое несогласіе съ указомъ Юстиніана и которое сдѣлалось руководительнымъ для церкви Римской ¹⁾). Главныя мысли, которыя высказаны Феррандомъ въ его посланіи, слѣдующія: 1) согласиться съ указомъ Юстиніана значитъ нападать на авторитетъ собора Халкидонскаго. „Не должно отметать судъ, перемѣнять сужденія древнихъ отцевъ, которые собирались въ Халкидонѣ. Не долженъ соборъ, относительно котораго не было никакого сомнѣнія столь много лѣтъ, вдругъ терять свое уваженіе; опредѣленія его не могутъ оставаться твердыми, если затронуть хоть одну часть его и почтутъ достойною порицанія. Все, что утверждено на этомъ соборѣ, должно имѣть постоянно твердость. Если кто захочетъ поколебать одно въ соборѣ, тотъ колеблетъ всѣ его опредѣленія. Если въ опредѣленіяхъ вѣры этого собора какъ бы нѣкая вода сладкая истекла изъ устъ прежнихъ епископовъ, то какимъ образомъ возможно, чтобы изъ тѣхъ же самыхъ устъ по дѣлу Ивы епископа истекла не вода сладкая, а горчайшая желчи? Напрасно намъ стали бы говорить: отцы Халкидонскіе въ вѣрѣ были хороши, но худо сдѣлали, что приняли посланіе Ивы. Если одна часть соборной дѣятельности не одобряется кѣмъ-либо, грозитъ опасность, что будутъ не одобрять и весь соборъ. Апостолъ сказалъ: *малъ квасъ все смѣшеніе кваситъ* (1 Кор. 5, 6). Поэтому если въ цѣлой массѣ опредѣленій святоотеческихъ откроется хотя небольшая доля кислой смѣси, всю массу нужно будетъ признать вредною. Вотъ что одинъ епископъ города Юстиніаны Каррагенской, — говоритъ Феррандъ, — писалъ императору Θεодосію: „какъ въ дѣлахъ божественныхъ, такъ и свѣтскихъ ничто не будетъ удерживать своей крѣпости, если что-либо однажды должнымъ образомъ рѣшенное потомство возмечтаетъ исправлять“. И такъ какимъ образомъ снова будемъ обсуждать то, что уже обсуждено древле? Каждый обвинитель имѣетъ право на аппеляцію только тогда, когда можетъ обратиться къ высшему суду; но къ кому обратимся въ данномъ случаѣ? Гдѣ мы найдемъ выс-

¹⁾ Facundus, p. 624.

шихъ судей въ церкви? Изъ какихъ странъ или городовъ соберемъ мы епископовъ, которые были бы лучше прежнихъ епископовъ, которые имѣли бы власть исправлять приговоры предковъ? Скажу еще: если подвергаются укоризнамъ опредѣленія Халкидонскаго собора, то какъ бы не подвергся подобной опасности и соборъ Никейскій. Нужно помнить, что соборы вселенскіе занимаютъ по церковному авторитету второе мѣсто послѣ книгъ св. Писанія¹⁾. 2) Умершихъ осуждать не должно. „Что пользы вести борьбу уже съ умершими или производить смуты въ церкви изъ-за такихъ? Если чловѣкъ, будучи еще въ живыхъ, обвиненъ и осужденъ и прежде чѣмъ успѣлъ заслужить разрѣшеніе, взять отъ міра сего; то относительно такого чловѣка не можетъ быть сдѣлано разрѣшеніе никѣмъ. Если же кто обвинялся въ чемъ-либо и потомъ получилъ разрѣшеніе и въ мирѣ съ церковью отошелъ къ Богу, такого судъ чловѣческой не можетъ уже осуждать“²⁾. 3) Императоръ своимъ указомъ дѣлаетъ насиліе надъ совѣстью членовъ церкви. „Никто не можетъ навязывать своего мнѣнія другимъ иначе мыслящимъ. Конечно каждый можетъ въ видахъ утвержденія вѣры излагать письменно, что онъ думаетъ, но однако же не съ тѣмъ чтобы написанное имъ заставлятъ принимать другихъ. Сколь много святые и достославные учителя трудились въ проповѣдываніи слова, которыхъ самъ Господь чрезъ Духа мудрости и вѣдѣнія призвалъ къ наученію вѣрующихъ и къ борьбѣ съ еретиками, — но и они никогда не требовали подписи подъ своими книгами. Апостоль говоритъ: *пророки пусть говорятъ двое или трое, а прочіе пусть разсуждаютъ* (1 Кор. 14, 29). Но онъ нигдѣ не говоритъ: пусть подписываются, или пусть вынуждаются къ подписи. Онъ повелѣваетъ прилежно испытывать изреченное, чтобы по легковѣрью не впасть въ заблужденіе. Никто не принуждается сказанное кѣмъ-либо принимать наравнѣ съ изреченіями св. Писанія, но предоставляется разсужденію каждаго, что онъ приметъ, что отвергнетъ. Уже потому одному нѣтъ необходимости въ

¹⁾ Fulgentii Ferrandi epistola ad Pelagium et Anatolium diaconos urbis Romae, p. 922—926. Migne, Cursus patrol. Lat. ser. tom. 67.

²⁾ Ferrandi. Ibidem, p. 926.

подпискѣ сказаннаго кѣмъ-либо, что этимъ отнимается возможность впослѣдствіи мыслить иначе, хотя бы послѣ истина и открылась во всемъ свѣтѣ. Благочестивый изслѣдователь отыскиваетъ истину, но не спѣшитъ, чтобы отысканное имъ тотчасъ было принято другими, а еще самъ готовъ согласиться съ тѣми, кто лучше мыслить по данному вопросу¹⁾. Какъ принятъ былъ указъ Юстиніана въ Римѣ, такъ же, т.-е. враждебно, онъ былъ принятъ и въ другихъ мѣстахъ, напр. въ Элладѣ и Иллирикѣ²⁾.

Такимъ образомъ въ началѣ споръ о трехъ главахъ имѣлъ такое положеніе: восточная церковь приняла сторону императорскаго указа и согласилась на осужденіе трехъ главъ; напротивъ западная церковь заявила себя сопротивленіемъ желанію Юстиніана. Общецерковнаго значенія, какъ желалъ того императоръ, указъ не приобрѣлъ. Это побуждаетъ Юстиніана дѣйствовать рѣшительно въ отношеніи къ Западу. Такъ какъ во главѣ западныхъ епископовъ стоялъ римскій папа, какъ патріархъ западный, то императоръ и рѣшился всѣми мѣрами перетянуть его на свою сторону. Пока папа оставался вдали отъ столицы восточной, Константинополи, дѣйствовать на него въ интересахъ дѣла было не легко; поэтому императоръ вызвалъ тогдашняго папу Вигилія (547 г.) въ Константинополь³⁾. Но въ первое время и въ Константинополѣ папа показывалъ себя противникомъ осужденія трехъ главъ. Онъ позволилъ себѣ даже болѣе того. Обласканный при дворѣ Юстиніана, окруженный почестями, папа не только не думалъ согласиться на осужденіе трехъ главъ, но даже свое мнѣніе хотѣлъ навязать и всей восточной церкви. Поэтому, прибывши въ Константинополь, онъ отлучилъ патріарха константинопольскаго Мину на четыре мѣсяца отъ церковнаго общенія за его согласіе на осужденіе трехъ

1) F. Ferrandi. Ibidem p. 926—7.

2) Facundus, p. 624.

3) Объ условіяхъ прибытія папы Вигилія въ Константинополь историческія извѣстія не одинаковы: хронографъ Теофанъ говоритъ, что папа потому прибылъ въ Константинополь, что Римъ былъ взятъ Готами (Theophanes, chronographia, p. 496. Migne, cursus patrol. graeca ser. tom. 108); Гефеле въ „исторіи соборовъ“ на основаніи писателя 9-го вѣка Анастасія бібліотекаря рассказываетъ трагическія обстоятельства, при которыхъ папа,

главъ; съ своей стороны Мина сдѣлалъ тоже самое съ Вигиліемъ ¹⁾). Неизвѣстно, какой оборотъ приняло бы дѣло, если бы папа оставался упоренъ въ своемъ мнѣніи по вопросу о трехъ главахъ. Но папа не могъ не уступить; отчасти по слабохарактерности, отчасти по влиянію на него двора, отчасти въ виду согласія восточныхъ епископовъ на осужденіе трехъ главъ, и самъ Вигилій согласился на осужденіе ихъ. Свое измѣнившееся мнѣніе онъ высказалъ въ обнародованномъ имъ документѣ, гдѣ онъ совершенно соглашался съ волею Юстиніана и рѣшеніемъ церкви восточной, осудилъ Θεодора за его ученіе и сочиненія, Θεодорита за его нѣкоторыя сочиненія, написанныя противъ православія, и Иву за его извѣстное письмо ²⁾). Когда папа Вигилій присоединилъ свой голосъ къ голосу четырехъ восточныхъ патріарховъ, казалось вопросъ о трехъ главахъ приходилъ къ концу, но этого однакожь на самомъ дѣлѣ не было. Согласіе Вигилія на осужденіе трехъ главъ послужило на Западѣ къ сильнѣйшему возбужденію сопротивленія подобному осужденію. Измѣна папы Вигилія воззрѣніямъ, какихъ, какъ мы видѣли, держался Западъ, вызвала западное духовенство на борьбу съ самимъ папою, какъ отступникомъ отъ вѣры. Сопротивленіе папѣ обнаружилось въ самомъ Константинополѣ въ лицахъ, принадлежащихъ къ свитѣ Вигилія. Таковы были діаконы Рустикъ, родной племянникъ папы, и Севастианъ. Эти діаконы начали свое сопротивленіе распоряженію папы сообщая, вступили въ общеніе съ другими противниками осужденія трехъ главъ, ободряли тѣхъ, кто писалъ въ подобномъ духѣ на Западѣ. Они стали осуждать Кирилла Александрійскаго, вѣроятно, за его стараніе подвергнуть анаѳемѣ сочиненія Θεодора, ревностно защищали сочиненія Θεодора, объявляли, что папа становится противникомъ

какъ плѣнникъ, отправленъ былъ въ Константинополь (Гефеле, *Band. II, S. 792*); проше передаетъ дѣло въ своей хроникѣ латинскій писатель Викторъ, когда говоритъ, что императоръ распорядился, чтобы папа съ поспѣшностію прибылъ въ столицу Юстиніана (*Victor Tannonensis, chronicon, p. 968. Migne, cursus patr. lat. ser. tom. 68*).

¹⁾ Theophanes, p. 496.

²⁾ Гефеле въ „исторіи соборовъ“. В. II. S. 794. 797. Документъ, въ которомъ папа выразилъ публичное свое осужденіе трехъ главъ, называется: *Judicatum*.

опредѣленій Халкидонскаго собора, писали письма въ разныя мѣста, въ которыхъ доказывали неправильность осужденія трехъ главъ и тѣмъ настолько возмутили церковь, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣло между спорящими доходило до кровопролитія. Они обращались съ прошеніемъ къ императору Юстиніану и доказывали ему, что современникъ IV вселенскаго собора св. Левъ папа былъ защитникомъ сочиненій Θεодора Мопсуестскаго. За все это діаконы Рустикъ и Севастіанъ вмѣстѣ со многими другими участниками ихъ „заговора и скопа“ лишены были своего церковнаго достоинства (Д. V, 337. 339. 340. 342). Этимъ дѣло сопротивленія папѣ Вигилію не ограничилось. Чѣмъ болѣе распространялся слухъ на Западъ о поведеніи папы въ Константинополѣ, тѣмъ болѣе возрастали церковныя смуты тамъ. Епископы африканскіе оставались вѣрными своему прежнему убѣжденію. Они собрали соборъ (въ 550 г.), папу Вигилія за его согласіе осудить трехъ главъ отлучили отъ церковнаго общенія, пока онъ не принесетъ покаянія, писали императору Юстиніану въ защиту трехъ главъ ¹⁾. Иллирійскіе епископы также подняли свой голосъ въ защиту тѣхъже главъ. Иллирійскій соборъ (въ 549 г.) написалъ также посланіе къ императору, въ которомъ доказывалась неправота осужденія трехъ главъ; тотъ же соборъ осудилъ одного изъ епископовъ (Бенената) за то, что онъ осмѣливался порицать три главы ²⁾. Въ отдаленной Галліи также обнаружилось церковное возмущеніе противъ папы, о которомъ распространился слухъ, что онъ идетъ вопреки постановленій своихъ предшественниковъ (Д. V, 349 и др.); то же было и въ другихъ мѣстахъ (Д. V, 345).

Но самымъ сильнымъ борцемъ противъ осужденія трехъ главъ былъ на западѣ епископъ африканскій Фаундъ, который около этого времени издалъ свое обширное сочиненіе подъ заглавіемъ „Въ защиту трехъ главъ“. Въ немъ онъ вооружается всею своею ученостью и своимъ остроуміемъ на защиту каждаго изъ трехъ лицъ, осужденіе ко-

¹⁾ Victor Tunn. p. 958.

²⁾ Victor Tunn. Ibidem.

торыхъ требовалось. Изложимъ главнѣйшія мысли этого сочиненія. Въ защиту Θεодора мопсуестскаго Факундъ писалъ: Θεодоръ умеръ въ мирѣ съ церковію; онъ былъ хвалимъ мужами достоуважаемыми, цѣлый соборъ антиохійскихъ епископовъ писалъ въ его защиту. О немъ не произнесъ осужденія соборъ Халкидонскій, когда читалось на немъ посланіе Ивы, въ которомъ осыпается похвалами Θεодоръ; соборъ потребовалъ отъ Ивы, чтобы онъ произнесъ анаѳему на Несторія; что же касается до Θεодора, то соборъ, не смотря на то, что слышалъ хвалы ему, не потребовалъ осужденія Θεодора, значитъ соборъ щадилъ его ¹⁾). Изыскивая основанія для осужденія Θεодора, напрасно ссылаются на примѣръ Кирилла, который порицалъ Θεодора. Кириллъ порицалъ и защищалъ Θεодора, — и притомъ: какъ будемъ слѣдовать Кириллу въ осужденіи Θεодора, когда это будетъ нападеніемъ на соборъ Халкидонскій, на которомъ не осужденъ Θεодоръ? Если въ точности слѣдовать по стопамъ Кирилла, пришлось бы порицать и осуждать и Іоанна Златоустаго, архіепископа Константинопольскаго; ибо когда Атикк архіепископъ Константинопольскій внесъ имя Іоанна въ церковныя помянники, Кириллъ писалъ ему: „прикажи вычеркнуть имя Іоанна изъ списка епископовъ. Если же это позволительно, то позволительно внести и имя предателя Іуды въ число именъ апостольскихъ“. Теперь почему же въ отношеніи къ Іоанну Златоусту не слѣдуете Кириллу, а въ отношеніи къ Θεодору хотите слѣдовать? ²⁾) Напрасно дѣлаютъ, когда хотятъ осудить Θεодора какъ еретика, принимая во вниманіе его заблужденія: еретикъ не тотъ, кто заблуждается, но тотъ, кто, будучи уличенъ въ неправославіи, однакожь остается упорнымъ ³⁾). Св. отцы, прежде чѣмъ осудить кого-либо какъ еретика, сначала увѣщевали его, чтобы онъ измѣнилъ свои мысли къ лучшему; когда же онъ не образумливался, угрожали ему осужденіемъ, давали ему срокъ на размышленіе, какой находили нужнымъ.

¹⁾ Facundi Hermionensis episcopi. Pro defensione trium capitulorum, p. 581, 583—4.

²⁾ Ibid. 607—610.

³⁾ Ibid. 771.

Въ этомъ смыслѣ и Апостолъ говоритъ: *еретика чловѣка по первомъ и второмъ наказаніи отрицайся* (Тит. 3, 10). Какъ же осуждать Θεодора какъ еретика, когда онъ умеръ. Не значить ли это поступать вопреки примѣру отцевъ и къ нарушенію заповѣди Апостола? И могутъ ли быть соблюдены правильныя формы церковнаго судопроизводства? Пусть явится обвинитель противъ Θεодора и въ доказательство своего обвиненія сошлетя на сочиненія его; но можетъ ли онъ съ клятвою подтвердить, что все, что выдается за сочиненія Θεодора, дѣйствительно написано Θεодоромъ? Потомъ, соборъ Халкидонскій по дѣлу Ивы, осужденнаго соборомъ разбойничьимъ заочно, заявилъ: „никто да не судить отсутствующаго“, а вы хотите судить не только отсутствующаго, но даже умершаго. Неужели легче впасть въ ошибку касательно живаго, и труднѣе впасть въ ошибку касательно умершаго? Далѣе, на судѣ церковномъ каждый подсудимый можетъ отречься, что онъ не дѣлалъ того въ чемъ его обвиняютъ, или какъ-нибудь объяснить дѣло къ своей выгодѣ, или наконецъ отказаться отъ заблужденій, въ какихъ обвиняется. Но Θεодоръ не можетъ воспользоваться всѣми этими выгодами подсудимаго живаго. Развѣ Θεодоръ, будучи въ живыхъ, не могъ бы произнести осужденія на свои заблужденія, или, исправившись въ своихъ мысляхъ,—считаться оправданнымъ? Но какія средства къ оправданію имѣетъ Θεодоръ при настоящихъ условіяхъ осужденія? Наконецъ, самъ Христосъ сказалъ: *аще разрышите на земли, разрышена будутъ на небеси, и аще свяжете на земли, связана будутъ на небеси* (Мѡ. 18, 18). Этимъ дается знать, что какъ не должно по смерти разрѣшать тѣхъ, кто связаны были на землѣ, такъ не должно связывать по смерти тѣхъ, кто не были связаны на землѣ. Поэтому то св. отцы и запрещали судить тѣхъ, кто уже умерли ¹⁾. Въ доказательство непозволительности осужденія Θεодора Факундъ ссылается также на то, что у Θεодора въ сочиненіяхъ много мыслей правильныхъ, общихъ съ замѣчательными изъ отцевъ церкви; поэтому осуждать сочи-

¹⁾ Ibidem 778—783.

ненія Θεодора значить осуждать и св. отцевъ писавшихъ въ одномъ и томъ же родѣ и духѣ съ Θεодоромъ ¹⁾).

Въ защиту епископа Ивы и его спорнаго посланія Факундъ говорилъ: осужденіе письма Ивы есть нападеніе на Халкидонскій соборъ, а цѣлость, неприкосновенность и авторитетъ этого собора защищаетъ Юстиніанъ самъ въ одномъ своемъ указѣ, когда говоритъ: „св. Халкидонскій соборъ мы принимаемъ и утверждаемъ“. Если же соборъ Халкидонскій, какъ и другіе прежніе вселенскіе соборы, не долженъ подвергаться никакому нарушенію, то, заключаетъ Факундъ, какимъ образомъ письмо Ивы можетъ быть осуждено, какъ нечестивое и несторіанское, когда этого не сдѣлалъ названный соборъ? ²⁾ Церковь съ своей стороны также утверждаетъ неприкосновенность собора Халкидонскаго, ибо и папа Левъ и всѣ восточные епископы утверждали, чтобы не было никакихъ добавленій къ опредѣленіямъ его. Но императоръ, несмотря на это, хочетъ сдѣлать такія постановленія относительно рѣшеннаго на соборѣ, какія будутъ прямою прибавкою къ нему ³⁾. Императоръ въ своемъ осужденіи посланія Ивы, разсуждаетъ Факундъ, впадаетъ въ преувеличеніе, говоритъ ложь. Онъ говоритъ: „посланіе Ивы все нечестиво и безбожно“. Но развѣ нечестивы и безбожны здѣсь слѣдующія слова: „церковь говоритъ, такъ и я наученъ отъ начала и утвержденъ божественнымъ ученіемъ. Два естества, одна сила, одно лице, которое есть одинъ Сынъ Господь нашъ І. Христосъ“. Неужели исповѣданіе двухъ природъ въ Христѣ есть безбожіе и нечестіе? ⁴⁾ Говорятъ, что надлежитъ осудить Иву и предать анаемѣ, потому что онъ худо отзывается о св. Кириллѣ, писалъ противъ Кирилла и его 12 анаематизмовъ. Положимъ такъ; но въ такомъ случаѣ нужно осудить не одного Иву, но и св. Геннадія архіепископа константинопольскаго и св. Исидора Пелусіота, потому что и они худо отзывались о Кириллѣ. Геннадій вотъ какъ писалъ противъ Кирилла: „горе мнѣ

¹⁾ Facundus, 793 и дал.

²⁾ Facundus, *ibid.* p. 561.

³⁾ Facundus, *ibid.* 574 и далѣе.

⁴⁾ Facundus, *ibid.* 566.

отъ злыхъ; увы, увы! я встрѣчаюсь съ какими то Кириллами египетскими и съ какими богохульствами, какія богохульства я слышалъ! Кто дастъ мнѣ плачь и очамъ моимъ слезы, и вѣждамъ моимъ воду?“ (Іер. 9, 18) Исидоръ Пелусіотъ писалъ Кириллу: „страсть притупляетъ остроу зрѣнія, зависть же совершенно ослѣпляетъ. Допускай, чтобы дѣла подвергались справедливому испытанію. Самъ Богъ, хотя знаетъ все прежде совершенія, однакожь попустилъ себѣ снизойти и видѣть плачь содомлянъ, давая тѣмъ образецъ намъ прилежнаго изслѣдованія. Многіе изъ тѣхъ, кои собирались на соборъ Ефесскій (III всел.), осмѣиваютъ тебя какъ въ комедіи, потому что ты не изыскивалъ того, что православно и Христово, но лишь отмщаль за свои личныя обиды. Говорятъ: ты дѣйствовалъ, какъ родственникъ Теофила (архіепископа Александрійскаго, враждовавшаго противъ Златоуста) и подражатель его воли“. Если осуждать Иву, хочеть сказать Факундъ, то нужно осуждать и Геннадія и Исидора; почему же не дѣлаютъ этого? ¹⁾ Въ защиту Теодорита ²⁾ Факундъ говоритъ очень немного; оправданіе его онъ основываетъ на дѣяніяхъ Халкидонскаго собора и отношеніи отцевъ этого собора къ Теодориту ³⁾.

Императоръ Юстиніанъ, предназначшій дѣло о трехъ главахъ, встрѣчая такое сильное сопротивленіе своей волѣ въ церкви западной, не останавливается на полдорогѣ. Съ своей стороны онъ принимаетъ новыя мѣры, которыя еще рѣшительнѣе должны были послужить къ цѣли. Чѣмъ болѣе западные находили основаній къ оправданію трехъ главъ, тѣмъ съ большею ревностію Юстиніанъ отыскиваетъ факты, которые бы убѣждали церковь въ правильности и законности осужденія трехъ главъ. Съ этимъ намѣреніемъ императоръ собираетъ помѣстный соборъ въ Мопсуестѣ, мѣстѣ епископствованія Теодора Мопсуестскаго; соборъ долженъ былъ изслѣдовать вопросъ: было ли имя Теодора внесено

1) Facundus, *ibid.* 571—4.

2) Facundus, *ibid.* 637 и дал.

3) Подробное и критическое изложеніе разбираемаго сочиненія Факунда см. въ книгѣ г. Доброклонскаго: „Сочиненіе Факунда въ защиту трехъ главъ“. М. 1880.

здѣсь въ церковные диптихи? Отрицательный отвѣтъ, который данъ былъ соборомъ, долженъ былъ сдѣлаться новымъ оружіемъ для Юстиніана въ борьбѣ съ защитниками трехъ главъ и лучшимъ оправданіемъ его стремленій. Соборъ этотъ происходилъ въ 550 году, въ маѣ мѣсяцѣ. Предсѣдателемъ собора былъ митрополитъ Іоаннъ изъ города Аназарва, членами собора были 8 епископовъ. На соборѣ были пресвитеры, діаконы, иподіаконы и чтецы молсуестской церкви; также въ немъ приняли участіе нѣсколько представителей свѣтской власти (Дѣян. V, 191). Сюда призвано было множество свидѣтелей изъ людей пожилыхъ духовнаго и свѣтскаго чина, которые должны были дать отвѣтъ на вопросы: помнятъ ли они, чтобы имя Θεодора читалось въ церковныхъ диптихахъ и не знаютъ ли, когда оно исключено изъ нихъ? Свидѣтелями со стороны духовнаго чина явилось одиннадцать пресвитеровъ, одинъ архидіаконъ, пять діаконъ; нѣкоторымъ изъ этихъ свидѣтелей было около 80 лѣтъ и слѣдовательно они могли сообщить свѣдѣнія относящіяся къ отдаленному прошедшему. Со стороны лицъ свѣтскаго чина явилось на соборъ 17 человекъ, по роду своихъ занятій начальники, военачальники, царедворцы, архитекторы, адвокаты, носильщики умершихъ. Нѣкоторымъ изъ нихъ было болѣе 70 лѣтъ (Дѣян. V, 195—6; 199, 209). Всѣ свидѣтели духовнаго чина показали слѣдующее: „не знаемъ, и не слышали, что Θεодоръ, бывшій нѣкогда епископомъ сего города, былъ провозглашаемъ въ церковныхъ диптихахъ; но слышали, что св. Кириллъ, бывшій епископъ великаго города Александріи, помѣщенъ вмѣсто Θεодора въ диптихахъ, въ которые внесены умершіе епископы, и даже доселѣ онъ вписанъ и провозглашается съ другими епископами (т.-е. вмѣсто Θεодора, учителя Несторіева, помѣщенъ противникъ этого еретика, Кириллъ). Ибо не знаемъ и не слышали, чтобы въ нашемъ городѣ былъ епископъ по имени Кириллъ. А тотъ Θεодоръ епископъ, который читается въ диптихахъ, умеръ три года тому назадъ“, и значить былъ другой Θεодоръ, а не тотъ, о комъ шло изысканіе (Дѣян. V, 199—200). Показаніе свидѣтелей свѣтскаго чина ничѣмъ не отличалось отъ показаній клириковъ

(Дѣян. V, 207 и д.). На соборѣ рассмотрѣны были диптихи, въ которыхъ записаны были имена епископовъ города Мопсуеста, поминаемыхъ въ этомъ городѣ, и которые хранились вмѣстѣ съ священными сосудами въ ризницѣ; кромѣ этихъ диптиховъ принесены были на соборъ и другіе два диптиха болѣе древніе, которые уже не употреблялись и которые писаны были на пергаментѣ. Диптихи, по требованію собора, прочтены были въ слухъ всѣхъ; въ нихъ на томъ мѣстѣ, гдѣ слѣдовало быть, по порядку времени, имени Θεодора, о которомъ шла рѣчь, помѣщено было имя Кирилла. Правда, въ нихъ упоминалось имя Θεодора, но, какъ показывалъ порядокъ именъ, это былъ Θεодоръ епископъ, недавно умершій. По прочтеніи диптиховъ, каждый изъ присутствовавшихъ епископовъ и самъ лично разсматривалъ диптихи, во избѣжаніе всякаго сомнѣнія. Затѣмъ епископы потребовали отъ ризничаго, чтобы онъ клятвенно предъ Евангеліемъ засвидѣтельствовалъ, что у него нѣтъ другихъ диптиховъ болѣе древнихъ, что тотъ и исполнилъ (Дѣян. V, 197—198). Тогда предсѣдатель собора митрополитъ Іоаннъ такъ изложилъ результаты изслѣдованій собора: „ясно показано, что прежній Θεодоръ, который былъ епископомъ въ семъ городѣ, въ древнія времена не былъ провозглашаемъ при божественномъ таинствѣ, и исключенъ былъ изъ священныхъ диптиховъ и вмѣсто его имени вписанъ былъ святой памяти Кириллъ. Ибо это ясно и несомнѣнно доказало произнесенное съ клятвою свидѣтельство мужей, которые теперь поставлены на средину (въ качествѣ свидѣтелей). И сами мы, имѣя подъ руками диптихи предшествовавшихъ епископовъ сего города, поистинѣ нашли, что о прежнемъ Θεодорѣ не было внесено совершенно никакого упоминанія, а внесено было имя Кирилла; а что священные диптихи, которые представлены были, не подложны, это мы усмотрѣли по самому виду. Они ясно показали, что Кириллъ внесенъ на мѣсто другаго, потому что въ этомъ городѣ не было никакого пастыря того же имени, согласно тому, что выясняетъ сила свидѣтельствъ. Утвержденіе свидѣтелей сдѣлало яснымъ и то, что Θεодоръ, который записанъ въ концѣ диптиховъ, не прежній Θεодоръ, но тотъ

Феодоръ, который умеръ три года тому назадъ“ (Дѣян. V, 212). О результатѣ собора сообщено было императору и папѣ (Дѣян. V, 214 и д. 216 и д.).

Съ тою же цѣлю, съ какою собранъ былъ соборъ монсуестскій, т.-е. съ цѣлю подорвать довѣріе къ защитникамъ трехъ главъ, выставить неосновательность ихъ притязаній, императоръ Юстиніанъ, вѣроятно въ 551 году, обнародовалъ религіозный указъ, который въ особенности замѣчательнъ тѣмъ, что онъ съ большею тщательностію устраняетъ возраженія, какія дѣлались противъ осужденія трехъ главъ. Этотъ указъ Юстиніана состоитъ изъ трехъ частей. Въ первой заключается богословствованіе о св. Троицѣ и о соединеніи во Христѣ двухъ естествъ божескаго и человѣческаго, при чемъ императоръ устраняетъ всѣ хитросплетенія, какими монофизиты защищали свое лжеученіе (Дѣян. V, 508—528). Во второй части заключаются анаѳематства на различныя заблужденія и различныхъ еретиковъ современной и древней церкви. Между этими анаѳематствами замѣчательны анаѳематства 11, 12 и 13, въ которыхъ произносится анаѳема на Феодора монсуестскаго, нѣкоторыя сочиненія Феодорита и извѣстное письмо Ивы. Анаѳематство 11-е гласило: „если кто защищаетъ Феодора монсуестскаго, говорившаго, что иной былъ Богъ Слово и иной Христосъ, который былъ обуреваемъ страстями душевными и вожделѣніями плотскими и преуспѣвая въ дѣлахъ улучшался, и крестился во имя Отца, Сына и Св. Духа, и чрезъ крещеніе получилъ благодать Св. Духа, и удостоился усыновленія, и по подобію царскаго изображенія принимаетъ поклоненіе въ лицѣ Бога Слова, и послѣ воскресенія сдѣлался неизмѣннымъ въ помысленіяхъ и совершенно безгрѣшнымъ,—и еще говорившаго, что соединеніе Бога Слова со Христомъ было такое же, о которомъ говорятъ апостолъ относительно мужа и жены: *будетъ два въ плоть едину* (Еф. 5, 31),—итакъ, если кто защищаетъ этого Феодора, который такъ богохульствовалъ, а не анаѳематствуетъ его и его сочиненія, и тѣхъ, которые мудрствовали и мудрствуютъ подобно ему, тотъ да будетъ анаѳема“. Анаѳематство 12-е гласило: „если кто защищаетъ сочиненія Феодо-

рита, которыя онъ написалъ въ защиту еретика Несторія противъ правой вѣры и противъ III вселенскаго собора и 12 главъ св. Кирилла, а въ тѣхъ нечестивыхъ сочиненіяхъ онъ говоритъ, что соединеніе Бога Слова было только соотносительное съ какимъ-то человѣкомъ, и по причинѣ этого онъ, Θεодоритъ, называетъ нечестивыми учителей церкви, которые исповѣдуютъ впостасное соединеніе Бога Слова съ плотію, и сверхъ того не признаетъ Богородицею святую Приснодѣву Марію,—и такъ если, кто защищаетъ упомянутыя сочиненія Θεодорита, а не анаематствуетъ ихъ, тотъ да будетъ анаеема“. Въ анаематствѣ 13-мъ говорилось: „если кто защищаетъ нечестивое посланіе, которое, говорятъ, написалъ Ива къ Марію Персу еретику, которое отвергаетъ, что Богъ Слово содѣлался человѣкомъ и говоритъ, что не Богъ Слово воплотившійся отъ Дѣвы родился, а родился отъ нея простой человѣкъ, котораго называетъ храмомъ, такъ что иной есть Богъ Слово и иной человѣкъ, и сверхъ того обвиняетъ св. Ефесскій соборъ, будто онъ безъ суда и слѣдствія осудилъ Несторія, и называетъ св. Кирилла еретикомъ, а Несторія и Θεодора съ нечестивыми ихъ сочиненіями восхваляетъ и защищаетъ,— итакъ, если кто защищаетъ упомянутое нечестивое посланіе или называетъ его правымъ или часть его, а не анаематствуетъ, тотъ анаеема“ (Дѣян. V, 532—4). Въ третьей самой замѣчательной части указъ разбираетъ возраженія, какія дѣлались противниками указа императорскаго въ защиту трехъ главъ. Такъ касательно Θεодора Мопсуестскаго эти противники возражали: 1) что хотя сочиненія Θεодора и заключаютъ въ себѣ заблужденія, однакожь отсюда не слѣдуетъ, что вмѣстѣ съ сочиненіями нужно анаематствовать и *лице* сочинителя; достаточно анаематствовать одни сочиненія Θεодора. Юстиніанъ отвѣчаетъ на это возраженіе: кто мыслить такъ, тотъ не знаетъ священнаго Писанія, въ которомъ говорится, что *въ равнѣ ненавидима суть Богу и нечестивый и нечестіе его* (Прем. 14, 9). Дѣйствіе накажется вмѣстѣ съ тѣмъ, кто его содѣлалъ. Далѣе возражали: 2) нельзя анаематствовать Θεодора, ибо онъ уже умеръ. Въ устраненіе этого возраженія указъ говоритъ, что

ничто не препятствуетъ еретика, остающагося въ своемъ заблужденіи всю жизнь, анаѳематствовать послѣ смерти. Это совершалось надъ многими, какъ древнѣйшими, такъ и болѣе близкими къ нашему времени еретиками, т.-е. Валентиномъ, Василидомъ, Маркіономъ, Керинѳомъ, Манихеемъ, Евноміемъ. Что нечестивые, хотя бы лично при своей жизни не подвергались анаѳемѣ, однако же послѣ смерти анаѳематствуются каѳолическою церковію, это видно изъ дѣяній св. соборовъ. Такъ Никейскій соборъ безъименно анаѳематствовалъ тѣхъ, которые слѣдуютъ нечестивому ученію Арія. Въ доказательство той же мысли указъ ссылается на слова Августина, который такъ писалъ епископамъ африканскимъ, когда поднялся вопросъ о томъ, что одинъ изъ прежнихъ епископовъ карфагенскихъ, Цециліанъ, уклонился отъ церковнаго преданія, изъ-за чего происходили раздѣленія въ церкви карфагенской: „не слѣдовало-бы изъ-за него отдѣляться отъ церкви, потому что если бы было справедливо, что возводили на Цециліана, и если бы открылось, что онъ мыслить въ чемъ либо вопреки церкви, то онъ, Августинъ, подвергъ бы его анаѳемѣ и послѣ смерти“. Притомъ, продолжаетъ разсуждать Юстиніанъ, если не должно анаѳематствовать еретиковъ по ихъ смерти, то въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ и оправдывать по смерти тѣхъ, кто при жизни осуждены несправедливо. А если бы было такъ, то не былъ бы оправданъ ни Іоаннъ Златоустъ, котораго церковь оправдала послѣ смерти, ни Флавіанъ архіепископъ константинопольскій, который также оправданъ послѣ смерти соборомъ Халкидонскимъ. Далѣе противъ осужденія Θεодора возражали: 3) не слѣдуетъ анаѳематствовать Θεодора, потому что онъ умеръ въ общеніи съ церковію. Въ отвѣтъ на это возраженіе Юстиніанъ прежде все разъясняетъ понятіе общенія съ церковію, изъ котораго вытекало, что несправедливо Θεодора считать умершимъ въ общеніи съ церковію. Въ общеніи съ церковію находятся только тѣ, которые до конца соблюдаютъ общее ученіе благочестія, проповѣдуемое въ ней; а такъ какъ Θεодоръ постоянно пребывалъ въ нечестіи, то и умеръ внѣ общенія съ церковію. Да и соборъ, собранный въ Мопсуестѣ,

показаль, что онъ не считался умершимъ въ общеніи съ церковію, ибо имя его въ городѣ, въ которомъ онъ былъ епископомъ, было вычеркнуто изъ церковныхъ диптиховъ. Наконецъ защитники трехъ главъ въ противодѣйствіе осужденію трехъ главъ указывали, что 4) нельзя осуждать Θεодора, такъ какъ о немъ хорошо отзывались нѣкоторые представители церковнаго авторитета, наприм. св. Кирилль, Іоаннъ Антіохійскій съ соборомъ. Юстиніанъ беретъ на себя задачу устранить и это возраженіе. Онъ соглашается съ тѣмъ, что Кирилль нѣчто говорилъ за Θεодора, но замѣчаетъ, что еще больше Кирилломъ было высказано противъ Θεодора, такъ что сказанное Кирилломъ въ пользу Θεодора не освобождаетъ этого отъ осужденія. Что же касается до того, что Θεодора хвалить Іоаннъ Антіохійскій и соборъ антіохійскихъ епископовъ, то Юстиніанъ обращаетъ вниманіе на то, что Іоаннъ и епископы ему подвѣдомственные были врагами Кирилла и защитниками Несторія и потому писали въ пользу Θεодора изъ вражды къ Кириллу, по заблужденію. Да если кто-либо изъ лицъ достойныхъ уваженія въ церкви и хвалилъ Θεодора, то это мало можетъ служить къ оправданію Θεодора; ибо исторія находитъ, что многіе изъ святыхъ отцевъ хвалили нѣкоторыхъ еретиковъ, какъ напр. святые Дамась (папа), Аѳанасій и Василій Аполлинарія, а папа Левъ Евтихія; и однако послѣ того какъ узноано было ихъ нечестіе, еретики изъ за того не избѣгли осужденія и анаемы, которая впоследствии была произнесена противъ ихъ лица и нечестія. Письмо Григорія Богослова къ Θεодору, на которое также ссылались защитники трехъ главъ въ своихъ видахъ, указъ признаетъ подложнымъ (Дѣян. V, 541—551). Въ той же третьей части своего указа императоръ съ подобною же тщательностію разбираетъ и тѣ возраженія, которыя противники осужденія трехъ главъ дѣлали — въ намѣреніи показать незаконность осужденія посланія Ивина. Сторонники трехъ главъ по поводу Ивы возражали: 1) что посланіе Ивы принято святымъ Халкидонскимъ соборомъ. Императоръ въ указѣ не соглашается съ подобнымъ воззрѣніемъ и говорить: какимъ образомъ можно считать посланіе это при-

нятымъ отъ собора, когда соборъ по прочтеніи посланія прямо и рѣшительно потребоваль отъ Ивы анаѳематствованія Несторія и его ученія, которыхъ имѣло въ виду защитить оно? Если бы соборъ принялъ посланіе, то осужденіемъ Несторія, которое было вытребовано отъ Ивы, онъ въ такомъ случаѣ подвергъ бы осужденію и самого себя. Далѣе защитники трехъ главъ говорили: что 2) нельзя осуждать посланія потому, что въ немъ есть выраженія православныя, именно говорится: во Христѣ два естества, одна сила (власть), одно лице. Императоръ находитъ, что это изреченіе не можетъ свидѣтельствовать объ истинной вѣрѣ автора посланія, прежде всего потому, что посланіе исполнено мыслей несторіанскихъ, и слѣдовательно и выраженія „два естества“ нужно понимать также въ смыслѣ несторіанскомъ, т. е. выраженіе „два естества“ употреблено вмѣсто выраженія „два лица“; далѣе въ томъ же посланіи авторъ его называетъ Христа храмомъ, въ которомъ обиталъ Богъ-Слово, и слѣдовательно онъ проповѣдуетъ ученіе о томъ, что во Христѣ два лица, ученіе несторіанское; наконецъ и Несторій училъ о двухъ естествахъ во Христѣ, и однакожь осужденъ, — недостаточно исповѣдывать два естества во Христѣ, но нужно признавать и вѣстасное ихъ соединеніе, чего не дѣлаетъ посланіе Ивы. Наконецъ защитники трехъ главъ, утверждали, что 3) нельзя порицать посланія на томъ основаніи, что оно внесено въ соборныя кодексы (записи). Возраженіе конечно ничтожно, и Юстиніану не стоило большаго труда опровергнуть его. Юстиніанъ говоритъ: еслибы эта мысль была правильна, то пришлось бы оправдать и Несторія и Евтихія, потому что изъ ихъ сочиненій и изреченій много приведено въ дѣяніяхъ соборныхъ; но кто не знаетъ, что это приводится не для того, чтобы выставить ихъ ученіе правильнымъ, но для того, чтобы изобличить оное? Притомъ нужно принять во вниманіе и то, что на соборахъ нѣкоторые изъ собиравшихся на нихъ высказываютъ что-либо или по пристрастію, или по незнанію; но никто не внимаетъ тому, кто скажетъ что-либо отъ себя частнымъ образомъ, а всѣ устремляютъ вниманіе

только на то, что определено всѣми съ общаго согласія (Д. V, 535—540).

Такимъ образомъ императоръ Юстиніанъ не щадилъ силъ для того, чтобы склонить церковь къ осужденію трехъ главъ. Но дѣло мало подвигалось впередъ. Западная церковь не оставляла своего сопротивленія этому осужденію. Самъ папа Вигилій, подѣ влияніемъ западныхъ епископовъ и духовенства, началъ колебаться въ своемъ рѣшеніи — произнести анаѣму на три главы. При такомъ положеніи дѣла императоръ для окончательнаго рѣшенія вопроса вознамѣрился составить новый вселенскій соборъ, пятый.

У ВСЕЛЕНСКОМЪ СОБОРѢ.

Составъ собора.—Отказъ папы Вигилія и иныхъ западныхъ епископовъ отъ участія на соборѣ.—Императорскій указъ собору и его отношеніе къ дѣятельности онаго.—Соборное изслѣдованіе о заблужденіяхъ Θεодора.—„Сокровища нечестія Θεодорова“,—разборъ возраженій, направленныхъ защитникамъ Θεодора противъ его осужденія.—Соборное изслѣдованіе нѣкоторыхъ сочиненій Θεодорита, заключавшихъ какъ несторіанское ученіе, порицанія на св. Кирилла и соборъ III вселенскій, такъ и защиту еретика Несторія.—Соборное изслѣдованіе посланія Ивы къ Марію.—Соборное опредѣленіе о трехъ главахъ.—Призваніе V вселенскаго собора на Западѣ и окончаніе спора о трехъ главахъ.

Пятый вселенскій соборъ собранъ былъ императоромъ Юстиніаномъ для рѣшенія вопроса о трехъ главахъ—Θеодорѣ Моисеустскомъ, Θεодоритѣ Кирскомъ и Пвѣ Едесскомъ. Онъ происходилъ въ Константинополь и имѣлъ восемь засѣданій. Первое засѣданіе происходило 5 мая 553 года. Число отцевъ на соборѣ при открытіи его было 150, при заключеніи 164 (Д. V, 18—26, 381 и д.). Предсѣдателемъ собора былъ Евтихій патріархъ Константинопольскій, болѣе замѣчательными членами его Аполлинарій патріархъ Александрійскій, Домникъ патріархъ антиохійскій; мѣсто патріарха Іерусалимскаго занимали трое палестинскихъ епископовъ. Число западныхъ епископовъ на соборѣ было не велико (отъ 6 до 8),—всѣ они были изъ Африки; одинъ изъ этихъ епископовъ Секстиліанъ Тунійскій занималъ мѣсто епископа Карфагенскаго и былъ представителемъ отъ собора области проконсульской въ Африкѣ (Д. V, 382). Императору Юстиніану угодно было, чтобы въ соборѣ принялъ участіе и папа Римскій Вигилій, который въ это время все еще проживалъ въ Константинополь; но папа подъ разными предлогами отклонилъ отъ себя приглашеніе императора. Когда

въ первый разъ отправлено было къ нему посольство отъ собора съ приглашеніемъ явиться на соборъ и разсудить о трехъ главахъ, папа объявилъ, что онъ боленъ и потому не можетъ исполнить требованія, впрочемъ обѣщался выразить свое мнѣніе по вопросу (Д. V, 44—45). Соборъ по обыновенію отправлялъ и другое посольство къ тому же папѣ съ тѣмъ же приглашеніемъ, но снова встрѣтилъ отказъ со стороны папы. Папа на этотъ разъ иначе объяснилъ свое нежеланіе прибыть на соборъ. Онъ говорилъ, что онъ не можетъ явиться на соборъ потому, что здѣсь восточныхъ епископовъ очень много, а съ нимъ западныхъ мало, и обѣщался письменно изложить свое мнѣніе по дѣлу о трехъ главахъ. Напрасно посланные отъ собора къ папѣ увѣщавали его принять участіе въ соборѣ, ссылаясь на то, что самъ папа ранѣе изъявлялъ желаніе быть на соборѣ; напрасно указывали ему на то, что и на прежнихъ вселенскихъ соборахъ епископовъ западныхъ всегда было не много— по два, по три, да по нѣскольку клириковъ. Папа стоялъ на своемъ. Тогда посланные объявили, что соборъ принужденъ будетъ открыть свои засѣданія безъ папы и выразить свое мнѣніе о трехъ главахъ (Д. V, 47—48). Сообразно съ соборными порядками къ папѣ отослано было и третье посольство отъ собора съ приглашеніемъ придти сюда, но результатъ былъ тотъ же: папа снова отказался присутствовать на соборѣ (Д. V, 49—52). Вслѣдъ за папою Вигиліемъ отказались прибыть на соборъ и нѣкоторые другіе западные епископы подъ разными предлогами. Такъ одинъ посланнымъ отъ собора заявлялъ: „такъ какъ папа не предсѣдательствуетъ, то я не пойду“; другой: такъ какъ нѣтъ на лицо его митрополита, то онъ не можетъ отправиться на соборъ безъ его разрѣшенія (Д. V, 52—55). Истинною причиною, по которой папа Вигилій и другіе западные епископы отклоняли отъ себя предложеніе—участвовать въ дѣянiяхъ собора, состояла въ томъ, что папа въ это время перемѣнилъ свое мнѣніе объ осужденіи трехъ главъ: прежде онъ высказывалъ себя за осужденіе трехъ главъ, а теперъ началъ высказываться снова противъ осужденія трехъ главъ. А такъ какъ папѣ извѣстно было

совершенно противоположное воззрѣніе восточныхъ спископовъ на дѣло, то онъ считалъ за лучшее устранить себя отъ собора ¹⁾ Другіе западные епископы, отказавшіеся отъ засѣданій на соборѣ, стояли на той же точкѣ зрѣнія.

Программа дѣятельности собора начертана была въ указѣ Юстиніановомъ, съ которымъ онъ обратился къ отцамъ собора и который былъ читанъ при открытіи его. Въ этомъ указѣ обозначалось, съ какихъ именно сторонъ слѣдовало разсмотрѣть спорный вопросъ о трехъ главахъ. 1) Относительно Θεодора Мопсуестскаго требовалось слѣдующее: просимъ васъ разсмотрѣть то, что написано какъ въ другихъ сочиненіяхъ, такъ и въ его символѣ; просимъ также разсмотрѣть и то, что объ немъ и его хуленіяхъ написали св. отцы и обнародовали наши предшественники, равно и то, что написали о немъ писатели церковной исторіи. Изъ всего этого вы узнаете, что какъ самъ онъ, такъ и его хуленія съ давняго времени осуждены св. отцами и что за его хулы въ предшествующія времена даже имя его было исключено изъ церковныхъ диптиховъ церкви, въ которой онъ былъ епископомъ. Просимъ васъ поразсудить и о мнѣніи тѣхъ, которые утверждаютъ, будто не слѣдуетъ анаѳемствовать еретиковъ по смерти, и просимъ держаться въ этомъ случаѣ ученія св. отцовъ, которые и по смерти анаѳемствовали умершихъ въ своемъ нечестіи. 2) Относительно Θεодорита императоръ писалъ собору: просимъ васъ обратить вниманіе на то, что нечестиво написано Θεодоритомъ противъ правой вѣры и противъ Ефесскаго собора, противъ памяти Кирилла и противъ 12 его главъ, и что тотъ же Θεодоритъ написалъ въ защиту Θεодора и Несторія и ихъ хуленій противъ памяти Кирилла. 3) Относительно Ивы и его посланія въ указѣ говорилось: просимъ также сдѣлать изслѣдованіе и о нечестивомъ посланіи, которое написалъ Ива къ Марію Персу. И такъ какъ нѣкоторые дерзаютъ утвер-

---

¹⁾ Свидѣтелемъ того, что папа во время собора началъ быть защитникомъ трехъ главъ, служитъ его сочиненіе, съ которымъ онъ обратился къ императору въ это время (сочиненіе это носитъ названіе *constitutum*) и въ которомъ онъ высказалъ себя противъ осужденія трехъ главъ. Гефеле въ „исторіи соборовъ.“ (Band II. Ausgabe 1836), стр. 856—862.

ждать, что посланіе это, содержащее нечестіе, принято и св. Халкидонскимъ соборомъ, то просимъ васъ сличить то, что сказано этимъ св. соборомъ въ опредѣленіяхъ его, изложенныхъ въ защиту вѣры, и то, что содержится въ нечестивомъ посланіи, чтобы всесторонне доказать справедливое, а нечестивое осудить (Д. V, 35—37).

Указъ сдѣлался программю и руководящею нитью въ дѣяніяхъ собора. Такъ какъ въ указѣ прежде всего предписывалось сдѣлать разсмотрѣніе нечестія Θεодора, то соборъ, по своемъ открытіи, тотчасъ и занимается этимъ дѣломъ. Изъ многочисленныхъ сочиненій Θεодора извлечено было и прочитано множество мѣстъ, которыя ясно свидѣтельствовали, что Θεодорово ученіе въ сущности было ученіемъ Несторія, которое осуждено было на III вселенскомъ соборѣ. Неправославныя мнѣнія Θεодора соборъ назвалъ „сокровищами нечестія“ (Д. V, 102). Главныя заблужденія Θεодора касались ученія о двухъ естествахъ во Христѣ и образѣ ихъ соединенія. Вотъ эти заблужденія, открытыя и избличенныя соборомъ: 1) отъ Пресвятой Дѣвы Маріи родился не Богъ, но человѣкъ. „Мы не должны думать, говорить Θεодоръ, что отъ Дѣвы родился Богъ. Говорить, что Богъ родился отъ Маріи—безуміе, ибо это не иное что, какъ утверждать, что самъ Богъ родился отъ сѣмени Давидова изъ существа Дѣвы и въ ней былъ зачатъ; такъ какъ то, что отъ сѣмени Давидова и изъ существа Дѣвы, находилось во чревѣ матери и зачатое наитіемъ Св. Духа родилось отъ Дѣвы; да престанутъ поэтому говорить намъ, что Богъ отъ Бога и единосущный Отцу родился отъ Дѣвы. Не божеское естество родилось отъ Дѣвы, а родился отъ Дѣвы тотъ, кто произошелъ изъ существа Дѣвы (человѣкъ). Не Богъ-Слово родился отъ Маріи, родился же отъ Маріи тотъ, кто отъ сѣмени Давидова“ (Д. V, 60—61). 2) Богъ Слово не рождался отъ Маріи Дѣвы, Онъ только присутствовалъ въ человѣкѣ Иисусѣ при Его рожденіи и во время остальной жизни Его. Θεодоръ говоритъ: „тотчасъ же при самомъ зачатіи въ человѣкѣ Иисусѣ началъ быть Богъ Слово; ибо присутствовалъ въ немъ не только во время вознесенія на небо, но и при воскресеніи изъ мертвыхъ, именно какъ

воскресающей Его. И не при воскресении только из мертвых присутствовалъ въ немъ (т.-е. не въ состояніи только прославленія), но и при пригвожденіи ко кресту и при крещеніи и послѣ крещенія—при совершеніи имъ дѣла Евангелія, а равно и до крещенія при выполненіи имъ постановленій закона, при представленіи его во храмъ по закону, и при обрѣзаніи, и при обвитіи пеленами во время рожденія; находился въ немъ Богъ Слово, также когда онъ (человѣкъ Иисусъ) находился во чревѣ матери съ перваго момента его зачатія“ (Д. V, 62). Такое ученіе Θεодора о томъ, что Богъ-Слово только сопредназначалъ человѣку Иисусу, во время его рожденія и земной жизни его, приводило его 3) къ ученію о раздѣленіи естества въ Богочеловѣкъ, къ ученію, по которому въ Богочеловѣкъ какъ бы допускалось два лица божеское и человѣческое, не пришедшія къ единенію (сущность несторіанства). Θεодоръ писалъ: „нужно полагать различіе между храмомъ (человѣкомъ-Христомъ) и тѣмъ, кто вселенъ въ храмъ (Богомъ-Словомъ),—между тѣмъ, кто освобожденъ отъ узъ смерти и тѣмъ, кто освободилъ, — между тѣмъ, кто въ сражаніяхъ сталъ совершеннымъ, и тѣмъ, кто сдѣлалъ совершеннымъ,—между тѣмъ, кто *малымъ чимъ умаленъ отъ ангелъ*, и тѣмъ, кто умалилъ, — между тѣмъ, кто увѣнчанъ славою и честію, и тѣмъ, кто увѣнчалъ,—между тѣмъ, кому дѣла рукъ Божіихъ покорены, и тѣмъ, кто покорилъ“ (Пс. 8, 5—8). „Божественное писаніе учитъ насъ, что иное Богъ-Слово, и иное человѣкъ, и показываетъ намъ, что различіе между ними большое. Когда мы различаемъ естества, то говоримъ, что *естество Бога* Слова совершенно; совершенно и *лице*, потому что нельзя сказать, чтобы совершенное Его существо было безлично,—но также говоримъ, что и *естество человеческое* совершенно, равно какъ и *лице*. А когда обращаемъ взоръ на соединеніе, тогда говоримъ: одно лице. Но мнѣ скажутъ: не раздѣляй человѣка и Бога, не называй однимъ именемъ какъ того, кто одного со мною естества, такъ и Бога. Если я долженъ называть Христа единосущнымъ Богу, то спрашиваю, какимъ образомъ человѣкъ и Богъ одно? Ужели одно естество у человѣка и Бога, у Господа и раба, у Творца и твари?

Человѣкъ одного существа съ человѣкомъ, Богъ одного существа съ Богомъ. Итакъ какимъ образомъ чрезъ единеніе могутъ стать однимъ и человѣкъ и Богъ“ (Д. V, 66—67; 75; 82; 89—90)? Раздѣливъ во Христѣ естества, какъ два отличныя одно отъ другаго лица, 4) Θεодоръ описываетъ человѣчество Христа въ такихъ чертахъ, которыя непрелчествуютъ православному ученію о Богочеловѣкѣ; человѣкъ Христосъ, по нему, ничѣмъ не отличался отъ всякаго другаго человѣка,— борьба со страстями и похотями была свойственна человѣку Іисусу, какъ и каждому человѣку. Θεодоръ учитъ: „Господь негодовалъ и сражался противъ болѣзней болѣе душевныхъ, чѣмъ тѣлесныхъ, и охотнѣе побѣждалъ страсти. Противъ болѣзней душевныхъ онъ назначалъ труднѣе подвигъ, а противъ тѣлесныхъ легче; чаще и болѣе ему приходилось побѣждать первыя, такъ какъ важнѣе та болѣзнь, которая требуетъ болѣе серьезнаго леченія. Воспріявъ и тѣло и душу, Онъ тѣмъ и другимъ подвизался за то и другое; умерщвлялъ въ плоти грѣхъ и укрощалъ ея похоти; душу же наставлялъ и побуждалъ — и свои страсти побѣждать и обуздывать плотскія похоти. Только чрезъ свое воскресеніе Христосъ, какъ человѣкъ, сдѣлался неизмѣняемымъ, т.-е. неудобопреклоннымъ ко злу. Почему до воскресенія изъ мертвыхъ Онъ укорялъ Петра за то, что этотъ соблазняетъ его своими словами (Мѡ. 16, 23). Чрезъ воскресеніе же Христосъ содѣлался совершенно непорочнымъ“ (Д. V, 80; 68; 85). Какъ человѣкъ, борющійся со страстями и похотями, какъ человѣкъ, недостигшій полноты совершенства, 5) Христосъ нуждался въ руководствѣ Духа Святаго и въ подкрѣпленіи отъ самого Бога Слова. Онъ нуждался въ руководствѣ Духа Святаго. Разъясняя эту мысль. Θεодоръ говоритъ: „выраженіе: *возведенъ бысть Духомъ* (Мѡ 4, 1) обозначаетъ, что Христосъ какъ человѣкъ былъ руководимъ Духомъ, Имъ былъ направляемъ къ должному; Имъ былъ научасмъ тому, чему слѣдовало; Имъ былъ укрѣпляемъ, такъ что способнымъ сталъ на столь трудное состязаніе. Чрезъ помазаніе Духа онъ не только творилъ чудеса, но и зналъ отчетливо, какимъ образомъ слѣдуетъ пользоваться чудесами, чтобы воз-

вѣстить народамъ благочестіе, понести слабости труждающихся и такимъ образомъ привести свое намѣреніе въ исполненіе; поэтому онъ и оправдался и явился непорочнымъ частію чрезъ удаленіе отъ худаго и стремленія къ лучшему, частію чрезъ постепенное усовершенствованіе“ (Д. V, 64. 69). Подобное же содѣйствіе оказывалъ человѣку Христу и Богъ-Слово, сопредставившій въ немъ; Богъ Слово помогаетъ ему, какъ существу иному, чуждому. Θεодоръ пишетъ: „Богъ-Слово много возлюбилъ его и все его усвоилъ себѣ и все перенесъ, сопровождалъ его во всѣхъ страданіяхъ, силою своею сдѣлалъ его чрезъ нихъ совершеннымъ; и онъ возстаетъ изъ мертвыхъ не по закону своего естества, но Богъ-Слово своимъ присутствіемъ, своимъ дѣйствіемъ и по своей милости освобождаетъ его отъ смерти и отъ тѣхъ горькихъ послѣдствій, которыя отсюда происходятъ, — воскрешаетъ его изъ мертвыхъ и приводитъ къ высшей цѣли. Пребывая въ немъ, Богъ-Слово даровалъ ему безсмертную жизнь и сдѣлалъ его невредимымъ, безсмертнымъ и неизмѣннымъ, возвелъ на небо“ (Д. V, 85—86). Основное воззрѣніе Θεодора, которое проходитъ чрезъ все ученіе его и которое состоитъ въ томъ, что Христосъ человѣкъ какъ въ рожденіи, такъ и во время земной жизни, не приходилъ въ личное единеніе съ Богомъ Словомъ, — отражается и на его ученіи о Богородицѣ. 6) Θεодоръ уклонился отъ названія „Богородица“, усвоеннаго церковію Дѣвѣ Маріи. Θεолоръ разсуждаетъ: „когда спросятъ: мать человѣка или мать Бога—Марія?—мы должны отвѣчать: и то и другое, первое по естеству, второе относительно. Она мать человѣка, потому что человѣкъ былъ во чревѣ ея; но она—мать Бога, потому что Богъ былъ въ рожденномъ человѣкѣ, но Онъ былъ въ немъ по благоизволенію“. При другомъ случаѣ Θεодоръ еще яснѣе говоритъ: „когда вопросъ будетъ о рожденіи по плоти, тогда не слѣдуетъ считать Бога-Слово Сыномъ Маріи, потому что отъ смертнаго рождается смертное и отъ плоти подобное ей“ (Д. V, 87—88). Кромѣ нечестія, указаннаго соборомъ въ ученіи Θεодора касательно соединенія двухъ естествъ въ Богочеловѣкѣ, отцы этого собора поставляютъ въ укоръ Θεодору

и нѣкоторыя другія второстепенныя, но все же важныя заблужденія, открытыя въ его сочиненіяхъ. Открыто было, что Θεодоръ, 7) хульно отзывался о нѣкоторыхъ книгахъ, принятыхъ въ канонъ священный, — о книгахъ Іова и Пѣсни пѣсней. О писателѣ книги Іова и о содержаніи ея Θεодоръ дѣлаетъ такой отзывъ: „То, что необходимо было выставить на видъ при изложеніи книги Іова, все это могъ бы кто нибудь представить въ лучшемъ свѣтѣ и сдѣлать его ревнителемъ добра. А такъ какъ онъ этого не сдѣлалъ, безъ нужды увлекшись любовію къ тщетной славѣ, то онъ не мало повредилъ мнѣнію о праведникѣ у тѣхъ, которые о божественныхъ писаніяхъ судятъ обыкновенно не съ должнымъ благоговѣніемъ, и тѣмъ многихъ заставляеть порицать написанное. О самыхъ начальныхъ словахъ, которыя писатель влагаетъ въ уста Іова, когда пришли къ нему друзья (Іов. гл. 3), какой человекъ, вѣрно смотрящій на все или здраво обо всемъ разсуждающій, можетъ думать или утверждать, что слова эти приличны мужу праведному? Собираеть съ перваго раза такъ много злословій и обрушивать ихъ на такіе предметы, которые не могутъ принять злословія — кто подумаетъ, что это прилично мужу богобоязненному? Но этотъ позоръ еще малъ въ сравненіи съ тѣмъ, что находится въ концѣ книги (гл. 42). Тамъ говорится, что Іовъ третью дочь свою назвалъ „Амалеевъ рогъ“. Это значитъ показать, что Іовъ вѣрилъ въ языческія басни и уважалъ вымыслы идолослуженія, тогда какъ несомнѣнно, что Іовъ человекъ необразованный, по происхожденію иудеянинъ не могъ даже и знать языческихъ басней о Юпитерѣ, Сатурнѣ и Юнонѣ. Въ этомъ названіи обнаружился писатель, проникнутый сильною, но грубою любовію къ тщеславію. Ибо чтобы показать себя и знающимъ иностранныя ученія и свѣдущимъ въ басняхъ язычниковъ, которыя они считали вѣрными, онъ не усомнился нисколько заимствованное оттуда имя приписать праведнику, который будто бы хотѣлъ украсить имъ свою дочь. Да и все вообще изложеніе книги, по моему мнѣнію, ясно показываетъ, что писатель образованъ былъ языческими ученіями“ (Д. V, 95—97). Еще рѣзче, еще безцеремоннѣе отзывъ Θεодора о

книгѣ *Пѣснь пѣсней*. Онъ и ей отказываетъ въ каноническомъ достоинствѣ, какъ и книгѣ Іова, и относится къ ней съ полнымъ глумленіемъ. Ѳеодоръ писалъ объ этой книгѣ: „Досадно мнѣ было перечитывать Пѣснь пѣсней, потому что она составлена не по подобію пророческой книги и не по историческому преданію, какъ книги Царствъ, и не представляетъ убѣдительнаго увѣщанія къ подвигамъ. При чтеніи ея я усердно зѣваю и дремлю, какъ очарованный брачнымъ пиромъ этой книги“. Содержаніе и цѣль написанія этой книги Ѳеодоръ объясняетъ такимъ образомъ: „Соломонъ устраиваетъ египетское пиршество, вступая въ бракъ съ египтянкой, черезъ это дѣлается человѣкомъ порочнымъ между іудеями и нарушителемъ отечественныхъ законовъ, возбраняющихъ браки съ иноплеменниками. Допустивши нарушеніе закона и раздраженный укоризнами за это со стороны израильтянъ, Соломонъ въ пѣсенной формѣ излагаетъ оправданіе самого себя, чтобы тѣмъ пріятнѣе сдѣлаться для своей супруги, увеселяясь пѣснопѣніями, написанными для нея. Своимъ сочиненіемъ Соломонъ хотѣлъ сказать: такъ какъ меня и невѣсту думаютъ посорить своими поношеніями и раздѣлить своими злословіями, то пусть же послушаютъ, съ какимъ жаромъ мы воспѣваемъ свои объятія, и пусть при этомъ обоняютъ запахъ нашихъ брачныхъ благовонныхъ мастей; пусть раздаются во всѣ стороны звуки величественныхъ пѣсней о нашихъ лобзаніяхъ; воспѣвай невѣста твою пріятную пурпуровую черноту!— Все это надобно имѣть въ виду читающимъ эту книгу, замѣчаетъ Ѳеодоръ,—и не должно думать, что эта книга мудрѣйшаго есть увѣщаніе къ безстыдству и потому не нужно ненавидѣть ее, но не надобно и хвалить ее, какъ будтобы содержащую въ себѣ пророческое изображеніе благъ церкви. Ибо еслибы онъ заслужилъ пророческую благодать, то сдѣлалъ бы гдѣ-нибудь упоминаніе о Богѣ (потому что во всякомъ пророческомъ писаніи непремѣнно упоминается о Богѣ); но должны знать всѣ, что книга эта есть застольная пѣснь, подобно тому, какъ Платонъ впоследствии написалъ пиршество любви. Отъ того ни у іудеевъ, ни у насъ Пѣснь пѣсней не читалась публично“ (Д. V, 99—102).

8) Соборъ ставитъ также въ вину Θεодору то, что онъ многихъ ветхозавѣтныхъ пророчествъ не относитъ ко Христу и Его царству. Θεодоръ худо отзывается о тѣхъ толкователяхъ свящ. писанія, которые съ особенною ревностію изъясняли ветхозавѣтныя пророчества въ смыслѣ мессіанскомъ; онъ говоритъ о нихъ: „многіе стараются отнести всѣ пророчества къ Господу Христу; даже и то, что сказано о народѣ іудейскомъ, понимаютъ подобнымъ образомъ и предоставляютъ іудеямъ поводъ смѣяться, когда указываютъ на пророчества, нисколько не относящіяся къ Господу Христу. Къ числу такихъ ветхозавѣтныхъ пророчествъ, не относящихся ко Христу, Θεодоръ относитъ несомнѣнно мессіанскій псаломъ двадцать первый: *Боже, Боже мой, воими ми, вскую мя еси оставилъ*. Θεодоръ говоритъ, что этотъ псаломъ никакимъ образомъ не относится ко Господу. Если же апостолы слова этого псалма: *раздѣлиша ризы моя себѣ и о одежды моеи меташа жребій* (ст. 19), отнесли ко Христу, то отнесли потому, что на самомъ дѣлѣ съ Господомъ Христомъ случилось то, что прежде преувеличенно сказано было Давидомъ по поводу перенесенныхъ имъ несчастій (Д. V, 75—77) 9) Наконецъ соборъ не оставляетъ безъ вниманія и того, что Θεодоръ позволялъ себѣ считать именованіе: христіане, равнозначительнымъ съ именованіями: платоники, эпикурейцы, манихеи. На соборѣ прочитано было слѣдующее мѣсто изъ сочиненій Θεодора: „у всѣхъ людей, слѣдующихъ какой-либо сектѣ, есть обычай вазываться именемъ основателей секты; таковы названія эпикурейцевъ, платониковъ, манихеевъ и тому подобныхъ. Точно также и апостолы опредѣляли намъ именоваться христіанами, такъ какъ намъ слѣдуетъ внимать ученію Христа“ (Д. V, 71—72).

Всѣ эти заблужденія Θεодора, извлеченныя изъ его сочиненій, найдены соборомъ заслуживающими крайняго порицанія; почему соборъ чтеніе изъ сочиненій Θεодора иногда прерываетъ восклицаніями въ родѣ слѣдующихъ: „Это мы уже осудили, это уже предали анаѳемѣ, анаѳема Θεодору мопсуестскому и его сочиненіямъ; они чужды церкви, они чужды православнымъ, они чужды отцамъ, они полны не-

честія, они возстають на св. Писаніе. Одинъ Θεодоръ, одинъ Іуда. Анаѳема Θεодору: онъ опозорилъ Евангелія, онъ поругался надъ домостроительствомъ нашего спасенія. Анаѳема тѣмъ, которые не анаѳематствовали его. Защитники его іудей, послѣдователи его язычники!“ (Д. V, 81; 106—107).

Основаніемъ для сужденія о виновности Θεодора въ еретическихъ заблужденіяхъ, кромѣ самыхъ сочиненій его, для собора служили историческія свидѣтельства, въ которыхъ выразился голосъ церкви по поводу Θεодора. Сюда относятся посланія и сочиненія Кирилла Александрійскаго противъ Θεодора, сочиненіе Прокла Константинопольскаго, Равулы Едесскаго, и пр., которыя также были читаны на соборѣ ¹⁾.

Послѣ того, какъ во всѣхъ этихъ документахъ собраны были достаточныя данныя для уясненія еретическаго образа мыслей Θεодора, соборъ прежде, чѣмъ осудить Θεодора, считаетъ своимъ долгомъ разобрать возраженія, какія дѣлались въ его защиту противниками осужденія трехъ главъ. Соборъ выставлялъ самыя возраженія и затѣмъ по порядку опровергалъ ихъ. Прежде всего противники осужденія трехъ главъ указывали, что нельзя осуждать Θεодора, когда о немъ отзывался хорошо св. Кириллъ. Кириллъ, говорили они, называлъ Θεодора „добрымъ Θεодоромъ“. Соборъ счелъ за нужное прочесть посланіе Кирилла, гдѣ Θεодоръ названъ этимъ именемъ. Но чтеніе посланія ясно показало, что хотя Кириллъ и называетъ Θεодора „добрымъ“, принимая въ уваженіе его борьбу съ аріанами и его истолковательные труды по Св. Писанію, но въ то же время въ томъ же посланіи порицаетъ его за его неправильныя мысли о соединеніи двухъ естествъ во Христѣ. Ссылка защитниковъ Θεодора на то, что Θεодора хвалить въ своемъ письмѣ Григорій Богословъ, найдена ложною, потому что Григорій Богословъ писалъ свои похвальные письма другому Θεодору, епископу Тіанскому, а не Мопсуестскому (Д. V, 150—159).

¹⁾ Съ содержаніемъ ихъ мы уже знакомы. См. выше „происхожденіе спора“.

Да и вообще соборъ находить, что хорошій отзывъ какого-либо уважаемаго лица о другомъ, оказавшемся еретикомъ, не можетъ освобождать послѣдняго отъ осужденія. Такъ Василій Великій говорилъ о еретикѣ Аполлинаріи: „Аполлинарія не почиталъ я врагомъ, а за иное и уважаю этого человѣка“; но это однакожь не избавило его отъ осужденія. А также Левъ, папа Римскій, сначала принялъ сторону Евтихія и въ своемъ посланіи одобрялъ его; однако послѣ осудилъ его и анаематствовалъ какъ еретика (Д. V, 185—6). Притомъ соборъ находилъ, что снисходительный отзывъ объ извѣстномъ заблуждающемся лицѣ тѣмъ меньше можетъ освобождать его отъ осужденія, что такой отзывъ иногда дѣлается въ видахъ мира и спокойствія церковнаго. Такъ напр. Кириллъ кротко отзывался о Θεодорѣ единственно для того, чтобы не раздувать у несторіанъ еще болѣе вражды къ церкви (Д. V, 179). Защитники трехъ главъ далѣе возражали относительно Θεодора: Θεодора нельзя осуждать, потому что онъ умеръ. Соборъ находить подобное сужденіе неосновательнымъ и многими примѣрами доказываетъ, что еретика не безвременно осуждать и по смерти. Въ особенности соборъ ссылается въ этомъ случаѣ на свидѣтельства св. Кирилла и Блаженнаго Августина. Кириллъ писалъ: „И такъ должно осуждать тѣхъ, которые повинны въ дурныхъ поступкахъ, въ живыхъ ли они находятся или нѣтъ“ (Д. V, 161). Блаженный Августинъ, когда одного изъ прежнихъ епископовъ—Цециліана Карфагенскаго—выставляли виновникомъ нарушенія мира церковнаго, объявлялъ: „еслибы это когда нибудь было доказано намъ, мы сами анаематствовали бы его по смерти“. При другомъ случаѣ Августинъ писалъ: „предателей я тѣломъ и душой отвергаюсъ даже послѣ ихъ смерти“ (Д. V, 164. 165). Въ доказательство позволительности осуждать лицъ, заслужившихъ того, послѣ ихъ смерти, отцы собора ссылались на одно постановленіе собора Африканскаго, которымъ предписывалось епископовъ; завѣщававшихъ свое имущество еретикамъ, подвергать анаемѣ послѣ ихъ смерти (Д. V, 162). Кромѣ того соборомъ представлены были и многія другія свидѣтельства въ томъ же родѣ,—

указывали на то, что Аѳанасій Великій осудилъ еретика Аполлинарія уже по смерти его; Теофиль архіепископъ Александрійскій—Оригена, давно уже умершаго; Равула—Теодора мопсуестскаго; подобнымъ же образомъ были анаѳематствованы гностики Валентинъ, Маркіонъ, Василидъ (Д. V, 166; 186). Третье возраженіе, съ какимъ выступили защитники Теодора противъ осужденія его, состояло въ указаніи на то, что онъ умеръ въ мирѣ съ церковью. Соборъ не придавалъ этому возраженію никакой силы, считая умершими въ мирѣ съ церковью только тѣхъ, кто до конца жизни соблюдалъ догматы вѣры. Главнымъ же аргументомъ, служащимъ къ отстраненію этого возраженія, были дѣянія собора мопсуестскаго, которыя показали, что въ Мопсуестѣ съ давнихъ временъ имя Теодора было вычеркнуто изъ диптиховъ церковныхъ. Дѣянія эти были перечитаны на соборѣ ¹⁾).

Сообразно плану, какой начертанъ былъ въ указѣ императорскомъ, по окончаніи соборныхъ сужденій о Теодорѣ мопсуестскомъ (самое осужденіе его отложено до времени разсмотрѣнія дѣла всѣхъ трехъ главъ), соборъ занялся вопросомъ о Теодоритѣ Кирскомъ. Нужно было разсмотрѣть нѣкоторыя сочиненія Теодорита, написанныя противъ правой вѣры и въ интересахъ несторіанства; это именно и дѣлаетъ соборъ. Сочиненіями, заслуживающими особеннаго порицанія со стороны собора, признаны слѣдующія:

1) его разборъ двѣнадцати анаѳематизмъ Кирилловыхъ, гдѣ Теодоритъ прямо выразилъ свой несторіанскій образъ воззрѣній. Здѣсь встрѣчались мѣста чисто несторіанскія, напр: „Богъ-Слово не родился отъ Дѣвы естествомъ, зачавшись и образовавшись, и съ того времени получивши начало существованія, но Образовавшій себѣ храмъ въ дѣвической утробѣ былъ вмѣстѣ съ образованнымъ и рожденнымъ. Поэтому и святую Дѣву называемъ Богородицей, не потому что она родила Бога по естеству, но потому что она родила человѣка, соединеннаго съ Богомъ, который образовалъ его“. И еще: „мы называемъ Христа Богомъ и

¹⁾ См. выше: „Исторія спора“.

человѣкомъ; единства же вѣстаснаго, какъ страннаго и чуждаго, не знаемъ никакимъ образомъ, ни изъ божественнаго писанія, ни изъ отцевъ, изъяснявшихъ Писаніе“ (Д. V, 218—219).

2) Нѣкоторыя посланія его, въ которыхъ св. Кирилль, защитникъ вѣры, поносился самымъ безпощаднымъ образомъ. Такъ прочитано было его посланіе „къ монастырямъ“, въ которомъ Кирилль назывался послѣдователемъ Аполлинарія, его ученіе считалось нечуждымъ безумія гностиковъ Валентина и Маркіона; онъ уравнивался съ еретиками: Ариемъ, Евноміемъ, Македоніемъ; приписывалась ему мысль, будто бы имъ раскрываемая, что „само безстрастное и неизмѣняемое Божество страдало, пригвождено было ко кресту и умерло“ (Дѣян. V, 221—222). На соборѣ разсмотрѣно было и еще другое посланіе Θεодорита, осыпающее бранью и насмѣшками Кирилла, уже умершаго ¹⁾). Въ посланіи говорилось: „наконецъ поздно и насилу умеръ злой человѣкъ. Ибо добрые и благодѣтельные люди переселяются туда прежде времени, а злые живутъ долго. А его несчастнаго (Кирилла) Правитель нашихъ душъ не оставилъ подобно другимъ долѣе наслаждаться тѣмъ, что кажется увеселительнымъ, но зная злобу сего мужа, ежедневно возраставшую и вредившую тѣлу церкви, отрѣзалъ какъ бы какую-нибудь язву и отъялъ поношеніе отъ сыновъ израиля. Отшествіе его обрадовало оставшихся въ живыхъ, но опечалило, быть можетъ, умершихъ и можно опасаться, чтобы они, слишкомъ отягченные его сообществомъ, опять не отослали его къ намъ, или чтобы онъ не убѣждалъ отъ тѣхъ, которые отводятъ его, подобно тому какъ тиранъ циника Лукіана (въ одномъ сатирическомъ произведеніи). Итакъ надобно позаботиться, и нужно въ особенности предпринять эту поспѣшность—приказать обществу носильщиковъ умершихъ положить какой-нибудь величайшій и тяжелѣйшій камень на гробницу, чтобы онъ опять сюда не пришелъ и снова не сталъ доказывать

---

¹⁾ Одни считаютъ это посланіе подложнымъ, напр. *Лаббе*, издатель дѣяній соборныхъ въ подлинникъ (Дѣян. V, 227); но другіе считаютъ его подлиннымъ (*Neander, Allgemeine Geschichte der Religion und Kirche. Band. 1, S. 995, Ausgabe 1856*).

нетвердыя мнѣнія. Пусть возвѣщаетъ новые догматы находящимся въ аду и пусть тамъ разглагольствуетъ днемъ и ночью какъ хочетъ. Я радуюсь и услаждаюсь, видя общество церковное освобожденнымъ отъ такого рода заразы (Кирилла); но печалюсь и рыдаю, помышляя, что онъ жалкій не успокоился отъ золь, но умеръ покушаясь на большія и худшія. Но Богъ видитъ и не презрѣлъ: Онъ положилъ узду на его уста и удила на его губы, и возвратилъ въ землю, изъ которой онъ взятъ“ (Дѣян. V, 227—229).

3) Посланіе Θεодорита къ Андрею епископу Самосатскому. Все это посланіе исполнено самыхъ страшныхъ хуленій на III вселенскій соборъ; въ немъ сторона православныхъ этого собора описывается, какъ злодѣи; сторона несторіанская, какъ страждущая за истину и вѣру. „Пишу изъ Ефеса (гдѣ былъ III вселенскій соборъ) о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя произошли здѣсь—бѣдствіяхъ, превышающихъ всю силу разума и превосходящихъ историческое повѣствованіе и достойныхъ постоянныхъ слезъ и непрерывнаго плача. Ибо тѣлу церкви грозитъ опасность быть разодраннымъ, скорѣе же оно получило уже разрѣзъ, если мудрый Врачъ не поправитъ отдѣлившіяся и загнившіе члены и не соединитъ ихъ. Опять безумствуетъ Египетъ (Кириллъ) противъ Бога, воюетъ съ Моисеемъ и Аарономъ и слугами его, и весьма большая часть израиля соглашается съ противниками; здравомыслящихъ же, которые добровольно подъемятъ труды за благочестіе, чрезвычайно мало. Поругано достопочтенное благочестіе. Надъ такимъ соборомъ смѣются египтине и палестинцы, и понтійцы, и азійцы и съ ними Западъ. Какіе смѣхотворцы во время нечестія такъ осмѣивали благочестіе въ комедіи? Какой писатель комедіи прочитаетъ когда-либо такую басню? Какой трагическій поэтъ достойно опишетъ плачь объ этомъ? Столь великія и такіа бѣдствія обрушились на церковь Божию, а лучше сказать: я рассказалъ самую малую частицу того, что сдѣлано (Дѣян. V, 224--5).

4) На соборѣ прочитано было его посланіе къ Несторію, писанное послѣ III вселенскаго собора. Оно показывало, что Θεодоритъ оставался послѣдователемъ Несторія и послѣ того, какъ вселенская церковь произнесла анаѣему на этого ере-

тика: въ посланіи къ Несторію Θεодоритъ говоритъ языкомъ друга и преданнаго ученика. Посланіе озаглавлялось: „господину моему достопочтеннѣйшему и благочестивѣйшему и святѣйшему отцу, епископу Несторію“, и затѣмъ говорилось: „съ тѣмъ, что несправедливо и противозаконно совершено противъ твоей святости, я не позволю себѣ согласиться и тогда, еслибы кто-нибудь отсѣкъ мнѣ обѣ руки, при помощи мнѣ божественной благодати, поддерживающей немощ души. Это я письменно сдѣлалъ извѣстнымъ и тѣмъ, которые требовали; но никакое время по милости Божіей не измѣнило насъ“ (Дѣян. V, 225—226). Соборомъ выслушано было также и то, что написано было Θεодоритомъ въ защиту Θεодора Мопсуестскаго (Дѣян. 146 и д.).

По заключеніи разсмотрѣнія нѣкоторыхъ направленныхъ противъ вѣры и церкви сочиненій Θεодорита, очередь наконецъ дошла до разсмотрѣнія дѣла третьей главы — Ивы Едесскаго съ его посланіемъ къ Марію Персу. Главнымъ вопросомъ при разсмотрѣніи былъ вопросъ, который намѣченъ былъ указомъ Юстиніана, именно — можно ли утверждать, какъ утверждаютъ нѣкоторые, что посланіе Ивы принято соборомъ Халкидонскимъ (Дѣян. V, 232)? Съ этою цѣлю соборъ останавливаетъ свое вниманіе на томъ, какъ поступлено было съ Ивою на соборѣ Халкидонскомъ. Нѣкоторые епископы — ораторы въ своихъ рѣчахъ раскрывали мысль, что хотя Ива и былъ оправданъ на соборѣ Халкидонскомъ, но это оправданіе не простиралось на посланіе его, такъ какъ онъ прямо заявлялъ, что онъ неповиненъ въ томъ, въ чемъ его обвиняютъ; значитъ онъ отказывался и отъ самого посланія, какъ невыражающаго его дѣйствительнаго образа мыслей (Дѣян. V, 246). Однимъ изъ важнѣйшихъ доказательствъ того, что посланіе Ивы будто бы было принято соборомъ Халкидонскимъ, для противниковъ осужденія трехъ главъ служили сужденія, въ которыхъ отцы Халкидонскаго собора выразили свое мнѣніе объ Ивѣ и посланіи его, ибо нѣкоторыя сужденія говорили, что и Ива невиненъ и посланіе его православно. Соборъ разсматриваетъ это возраженіе противъ осужденія Ивы и находитъ, что хотя нѣкоторые немногіе епископы и отзывались подобнымъ

образомъ объ Ивѣ, но большинство смотрѣло на него, какъ на заблуждающагося, но раскаивавшагося человѣка, а на соборахъ, — объявляли отцы V вселенскаго собора, — должно внимать не рѣчамъ отдѣльныхъ лицъ, но тому, что опредѣляется всѣми вообще или большинствомъ (Дѣян. V, 247). Для лучшаго же удостовѣренія въ томъ, что посланіе Ивино не было принято въ Халкидонѣ, соборомъ произведено было сличеніе посланія этого съ опредѣленіями Халкидонскаго собора. Между мнѣніями, высказанными въ посланіи, и между опредѣленіями этого собора не было сходства: мнѣнія высказанныя въ первомъ отвергались отцами Халкидонскаго собора. Напримѣръ, Халкидонскій соборъ въ своихъ опредѣленіяхъ о вѣрѣ говоритъ, что Богъ-Слово воплотился и сталъ человѣкомъ, который есть Господь нашъ Іисусъ Христосъ, а посланіе называетъ еретиками и аполлинарисстами тѣхъ, которые говорятъ, что Богъ-Слово воплотился и сталъ человѣкомъ. Халкидонскій соборъ проповѣдуетъ, что св. Дѣва Марія есть Богородица, а посланіе опровергаетъ, что св. Дѣва есть Богородица. Халкидонскій соборъ говоритъ, что онъ слѣдуетъ по всему образцу Ефесскаго собора, а посланіе порицаетъ этотъ соборъ. Халкидонскій соборъ признаетъ Кирилла своимъ учителемъ, а посланіе называетъ его еретикомъ и говоритъ о немъ, что онъ впалъ въ ученіе Аполлиарія (Дѣян. V, 316—18, 323). Когда сдѣлано было это сличеніе посланія съ опредѣленіями Халкидонскаго собора, отцы единодушно провозгласили посланіе Ивино еретическимъ: это всѣ мы сказали—воскликали они— посланіе еретическое; всѣ мы осуждаемъ посланіе; всѣ мы анаематствуемъ оное, посланіе чуждо собору, посланіе противно опредѣленіямъ, все посланіе еретическое, все богохульное. Кто его не анаематствуетъ, тотъ еретикъ. Кто принимаетъ посланіе, тотъ отвергаетъ св. Халкидонскихъ отцевъ (Дѣян. V, 325—326.);

По окончаніи разсмотрѣнія вопроса объ Ивѣ и его посланіи, соборъ приступилъ къ провознесенію приговора относительно трехъ главъ. Это происходило на 8 засѣданіи собора. Въ опредѣленіи соборномъ говорилось:

„Осуждаемъ и анаематствуемъ вмѣстѣ со всѣми дру-

гми еретиками и Θεодора, который былъ епископомъ въ Моисуестѣ и его нечестивыя сочиненія, и то, что нечестиво написалъ Θεодоритъ противъ правой вѣры, противъ 12 главъ святаго Кирилла и противъ Ефесскаго собора, и что написано имъ въ защиту Несторія. Кромѣ того анаеematствуемъ и нечестивое посланіе, которое написалъ Ива къ Марію, отвергающее, что Богъ-Слово, воплотившись отъ св. Богородицы и Приснодѣвы Маріи, сдѣлался человѣкомъ, и порицающее св. памяти Кирилла, учившаго православно, какъ еретика и какъ писавшаго подобно Аполлинарію, и обвиняющее Ефесскій соборъ въ томъ, что имъ низложенъ Несторій безъ суда и слѣдствія, и защищающее Θεодора и Несторія и ихъ нечестивыя ученія и сочиненія. Итакъ анаеematствуемъ вышеупомянутыя три главы, т.-е. нечестиваго *Θεодора* съ его неупотребными *сочиненіями*, и то, что нечестиво *написалъ* Θεодоритъ, и нечестивое *послание*, которое приписывается Ивѣ, и ихъ защитниковъ, и тѣхъ, которые писали или пишутъ въ защиту ихъ, или дерзають называть ихъ православными, или вообще защищая ихъ, стараются защитить ихъ нечестіе именемъ св. отцевъ и св. Халкидонскаго собора“ (Дѣян. V, 371—372).

Отсюда видно, что соборъ, осудивъ лицо и сочиненія Θεодора, не осудилъ лица Θεодорита и Ивы, пощадилъ ихъ, а осудилъ только нѣкоторые сочиненія одного и одно письмо другаго.

На востокѣ, гдѣ съ самаго начала церковь соглашалась на осужденіе трехъ главъ, утвержденіе V вселенскаго собора не встрѣтило себѣ противодѣйствія. Иначе дѣло было на западѣ. Западъ до времени и во время V вселенскаго собора рѣшительно противился осужденію трехъ главъ, даже самъ папа колебался осудить ихъ, и скорѣе склонялся къ требованіямъ запада, чѣмъ востока. Поэтому соборъ V вселенскій не тотчасъ приобрѣлъ себѣ авторитетъ на западѣ наравнѣ съ прежними четырьмя вселенскими соборами. Проходитъ цѣлое полстолѣтіе, прежде чѣмъ защитники трехъ главъ согласились на признаніе V вселенскаго собора. Римскіе папы показали себя дѣятельными защитниками авторитета V вселенскаго собора. Самъ папа Вигилій, который

даже во время собора не чуждъ былъ симпатій къ тремъ главамъ, послѣ собора оказался поборникомъ осужденія трехъ главъ. Папа этотъ писалъ патриарху Константинопольскому: „итакъ нечестивыя три главы мы анаематствуемъ и осуждаемъ, т.-е. нечестиваго Теодора вмѣстѣ съ его сочиненіями, и все, что нечестиво написалъ Теодоритъ, и посланіе, которое написано Ивою, и въ которомъ содержатся нечестивыя хулы“. При этомъ папа прибавляетъ: „что же сдѣлано было или мною или другими въ защиту трехъ главъ, то мы упраздняемъ опредѣленіемъ настоящей нашей грамоты“ (Дѣян. V, 408. 409). Въ томъ же духѣ дѣйствовалъ и преемникъ Вигилія папа Пелагій I. Онъ обращается къ нѣкоторымъ западнымъ епископамъ (въ Истріи) съ увѣщаніемъ послѣдовать V вселенскому собору. Изъ его посланія къ этимъ епископамъ видно, что въ это время большинство западныхъ еписколовъ соглашались уже на признаніе V вселенскаго собора, ибо папа замѣчаетъ въ этомъ посланіи, что „хотя послѣ долгаго труда и послѣ долгаго времени, прошедшаго въ препирательствахъ даже до обидъ, западные епископы однакоже согласились на осужденіе трехъ главъ, дознавъ истину“. Причиною такого сопротивленія Пелагій выставляетъ незнаніе латинянами греческаго языка, вслѣдствіе чего они долгое время должны были руководиться ошибочными слухами (Дѣян. V, 421—422). Папа Григорій Великій (въ концѣ VI вѣка) борется съ остальными защитниками трехъ главъ. Это были отдаленные епископы Ирландскіе. Григорій разъясняетъ имъ, что въ вопросѣ о трехъ главахъ „ничего не было нарушено въ дѣлѣ вѣры или какимъ-нибудь образомъ измѣнено“; призываетъ ихъ къ единенію съ церковію и надѣется, что они послушно послѣдуютъ ея голосу (Дѣян. V, 458—9). Послѣ временъ папы Григорія авторитетъ V вселенскаго собора непрерываемо утверждается во всей церкви наравнѣ съ первыми четырьмя вселенскими соборами.

МОНОФЕЛИТСТВО И VI ВСЕЛЕНСКИЙ СОБОРЪ.

1. *Монофелитство и поборники православія до VI вселенскаго собора.*

А. Монофелитство.

Происхождение ереси.—Монофелиты Ираклій, Сергій, Киръ.—Киръ и его унія въ Египтѣ.—Еретичество папы Гонорія.—„Изложение“.—„Образецъ“.—Сила монофелитства.

Ересь седьмага вѣка — монофелитство находится въ самой родственной связи съ ересью монофизитовъ. Хотя надъ монофизитствомъ церковь давно уже, еще въ V вѣкѣ на соборѣ Халкидонскомъ четвертомъ вселенскомъ, произнесла свой судъ, однакожь ересь эта не переставала имѣть многочисленныхъ приверженцевъ въ VI и VII вѣкахъ. Въ этомъ послѣднемъ вѣкѣ монофизитство является въ новомъ видѣ своего развитія, — изъ него выражается ересь монофелитская. Монофелиты утверждали, что во Христѣ одна воля и одно дѣйствіе божеское, человѣческой же воли и человѣческой дѣятельности не признавали въ Богочеловѣкѣ. Такой переходъ монофизитства въ монофелитство былъ весьма естественъ. Въ самомъ дѣлѣ монофизитское ученіе объ одной природѣ во Христѣ — божественной и непризнание въ Немъ природы человѣческой само собой вело къ ученію объ одной волѣ во Христѣ тоже божественной, и къ непризнанію въ Немъ воли человѣческой. Одно естество необходимо имѣло и одну волю. Одинъ современникъ VI вселенскаго собора ¹⁾ (папа Агафонъ) именно объявляетъ монофелитство плодомъ

¹⁾ Исторія VI вселенскаго собора и монофелитства изложена въ VI томѣ „Дѣяній вселенскихъ соборовъ“, переведенныхъ при Казанской дух. академіи. Изд. 1-ое.

монофизитства. Онъ говоритъ: „Тѣ, кои сливають таинство святаго воплощенія, уже тѣмъ самымъ, что исповѣдуютъ единое естество (монофизитство) во Христѣ, составившееся изъ Божескаго и человѣческаго, стремятся признать въ Немъ, какъ единомъ, *единую волю и единое личное дѣйствіе*“ (Дѣян. т. VI, стр. 71). Но и въ средѣ самихъ православныхъ лицъ нашлись такія, которыя посредствомъ неправильныхъ умозаключеній отъ истиннаго ученія о Богочеловѣкѣ, утвержденного на III и IV вселенскихъ соборахъ, также приходили къ моноелитству. Церковь въ борьбѣ съ несторіанствомъ и монофизитствомъ выразила свое православное ученіе въ такомъ родѣ, что въ противоположность несторіанству утвердила единство лица (ипостаси) Богочеловѣка, а въ противоположность монофизитству—двойство природъ во Христѣ. Нѣкоторые изъ среды православныхъ, обращая вниманіе лишь на одну сторону этого ученія,—именно на ученіе о единствѣ ипостаси Богочеловѣка, дѣлали отсюда неправильное заключеніе, что признаніе единства лица требовало допущенія и единства воли во Христѣ. Подобные люди разсуждали такимъ образомъ: „Господь нашъ Іисусъ Христосъ и по воплощеніи пребываетъ въ двухъ совершенныхъ естествахъ неслитно и нераздѣльно въ одномъ лицѣ и одной ипостаси; особенности того и другаго естества стеклись въ одно лицо, въ одну ипостась; поэтому мы исповѣдуемъ Христа въ новомъ образѣ *безъ тѣлесныхъ хотѣній и человѣческихъ помысловъ*, исповѣдуемъ въ Немъ *одно ипостасное хотѣніе и дѣйствіе*“ (Дѣян. VI, 177). Но это было моноелитство, а не истинно-православное ученіе, хотя оно и выводилось изъ ученія вселенской церкви. Правильное же церковное ученіе заключалось въ признаніи во Христѣ двухъ волей Божеской и человѣческой; эта истина была необходимымъ выводомъ изъ утвердившагося въ церкви ученія о двухъ природахъ во Христѣ: если во Христѣ находятся двѣ природы полныя, всецѣльныя, со всѣми своими свойствами, то онѣ не могли быть безъ ихъ принадлежностей—воли божественной и человѣческой; иначе онѣ были бы неполны, несовершенны, лишены своихъ необходимыхъ свойствъ (Дѣян. VI, 314. 315).

Мысли моноелитскія нерѣдко высказывались и ранѣе VII вѣка (Д. VI, 101. 102), но онѣ не достигали ни особенной силы и развитія, ни особеннаго распространенія. Широкое распространеніе моноелитство приобрѣло лишь съ царствованія императора Ираклія, который захотѣлъ воспользоваться этимъ ученіемъ для своихъ цѣлей чисто государственныхъ. Политическое единство имперіи могло основываться только на единствѣ религіозномъ; но этого единства религіознаго не было, какъ скоро цѣлые миліоны подданныхъ исповѣдывали монофизитство. Императоръ хотѣлъ помирить монофизитовъ съ православными и для сего воспользовался моноелитскимъ ученіемъ. Онъ надѣялся, что если монофизитамъ сдѣлать нѣкоторую уступку, ввести въ церковь ученіе объ одной волѣ во Христѣ, то этимъ будутъ довольны они и примкнутъ къ обществу православныхъ, при чемъ, казалось ему, и православные не потерпятъ ущерба въ своихъ основныхъ убѣжденіяхъ; ибо истина, за которую со всею ревностію стояло православіе о двойствѣ естествъ во Христѣ, не утрачена подобнымъ ученіемъ. Можно догадываться, что къ осуществленію этой мысли Ираклій пришелъ подъ вліяніемъ знакомства съ мыслями и расположеніями монофизитовъ въ Арменіи и Колхидѣ, гдѣ императоръ въ 622 и послѣдующихъ годахъ находился по военнымъ обстоятельствамъ. Императоръ былъ человѣкомъ свѣдущимъ въ религіозныхъ вопросахъ; во время пребыванія своего въ названныхъ странахъ, гдѣ сильно было монофизитство, онъ вступалъ со многими представителями этого лжеученія въ религіозныя бесѣды и споры, вѣроятно выспрашивалъ ихъ: не присоединятся ли они и ихъ послѣдователи къ церкви православной, если въ послѣдней будетъ провозглашено ученіе сходное съ монофизитствомъ, — объ одной волѣ и дѣйствіи во Христѣ. Нужно полагать, что собесѣдники подали ему въ этомъ случаѣ добрыя надежды. Въ особенно близкихъ отношеніяхъ стоялъ императоръ въ Колхидѣ съ митрополитомъ монофизитомъ Киромъ. Подъ вліяніемъ своихъ бесѣдъ съ представителями монофизитовъ, которые возбуждали въ немъ лестныя для него и его плановъ на-

дежды, Ираклій письменво обращается къ патриарху константинопольскому Сергію, вѣроятно дѣлясь съ нимъ мыслями и чувствами по данному дѣлу (Дѣян. VI, 366—367). Сергіій безъ сомнѣнія и раньше еще сталкивался съ императоромъ о томъ, какъ моноелитскимъ ученіемъ воспользоваться къ выгодѣ имперіи. Безъ подобнаго предположенія нельзя объяснить той готовности, съ какою Сергіій становится на защиту моноелитства. Сергіій на письмо изъ Колхиды отвѣчаетъ увѣреніемъ, что ученіе объ одной волѣ и одномъ дѣйствіи во Христѣ есть ученіе, которое не только не противно преданіямъ церкви, напротивъ гораздо сообразнѣе съ ними, чѣмъ ученіе о двухъ воляхъ и двухъ дѣйствіяхъ во Христѣ (Д. *ibidem.*). Мысли патриарха объ одной и двухъ воляхъ во Христѣ выразились въ одномъ его посланіи въ слѣдующемъ видѣ: „слѣдовать ученію о двухъ воляхъ, значило бы предположить во Христѣ двѣ противоположныя одна другой воли, напримѣръ, волю Бога Слова, желающаго совершить спасительное страданіе, и волю его человечества, противящуюся Его волѣ и такимъ образомъ вводитъ двухъ желающихъ противоположнаго другъ другу, что нечестиво. Невозможно, чтобы въ одномъ лицѣ находились вмѣстѣ двѣ противоположныя одна другой воли. Ученіе св. отцевъ ясно внушаетъ, что одушевленная плоть Господа никогда не дѣлала своего естественнаго движенія сама по себѣ и по собственному стремленію, вопреки мановенія соединеннаго съ нею Бога Слова, но дѣлала движеніе, когда, какое и сколько хотѣлъ самъ Богъ Слово; говоря яснѣе, какъ наше тѣло управляется и упорядочивается разумною душою, такъ и въ Господѣ Христѣ человеческая Его природа руководилась всегда и во всемъ Божествомъ Его Слова, была богодвижима“ (Дѣян. VI. 371. 372).

Такимъ образомъ главными лицами, наиболѣе заинтересованными ученіемъ объ одной волѣ и одномъ дѣйствіи во Христѣ—были императоръ Ираклій, патриархъ Константинопольскій Сергіій и митрополитъ въ Клохидѣ Киръ; душою всего дѣла былъ самъ императоръ.

Слѣдовало сдѣлать опытъ прижѣненія моноелитскихъ воз-

зрѣній для политической цѣли — объединенія монофизитовъ съ православными. Это и сдѣлано было въ Египтѣ въ 633 году. Египетъ одно изъ гнѣздъ монофизитства, болѣе, чѣмъ какая другая страна въ имперіи, вызываетъ императора на попытку ввести моноелитскую унію въ указанномъ смыслѣ. Въ самомъ дѣлѣ въ Египтѣ въ это время на какихъ-нибудь 300,000 православныхъ приходилось 5 или 6,000,000 монофизитовъ ¹⁾. Орудіемъ императорскихъ намѣреній сдѣлался Киръ, прежде митрополитъ въ Колхидѣ, а теперь патріархъ Александрійскій, человекъ ловкій и искусный. Унія велась подъ самымъ тщательнымъ наблюденіемъ императора Ираклія и Сергія, которымъ Киръ безъ сомнѣнія и обязанъ своимъ возведеніемъ въ патріарха. Ираклію и Сергію доносило было о каждой мелочи, о каждой подробности въ ходѣ дѣла; съ своей стороны они спѣшили съ скорѣйшею помощію къ Киру, если нужно было что-либо исправить въ его дѣятельности, указать (Дѣян. VI, 398). Дѣло уніи пошло успѣшно; по крайней мѣрѣ такъ свидѣтельствуютъ Сергій и Киръ. Они говорятъ, что много трудовъ, много искусства употреблено было для достиженія цѣли, но за то цѣль достигалась. Въ Александріи цѣлыя тысячи монофизитовъ примкнули къ уніи. Всѣ клирики вмѣстѣ съ сановниками города и военачальниками и со всѣмъ народомъ присоединились къ церкви, въ знакъ чего приняли причастіе изъ рукъ патріарха Кира. И такъ было не въ одной Александріи, но и во всемъ Египтѣ: почти весь Египетъ, Фиваида и Ливія подали руку примиренія православнымъ въ церкви Александрійской и ея вождю Киру. Въ своемъ восторгѣ, по поводу событія Киръ писалъ (къ Сергію): „такимъ образомъ составилъ праздникъ, какъ написано, праздникъ во участвующихъ до рогъ олтаревыхъ (Псал. 117, 27), а если сказать правдивѣе, то не до рогъ олтаревыхъ, но до самыхъ облаковъ и за облаками до небесныхъ чиновъ, радующихся о мирѣ церквей и обращающихся къ нему“ (Д. VI, 367—8; 397—8). Теперь взглянемся точнѣе, какими жертвами покупалось воссоединеніе монофизитовъ въ Египтѣ съ пра-

¹⁾ Гефеле въ „Исторіи Соборовъ“ (Band III. Ausgabe 1853), стр. 119.

вославною церковію. Чтобы привлечь монофизитовъ къ православію, Киръ издаетъ въ Египтѣ исповѣданіе вѣры, которое должно было удовлетворить и ту и другую сторону— православныхъ и монофизитовъ. Но исповѣданіе это, если и могло удовлетворить монофизитовъ, то отнюдь не могло удовлетворить православныхъ. Исповѣданіе беретъ на себя невозможное дѣло — примирить монофизитское ученіе съ православнымъ. Въ исповѣданіи, наприкладъ, говорилось: признаемъ во Христѣ соединеніе двухъ природъ „физическое (мысль монофизитская) и ипостасное“ (мысль православная); или: Христосъ изъ двухъ естествъ (мысль православная); Христосъ „созерцается въ двухъ естествахъ“ (мысль монофизитская); еще: „одно естество Бога-Слова воплощенное“ (чистое монофизитство), во Христѣ „одна составная ипостась“ (чистое православіе); и еще: „Христосъ страдалъ тѣмъ и другимъ естествомъ“ (монофизитство), и вслѣдъ за этимъ замѣчается: „Христосъ страдалъ плотію какъ человѣкъ, а какъ Богъ пребывалъ безстрастнымъ въ страданіяхъ собственной плоти“ (православіе). Но, главное, въ разсматриваемомъ исповѣданіи прямо и рѣшительно провозглашено моноелитское ученіе; здѣсь говорилось: „одинъ и тотъ же Христосъ и Сынъ производилъ, что прилично Богу и человѣку, *однимъ богомужнымъ*¹⁾ *дѣйствіемъ*“ (Дѣян. VI, 399—401). Вотъ мысли положенныя въ основѣ уніи монофизитовъ съ православными! Онѣ были благопріятны для монофизитовъ, и потому нисколько не удивительно, если монофизиты въ Египтѣ цѣлыми тысячами стали обращаться здѣсь къ церкви. Но съ другой стороны для православныхъ было ясно, что унія египетская есть полнѣйшая измѣна вѣрѣ и православію. Поэтому, тоже неудивительно, если унія эта встрѣчаетъ противодѣйствіе на всемъ востокѣ и западѣ, противодѣйствіе, устрашившее самихъ зачинщиковъ дѣла и заставившее ихъ искать разныя мѣры,

---

1) Выраженіе: „богомужное“ дѣйствіе, повидимому доказывающее моноелитское ученіе, монофизиты заимствовали изъ сочиненій извѣстныхъ съ именемъ Діонисія Ареопагита; но они выраженію этому придавали другой, ложный смыслъ, тѣмъ какой оно имѣло въ самихъ названныхъ сочиненіяхъ. См. Гефеле въ „Исторіи Соборовъ“ (тамъ же), стр. 117.

чтобы поддержать свое дѣло. Въ средѣ православныхъ для этой уніи не было другаго имени какъ „водная“ унія, — ироническое названіе, указывающее на непрочность затѣи моноелитовъ. Такимъ названіемъ православные стѣбали на самохвалыные возгласы монофизитовъ, говорившихъ послѣ этой уніи, что самъ „соборъ Халкидонскій (т. е. почитатели его) пришелъ къ намъ, а не мы къ нему“, ¹⁾ указывая этимъ на большія уступки, какія партія моноелитствующихъ сдѣлала монофизитамъ относительно ученія вѣры.

Сергій увидѣлъ, что не легко привести въ сознаніе православныхъ христіанъ еретическое ученіе объ одной волѣ и одномъ дѣйствіи во Христѣ, что эта новость возбудила въ церкви сильныя „пренія“ и „любопренія“ (Д. VI, 370), и въ виду этого старался съ одной стороны сколько возможно потушить возгорѣвшіеся споры, не отказываясь впрочемъ отъ своего лжеученія, съ другой стороны пріобрѣсти оному вліятельныхъ защитниковъ. Чтобы потушить споры, онъ писалъ Киру Александрійскому, внушая ему, что „не должно никому позволять проповѣдывать объ одномъ или двухъ дѣйствіяхъ во Христѣ Богѣ“; въ томъ же родѣ были его внушенія и самому императору (Дѣян. VI, 370. 373). Вслѣдъ за тѣмъ Сергій вступаетъ въ сношенія съ папою Гоноріемъ. Этимъ онъ хочетъ привлечь его на свою сторону, на сторону моноелитовъ, и тѣмъ придать своему дѣлу важность и силу въ церкви. Сергій писалъ къ Гонорію, и въ письмѣ раскрывалъ, какъ необходимо было все то, что предпринято Киромъ въ Египтѣ; жаловался на тѣхъ, кто поднималъ споры по вопросу о воляхъ во Христѣ, но въ тоже время необинуясь заявлялъ, что ученіе объ одной волѣ и объ одномъ дѣйствіи во Христѣ лучше ученія о двухъ воляхъ и двухъ дѣйствіяхъ въ Немъ (Д. VI, 366—374). Сергій повелъ такъ искусно свои сношенія съ Гоноріемъ, что тотъ легко запутался въ еретическихъ сѣтяхъ, разставленныхъ ему патріархомъ Константинопольскимъ. Гонорій, какъ видно, былъ неискуснымъ богословомъ, не

---

¹⁾ Theophanes. Chronographia, p. 67ⁿ (Migne, Cursus patr. tom. 103); Combefis. Opera Maximi, tom. 1, p. VIII.

сумѣлъ распутать всѣхъ хитросплетеній Сергія и, повѣривъ его сладкимъ словамъ, принялъ сторону моноелитствующихъ. Папа въ отвѣтномъ посланіи Сергію хвалить его за его осторожность и предусмотрительность, совершенно соглашается съ нимъ, что не слѣдуетъ спорить о вопросѣ, который не былъ разъясненъ доселѣ соборами, и въ заключеніе прямо признаетъ ученіе объ одной волѣ во Христѣ правильнымъ. „Если нѣкоторые, такъ - сказать, косноязычные вздумали выдать себя за учителей и публично проповѣдывать, чтобы произвести впечатлѣніе на умы слушателей, то не должно обращать въ церковные догматы того, чего не изслѣдовали соборы, чтобы кто -нибудь осмѣлился проповѣдывать въ Господѣ Исусѣ Христѣ одно или два дѣйствія, о чемъ не рѣшили ни евангельскія, ни апостольскія писанія, ни соборныя опредѣленія, а развѣ учили что -то какіе-то, какъ мы сказали, косноязычные, нисходя къ понятіямъ и мыслямъ младенчествующихъ. Какъ нужно говорить и мыслить, одно или два дѣйствія во Христѣ, это насъ не касается, предоставимъ это грамматикамъ или писателямъ по ремеслу“; и называетъ подобныхъ лицъ „философами, разражающимися возгласами лягушекъ“. Свое собственное мнѣніе по вопросу Гонорій выражаетъ въ такихъ словахъ: „будемъ исповѣдывать Господа нашего Исуса Христа *одного дѣйствующаго* въ божественномъ и человеческомъ естествѣ“, и прямо провозглашаетъ: „мы исповѣдуемъ въ Господѣ Исусѣ *одну волю*“ (Д. VI, 374—380). Такимъ образомъ и папа Гонорій объявилъ себя моноелитомъ; партія моноелитовъ крѣпла и усиливалась. Но это не могло прекратить споровъ, которые такъ неприятны были моноелитамъ, потому что эти споры грозили превратить въ прахъ всѣ начинанія ихъ касательно соединенія монофизитовъ съ церковію. Чтобы пресѣчь волненія, императоръ Ираклій въ 638 году издастъ указъ, извѣстный съ именемъ „Изложенія“ (*эктесисъ*). Указъ имѣлъ въ виду достигнутаго того, чтобы всѣ замолкли въ своихъ спорахъ о двухъ и одной волѣ во Христѣ, но это было недостижимо. Съ своей стороны „Изложеніе“ даже давало новые поводы къ распрямъ. Въ самомъ дѣлѣ „Изложеніе“ требовало, чтобы умолкли

споры о двухъ и одной волѣ во Христѣ, и въ тоже время само провозглашало ученіе объ одной волѣ, какъ ученіе правильное. „Изложение“ было такого содержанія: „мы совершенно не позволимъ, чтобы кто-нибудь утверждалъ и училъ объ одномъ и двухъ дѣйствіяхъ вочеловѣчавшагося Господа. Ибо хотя выраженіе: *одно дѣйствіе*, употребляется нѣкоторыми отцами, однакожь для слуха *нѣкоторыхъ* лицъ оно чуждо и беспокоитъ ихъ: таковымъ кажется, что оно употребляется для того, чтобы подорвать ученіе о двухъ природахъ во Христѣ, которыя соединены въ Немъ ипостасно. Что же касается до выраженія: два дѣйствія, оно соблазняетъ *многихъ*, ни у кого изъ отцевъ его не встрѣчается, оно ведетъ къ допущенію ученія о двухъ одна другой противодѣйствующихъ воляхъ во Христѣ, какъ будто бы Слово Божіе, имѣя въ виду наше спасеніе, хотѣло претерпѣть страданіе за насъ, а Его челоуѣчество противодѣйствовало этому Его намѣренію; но это нечестиво и чуждо христіанскому ученію; самъ нечестивый Несторій хотя и вводилъ въ ученіе о Христѣ ученіе о двухъ сынахъ, но онъ не дерзалъ утверждать двухъ волю въ Немъ. Мы должны — гласило Изложение — признавать *одну волю* Господа нашего І. Христа, истиннаго Бога; ни въ какое время Его плоть не противодѣйствовала слову Божію, ипостасно соединенному съ нею“¹⁾. Но православные не думали исполнять незаконную волю императора; не хотѣли молчать, когда великая опасность грозила вѣрѣ. Все время царствованія императора Ираклія прошло въ спорахъ и безпокойствахъ; мира церковнаго не было и не могло быть. Въ такомъ положеніи имперію находитъ новый императоръ Констансъ II; но онъ вмѣсто того, чтобы уступить справедливымъ требованіямъ церкви — возстановить истину христіанскую, съ большою ревностію продолжалъ дѣйствовать въ духѣ своего предшественника Ираклія. Въ виду нескончаемыхъ догматическихъ споровъ Констансъ издаетъ новый религиозный указъ. Императоръ собственно хотѣлъ доставить побѣду моноелитству, но пошелъ къ этой цѣли не прямо, а косвенно:

¹⁾ Binii. Concilia, tom. IV, p. 696—7.

онъ задумалъ вообще запретить споры объ одной и двухъ воляхъ, но съ этимъ онъ давалъ первенствующее значеніе моноелитству, такъ какъ обстоятельствами времени оно поставлено въ болѣе выгодныя условія, чѣмъ православіе. Этотъ указъ извѣстенъ съ именемъ „Образца“ (*типоса*). Содержаніе его было таково: „такъ какъ мы привыкли употреблять всякое стараніе о томъ, что служить благосостоянію нашего христіанскаго государства, и въ особенности о томъ, что касается непреложнаго христіанскаго ученія, то мы узнавши, что нашъ народъ пришелъ въ великое движеніе, что одни въ вочеловѣчившемся Богѣ признаютъ одну волю, другіе двѣ воли, объявляемъ: съ настоящаго времени пусть никто себѣ не позволяетъ вступать въ споры съ другими объ одной волѣ и объ одномъ дѣйствіи и двухъ воляхъ и двухъ дѣйствіяхъ; — никто не долженъ возбранять и обвинять тѣхъ, кои признаютъ одну волю и одно дѣйствіе, ни тѣхъ, кто признаютъ двѣ воли и два дѣйствія. Кто настоящія повелѣнія преступитъ, тотъ прежде всего будетъ подлежать суду страшнаго Бога; но онъ также не избѣгнетъ наказаній опредѣленныхъ для презрителей императорскихъ законовъ. Если презрителемъ будетъ клирикъ или епископъ, таковой будетъ отставленъ отъ должности; если монахъ, отлученъ отъ церкви и изгнанъ изъ монастыря; если гражданскій чиновникъ и офицеръ, будутъ лишены своего достоинства; если частный челоѣкъ изъ привилегированнаго сословія, будетъ наказанъ отнятіемъ имущества; если же изъ низшихъ сословій, то по тѣлесномъ наказаніи будетъ сосланъ въ вѣчную ссылку“¹⁾). Изданіе „Образца“ было бѣдственно для церкви; многіе за сопротивленіе ему заплатились жизнью. „Образецъ“ и его появленіе представляютъ послѣднее изъ болѣе замѣчательныхъ мѣропріятій, при помощи которыхъ еретическая партія хотѣла утвердить свое господство и подавить православіе.

При энергическихъ дѣйствіяхъ императоровъ, патріарха константинопольскаго Сергія и нѣкоторыхъ другихъ епископовъ, моноелитство успѣло пустить довольно глубокіе корни

¹⁾ Binii. Concilia, tom IV, p. 706.

на востокъ. Въ церкви константинопольской, которая была тогда руководительницей всѣхъ другихъ церквей востока, встрѣчаемъ цѣлый рядъ патріарховъ еретиковъ. Таковъ былъ Пирръ, преемникъ Сергія, умершаго въ 638 году. Онъ дважды восходилъ на патріаршій престолъ и оба раза являлся ревностнымъ поборникомъ моноелитской ереси. Изгнанный изъ Константинополя по подозрѣніямъ, выставляющимъ очень невыгодно поведеніе Пирра, онъ предпринимаетъ путешествіе въ Африку и Римъ, и во время своего путешествія посѣваетъ сѣмена своего нечестія; такъ по крайней мѣрѣ было въ Африкѣ. Какъ свидѣтельство о своемъ еретическомъ заблужденіи, онъ оставилъ послѣ себя сочиненіе: „о волѣ и дѣйствіи“ во Христѣ (Д. VI, 405). Еретикомъ былъ и преемникъ Пирра на константинопольской кафедрѣ, Павелъ. Въ одномъ своемъ посланіи онъ прямо говоритъ: „мы мыслимъ во Христѣ одну волю, чтобы не приписывать одному и тому же лицу противоположности или разности воли, или не учить, что Онъ борется самъ съ собою, или не вводитъ двухъ хотящихъ“ (Д. VI, 406). Еретика Павла смѣнилъ также еретикъ на той же кафедрѣ, Петръ (ib. 407). Какими печальными послѣдствіями отразилось на общемъ теченіи церковныхъ дѣлъ господствовавшее моноелитство, объ этомъ встрѣчаемъ слѣдующее краснорѣчивое свидѣтельство современника. „Іерархи сдѣлались ересіархами и вмѣсто мира возвѣщали народу распрю, сѣяли на церковной нивѣ вмѣсто пшеницы плевелы; вино (истина) мѣшалось съ водою (ересью) и поили ближняго мутною смѣсью; волкъ принимался за ягненка, ягненокъ за волка; ложь считалась истинною и истина ложью; печестіе пожирало благочестіе. Перепутались всѣ дѣла церкви“ (Д. VI, 546).

В. Поборники православія.

Св. Софроній и его борьба съ моноелитствомъ.—Дѣятельность св. Максима исповѣдника въ пользу православія.—Страданія св. Мартина за вѣру.—Страданія за нее св. Максима.—Необходимость созванія новаго вселенскаго собора.

Съ самыхъ первыхъ поръ своего открытаго появленія ересь встрѣтила себѣ могущественныхъ противниковъ въ рядахъ православныхъ. Ревность къ вѣрѣ и ученость дѣлали этихъ противниковъ непобѣдимыми въ ихъ борьбѣ съ лжеученіемъ. Первымъ защитникомъ православія противъ моноелитовъ былъ св. Софроній патріархъ іерусалимскій ¹⁾. Свою дѣятельность въ пользу православія Софроній обнаруживаетъ еще ранѣе возведенія на патріаршество, будучи простымъ палестинскимъ монахомъ. Софроній имѣлъ несчастье видѣть первое открытое провозглашеніе моноелитства. Онъ былъ въ Египтѣ, когда Киръ патріархъ александрійскій обнародовалъ свою извѣстную намъ грамоту единенія, въ которой во всеуслышаніе объявлялось новое лжеученіе. Кажется, самъ Киръ захотѣлъ узнать мнѣніе Софронія относительно новаго ученія и встрѣтилъ въ немъ ревностнаго противника. Напрасно Киръ старался убѣдить Софронія принять сторону моноелитовъ, приводя въ свою пользу нѣкоторыя не совсѣмъ опредѣленные мѣста изъ писавій отцевъ; напрасно выставлялъ на видъ, что будто св. отцы въ цѣляхъ спасенія душъ многихъ изъ вѣрующихъ всегда готовы были на уступки, и что теперь въ особенности не стоитъ спорить изъ-за выражений, когда дѣло идетъ о спасеніи душъ столь многихъ тысячъ вѣрующихъ; Софроній

¹⁾ О Софроніи въ русск. литературѣ существуютъ сочиненія: г. Галина подъ заглавіемъ: „св. Софроній, патр. іерусалимскій“. Кіевъ. 1853; г. Поповича. Патр. Софроній, какъ богословъ и проч. Кіевъ. 1880.

оставался непреклоннымъ въ своихъ убѣжденіяхъ (Д. VI, 368—9). По другому свидѣтельству, самъ Софроній, какъ скоро узналъ о содержаніи грамоты единенія, отправился къ Киру, палъ къ погамъ его и умолилъ его не возвѣщать въ церкви того члена вѣры въ грамотѣ, въ которомъ говорилось объ одномъ дѣйствіи во Христѣ; это ученіе онъ называлъ аполлинаріанскою ересью¹⁾. Послѣ того какъ Софроній увидѣлъ, что всѣ его попытки побудить Кира выбросить изъ грамоты единенія слова, заключающія въ себѣ моноелитское ученіе, были безуспѣшны, онъ отправляется въ Константинополь, думая найти себѣ опору противъ Кира въ Сергіи патріархѣ константинопольскомъ. Не зная того, что Сергій самъ былъ зараженъ моноелитствомъ, онъ надѣялся, что новое лжеученіе, по вліянію Сергія, не будетъ распространяемо. Понятно, что Софроній обманулся въ своихъ надеждахъ. Долго и много разсуждалъ онъ съ Сергіемъ²⁾, но Сергій не хотѣлъ уничтоженіемъ ученія объ одномъ дѣйствіи во Христѣ разрушить дѣло египетской уніи (Д. VI, 369—370). Болѣе и вліятельнымъ и сильнымъ борцомъ противъ моноелитовъ становился Софроній, когда онъ взошелъ на престолъ патріаршій въ Іерусалимѣ (ок. 634 г.). Въ своемъ окружномъ посланіи, которое, по обыкновенію всѣхъ вновь занимающихъ патріаршіе престолы, разослалъ Софроній къ другимъ патріархамъ, онъ съ замѣчательною силою и ясностію изложилъ ученіе православное. Посланіе начиналось слѣдующими выразительными словами: „отцы! отцы! всеблаженнѣйшіе! Вижу подымающуюся волну и за волною слѣдующую опасность“. Ученіе церкви о двухъ воляхъ и двухъ дѣйствіяхъ во Христѣ излагаетъ св. отецъ въ слѣдующихъ чертахъ: „называя Христа состоящимъ изъ божества и человѣчества, мы проповѣдуемъ, что Онъ и

¹⁾ Combefis. S. Maximi opera, t. 2, p. 75.

²⁾ Сергій въ письмѣ въ палѣ Гонорію рассказываетъ, что въ разговорѣ съ Софроніемъ онъ потребовалъ отъ послѣдняго привести какое-нибудь ясное свидѣтельство изъ писаній отцевъ о двухъ дѣйствіяхъ во Христѣ, и что будто Софроній не въ состояніи былъ сдѣлать этого (Д. VI, 370); но это показаніе не истинно. Невѣроятно, чтобы Софроній, поздне со- ставившій сочиненіе, въ которомъ онъ изложилъ 600 свидѣтельствъ въ пользу ученія о двухъ воляхъ во Христѣ (Гефеле въ „исторіи соборовъ“, стр. 132), не могъ привести должныхъ свидѣтельствъ по требованію Сергія.

Богъ и человекъ, состоитъ изъ двухъ естествъ, и двойственъ по отношенію къ естествамъ, и естественно совершаетъ то, что свойственно тому и другому существу, въ силу присущаго тому и другому существеннаго качества и естественной особенности“. Двойство естествъ выражается въ двойственности дѣйствій. „Еммануиль, будучи единымъ, и въ одномъ и томъ же будучи тѣмъ и другимъ, то есть и Богомъ и человекомъ, поистинѣ совершаетъ свойственное тому и другому естеству, производя совершаемое имъ одно такъ, другое иначе. Какъ Богъ, совершалъ Онъ божественное, — какъ человекъ — человеческое“ (Д. VI, 296. 315—16). Посланіе замѣчательно, кромѣ своей обширности, еще тѣмъ, что не указываетъ прямо на моноелитовъ, но въ духѣ кротости, обходя лица, возстаетъ на защиту истины. — Посланіе Софронія произвело сильное впечатлѣніе на умы; моноелиты заволновались и въ отпоръ Софронію издають „Изложеніе“. Недолго однакожь Софроній оставался стражемъ вѣры. Магометанское владычество, подчинившее себѣ іерусалимскій патріархатъ въ это время, оторвало іерусалимскую церковь отъ связей съ христіанскимъ востокомъ. Важнѣйшимъ распоряженіемъ Софронія при видѣ стѣснительныхъ обстоятельствъ времени было посольство одного палестинскаго епископа въ Римъ, съ цѣлію найти здѣсь защитниковъ истины и побудить ихъ къ борьбѣ съ лжеученіемъ. Софроній призвалъ къ себѣ епископа дорійскаго Стефана и поручилъ ему это дѣло. Чтобы возбудить въ посланникѣ должную ревность къ защитѣ истины и обязать его къ точному исполненію возложеннаго на него порученія, патріархъ привелъ Стефана на Голгоеву и тамъ на мѣстѣ крестныхъ страданій Христа заповѣдалъ ему, по свидѣтельству самого же Стефана, слѣдующее: „помни, что ты дашь отвѣтъ Распятому на семъ самомъ мѣстѣ, когда Онъ придетъ во славу судить живыхъ и мертвыхъ, если вознерадишь и пренебрежешь опасностію, въ которой находится Его св. вѣра. Соверши то, чего я не могу сдѣлать самъ по причинѣ нашествія сарацынъ. Обойди въ случаѣ нужды всю вселенную, потщись преодолѣть всѣ препятствія, чтобы достигнуть Рима; открой тамъ предъ

мужами благочестивыми по сущей правдѣ все, что дѣлается въ нашихъ странахъ, и не переставай умолять, пока они не возстанутъ на поражение враговъ вѣры и совершенно не отвергнутъ нововведеннаго ученія“. Стефанъ исполнилъ просьбу патріарха, отправился въ Римъ и побуждалъ римскій соборъ къ ревностному охраненію истины, хотя много прошло времени, прежде чѣмъ его усилія привели къ цѣли ¹⁾, ибо между самими папами были еретики, напр. Гонорій. Софроній скончался около 640 года.

Вмѣстѣ съ Софроніемъ на чреду служенія православію выступаетъ св. Максимъ исповѣдникъ ²⁾ и мученикъ за ученіе о двухъ воляхъ во Христѣ. Максимъ сначала занималъ высокую государственную должность императорскаго секретаря, за свои таланты и познанія высоко цѣнился императоромъ Иракліемъ. Впоследствии онъ сдѣлался монахомъ и былъ игуменомъ въ одномъ константинопольскомъ монастырѣ. Когда появилось моноелитство, Максимъ покинулъ зараженный лжеученіемъ Константинополь и жилъ частью въ Африкѣ, частью въ Римѣ, ревностно подкрѣпляя православныхъ своими богословскими познаніями и твердостью своихъ убѣжденій. Пребываніе его въ Африкѣ было особенно плодотворно для православія. Самые епископы африканскіе охотно поставляли себя въ число учениковъ Максима, несмотря на то, что онъ былъ простой монахъ. Его жизнеописатель говоритъ: „разсуждая съ африканскими епископами, онъ утверждалъ ихъ въ вѣрѣ, наставлялъ и вразумлялъ; потому что хотя они превышали его саномъ, но мудростію были гораздо ниже его“ ³⁾. На время пребыванія Максима въ Африкѣ падаетъ его знаменитое состязаніе съ отставленнымъ патріархомъ константинопольскимъ, Пирромъ. Это было въ 645 году. Состязаніе между защитникомъ православія Максимомъ и защитникомъ моноелитства Пирромъ

1) *Vinii. Concilia*, tom. IV, p. 673.

2) Въ журналѣ „Прав. Соборѣдникъ“ за 1857 г. помѣщена основательная монографія о Максимѣ подъ заглавіемъ: Жизнь препод. Максима исповѣдника.—Заслуживаетъ вниманія и монографія г. Орлова: Труды св. Максима исповѣдника по раскрытію ученія о двухъ воляхъ во Христѣ. С.-П. 1888.

3) *Combesis (opera Maximi, t. I), Acta Maximi, p. XI.*

ведено было публично; на немъ присутствовали самъ на-
мѣстникъ провинціи и многіе епископы. Для ознакомленія
съ содержаніемъ состязанія, мы приведемъ нѣкоторые отрывки
изъ него. Оно открылось вопросомъ со стороны Пирра:
„что сдѣлалъ тебѣ я и предшественникъ мой (патр. Сергій),
что ты вездѣ выставляешь насъ еретиками“?—Максимъ:
„съ тѣхъ поръ какъ вы извратили христіанское ученіе, я
счелъ долгомъ истину предпочитать расположенію къ вамъ.
Ваше ученіе объ одной волѣ противно христіанству, ибо
это — нечестіе, когда вы утверждаете, что та самая воля,
которая создала все, по воплощеніи, стремилась къ пищѣ
и питію“.—Пирръ: „если Христосъ есть одно лице, то и
хочетъ чего-либо это единое лице, слѣдовательно находится
въ немъ только одна воля“.—Максимъ: „Это смѣшеніе.
Правда, Христосъ одинъ по ипостаси, но Онъ есть притомъ
Богъ и человѣкъ. И если двойство природъ не вносятъ
раздѣленія въ единого Христа, то къ этому не ведетъ и
двойство воли и дѣйствій“.—Пирръ говорилъ: „дѣйствіямъ,
учить Несторій, соотвѣтствуютъ лица; поэтому вы чрезъ
ученіе о двухъ дѣйствіяхъ впадаете въ несторіанство“.—
Максимъ отвѣчалъ: „прежде всего Несторій при двухъ ли-
цахъ во Христѣ допускалъ лишь одну волю; но еслибы и
дѣйствительно было такъ, какъ ты говоришь, что дѣйствіямъ
соотвѣтствуютъ лица, то и наоборотъ лицамъ должны соотвѣт-
ствовать дѣйствія; а если такъ, то ты въ Троицѣ ради
трехъ лицъ долженъ бы признать три дѣйствія, и ради
одного дѣйствія въ Ней долженъ бы признать лишь одно
лице“... Впродолженіи этого состязанія Максимъ съ за-
мѣчательною проникательностію опровергаетъ ученіе моно-
телитовъ объ одной волѣ, запутывая это ученіе въ нераз-
рѣшимыхъ противорѣчіяхъ. „Если принимаете одно дѣйствіе
во Христѣ, какое оно должно быть,—божеское или чело-
вѣческое, или ни то ни другое“? спрашиваетъ Максимъ.
„Если божеское, то выйдетъ, что Христосъ былъ только
Богомъ; если человѣческое, то Онъ былъ только человѣкъ;
если же дѣйствіе Его ни божеское, ни человѣческое, то
Христосъ былъ ни Богъ, ни человѣкъ“. Дальше: „какъ ты
назовешь это единое дѣйствіе, спрашиваетъ Максимъ, соз-

даннымъ или несозданнымъ? Если созданнымъ (тварнымъ), то единое дѣйствіе будетъ относиться лишь къ одной созданной природѣ Христа; во второмъ случаѣ оно будетъ указывать лишь на несозданную (истинно-божескую) природу Его; но какъ можетъ дѣйствіе созданной природы быть дѣйствиємъ не созданнымъ, и наоборотъ“ ¹⁾ и т. п. Дѣйствіе состязанія Максима съ Пирромъ было громадно: православіе одержало верхъ надъ моноелитствомъ въ данномъ случаѣ. Максимъ вышелъ рѣшительнымъ побѣдителемъ въ своихъ спорахъ съ Пирромъ.

Одновременно и частію совмѣстно съ Максимомъ велъ сильную борьбу съ новымъ лжеученіемъ папа римскій, св. Мартинъ. Мартинъ, еще прежде чѣмъ сдѣлаться папою, имѣлъ случай тщательно изучить всѣ самыя сокровенныя дѣйствія моноелитовъ на востокѣ: онъ былъ папскимъ повѣреннымъ (апокрисіаріемъ) въ Константинополь, изучилъ темныя стороны явленія, и потому возведенный впоследствии въ папы явился жаркимъ борцомъ противъ ереси. Онъ собираетъ многочисленный соборъ въ Латеранѣ, въ Римѣ, въ 648 году. На этомъ соборѣ составлено было 20 правилъ противъ моноелитства, утверждено было ученіе о двухъ воляхъ и двухъ дѣйствіяхъ во Христѣ, а защитники противоположнаго возрѣнія, патріархи константинопольскіе, начиная съ Сергія, подверглись осужденію; таже участь постигла и два императорскіе указа „изложеніе“ и „образецъ“ ²⁾. Между тѣмъ какъ это происходило въ Римѣ, сюда прибылъ новый экзархъ Раввенскій, отъ имени восточнаго императора управлявшій Италіею, Олимпій, съ полномочіемъ побудить всѣхъ къ принятію указа императорскаго, „образца“, а главное самого папу, если онъ будетъ сопротивляться, приказано было Олимпію арестовать. Впрочемъ этотъ экзархъ не выполнилъ императорскаго приказанія: онъ самъ затѣялъ возмущеніе противъ императора въ Италіи и оставилъ папу и всѣхъ православныхъ въ покоѣ ³⁾. Тяжелыя времена для

¹⁾ Combesis. Maximi opera, t. II, disputatio cum Pyrrho, p. 159, 160, 185—8.

²⁾ О соборѣ въ Латеранѣ см. Binii Concilia, t. IV.

³⁾ Binii. Concilia, t. IV, p. 644—5; слич. 662.

Мартина начались съ прибытіемъ другаго экзарха, Теодора Калліопы, который вступилъ въ Римъ (въ 653 г.), съ многочисленнымъ войскомъ. Мартинъ былъ въ то время сильно боленъ, и, предвидя свою печальную участь, искалъ себѣ убѣжища въ храмѣ Спасителя, извѣстномъ съ именемъ Константиновскаго, такъ какъ онъ былъ построенъ Константиномъ великимъ. Нѣсколько клириковъ римскихъ, по распоряженію папы, съ честію встрѣтили новаго экзарха при его вступленіи въ городъ. Узнавъ, что папа боленъ, Калліопа объявилъ клирикамъ, что на другой день онъ самъ навѣститъ папу и будетъ привѣтствовать его. На другой день было воскресенье. Множество христіанъ собралось въ храмъ для богослуженія, гдѣ лежалъ и удрученный болѣзнію папа. Намѣреніе Калліопы было захватить Мартина силою и отправить въ Константинополь; но онъ не осмѣлился этого сдѣлать въ воскресенье, боясь возмущенія со стороны собравшагося народа. Онъ оставилъ папу въ покоѣ. объявивъ его приближеннымъ, что онъ не можетъ нынче посѣтить его, по причинѣ усталости съ дороги. Наступилъ понедѣльникъ, но и въ этотъ день Калліопа не тотчасъ принялся за исполненіе своего намѣренія. Ему кто-то наговорилъ, что въ храмъ будто собрано много оружія и камней, для защиты Мартина. Поэтому подозрительный Калліопа сначала отправилъ къ папѣ нѣкоторыхъ изъ своихъ приближенныхъ съ вопросомъ: зачѣмъ онъ собралъ оружіе и камни въ храмъ? Такъ какъ этотъ слухъ былъ совершенно неоснователенъ, то папа позволилъ осмотрѣть всѣ мѣста, гдѣ бы могло находиться оружіе. Когда подозрѣніе оказалось ложнымъ, Калліопа болѣе уже не медлилъ взятіемъ папы. Онъ съ многочисленнымъ войскомъ вступилъ въ храмъ; громъ оружія раздался на мѣстѣ молитвы; Калліопа объявилъ папѣ, что по императорскому приказанію онъ будетъ арестованъ и отправленъ въ столицу, и что его папскій престолъ объявляется празднымъ. Нѣкоторые изъ клириковъ въ пылу своей приверженности къ Мартину, хотѣли было силою защищать папу; но онъ рѣшительно воспротивился такому дѣлу, говоря, что онъ лучше десять разъ приметъ смерть, чѣмъ допустить пролить хотя бы каплю

крови изъ-за него. Изъ храма Мартинъ переведенъ былъ во дворець подъ стражу ¹⁾). Когда отводили папу въ заключеніе, римскіе духовные смѣло восклицали: „анаеема тому, кто думаетъ, что папа измѣнилъ, или намѣренъ измѣнить вѣрѣ; анаеема тому, кто не пребудетъ въ правой вѣрѣ, даже если за это пришлось бы принять смерть“. Калліюпа, чтобы утишить смятеніе, объявилъ, что на востокѣ держатся тойже самой вѣры, какой и сами Римляне ²⁾). Многіе изъ лицъ духовныхъ по любви къ Мартину хотѣли сопровождать его куда бы его ни повезли, — они самоотверженно возглашали: „съ нимъ мы поидемъ, съ нимъ мы и умремъ“. Хитрый Калліюпа сначала обѣщаль было, что позволено будетъ отправиться всѣмъ, кто захочетъ. И вотъ на другой день множество клириковъ, возымѣвшихъ желаніе сопровождать Мартина, собралось къ нему во дворець, чтобы выразить папѣ свое рѣшительное намѣреніе отправиться съ нимъ, когда наступитъ для того время. Многіе изъ нихъ уже собрали свои пожитки на лодки, чтобы быть готовыми во всякое время перевезти ихъ на корабль и двинуться въ путь. Но подобному намѣренію клириковъ не суждено было совершиться; Калліюпа только обманываль ихъ. Ночью на среду онъ тайкомъ схватилъ папу и вывелъ его за городъ. Чтобы кто-нибудь не вздумалъ послѣдовать за ними, онъ приказалъ запереть ворота Рима. Мартинъ посаженъ былъ на корабль, который онъ называетъ тюрьмою, потому что онъ лишился всякихъ жизненныхъ удобствъ, особенно необходимыхъ въ его болѣзненномъ положеніи. Съ нимъ было лишь нѣсколько служителей. Путешествіе его въ Константинополь было продолжительно и крайне тяжело. Цѣлый годъ онъ долженъ былъ прожить на островѣ Наксосѣ. Здѣсь онъ былъ помѣщенъ въ какой-то гостиницѣ. Какъ особенную милость, позволили ему въ продолженіе цѣлаго года совершить два три раза омовеніе. Во всемъ онъ долженъ былъ терпѣть недостатокъ. Хотя многіе сострадалные римскіе клирики и пріѣзжали къ нему, привозя все,

¹⁾ Bnii, ibidem. p. 660.

²⁾ Bnii, ibidem. p. 659.

что нужно было для несчастнаго страдальца, но ничего изъ этого не доходило до Мартина. Стражи, которые по своему нраву уподоблялись звѣрямъ, брали приносимое себѣ, а приносителей со стыдомъ и безчестіемъ выгоняли вонъ, говоря: вы враги императора, когда выражаете любовь ко врагу императора ¹⁾. Въ Константинополь привезенъ былъ папа въ сентябрѣ 654 года. Вступленіе въ портъ уже ознаменовано было печалями для папы; здѣсь онъ подвергся оскорбленіямъ и насмѣшкамъ. Къ вечеру онъ переправленъ былъ въ городскую тюрьму. 93 дня остается въ заключеніи Мартинъ, при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Стража была самая строгая; ей запрещено было даже сказывать, кого она стерегла. Лишенія продолжались. Несмотря на то, что свойства его болѣзни требовали возможно частыхъ омовеній, первые 47 дней ему не давали не только теплой, но даже и холодной воды ²⁾. Въ 93 день своего заключенія папа Мартинъ наконецъ потребованъ былъ въ судъ. Онъ былъ настолько слабъ отъ болѣзни, что не могъ двигаться, и его принесли въ засѣданіе на носилкахъ; но суровые судьи потребовали, чтобы онъ снятъ былъ съ носилокъ и давалъ показанія стоя. Допросъ открылся словами: „жалкій человѣкъ, какое зло тебѣ сдѣлалъ императоръ“? Папа молчалъ. Тогда ему сказали: „ты молчишь, но вотъ свидѣтели, которые изложатъ обвиненія на тебя“. И были приведены многія лица, которыя, вопреки собственной совѣсти, обвиняли его въ томъ, что онъ былъ союзникомъ въ заговорѣ экзарха Олимпія. Свидѣтелей хотѣли привести къ присягѣ, но папа, не желая, чтобы свидѣтели приняли на свою душу грѣхъ клятвопреступничества, объявилъ: „къ чему погублять души этихъ людей“? Мартинъ самъ захотѣлъ изложить всѣ обстоятельства дѣла, въ которомъ его считали виновнымъ, и началъ свою рѣчь такъ: „когда составленъ былъ „образецъ“ и посланъ отъ императора въ Римъ“, —но едва папа выговорилъ эти слова, какъ судьи объявили: „ничего не говори о вѣрѣ, мы сами христіане и православные“. Тогда

¹⁾ Binius, *ibidem*, p. 660—661.

²⁾ Binius, *ibidem*, p. 661—662.

папа съ мужествомъ объявилъ: „дѣлайте со мною, что хотите, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; знаетъ Богъ, что не можете болѣе облагодѣтельствовать меня, какъ если отсѣчете мою голову мечемъ“. О происходившемъ на судѣ было дано знать императору. Чиновникъ, ходившій къ императору, прежде чѣмъ объявить его волю, позволилъ себѣ обратиться къ Мартину съ нѣкоторыми насмѣшливыми словами: „смотри, Господь привелъ тебя и отдалъ въ наши руки. Ты шелъ противъ императора, какую можешь ты имѣть надежду? Ты оставилъ Господа, и Господь оставилъ тебя“. Затѣмъ онъ объявилъ волю императора относительно Мартина; она состояла въ томъ, что съ Мартина должно совлечь первосвященническія одежды и предать его казни. Призвавъ префекта городского, онъ сказалъ: „возьми Мартина и разсѣки его на части“. Разоблаченіе папы произошло публично; съ него сняли принадлежности первосвященническаго достоинства, разодрали на немъ даже нижнюю одежду, такъ что онъ оставался полуобнаженнымъ. Въ такомъ видѣ онъ долженъ былъ проходить по улицамъ столицы, на шею ему надѣли желѣзные кандалы, предъ нимъ несли обнаженный мечъ ¹⁾. Папа ввергнутъ былъ въ тюрьму. Стояла суровая зима, и Мартинъ едва не умиралъ отъ холода. Съ нимъ былъ одинъ юный клирикъ, который и служивалъ ему. Во весь остальной день Мартинъ не промолвилъ ни слова. Поздно вечеромъ префектъ города доставилъ ему нѣкоторые съѣстные припасы и прибавилъ при этомъ: „мы надѣемся на Бога, что ты не умрешь“. Папѣ не суждено было умереть отъ меча. Когда все это происходило, патриархъ константинопольскій Пирръ лежалъ на смертномъ одрѣ. Императоръ Констансъ посѣтилъ тяжко больного Пирра и передалъ ему, что Мартина опредѣлено казнить. Умиравшій Пирръ выпросилъ у императора, чтобы Мартина пощадили. Когда Мартинъ услышалъ объ этомъ, опечалился, потому что смерть для него была сладостнѣе тѣхъ страданій, какія переносилъ онъ. Во второй темницѣ папа пробылъ 85 дней. Наконецъ ему объявлено, что онъ будетъ сосланъ

¹⁾ Bini, *ibidem*, p. 662—3.

въ ссылку. Произошло трогательное прощаніе папы съ лицами, его окружавшими. Когда всѣ плакали, папа одинъ оставался мужественнымъ и говорилъ имъ: „не плакать слѣдуетъ, а радоваться и благодарить Бога, что я удостоенъ страдать за святое имя Божіе“. Мѣстомъ ссылки назначенъ былъ Херсонесъ въ Крыму. Мартинъ отправленъ былъ въ Херсонесъ въ мартѣ, а въ маѣ прибылъ на мѣсто заточенія. Среди варваровъ страны положеніе папы было совершенно безутѣшнымъ и крайне бѣдственнымъ ¹⁾. У него не было даже хлѣба и не было денегъ, чтобы купить его на корабляхъ, которые случайно сюда заходили. По словамъ Мартина, „хлѣбъ здѣсь былъ больше извѣстенъ только по имени“. Онъ надѣялся было, что вѣрныя изъ его паствы снабдятъ его всѣмъ необходимымъ въ жизни, но надежды его были напрасны. Всѣ жалобы свои на состояніе, въ какомъ онъ былъ въ заточеніи, папа излилъ въ двухъ письмахъ, которыя онъ писалъ къ своимъ друзьямъ въ Константинополь. Въ особенности въ нихъ онъ высказываетъ скорбь о томъ, что Римляне ни въ чемъ не выражаютъ своего участія къ нему, изъ боязни къ императору. „Я удивлялся и удивляюсь, писалъ онъ, безучастію моихъ друзей и родственниковъ; они совершенно забыли о моемъ несчастіи; кажется, не хотятъ даже знать, существую еще я на свѣтѣ или нѣтъ. Хотя церковь римская и не имѣетъ денегъ, но она богата, по благодати Божіей, хлѣбомъ, виномъ и всѣмъ нужнымъ для жизни“, и однакожь Римляне ничего изъ этого не присылали ему. „На людей напалъ страхъ, такъ что они чуждаются исполненія даже заповѣдей Божіихъ, страхъ, гдѣ не должно быть никакого страха“. Этими словами папа указываетъ на рабственную боязнь Римлянъ предъ императоромъ. Въ заключеніе одного своего письма папа писалъ: „я надѣюсь на милосердіе Божіе, что жизненный путь мой скоро достигнетъ цѣли, отъ Бога предназначенной“ ²⁾. Надежды папы скоро исполнились. Въ сентябрѣ 655 года папа скончался.

¹⁾ Binii, *ibidem*, p. 663—4.

²⁾ Binii, *ibidem*, 664—5.

Одновременно съ папою Мартиномъ взятъ былъ въ Римѣ, уже извѣстный намъ поборникъ православія, Максимъ и былъ представленъ для допроса въ Константинополь. Этотъ исповѣдникъ вѣры претерпѣлъ не меньшія страданія за вѣру, какъ и Мартинъ. Страданія Максима гачались тотчасъ по прибытіи его въ Константинополь, а это было въ сентябрѣ 654 года. Едва корабль, на которомъ онъ отправленъ былъ изъ Рима, прибылъ въ Константинополь и вошелъ въ пристань, какъ явился отрядъ вооруженныхъ воиновъ, которые съ грубостью повлекли его босаго и полунагаго по улицамъ города, потомъ какъ злодѣя бросили его въ мрачную темницу ¹⁾. Судьи Максима не разъ имѣли случай убѣдиться въ мужествѣ и терпѣніи его. Такъ, когда однажды судъ обвинялъ его въ политическихъ преступленіяхъ, исповѣдникъ не счелъ даже нужнымъ и защищаться, и прямо сказалъ: „я уже говорилъ вамъ и опять скажу, дѣлайте со мной что хотите; кто, какъ я, почитаетъ Бога, тотъ не боится обидъ и неправды отъ людей“. Но развѣ ты не анаематствовалъ „образецъ“? спросили его. — „Нѣсколько разъ говорилъ вамъ и теперь говорю: анаематствовалъ“. — „Слѣдовательно и императора анаематствовалъ“? — „Я императора не анаематствовалъ, но лишь хартію, чуждую православной вѣры“ ²⁾. Когда представители власти въ Константинополѣ увидали, что преклонить Максима къ принятію моноѳелитскихъ хитросплетеній нѣтъ возможности, тогда хотѣли по крайней мѣрѣ достигнуть хотя внѣшняго, только видимаго соглашенія съ Максимомъ. Такъ съ подобной цѣлю приходитъ къ Максиму депутація, которая предлагаетъ ему подписать исповѣданіе вѣры, въ которомъ вмѣстѣ съ моноѳелитскимъ ученіемъ заключалось и чисто православное ученіе о двухъ воляхъ. Исповѣданіе гласило: „исповѣдуемъ во Христѣ двѣ всли и два дѣйствія по причинѣ различія естествъ, и одну волю и одно дѣйствіе, по причинѣ соединенія ихъ“. Но это была странная формула, которую вводилось какое-то двувѣріе въ одномъ и томъ же

¹⁾ Combesis (opera Maximi, t. 1) acta Maximi, p. XIY. XV.

²⁾ Combesis. Acta Max., p. XXXIX.

догматъ. Максимъ не принялъ ее ¹⁾. Послѣ этого исповѣдникъ былъ сосланъ въ ссылку вглубь Фракіи. Но на этомъ дѣло не кончилось. По прошествіи нѣкотораго времени, Максима снова приводятъ въ Константинополь, и пышными и лестными обѣщаніями хотятъ склонить его принять „образецъ“. Дѣло происходило такъ: по прибытіи въ Константинополь, Максимъ былъ помѣщенъ въ одномъ монастырѣ. Сюда на другой день пришли къ нему два патриція—Епифаній и Троилъ. Съ ними былъ нѣкто епископъ Θεодосій. Троилъ тотчасъ объявилъ Максиму, что они посланы къ нему самимъ императоромъ, чтобы передать его волю. „Но скажи намъ прежде, объявилъ опъ, исполнишь ли ты волю государя или нѣтъ“? Максимъ сказалъ, что пусть напередъ скажутъ, въ чемъ заключается эта воля государя. Но патриціи отказывались отъ этого. Тогда Максимъ сказалъ: „объявляю вамъ предъ лицомъ Бога и его св. ангеловъ, что если государь повелитъ мнѣ что бы то ни было касательно дѣла міра сего, я охотно исполню его волю“. Другой патрицій Епифаній взялъ на себя объявить волю Констанса. „Вотъ что государь приказалъ объявить тебѣ: такъ какъ весь западъ и на востокъ тѣ, которые увлечены въ соблазнъ, взирая на тебя производятъ смуты и смятенія и не хотятъ въ дѣлахъ вѣры имѣть съ нами общенія, то да разумитъ тебя Господь принять изданный нами „образецъ“ и вступить съ нами въ общеніе. Тогда мы лично пойдѣмъ къ тебѣ на встрѣчу, открыто предъ всѣми будемъ привѣтствовать тебя, подадимъ тебѣ нашу руку, съ честію и славою введемъ тебя въ великую церковь (Софійскую), поставимъ на нашемъ императорскомъ мѣстѣ, вмѣстѣ выслушаемъ литургію и приобщимся тѣла и крови Христовой, потомъ провозгласимъ тебя нашимъ отцомъ, и будетъ радость не только въ этомъ городѣ, но и во всемъ христіанскомъ мірѣ. Ибо мы твердо увѣрены, что когда ты вступишь въ общеніе съ нами, то присоединятся къ намъ всѣ, которые ради тебя и подъ твоимъ руководствомъ отпали отъ общенія“. Но всѣ эти пышныя обѣщанія ничуть не тронули мужа православія.

¹⁾ Combefis. Acta Max., p. XLII.

Онъ ни мало не медля объявилъ: „поистинѣ меня всѣ силы небесныя не убѣдятъ сдѣлать то, что вы предлагаете, ибо какой отвѣтъ дамъ, я не говорю, Богу, но моей совѣсти, если изъ пустой славы и мнѣнія людскаго отвергну спасительную вѣру“. Эти слова сильно не понравились патриціямъ. Они съ яростію набросились на старца, влачили его по полу, терзали руками, топтали ногами, оплевали всего съ головы до ногъ. Епископъ Θεодосій едва могъ остановить ихъ безчеловѣчіе. Тогда патрициі начали осыпать св. мужа всяческими ругательствами и хвалились своимъ христіанствомъ и православіемъ. „Ты считаешь насъ еретиками, говорили они, но знай, что мы болѣе тебя христіане и болѣе тебя православны; мы признаемъ во Христѣ божественную и человѣческую волю“. „Если вы вѣруете, замѣтилъ на это Максимъ, какъ учить церковь, то зачѣмъ вынуждаете меня принять „образецъ“, который уничтожаетъ эту вѣру?“ — „Не уничтожаетъ, вскричали патрициі, а только заставляетъ молчать о спорныхъ выраженіяхъ ради мира церкви“. Затѣмъ патрициі снова перешли къ злословію на Максима. Одинъ изъ нихъ говорилъ: „по моему мнѣнію, тебя слѣдуетъ вывести въ городъ и поставивъ на площади, собрать всѣхъ шутовъ, балаганныхъ комедіантовъ, непотребныхъ, всю вообще городскую чернь и заставить ихъ бить тебя по щекамъ и плевать тебѣ въ лицо“. Переговоры съ Максимомъ и на этотъ разъ окончились ничѣмъ ¹⁾. Преподобный опять сосланъ въ прежнюю ссылку. Долго томился Максимъ въ заключеніи, но гонители его еще не удовлетворились, не насытились его страданіями. Еще разъ и послѣдній разъ Максимъ былъ вызванъ изъ ссылки въ Константинополь, съ единственною цѣлію излить на старца тиранническую злобу. Максимъ привезенъ былъ въ Константинополь, и безъ всякихъ разсужденій приведенъ въ преторію, наказанъ воловьими жилами, ему отрѣзали до корня языкъ, отсѣкли правую руку; изувѣченный такимъ образомъ, онъ былъ проведенъ по всѣмъ многочисленнымъ кварталамъ Константинополя. Послѣ всего этого онъ сосланъ въ ссылку

¹⁾ Combesis. Acta Maximi, p. LXI—LXIII

въ Колхиду ¹⁾), гдѣ и окончилъ свою многострадальную жизнь.

Цѣлыхъ два царствованія — Ираклія и Констанса, изъ которыхъ каждое было продолжительно (первое 610—641 г.г., второе 641 — 669), прошли въ борьбѣ съ православіемъ, но цѣль, ради какой боролись, не достигалась. Слѣдствіемъ борьбы было лишь разстройство дѣлъ церковныхъ. „Всѣ дѣла церкви перепутались“. Благоразуміе требовало оставить мѣры свѣтскія, которыми хотѣли достигнуть единенія церковнаго, и, чтобы умиротворить церковь, обратиться къ самой церкви. За осуществленіе этой благоразумной мысли и взялся новый императоръ Константинъ Погонать. Онъ рѣшился, какъ онъ самъ говоритъ, „созвать глаза церкви, іереевъ, къ разсмотрѣнію истины“ (Д. VI, 546).

¹⁾ Combefis, *ibidem*, p. LXVI.

II. Константинопольскій VI вселенскій соборъ 680 года.

Свѣдѣнія о внѣшней исторіи собора.—Моноелитъ Макарій.—Пренія съ нимъ.—Исповѣданіе вѣры Макарія.—Его же три свитка.—Свитокъ папскихъ легатовъ.—Изоблеченіе и осужденіе Макарія.—Другіе еретики на соборѣ.—Фанатикъ Полихроній.—Еретикъ Константинъ.—Осужденіе моноелитскихъ сочиневій.—Поддѣльная „дѣянія“.—Утвержденіе православія.—Значеніе посланія папы Агафона.—Вѣроопредѣленіе.—Провозглашеніе вѣроопредѣленія.—Рѣчи.—Указъ.—Храненіе „дѣяній“ собора.—Замѣчаніе о пято-шестомъ или Трульскомъ соборѣ.

Мысль о созваніи собора вселенскаго родилась у императора Константина Погоната много ранѣе осуществленія этой мысли: предшественникъ современнаго собору патріарха константинопольскаго Θεодоръ, патріархъ той же церкви, внушалъ Константину мысль о созваніи собора (Дѣян. VI, стр. 20), и эта мысль принесла свой плодъ. Стараніями императора Константина собранъ былъ въ 680 многочисленный соборъ въ Константинополѣ. Въ числѣ замѣчательнѣйшихъ представителей собора были: патріархъ константинопольскій Георгій, патріархъ антиохійскій Макарій; лицо патріарха Александрійскаго представлялъ пресвитеръ Петръ; а лицо патріарха іерусалимскаго представлялъ пресвитеръ Θεодоръ. Императоръ, какъ обычно, требовалъ представителей папскаго престола для собора, при чемъ онъ проситъ папу обратить вниманіе на умственное достоинство легатовъ, какіе будутъ назначены на соборъ. Императоръ писалъ: „просимъ прислать благопотребныхъ и способныхъ мужей, имѣющихъ познаніе во всякомъ богодухновенномъ писаніи и обладающихъ безупречнымъ знаніемъ догматовъ, мужей, которые бы принесли съ собою нужныя книги“ (Дѣян. VI, 21). Посылая своихъ представителей на соборъ, папа Агафонъ съ скромностію объявлялъ, что быть можетъ онъ и не удовлетворитъ желаніямъ императора относительно присылки на соборъ людей ученыхъ, потому что, по его словамъ, обстоя-

тельства не благопріятствовали процвѣтанію науки въ Римѣ. Папа писалъ въ Константинополь: „можно ли у людей, живущихъ среди народа (бѣднаго) и трудами рукъ своихъ съ большими усилиями снискивающихъ себѣ насущный хлѣбъ, искать полнаго знанія писаній? Мы сохраняемъ законно составленныя опредѣленія св. нашихъ предшественниковъ и св. соборовъ, — сохраняемъ въ простотѣ сердца и безъ всякой двусмысленности. Что же касается свѣтскаго краснорѣчія, то не думаемъ, чтобы въ наше время можно было найти кого-либо, могущаго похвалиться высокими познаніями, потому что въ нашихъ странахъ постоянно свирѣпствуетъ возстаніе различныхъ народовъ, которые то борются между собой, то бѣгутъ врознь и грабятъ. Мірскаго краснорѣчія нѣтъ у людей неученыхъ“. Но не хвалясь познаніями лицъ посылаемыхъ, папа въ тоже время даетъ знати о глубокой вѣрѣ, которою проникнуты посланные имъ (Д. VI, 63—65; 117). Представителями папскаго престола на соборѣ были пресвитеры Феодоръ и Георгій и діаконъ Іоаннъ, которые несмотря на опасенія палы показали себя глубоко свѣдущими въ Писаніи и отеческомъ ученіи и нечуждыми краснорѣчія. Всѣхъ присутствовавшихъ на соборѣ епископовъ и представлявшихъ ихъ лицо пресвитеровъ къ концу собора было 153 (Дѣян. VI, 500 и д.). На большей части засѣданій собора присутствовалъ и самъ императоръ Константинъ. Соборъ происходилъ во дворцѣ, въ залѣ, называемой отъ сводчатой формы потолка Труллою. Всѣхъ засѣданій было 18. Соборъ длился почти цѣлый годъ ¹⁾).

Дѣятельность собора VI вселенскаго распадается на два отдѣла: съ одной стороны соборъ внимательно и подробно изслѣдуетъ лжеученіе еретиковъ моноелитовъ, съ другой — излагаетъ, по надлежащемъ изслѣдованіи, православное ученіе, направленное противъ заблужденія.

Въ составѣ самого собора нашлись лица, которыя со всѣмъ жаромъ рѣшились защищать лжеученіе моноелит-

¹⁾ Засѣданія собора происходили въ 680 году: 7, 10, 13, 15 ноября, 7 декабря; въ 681 году: 12 и 13 февраля, 7, 8, 18, 20, 22, 28 марта, 5 и 26 апрѣля, 9 августа, 11 и 16 сентября.

ское. Таковъ былъ прежде всего патріархъ Антиохійскій Макарій. До извѣстной степени ему сочувствуетъ, по крайней мѣрѣ въ началѣ собора, и патріархъ Константинопольскій Георгій ¹⁾. Борьба собора съ патріархомъ Макаріемъ составляетъ одну изъ самыхъ замѣчательныхъ сторонъ въ дѣятельности собора. Съ нимъ ведутся постоянные диспуты, его произведенія разбираются, его сочиненіямъ противопоставляются другія сочиненія православныя, которыя составляются въ теченіе самого собора.

На первомъ же засѣданіи собора мы встрѣчаемъ открытое заявленіе Макарія объ его моноелитскихъ убѣжденіяхъ. Это заявленіе онъ дѣлаетъ не только отъ своего лица, но и отъ лица церкви константинопольской съ антиохійскою. Макарій говорилъ: „Мы не дѣлаемъ никакихъ нововведеній въ ученіи, но какъ приняли отъ вселенскихъ соборовъ и святыхъ уважаемыхъ отцевъ, также и отъ представителей сего города Сергія, Павла, Пирра и Петра, также отъ Гонорія, бывшаго папы города Рима и Кира ²⁾, бывшаго патріарха Александрійскаго, то есть о волѣ и дѣйствіи, такъ и увѣровали, вѣруемъ и проповѣдуемъ и готовы отстаивать это“. Когда Макарій заявилъ о своемъ лжеученіи, соборъ потребовалъ отъ него доказательствъ. Въ отвѣтъ на это требованіе Макарій сказалъ, что его доказательства заключаются въ дѣянiяхъ вселенскихъ соборовъ. Поэтому приступлено было къ чтенію дѣяній III и IV вселенскихъ соборовъ, на которыхъ шло изслѣдованіе о двухъ естествахъ во Христѣ—Богочеловѣкѣ. Въ дѣянiяхъ III вселенскаго собора Макарій объявилъ слѣдующе свидѣтельство изъ писаній Кирилла Александрійскаго, будто бы говоря-

---

¹⁾ Свѣдѣнія о Георгіи въ „Дѣянiяхъ“ не многочисленны. Вотъ они: Георгій сначала не хотѣлъ поинать въ церкви папъ, извѣстныхъ своимъ православіемъ (Дѣян. VI, 23), держался стороны Макарія Антиохійскаго, еретика, и подозрительно смотрѣлъ на папское посланіе православное, принесенное легатами изъ Рима (159—160), просилъ соборъ, чтобы онъ не возглашалъ анаемы вождямъ моноелитства Сергію и Пирру (1458), потомъ согласился съ православнымъ посланіемъ папы Римскаго (163—4) и привялъ въ церковные помяники имена православныхъ папъ Римскихъ (170—173).

²⁾ Всѣ поименованныя Макаріемъ лица были моноелитами. См. выше „Моноелитство“.

шимъ въ пользу моноелитства. „Господь нашъ Иисусъ Христосъ... чрезъ Него цари царствуютъ и сильные творять правду, какъ сказано въ писаніи, ибо воля Его всемогуща“. При чтеніи этихъ словъ изъ соборныхъ дѣяній Макарій воскликнулъ: „Вотъ мое доказательство, что во Христѣ одна воля!“ Соборъ съ своей стороны въ лицѣ папскихъ легатовъ и нѣкоторыхъ епископовъ восточныхъ, опровергъ такое неправильное толкованіе словъ Кирилла. Соборъ говорилъ: „Макарій преувеличенно и неосновательно полагаетъ на основаніи прочитаннаго сейчасъ текста, что въ двухъ естествахъ Иисуса Христа, въ Божествѣ и чловѣчествѣ, одна воля. Святый Кирилль, пиша эти слова, имѣлъ въ виду лишь Божественное естество Христа, которое у него общее со Отцемъ и Св. Духомъ, а потому всемогущее. Говоря о Божественномъ ествѣ Иисуса Христа, Кирилль назвалъ и волю, принадлежащую этому естеству, всемогущею. Здѣсь нѣтъ рѣчи о томъ, одна или двѣ воли во Христѣ“ (Дѣян. VI, стр. 42--44). При чтеніи дѣяній IV вселенскаго собора снова возникаютъ пренія между Макаріемъ и соборомъ. Именно, когда читалось въ дѣяніяхъ этого собора посланіе папы Льва, въ которомъ говорилось: „То и другое естество во взаимномъ общеніи обнаруживаютъ дѣйствія, свойственныя ихъ природѣ: Слово дѣйствуетъ такъ, какъ свойственно Слову, плоть такъ, какъ свойственно плоти, одно изъ нихъ блистаетъ чудесами, другое подвергается униженіямъ“, — соборъ заявилъ, что это мѣсто служить изобличеніемъ моноелитства; при чемъ отцы собора потребовали, чтобы Макарій высказалъ, какъ онъ понимаетъ это мѣсто изъ посланія Льва. Макарій при этомъ случаѣ опять обнаруживаетъ свой еретическій образъ возрѣній, говоря: „Я не исповѣдую двухъ дѣйствій и не думаю, что бы св. Левъ въ этихъ словахъ говорилъ о двухъ дѣйствіяхъ“. На дальнѣйшія требованія, чтобы онъ точнѣе опровергъ мнѣніе Льва и яснѣе выразилъ основанія для своего ученія, Макарій кратко отвѣчалъ: „Я не считаю нужнымъ разсуждать“ (Д. IV, 48 — 9). На одномъ изъ позднѣйшихъ засѣданій собора Макарій однакожь не отказывается вступить въ болѣе подробныя пренія съ защитниками православія, при чемъ онъ во всей ясности обнаружилъ шаткость и неосновательность своего моноелитскаго

ученія. Противникомъ Макарія на этотъ разъ является нѣкто Теофанъ, монахъ изъ Сициліи. Диспутъ происходилъ такъ: Теофанъ обращается къ Макарію съ вопросомъ: „Имѣлъ ли Іисусъ Христосъ человѣческое хотѣніе?“ — Макарій отвѣчалъ: „мы не допускаемъ человѣческаго хотѣнія во Христѣ, а Божественное допускаемъ, притомъ безъ плотскихъ пожеланій и человѣческихъ помысловъ; хотѣніе во Христѣ принадлежало только Божеству“. — Теофанъ: „Какъ вы понимаете плотскія пожеланія и человѣческіе помыслы, которые не признаете во Христѣ?“ — Макарій: „Плотскія пожеланія и человѣческіе помыслы принадлежатъ подобнымъ намъ людямъ и во Христѣ ихъ не было“. Теофанъ съ своей стороны совершенно соглашается, что во Христѣ не было человѣческихъ помысловъ, въ смыслѣ помысловъ грѣховныхъ и подобныхъ же хотѣній, словомъ всего того, что явилось въ человѣкѣ вслѣдствіе грѣха. И чтобы вывести вопросъ на прямой путь, замѣтилъ, что дѣло идетъ не о той человѣческой волѣ во Христѣ, которая есть въ человѣкѣ согрѣшившемъ, но о той, которая была въ Адамѣ до грѣха. Такой волѣ необходимо должно было быть во Христѣ, какъ скоро Онъ принялъ на себя полное естество человѣческое. Чтобы устранить себя отъ этого сильнаго возраженія, Макарій, какъ оказалось, не хотѣлъ признавать въ Адамѣ, какъ ни странно это, естественной воли человѣческой, до времени грѣха. На вопросъ Теофана: имѣлъ ли Адамъ „естественное хотѣніе?“ — Макарій отвѣчалъ: Адамъ имѣлъ „хотѣніе самовластное и свободное, потому что до преступленія онъ имѣлъ божественное хотѣніе, желалъ того же, чего и Богъ“. Противъ странности подобнаго мнѣнія возвысилъ свой голосъ весь соборъ. Отцы говорили: „Какое нелѣпое богохульство! Если Адамъ до паденія имѣлъ божественное хотѣніе, то значить онъ былъ единосущенъ Богу и хотѣніе Адама было неизмѣняемымъ. А если такъ, какъ же онъ измѣнился, преступилъ заповѣди и подвергся смерти? Имѣющій одно хотѣніе съ Богомъ, неизмѣняемъ“. Когда кончились возраженія собора по поводу мнѣнія Макарія о волѣ Адама до паденія его, Теофанъ возобновилъ свой

прерванный съ Макаріемъ диспутъ. Онъ видѣлъ ясно, что Макарій, высказывая свое странное мнѣніе о волѣ Адама до паденія, тѣмъ самымъ хотѣлъ лишь избѣгнуть прямого отвѣта на вопросъ, потому что прямой и естественный отвѣтъ былъ бы не выгоденъ для развиваемаго имъ моноелитскаго ученія.—Поэтому Теофанъ съ особенною настойчивостію началъ допрашивать Макарія: „Естественное ли (т. е. вложенное въ самой природѣ перваго человѣка) хотѣніе имѣлъ Адамъ? Да, или нѣтъ?“ — Макарій уклончиво отвѣтилъ. „Я уже сказалъ свое мнѣніе“.—Тогда Теофанъ еще разъ предлагаетъ тотъже вопросъ Макарію, говоря: „Или согласитесь, что Адамъ имѣлъ естественное хотѣніе, или отвергните это?“ Макарій упорствовалъ и не хотѣлъ ни согласиться, ни отвергнуть ученія о человѣческой волѣ въ Адамѣ до его паденія. Соборъ, слушавшій эти пренія Теофана и Макарія, по окончаніи ихъ объявилъ себя вполне согласнымъ съ мнѣніями Теофана (Д. VI, 195—198).

Въ борьбѣ съ еретикомъ Макаріемъ собору надлежало не только опровергать неоднократныя еретическія словесныя заявленія его на соборѣ, но нужно было подвергнуть разбору и осужденію немалочисленныя сочиненія его, написанныя имъ съ цѣлію убѣдить соборъ и церковь въ своемъ заблужденіи. Эта задача потребовала много времени и трудовъ отъ отцевъ собора, но ради обнаруженія истины соборъ взялъ на себя и эту задачу. Для сужденія о заблужденіи Макарія соборъ долженъ былъ выслушать довольно обширное „исповѣданіе“ Макарія, которое онъ подалъ императору Константину и которое тотъ передалъ отцамъ собора. Исповѣданіе это знакомитъ насъ съ основными воззрѣніями еретика и потому заслуживаетъ вниманія. Основаніемъ, изъ котораго вытекало его моноелитство, не было, лжеученіе монофизитское, потому что Макарій въ своемъ исповѣданіи ясно осуждаетъ монофизитство, — онъ говоритъ: „Мы не говоримъ того, чтобы плоть обратилась въ естество божское во Христѣ; чрезъ соединеніе нимаго не уничтожается различіе естествъ, а скорѣе сохраняется особенность того или другаго естества въ одномъ лицѣ и одной ипостаси“, — и прямо прокликаетъ еретиковъ Аполлинарія, Евтихія, Діо-

скора. Основаніемъ для еретическаго ученія Макарія служило неправильно истолкованное имъ православное ученіе объ единствѣ лица или ипостаси въ Богочеловѣкѣ. Это видно изъ слѣдующихъ замѣчаній его исповѣданія. „Невозможно, чтобы въ одномъ Христѣ Богѣ находились одновременно два хотѣнія, или взаимно противоположныя или совершенно одинаковыя. Ученіе церкви научаетъ насъ, что плоть Господа никогда не производила естественнаго своего движенія отдѣльно и по своему стремленію, вопреки указанію соединеннаго съ нею въ *ипостась* Бога Слова,— и сказать прямо: какъ наше тѣло управляется, украшается и приводится въ порядокъ разумною и мыслящею душою, такъ и въ Господѣ Христѣ весь человѣческій составъ Его управляется всегда и во всемъ Божествомъ самого Слова“. Отправляясь отъ этихъ послѣднихъ воззрѣній, Макарій считалъ правильнымъ провозглашать свое моноелитское ученіе. „Воплотившійся Богъ Слово, говоритъ онъ, не совершаетъ ни Божескаго какъ Богъ, ни человѣческаго какъ человѣкъ, совершаетъ нѣкое новое богомужное дѣйствіе и все это дѣйствіе являетъ животворнымъ. Онъ совершаетъ наше спасеніе однимъ и единымъ божественнымъ хотѣніемъ“. Въ этому письменному исповѣданію своему Макарій на словахъ добавилъ: „Я не скажу, что два естественныя хотѣнія или два естественныя дѣйствія въ домостроительствѣ воплощенія Господа нашего Иисуса Христа, хотя бы меня разрубили на мелкія части и бросили въ море“ (Дѣян. VI, 178—187). Кромѣ этого „исповѣданія“ Макарій для доказательства правоты своихъ убѣжденій представлялъ собору и нѣсколько другихъ своихъ произведеній. Сначала онъ представилъ собору „два свитка“, въ которыхъ онъ изложилъ доказательства своего ученія и которые носили заглавіе: „свидѣтельства св. отцевъ, учащія объ одной волѣ Господа нашего Иисуса Христа, которая есть также воля Отца и Св. Духа“. (Д. VI, 148—149). Черезъ нѣсколько времени Макарій представилъ еще третій небольшой свитокъ съ тою же цѣлю. Онъ носитъ такое заглавіе: „Дальнѣйшія свидѣтельства о волѣ“. При чемъ Макарій заявилъ, что онъ считаетъ свидѣтельства, заключающіяся въ подан-

ныхъ имъ свиткахъ, совершенно достаточными для утверженія моноелитскаго ученія. Свитки были прочтены и потомъ запечатаны печатами какъ Макарія, такъ и стороны православныхъ (Дѣян. VI, 152—153). Соборомъ заявлено было, что свидѣтельства заключающіяся въ свиткахъ Макарія не имѣютъ силы доказательства, потому что съ одной стороны Макарій выдалъ за свидѣтельства, говорящія объ одной волѣ Господа Христа, такія, которыя говорятъ объ одной волѣ въ Троицѣ; съ другой стороны свидѣтельства отеческія, дѣйствительно идущія къ дѣлу и говорящія о домостроительствѣ нашего спасенія, искажены Макаріемъ и въ смыслѣ и въ выраженіяхъ. Соборъ беретъ на себя трудъ доказать, что заявленія его дѣйствительно справедливы, и съ этою цѣлію отцы рѣшаются сличить свидѣтельства Макарія съ свидѣтельствами самихъ отцевъ церкви въ ихъ подлинныхъ писаніяхъ (Д. VI, 154). Этого мало—соборъ, въ лицѣ палскихъ легатовъ, съ своей стороны представилъ также разсужденіе, въ которомъ заключались доказательства истинности ученія о двухъ воляхъ во Христѣ. „Свитокъ“ легатовъ носилъ такое заглавіе: „Свидѣтельства святыхъ и достоуважаемыхъ отцевъ, доказывающія, что въ Господѣ Иисусѣ Христѣ два хотѣнія и два дѣйствія“. Свитокъ былъ прочтенъ и запечатанъ печатами сторонъ Макарія и православныхъ. Партія Макарія при этомъ объявила, что она разсмотритъ свидѣтельства, приводимыя легатами, сличитъ ихъ съ подлинными сочиненіями отеческими, для удостовѣренія въ истинности ихъ (Д. VI, 158. 159). Въ дальнѣйшемъ теченіи соборныхъ дѣяній сторона православная послѣ тщательнаго сличенія свидѣтельствъ, заключающихся въ трехъ свиткахъ Макарія, съ подлинными свидѣтельствами отцевъ, дѣйствительно нашла, что свидѣтельства отцевъ приводятся Макаріемъ или не полно, или отрывочно, безъ связи съ цѣлымъ текстомъ. Такъ при сличеніи перваго свитка Макаріева съ писаніями отцевъ найдено, что въ такомъ родѣ искажены были свидѣтельства св. Лѳанасія, св. Амвросія, Кирилла Александрійскаго, Златоуста и пр. Когда все это выяснилось, соборъ спрашивалъ Макарія: „зачѣмъ онъ опускалъ мѣста нужныя изъ свидѣтельствъ отцевъ“? Макарій вмѣсто

всякихъ оправданій объявлялъ, что онъ приводилъ только такія мѣста, какія могли доказывать его ученіе (Дѣян. VI, 188. 191. 193. 198 и пр.). Соборъ нашель потомъ, что сличенія одного перваго свитка Макаріева съ писаніями отцевъ совершенно достаточно для изобличенія нечестія этого еретика, и счель за излишнее дѣлать подобное же сличеніе и другихъ двухъ свитковъ Макарія (Д. VI, 217). Въ интересахъ обращенія заблуждающихся къ истинѣ православія, отцы собора съ другой стороны приняли на себя провѣрку свидѣтельствъ, заключающихся въ свиткѣ легатовъ и доказывающихъ истинность ученія о двухъ воляхъ и дѣйствіяхъ во Христѣ. Свидѣтельства легатовъ оказались согласными съ подлинниками; это были свидѣтельства изъ Льва, Амвросія, Аванасія, Златоуста, Григорія Нисскаго, Григорія Богослова, Епифанія Кипрскаго, Августина и другихъ (Д. VI, 222. 229. 244 и пр.). Чтобы не оставить ничего не разсмотрѣннымъ изъ всего, что написано было Макаріемъ, нѣкоторыми членами собора заявлено было, что есть и еще нѣкоторыя сочиненія Макарія, которыя заключаютъ ту же моноелитскую ересь и хранятся въ патриаршей библіотекѣ. При этомъ заявленіи нѣкоторыми прибавлено было, что сочиненія свои Макарій во множествѣ списковъ старался распространить повсюду, и они зашли даже въ Римъ и Сардинію. Поэтому положено было принести изъ библіотеки и другія сочиненія Макарія и изслѣдовать ихъ. Сочиненія эти найдены также исполненными лжеученія, но соборъ не счель нужнымъ прочитывать ихъ въ цѣломъ составѣ, такъ какъ это было бы очень утомительно, и ограничился чтеніемъ извлеченій изъ нихъ. Сочиненія были осуждены (Д. VI, 347—354). Въ продолженіе разсмотрѣнія мнѣній и сочиненій Макарія соборъ не разъ обращался къ нему съ убѣжденіями исповѣдывать во Христѣ два естественныя хотѣнія и дѣйствія неслитно и нераздѣльно, но Макарій оставался при своемъ заблужденіи (Д. 173—4). Тогда соборъ, видя упорство его, видя, по образному выраженію „дѣяній“ собора, что онъ „шею натянулъ, какъ желѣзный нервъ, лицо сдѣлалъ мѣднымъ, уши заградилъ отъ слушанія, сердце сдѣлалъ упорнымъ въ непослушаніи закону“ (Д. VI, 542), рѣшилъ сначала

лишить его омофора (Д. VI, 195), а потомъ произнести надъ нимъ судъ церковный во всей строгости. Соборъ объявилъ: „божественное правило отнюдь не дозволяетъ сидѣть на учительскомъ престолѣ Макарію, состарѣвшемуся въ догматахъ нечестія и не только наполнившему подпольнымъ извращеніемъ весь христіанскій народъ и поддѣлавшему свидѣтельства св. и славныхъ отцевъ, но и возмутившему посредствомъ своихъ писемъ и посланныхъ людей всѣхъ отъ востока солнца до запада, и справедливо и законно лишенному святительскаго облаченія“. Макарій признанъ лишеннымъ святительства, низложеннымъ и анаематствованнымъ, при чемъ положено было просить императора, чтобы онъ изгналъ Макарія изъ Константинополя. На мѣсто низложеннаго Макарія выбранъ былъ новый патріархъ въ Антиохію—Ѳеофанъ, который и принялъ участіе въ дѣяніяхъ собора (Д. VI, 384. 385).

Осужденіе Макарія и изобличеніе его лжеученія было однимъ изъ важнѣйшихъ дѣлъ собора, но этимъ борьба отцевъ собора съ еретиками лично не ограничилась. Кроме этого главнаго ересіарха моноелита, на соборѣ являлись и нѣкоторые другіе, мыслившіе по моноелитски. Борьба съ ними требовала также не мало труда и времени со стороны собора. На соборѣ обнаружались такіе моноелиты, которые въ своихъ воззрѣніяхъ стояли на точкѣ зрѣнія указа Констанса II, на точкѣ зрѣнія „Образца“, т.-е. такіе, которые считали не нужнымъ какія бы то ни было религіозныя разсужденія объ одной и двухъ воляхъ во Христѣ, и полагали незаконнымъ осуждать какъ тѣхъ, кто учитъ объ одной волѣ, такъ и тѣхъ, кто учитъ о двухъ воляхъ. Во главѣ этихъ моноелитовъ стоялъ епископъ Мелитинскій Ѳеодоръ, называвшій себя „человѣкомъ деревенскимъ“. Около него сгруппировалось нѣсколько другихъ епископовъ и клириковъ. Ѳеодоръ представилъ на соборѣ хартію, въ которой на основаніи опредѣленій пятаго вселенскаго собора о томъ, чтобы не было производимо новыхъ изысканій въ области вѣры, требовалъ, „чтобы никто не смѣлъ преступать или прелгать древніе предѣлы (вѣры), постановленные отцами для спасенія всѣхъ, также

чтобы кто-нибудь не подвергался осужденію или обвиненію, которому подвергались нѣкоторые изъ прежде бывшихъ, учившихъ или объ одномъ дѣйстви и хотѣніи, или о двухъ дѣйствіяхъ и двухъ хотѣніяхъ. И пусть никто изъ лицъ той или другой стороны не подвергается осужденію или обвиненію за это“ (Д. VI, 167—9). Этихъ лицъ, отдѣляющихся отъ общенія съ остальнымъ соборомъ, сначала сочли за сторонниковъ Макарія, но оказалось, что они стояли особо, составляли отдѣльную партію (Д. VI, 170—172). Партія эта не долго отдѣлялась отъ собора. Послѣ того, какъ произошло на соборѣ сличеніе перваго свитка Макаріева, которое обнаружило неосновательность моноелитства, епископы и клирики, принадлежавшіе къ этой партіи, объявили себя единомышленными съ соборомъ православныхъ и подавъ собору свое „исповѣданіе вѣры“, они дѣйствительно воссоединены были съ церковію (Д. VI, 216—288 и дал.).

Къ концу соборной дѣятельности отцамъ собора пришлось имѣть дѣло съ отдѣльными моноелитами, которые по своей волѣ представлялись на соборъ и хотѣли защищать лжеученіе.

Таковъ былъ монахъ Полихроній, котораго справедливо Дѣянія называютъ человѣкомъ „дѣтскаго и сумасброднаго ума“ и „глупѣйшимъ“ (Д. VI, 497—557). Этотъ монахъ явившись на соборъ объявилъ, что онъ исповѣдуетъ моноелитство и что для доказательства истинности этого ученія готовъ воскресить мертваго. Это, разумѣется, была затѣя, но соборъ однакожь согласился на предложеніе Полихронія, дозволилъ совершить ему „несбыточную затѣю“ для удостовѣренія народа, изъ котораго очень многихъ обольщали и онъ (Полихроній) и его единомышленники (Д. VI, 443). Подробности событія состоятъ въ слѣдующемъ. Одинъ изъ епископовъ собора заявилъ, что монахъ Полихроній желаетъ войти на соборъ и изложить свою вѣру. Соборъ соизволилъ на это предложеніе. Полихроній вошелъ. Отъ него потребовали, чтобы онъ исповѣдалъ свою вѣру въ домостроительство воплощенія Іисуса Христа. Въ отвѣтъ на это Полихроній сказалъ: „Я дамъ свое исповѣданіе на

гробъ мертвеца, съ призываніемъ Сына Божія, чтобы Онъ воскресилъ мертвеца; если же мертвецъ не встанетъ, то соборъ и императоръ пусть дѣлаютъ со мной, что угодно!“ Соборъ сказалъ, что ему необходимо знать, какое именно исповѣданіе вѣры положить Полихроній на мертвеца. На это Полихроній сказалъ: „Я положу мое исповѣданіе поверхъ мертвеца, и тогда вы его прочтете“. Соборъ распорядился, чтобы былъ приготовленъ мертвецъ, надъ которымъ Полихроній долженъ былъ сдѣлать свой странный опытъ. Тогда онъ передалъ собору свою хартію, запечатанную печатію и заключающую его исповѣданіе, прибавивъ: „въ этомъ моя вѣра, такъ вразумилъ меня Богъ“. Хартія была однакожь прочтена и заключала въ себѣ описаніе какихъ-то галлюцинацій престарѣлаго монаха. Въ хартіи читалось: „Я, Полихроній, поклоняюсь императору Константину такъ, какъ бы я былъ въ его присутствіи. Видѣлъ я (въ видѣніи) множество мужей въ бѣлыхъ одеждахъ и въ срединѣ ихъ мужа, о доблести котораго я не могу рассказать, который говорилъ мнѣ: онъ (императоръ) устрояетъ новую вѣру, поспѣшай, скажи императору, чтобы онъ не выдумывалъ новой вѣры и не принималъ. И когда я шелъ изъ города Иракліи въ Хризополь и остановился подъ палаткою солнцемъ, видѣлъ я мужа страшнаго, очень блистающаго. Онъ сталъ противъ меня, говоря: кто не исповѣдуетъ одной и воли и богомужнаго дѣйствія, тотъ не христіанинъ. Я сказалъ: это именно предпрѣдѣлялъ императоръ Константинъ: одна воля и одно богомужное дѣйствіе. Тотъ сказалъ: очень хорошо и богоугодно“. На вопросъ собора: самъ ли Полихроній писалъ эту хартію, онъ отвѣчалъ, что это писано его собственною рукой. Затѣмъ происходилъ самый актъ воскрешенія мертвеца. Соборъ, сановники и многочисленный народъ собрались на площади, которая находилась предъ одной народной банею; на богатыхъ посеребренныхъ носилкахъ положенъ былъ мертвецъ. Полихроній возложилъ на трупъ свое исповѣданіе вѣры, которое представлено было собору, и ждалъ воскресенія умершаго, но тщетно. Проходили часы, а мертвецъ оставался недвижимымъ. Напрасно Полихроній сталъ что-то

нашептывать мертвецу, чудо не совершалось. Тогда Полихроній всенародно объявилъ: „Я не могу воскресить мертваго“. Присутствовавшій народъ съ негодованіемъ кричалъ: „Анаеема новому Симону (вожву), анаеема обольстителю народа“. Соборъ возвратился назадъ, во дворець, гдѣ происходили его прежнія засѣданія. Полихроній былъ посрамленъ. Лживость его увѣреній открылось воочию всѣхъ. Однакожь упорный монахъ и теперь остался упорствующимъ въ своемъ нечестіи. Ибо когда отцы собора спросили его, послѣ всего случившагося: „пусть Полихроній скажетъ, исповѣдуетъ ли онъ двѣ естественныя воли и два естественныя дѣйствія во Христѣ“, упорный отвѣчалъ: „какъ говорится въ хартіи, которую я подаль и положилъ на мертвеца, такъ я вѣрую въ одну волю и одно богомужное дѣйствіе, а другаго ничего не говорю“. Послѣ этого соборъ изрекаетъ свой судъ надъ Полихроніемъ, „соблазнителемъ и обольстителемъ народа и явнымъ еретикомъ“: онъ лишень былъ священнаго сана, которымъ былъ облечень (Дѣян. IV, 439—444).

Послѣднимъ еретикомъ, съ которымъ лично вступаетъ въ борьбу соборъ, былъ пресвитеръ Константинъ изъ города Апаimei въ Сириі. Онъ пожелалъ представиться на соборъ и представился. Прежде всего онъ объявилъ, что имперія не имѣла бы тѣхъ несчастій, напр. войны съ Болгаріею, еслибы миръ и любовь господствовали между подданными государя, а они господствовали бы, еслибы не подвергались порицанію ни исповѣдующіе одну волю, ни исповѣдующіе двѣ воли; затѣмъ онъ просилъ позволенія изложить свою вѣру, но для сего требовалъ шестидневной отсрочки. Но соборъ такой отсрочки Константину не далъ, объясняя свой отказъ тѣмъ, что Константинъ по своей волѣ пришелъ и слѣдовательно долженъ былъ знать, за чѣмъ идетъ на соборъ, и приказалъ, чтобы онъ сейчасъ же изложилъ свою вѣру на словахъ. Константинъ долженъ былъ повиноваться. Изложеніе вѣры, высказанное этимъ еретикомъ, показало, что онъ въ своихъ богословскихъ представленіяхъ не имѣлъ достаточной ясности и опредѣленности и не чуждъ былъ странныхъ понятій, показываю-

щихъ его невѣжество. Какъ на сколько нибудь достойную вниманія особенность его исповѣданія, можно указать развѣ на то, что онъ предлагалъ, вмѣсто выраженія: двѣ воли, употреблять выраженіе: два свойства. Онъ говорилъ собору: „я признаю два естества во Христѣ, какъ изречено на соборѣ Халкидонскомъ, и два свойства, и о дѣйствіяхъ спорить не буду, если соборъ назоветъ ихъ свойствами. Я признаю одну волю въ лицѣ Бога Слова и послѣ воплощенія, ибо Отецъ, Сынъ и Св. Духъ есть одна воля“. Послѣ произнесенія Константиномъ этого исповѣданія, между нимъ и отцами собора завязались пренія, которыя еще яснѣе показали несостоятельность воззрѣній этого еретика.— Соборъ спросилъ: „одна воля, которую ты признаешь въ воплотившемся Богѣ Словѣ, принадлежитъ ли къ божественному Его естеству или къ человѣческому?“ — Константинъ отвѣчалъ: „я признаю, что воля принадлежитъ божеству во Христѣ“. — Соборъ: „а человѣческое естество Господа Христа имѣло ли волю или нѣтъ?“ — Константинъ: „да, естество человѣческое (во Христѣ) имѣло ее, но временно, отъ чрева матери до креста, и притомъ я признаю это свойствомъ, и она есть только свойство“. Изъ такого отвѣта рождался вопросъ: допускаетъ ли Константинъ, что Христосъ имѣлъ человѣческое естество послѣ страданій, такъ какъ недопущеніе воли человѣческой во Христѣ послѣ страданій наводило на мысль, что онъ отрицаетъ и человѣчество во Христѣ послѣ этого событія.— Соборъ спросилъ: „такъ что же? развѣ послѣ креста Христосъ покинулъ человѣческое естество?“ Отвѣтъ Константина показалъ, что подозрѣнія собора имѣли основанія. Константинъ хотя и не совсѣмъ ясно, однакожь отрицалъ человѣчество во Христѣ по окончаніи страданій. — Онъ сказалъ: „при Немъ не осталось человѣческой воли, а покинута она съ плотію и кровію, какъ скоро Онъ не имѣлъ нужды ни ѣсть, ни пить, ни спать, ни ходить“. Какъ ни мало было ясности въ представленіяхъ Константина, тѣмъ не менѣе изъ сказаннаго имъ выходило, что онъ хотя временно, но все же допускалъ бытіе двухъ волей во Христѣ, именно до событія страданій. На это противорѣчіе въ уче-

ни Константина, который выдавал себя за моноелита, и указывал соборъ. — „На какомъ основаніи ты утверждаешь, что во Христѣ одна воля, когда ты самъ допускаешь, что во Христѣ была и воля божественная и хотѣніе человѣческое, хотя бы и до страданій?“ — Константинъ отвѣчалъ, „что хотя во Христѣ и была, кромѣ воли божественной, и человѣческая, но теперь ея нѣтъ болѣе во Христѣ. Христось оставилъ ее и совлекъ съ Себя вмѣстѣ съ кровію и плотію“. Отвѣтъ этотъ показалъ, что Константинъ, несмотря на допускаемое имъ ученіе о двухъ воляхъ во Христѣ до страданія, упорно оставался при мнѣніи, что во Христѣ одна воля божеская, и что воля человѣческая какъ-то прешла во Христѣ вмѣстѣ съ плотію и кровію Его. Моноелитство Константина не подлежало сомнѣнію. Надлежало только точнѣе опредѣлить, какъ понимаетъ онъ оставленіе Христомъ собственнаго тѣла по страданіи. — Поэтому соборъ и спрашивалъ Константина. „Гдѣ остались плоть и кровь Христовы?“ Константинъ отвѣчалъ на это темною фразой: „Христось совлекъ ее съ Себя.“ — Соборъ снова спросилъ его: „и съ плотію совлекъ и человѣческую волю?“ Константинъ подтвердилъ: „да, господа, и волю“. Въ видахъ исправленія и покаянія Константина, ему объявлено было отъ собора, что подобное ученіе — ересь. Константинъ и при этомъ не хотѣлъ отказаться отъ своего ученія. Еретикъ былъ анаематствованъ (Д. VI, 449—452.)

Борьба вселенскаго собора съ еретиками, которые лично защищали на соборѣ свои моноелитскія убѣжденія, должа была имѣть важныя послѣдствія для искорененія ереси. Послѣ этого никто не могъ осмѣливаться утверждать, что соборъ не выслушалъ и не опровергъ всѣхъ возраженій, какія могли сдѣлать ратующіе противъ истины православія. Но съ этимъ еще не совершенно уничтожился корень ереси. Въ продолжительное время господства своего ересь успѣла создать литературу, которая могла имѣть читателей и послѣдователей; по этому надлежало рассмотреть и изобличить все написанное въ пользу моноелитства. Это и дѣйствительно было не маловажною задачею въ дѣятельности

собора. Слѣдовало прежде всего разсмотрѣть разныя произведенія написанныя главами моноелитства—Сергіемъ, Гоноріемъ, Пирромъ, Киромъ и другими зачинщиками ереси. Соборъ взялъ на себя подобный трудъ и разсмотрѣвъ тщательно посланія и сочиненія вождей моноелитства, пашель ихъ „душевредными, положилъ отвергать ихъ и гнущаться, проклялъ и объявилъ подлежащими уничтоженію“ (Д. VI, 390. 408). Когда окончилось разсмотрѣніе этихъ важнѣйшихъ документовъ еретическихъ, на соборѣ было заявлено, что въ патріаршей бібліотекѣ хранится и еще не мало моноелитскихъ сочиненій, написанныхъ епископами, клириками, монахами и простыми мірянами. Соборъ приказалъ, чтобы всѣ эти сочиненія представлены были на разсмотрѣніе отцевъ. Разсмотрѣніе показало, что они одного и того же рода съ сочиненіями Сергія, Пирра и другихъ, и потому соборъ, почитая ихъ невѣжественными и душевредными, положилъ предать ихъ сожженію, что и было исполнено (Д. VI, 409. 412. 416).

Документами, которыми, какъ документами первой важности, пользовались моноелиты для доказательства правоты своего лжеученія—были: письмо патріарха Константинопольскаго Мины къ Вигилію, папѣ Рамскому и двѣ статьи, писанныя папою Вигиліемъ къ императору Юстиніану и его супругѣ Теодорѣ. Эти сочиненія заключали въ себѣ мысли моноелитскія. Такъ посланіе Мины заглавлялось: „Слово Мины къ Вигилію о томъ, что во Христѣ одна воля“; въ статьяхъ же Вигилія между прочимъ говорилось: „Христось имѣеть одно естество, одно лицо, одно *дѣйствіе*“. Документы эти найдены были въ дѣянїяхъ V вселенскаго собора, предложенныхъ для чтенія на VI вселенскомъ соборѣ, и хранившихся въ патріаршей бібліотекѣ. Несмотря на то, они были рѣшительно подложны: подложность ихъ видна уже изъ того, что въ нихъ дѣло идетъ о такомъ вопросѣ, какъ вопросъ о воляхъ во Христѣ, о какомъ не было никакого изслѣдованія въ шестомъ вѣкѣ, когда былъ соборъ V вселенскій,—тѣмъ не менѣе присутствіе этихъ документовъ въ дѣянїяхъ V вселенскаго собора служило средствомъ къ соблазну православныхъ. Поэтому шестой вселенскій

соборъ берется съ одной стороны доказать, что посланіе Мины и сочиненія Вигилія подложны, съ другой—прослѣдить тѣ пути, какими эти документы проникли въ дѣянія. Все это совершенно соборомъ съ замѣчательнымъ успѣхомъ. Касательно подложности посланія Мины къ Вигилію соборъ представилъ нѣсколько сильныхъ доказательствъ: 1) патріархъ Мина скончался ранѣе V вселенскаго собора: Мина умеръ на 21 году царствованія Юстиніана, соборъ же V вселенскій былъ на 27 году царствованія Юстиніана, а въ это время патріархомъ Константинопольскимъ былъ Евтихій ¹⁾. 2) первые три листа дѣяній соборныхъ, въ которыхъ находилось посланіе Мины, носили на себѣ слѣды позднѣйшей прибавки; ибо эти три листа не имѣли нумераціи, которая начинается съ четвертаго листа, гдѣ начинались подлинныя акты собора. 3) Каллиграфія первыхъ листовъ дѣяній, гдѣ помѣщено разсматриваемое посланіе, отлична отъ каллиграфіи остальной рукописи, — знакъ, что тѣ привнесены въ дѣянія не одновременно съ общею перепискою истинныхъ актовъ. 4) Въ патріаршей бібліотекѣ въ Константинополѣ сохранялся реестръ посланій Мины, а въ этомъ реестрѣ не значится посланіе Мины къ Вигилію (Д. VI, 53. 54. 365). Подложность же статей Вигилія, будто бы написанныхъ къ Юстиніану и Феодорѣ, доказана была соборомъ слѣдующимъ образомъ: седьмое дѣяніе V вселенскаго собора, гдѣ обрѣлись статьи Вигилія, составляли собой особый томъ, съ особымъ счетомъ страницъ. Но 15-й листъ этого тома былъ, какъ показалъ осмотръ, вырванъ и вмѣсто него вставленъ новый, на которомъ и были написаны статьи Вигилія. Что эти статьи въ первоначальномъ кодексѣ не находились, а включены позднѣе, это ясно усмотрѣно было изъ того, что этотъ 15-ый листъ не имѣлъ должной нумераціи (Д. VI, 424). Наконецъ не подлинность

¹⁾ Хронологическія указанія собора въ данномъ случаѣ не совсѣмъ точны. Мина умеръ не за шесть лѣтъ до V вселенскаго собора, а за годъ только, именно онъ умеръ въ 552 году въ августѣ, а соборъ былъ въ 553 году въ маѣ. Это объясняется кажется тѣмъ, что счетъ производили палскіе легаты, которые, какъ люди запада, не точно знали исторію востока. Впрочемъ эта ошибка не имѣетъ существеннаго вліянія на доказательность соборнаго аргумента.

всѣхъ разсматриваемыхъ нами документовъ, — посланія Мины и статей Вигилія, соборъ доказаль еще тѣмъ, что въ патріаршей бібліотекѣ открытъ былъ экземпляръ „дѣяній“ V вселенскаго собора, въ которомъ не было еретическихъ моноелитскихъ прибавокъ (Д. VI, 423. 425). Изобличивъ подложность указанныхъ документовъ, соборъ старается опредѣлить и тѣ пути, какими привзошли эти вставки. Въ этомъ отношеніи соборъ обнаружилъ многіе интересные факты, которые показали, что источникомъ этихъ поддѣлокъ были козни моноелита Макарія, патріарха Антиохійскаго. Одинъ изъ членовъ собора, епископъ Селевкійскій указаль первые слѣды, по которымъ можно было прослѣдить за происхожденіемъ поддѣлокъ. Онъ заявилъ, что нѣкогда онъ получилъ экземпляръ Дѣяній V вселенскаго собора отъ одного военачальника Филиппа. Экземпляръ этотъ оказалъ поддѣльнымъ въ седьмомъ „дѣяніи“ (статья Вигилія). Изъ разговора по этому случаю съ Филиппомъ онъ узналъ, что экземпляръ этотъ былъ въ рукахъ ученика Макарія, Стефана, а изъ собственнаго разсмотрѣнія почерка, какимъ сдѣланы поддѣлки, открылъ, что поддѣлки писаны хорошо извѣстнымъ ему почеркомъ монаха Георгія, тоже ученика Макаріева. При этомъ заявленіи епископомъ Селевкійскимъ представленъ былъ и самый поддѣльный экземпляръ. Георгій, упомянутый епископомъ Селевкійскимъ, будучи призванъ на соборъ, дасть дальнѣйшія нити для опредѣленія происхожденія вставокъ. На соборѣ, по требованію отцевъ, онъ показаль, что подобныя вставки ведутъ, сколько ему извѣстно, свое происхожденіе отъ Макарія и Стефана. Именно когда возникъ споръ о воляхъ между патріархомъ Константинопольскимъ Теодоромъ и Макаріемъ, то Макарій началъ переписывать статьи Вигилія, говоря, что они заимствованы изъ патріаршей бібліотеки; одинъ такой экземпляръ переданъ былъ императору Константину. Затѣмъ Макарій и Стефанъ начали вставлять эти статьи Вигилія во всѣ списки V вселенскаго собора, какіе только имъ встрѣчались. Такъ онѣ вставлены въ экземпляръ, принадлежащій Филиппу военачальнику. Георгій сознался, что и онъ самъ, по приказанію Макарія, перепи-

сываль отдѣльные листы статей Вигилія. Изъ показаній другаго клирика открылось, что подобныя вставки сдѣланы были и въ одномъ латинскомъ экземплярѣ дѣяній V вселенскаго собора. Послѣ этихъ изысканій соборъ провозгласилъ анаѹему на поддѣльвателей дѣяній и на самыя поддѣлки (Д. VI, 425—9).

Переходимъ къ обзорѣнїю второй стороны въ дѣятельности собора. Соборъ въ личныхъ бесѣдахъ съ еретиками опровергъ всѣ доводы, какими они хотѣли подтвердить свое ученіе, тщательно разобралъ всѣ сочиненія моноелитскія, какія могли служить къ поддержанію моноелитской ереси, отнялъ у нихъ средства ссылаться на дѣянія V вселенскаго собора, какъ на опору ихъ лжеученія. Послѣ всего этого оставалось только провозгласить истину православія въ противоположность ереси. Это и составляетъ вѣнецъ и конецъ въ дѣяніяхъ VI вселенскаго собора. Въ основу вѣроопредѣленія VI вселенскаго собора, кромѣ многочисленныхъ писаній прежнихъ отцевъ и учителей, которые впрочемъ разсматривали спорный вопросъ о воляхъ болѣе или менѣе косвенно, легли два замѣчательныя богословскія творенія VII вѣка—окружное посланіе Софронія патріарха Іерусалимскаго, и посланіе папы Агаѹона, которое онъ отсылаетъ къ отцамъ VI вселенскаго собора. Съ особенною ясностію и силою ученіе о двухъ воляхъ и двухъ дѣйствіяхъ во Христѣ раскрывается въ посланіи Агаѹона¹⁾. Приводимъ нѣкоторыя замѣчательныя мысли изъ этого посланія. Агаѹонъ училъ: „исповѣдуемъ, что каждое изъ естествъ Христа имѣетъ естественныя свойства, Божеское имѣетъ всѣ божескія свойства, человѣческое всѣ человѣческія, кромѣ грѣха. Но исповѣдуя два естества, два естественныя хотѣнія, въ единомъ Господѣ Іисусѣ, мы не учимъ, что они противны и враждебны другъ другу, какъ заблуждающіеся отъ пути истины обвиняютъ апостольское преданіе, не учимъ, что они раздѣлены какъбы на два лица или ипостаси, а говоримъ, что одинъ и тотъже Господь Христосъ имѣетъ въ себѣ какъ два естества, такъ и два есте-

¹⁾ О посланіи Софронія была уже рѣчь. См. выше „Моноелитство“.

ственные хотѣнія и дѣйствія, т.-е. божеское и человѣческое, что божеское хотѣніе и дѣйствіе Онъ имѣеть отъ вѣчности общее съ единосущнымъ Ему Отцомъ, человѣческое же принято отъ насъ вмѣстѣ съ нашимъ естествомъ во времени. Какъ естество, соединяющихся въ одномъ Христѣ, два, такъ поистинѣ два ихъ и дѣйствія, которыя съ своими естествами присущи одному и тому же Господу Иисусу Христу“. И въ опроверженіе ереси Агаѳонъ писалъ: „Когда утверждаютъ, что во Христѣ одна воля (что нелѣпо), тогда необходимо, чтобы утверждающіе это признали ее или божественною или человѣческою или составленною изъ той и другой, смѣшанною и слитною, или же (какъ исповѣдуютъ всѣ еретики) признали, что Христосъ имѣеть одно хотѣніе и одно дѣйствіе, какъ истекающія изъ одного составнаго естества. Во всякомъ случаѣ здѣсь уничтожается естественное различіе, которое и послѣ чуднаго соединенія св. соборы утвердили и велѣли намъ сохранять. Ибо хотя они учили, что Христосъ одинъ и одно Его лицо или ипостась, именно по причинѣ ипостаснаго соединенія естествовъ, но въ то же время предали намъ познавать и проповѣдывать различіе самыхъ естествовъ, въ Немъ соединенныхъ, и послѣ чуднаго ихъ соединенія. Итакъ если въ одномъ и томъ же Господѣ І. Христѣ сохраняются свойства естествовъ по причинѣ различія, то съ полною вѣрою требуется признавать и различіе Его естественныхъ хотѣній и естественныхъ дѣйствій, дабы намъ не допускать никакой еретической новизны въ Христову церковь“ (Д. VI, 66. 67. 85. 97). Этимъ посланіемъ Агаѳона главнѣйше и руководился соборъ при составленіи своего православнаго исповѣданія вѣры. Въ „Дѣяніяхъ“ говорится, что отцы собора приняли посланіе Агаѳона „съ распростертыми объятіями“ (Д. VI, 470), какъ „объяснившее тайну богословія“ (Д. VI, 498). Въ вѣроопредѣленіи же собора касательно спорнаго пункта о воляхъ и дѣйствіяхъ во Христѣ читаемъ слѣдующее:

„Проповѣдуемъ согласно ученію св. отцовъ, что въ Немъ (Христѣ) два естественныя хотѣнія или воли нераздѣльно, неизмѣнно, неразлучно, неслитно и двѣ естествен-

ныя воли не противоположны, какъ говорили нечестивые еретики, да не будетъ, но человѣческая Его воля уступаетъ, не противорѣчить, или противоборствуетъ, а подчиняется Его божественной и всемогущей волѣ. Утверждаемъ, что, въ одномъ и томъ же Господѣ нашемъ Иисусѣ Христѣ, истинномъ Богѣ нашемъ, два естественныя дѣйствія нераздѣльно, неизмѣнно, неразлучно, неслитно ¹⁾. Мы признаемъ двѣ естественныя воли и дѣйствія (во Христѣ), согласно сочетавшіяся между собою для спасенія рода человѣческаго“ (Д. VI, 471 - 3).

Это вѣроопредѣленіе собора торжественно было провозглашено и утверждено 16 сентября 681 года. Свое полное согласіе съ вѣроопредѣленіемъ отцы выразили въ отвѣтъ на вопросъ императора Константина, присутствовавшего на этомъ засѣданіи собора: „Пусть св. и вселенскій соборъ скажетъ, по согласію ли всѣхъ епископовъ провозглашено опредѣленіе?“ Отцы воскликнули: „всѣ такъ вѣруемъ, всѣ такъ думаемъ, всѣ мы подписали по согласію и сочувствію, всѣ вѣруемъ православно! Проповѣдывавшимъ, проповѣдующимъ и имѣющимъ проповѣдывать одну волю и одно дѣйствіе въ воплотившемся Христѣ Богѣ, анаеема!“ Императоръ почтилъ дѣятельность отцовъ церкви привѣтственной рѣчью, въ которой, между прочимъ, выразилъ увѣренность, что вѣроопредѣленіе составлено сообразно съ истиною. Онъ говорилъ: „Мы не избѣгнемъ съ вами суда на страшномъ судилищѣ Божиемъ, когда Онъ будетъ судить живыхъ и мертвыхъ, если вы знаете, что есть какой-нибудь пропускъ въ вѣроизложеніи или если что-нибудь въ немъ не договорено“ (Д. VI, 488 — 9). Въ отвѣтъ на рѣчь императора соборъ съ своей стороны также сказалъ рѣчь, исполненную краснорѣчія и радости по случаю ниспроверженія ереси и утверженія вѣры. Въ рѣчи говорилось: „Римъ—старецъ простеръ тебѣ (императору) богоначертанное исповѣданіе, хартія превратила

---

¹⁾ Отсюда видно, что соборъ ученіе о двухъ воляхъ во Христѣ излагаетъ въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, въ какихъ на четвертомъ вселенскомъ соборѣ изложено было ученіе о двухъ естествахъ во Христѣ (Дѣян. томъ IV, стр. 109).

въ отношеніи догматовъ вечеръ въ день, чернила издавали свѣтъ, чрезъ Агаѳона говорилъ Петръ и вмѣстѣ съ соцарствующимъ Вседержителемъ постановлялъ ты самодержецъ — ты богопоставленный. Симоны (еретики), замѣтные по-перью отступленія, упали съ высоты полета и памятникомъ сего служить низложеніе, а вѣра встаетъ и согласіе народовъ возстанавливается въ собственную красоту. *Воздвижесе солнце и луна ста въ чинъ своемъ* (Авв. 3, 11). Воздвижесе солнце къ свѣту — это значить: вашъ умъ поднялся къ солнцу правды, чисто узрѣлъ Чистѣйшаго и принесъ намъ оттуда умиротвореніе. И луна ста въ чинъ своемъ — это значить церковь и невѣста Христова одѣвается въ свое благолѣпіе и украшается благочестіемъ и вполнѣ возстановивъ чистоту православія, блистаетъ міру прочнымъ спокойствіемъ (Д. VI, 498—9). Такъ произошло провозглашеніе православія въ противодѣйствіе ереси моноелитской, болѣе полустолѣтія волновавшей церковь!

Радость церкви по случаю ниспроверженія ереси, въ такой силѣ выразившаяся въ рѣчи отцовъ на соборѣ при утверженіи вѣроопредѣленія, слышится и въ восторженномъ посланіи, которымъ Востокъ извѣщалъ церковь Римскую о событіи торжества вѣры. Вотъ немногія слова изъ этого посланія: „Гдѣ произведшіе соблазнъ сокрушенной ереси? Сняты покровы съ лицъ, обличены поддѣлки обольстителей. Волкъ (Макарій) снялъ съ себя кожу и торжественно выступаетъ нагимъ волкомъ. Истина торжествуетъ, ложь ниспровергнута. Святель племельныхъ догматовъ отлученъ. Пшеница, христоробивый народъ, собрана въ одну жатницу церкви Христовой. Свѣтъ православія взошелъ, тьма заблужденія скрылась изъ глазъ. Кончилось время траура, печаль превратилась въ веселіе, скорбь въ радость. Посему и мы, сорадуясь церквамъ Божиимъ, принявшимъ благодать мира, взываемъ по-апостольски: радуйтеся, радуйтеся, и паки реку: радуйтеся“ (Фил. 4, 4.) (Дѣян. VI, 549).

Императоръ Константинъ ревностно содѣйствовалъ утверженію вѣры въ имперіи, провозглашенной на вселенскомъ соборѣ. До насъ сохранился его указъ, который для пуб-

ликаци былъ прибитъ въ притворѣ Софійской церкви къ стѣнѣ и которымъ объявлялось императорское покровительство и защита опредѣленіямъ собора Константинопольскаго. Въ указѣ, послѣ исчисленія всего, что сдѣлано было на соборѣ на пользу вѣры и церкви, постановлялось: „Кто любитъ Бога и желаетъ будущаго спасенія, тотъ пусть держится этой православной вѣры. Если же кто не окажетъ ревностной любви къ Богу и презритъ настоящее наше благочестивое объявленіе, тотъ, если онъ епископъ или клирикъ или одѣтъ въ монашеское одѣяніе, подвергается изверженію; если же состоитъ въ чинѣ должностныхъ людей, будетъ наказанъ конфискаціею имущества и лишеніемъ пояса (знакъ воинскаго достоинстава); если же находится въ состояніи частнаго человѣка, будетъ осужденъ на изгнаніе изъ столицы и вообще изъ всякаго города, и сверхъ всего этого не избѣжитъ наказанія отъ страшнаго и праведнаго суда“ (Д. VI, 538—539).

Какимъ уваженіемъ, почтеніемъ и благоговѣніемъ пользовались „дѣянія“ VI вселенскаго собора въ тогдашнемъ восточномъ обществѣ, объ этомъ можетъ свидѣтельствовать слѣдующій фактъ, совершившійся въ царствованіе преемника Константина Погоната, — Юстиніана II. Юстиніанъ узналъ, что подлинный экземпляръ актовъ собора какимъ-то образомъ попалъ въ частныя руки, въ руки какихъ-то савновниковъ. Императоръ торжественно возвращаетъ ихъ въ свои собственныя руки для храненія въ императорскомъ дворцѣ, такъ какъ императоръ находилъ, что такая драгоценность можетъ храниться только въ его рукахъ. Юстиніанъ собралъ соборъ изъ патріарховъ, апокрисиарія (уполномоченнаго) папскаго, который всегда находился въ столицѣ, изъ митрополитовъ и епископовъ, какіе только находились въ Константинополѣ; сюда же приглашенъ былъ сенатъ, представители народа, почетная императорская стража, военачальники различныхъ областей. „Дѣянія“ собора были взяты отъ тѣхъ лицъ, у кого они хранились, и прочтены на соборѣ. По прочтеніи документы были запечатаны; затѣмъ они переданы были въ руки императора на храненіе, чтобы кто-нибудь не осмѣлился ихъ попортить или подмѣ-

нить. Императоръ говорилъ: „Эти бумаги мы всегда будемъ сохранять неприкосновенными и неизмѣнными, доколѣ положено Богомъ пребывать въ насъ нашему духу“ (Д. VI, 561—563).

Въ тѣсной связи съ шестымъ вселенскимъ соборомъ стоитъ такъ называемый пятошестой или трулльскій, опредѣленія котораго восточною церковію считаются равными съ опредѣленіями вселенскихъ соборовъ. Этотъ соборъ называется пятошестымъ, потому что на немъ составлены были правила, касающіяся положенія церкви и христіанской жизни, въ дополненіе къ догматическимъ опредѣленіямъ V и VI вселенскихъ соборовъ, на которыхъ не было составлено никакихъ подобныхъ правилъ. Онъ называется Трулльскимъ, потому что собирався въ императорскомъ дворцѣ въ Константинополѣ—въ залѣ, носившей имя Труллы. Соборъ состоялся въ царствованіе императора Юстиніана II, въ 691 или 692 году. Предсѣдателемъ на немъ былъ патріархъ Константинопольскій Павелъ; на немъ присутствовали патріархи Александрійскій, Антіохійскій и Іерусалимскій (Д. VI, 631). Лицо Римскаго папы замѣщаль на немъ Василій, митрополитъ Гортинскій съ о. Крита, имѣя полномочіе отъ всей Римской церкви (Д. VI, 632). Всѣхъ отцовъ, подписавшихся подъ опредѣленіями соборными было числомъ 213 (Д. VI, 631—647). Цѣль собранія собора состояла исключительно въ томъ, чтобы пополнить опредѣленія V и VI вселенскихъ соборовъ, такъ какъ ни на томъ, ни на другомъ не было составлено въ руководство церкви никакихъ правилъ по вопросамъ церковной практики (Д. VI, 576. 565). Поводъ къ нему данъ былъ сильнымъ разстройствомъ дѣлъ церковныхъ и упадкомъ религіозной жизни между вѣрующими. Въ этомъ отношеніи въ „привѣтственномъ словѣ“ отцовъ къ императору говорилось, что явилась настоятельная потребность отвратить „народъ отъ худаго и порочнаго поведенія и обратить къ лучшей и чистой жизни“, ибо „народъ, раздираемый и истощаемый страданіями, происходящими отъ безчинія, мало-по-малу отторгся отъ божественнаго стада,

блуждаетъ въ невѣдѣніи и забвеніи успѣховъ въ добродѣтели, говоря по апостольски: *Сына Божія попираютъ, не почитаютъ за святыню кровь завета и Духа благодати оскорбляютъ* (Евр. 10, 29); въ зрѣлую пшеницу истины, замѣшались кой-какіе остатки языческой или іудейской незрѣлости“. Въ виду этихъ недостатковъ, вкравшихся въ церковь, соборъ долженъ былъ „обсудить всѣ средства къ обращенію народа на путь спасенія“, долженъ былъ „по подобію пастыря Христа разыскать заблудшую овцу по горамъ, возвратитъ въ домъ Его и убѣдить сохранять заповѣди и божественныя повелѣнія“ (Д. VI, 576—577). И дѣйствительно, если правила Трульскаго собора всегда направлялись въ самомъ дѣлѣ противъ существовавшихъ, а не возможныхъ только недостатковъ въ церкви, то положеніе церкви этого времени было существенно печально. Изъ правилъ видно, что въ духовномъ чинѣ нравы были въ упадкѣ, дисциплина разшаталась. Такъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ епископы позволяли себѣ жить съ женами (прав. 12); священники вступали во второй бракъ или прежде посвященія женились на вдовахъ, блудницахъ и актрисахъ (пр. 3); діаконы и уподіаконы вступали въ бракъ послѣ посвященія въ санъ (пр. 6); во священники, діаконы и уподіаконы посвящались лица, не достигшія узаконеннаго для сего возраста (пр. 14 и 15); священники и монахи позволяли себѣ ходить на конскія ристалища и въ театръ (пр. 24); въ клиръ по обычаю іудейскому принимались только лица, происходившія отъ клириковъ (пр. 33); митрополиты и епископы являлись корыстолюбцами (пр. 22, 35). Въ отправленіе богослуженія вкрались неурядки: священники нерадѣли о проповѣди или составляли проповѣди не въ соотвѣтствіи съ строгимъ православіемъ (пр. 19); св. Причастіе раздавалось за деньги (пр. 23); людямъ богатымъ позволялось принимать причастіе не прямо въ уста, а въ золотые и серебряные сосуды, изъ которыхъ они собственно ручно и приобщались (пр. 101); выдумали приобщать даже умершихъ (пр. 83); къ безкровной жертвѣ примѣшивался виноградъ, то и другое преподавали народу (пр. 28); въ нѣкоторыхъ церквахъ къ *Трисязтому* при пѣніи прибавляли

слова, выражающія монофизитское ученіе: „распныйся за ны“ (пр. 81); поучать въ церкви позволяли себѣ міряне, и даже женщины (пр. 64, 70); во время общественнаго пѣнія въ церкви, нѣкоторые изъ народа позволяли себѣ козлогласованіе (пр. 75); великимъ постомъ нѣкоторые по субботамъ и воскресеньямъ разрѣшали себѣ сыръ и яйца (пр. 56); въ храмахъ ставили скоть (пр. 88). Въ чинъ монашескій также привзошли безпорядки: такъ называемые пустынники съ отращенными волосами и въ черныхъ одеждахъ бродили по городамъ, ночевали гдѣ пришлось (пр. 42); монахи покидали свое званіе и женились (пр. 44); монахини къ постриженію наряжались въ самыя пышныя одежды, вѣроятно изображая собою невѣсть Христовыхъ (пр. 45). Трудно исчислить пороки и отступленія отъ христіанской жизни, какія замѣчались въ мірянахъ, — ихъ было великое множество. Народъ пристрастился къ театрамъ (пр. 51), предавался азартнымъ играмъ (пр. 50), допускалъ браки въ самыхъ близкихъ степеняхъ родства (пр. 54), охотно занимался языческими гаданіями и волхвованіями (пр. 61, 62, 65); празднованіе Рождества Христова сопровождалось какими-то суетными обрядами, какъ бы Богородица была обыкновенною родильницею (пр. 79); вошла въ употребленіе языческая клятва (пр. 94); распространились соблазнительныя картины (пр. 100); появились вытравители челоуѣческаго плода (пр. 91) и пр. Всѣхъ правилъ соборомъ было составлено 102 ¹⁾. Правила собора Трулльскаго не были приняты церковію западною и не признаются ею за одинаковыя съ правилами вселенскихъ соборовъ. Причина этого лежитъ въ томъ, что нѣкоторыя изъ правилъ трулльскихъ направлены были противъ обычаевъ и ученія церкви Римской. Напр. соборъ принималъ въ руководство церкви 85 правилъ апостольскихъ, а западная принимала только 50 (пр. 2); онъ обличаетъ римское ученіе объ обязательности безбрачія священниковъ (пр. 13); осуждаетъ посты, какіе

---

¹⁾ Въ нашу задачу не можетъ входить разсмотрѣніе правилъ собора Трулльскаго. Толкованіе правилъ см. въ „Опытъ курса церковнаго законоуѣдвннн“, вып. 2, стр. 334—507. Архимандрита (епископа) *Іоанна*, 1851, Петербургъ.

ввела римская церковь во дни субботніе (пр. 55); именно проти въ римской же церкви онъ направляетъ узаконенія, чтобы въ церквахъ не употреблялось изображенія Христа въ видѣ агнца, ибо такія изображенія были приняты на западѣ (пр. 82). Вслѣдствіе этого тогдашній папа Римскій Сергій отказался подписать и принять правила собора Трулльскаго (Д. VI, 567).

ИКОНОБОРСТВО И VII ВСЕЛЕНСКИЙ СОБОРЪ.

I Происхождение иконоборства.

Вопросъ объ отношеніи иконоборства къ предшествующимъ спорамъ догматическимъ.—Исторія иконоупотребленія и иконопочитанія въ церкви.—Иконоборцы до эпохи иконоборства.— Левъ Исавръянинъ и его характеръ.—Кружокъ иконоборцевъ при Левѣ.—Иконоборческая дѣятельность Льва.—Противодѣйствіе православныхъ.—Воззрѣнія иконоборцевъ и иконопочитателей по вопросу объ иконахъ.—Значеніе споровъ.

Иконоборство, развившись въ началѣ VIII столѣтія, окончилось около середины IX вѣка и такимъ образомъ волновало церковь больше столѣтія. Явленіе иконоборства въ своемъ историческомъ бытіи непосредственно слѣдуетъ за такими движеніями, какъ движенія церковныя, вызванныя вопросами о лицѣ Богочеловѣка и воляхъ въ Немъ. Неоспоримо, эти движенія были слишкомъ сильны и положили на умы неизгладимое впечатлѣніе. Но можно ли иконоборство ставить въ родственную связь съ ними, можно ли допускать, что такъ или иначе они подготовили и развили изъ себя иконоборчество? Едва ли. Нельзя найти ни одного факта во всей исторіи иконоборства, который бы указывалъ, что между иконоборствомъ и предшествующими ересями, касавшимися лица Христа и дѣйствій въ Немъ и бывшими предметомъ осужденія на вселенскихъ соборахъ, существовала причинная связь. Напротивъ скорѣе можно усматривать положительно враждебныя отношенія между иконоборствомъ и ересями несторіанскою и монофизитскою съ моноелитскою. Иконоборцы не себя, а иконопочитателей поставляли въ родственныя связи съ несторіанствомъ и монофизитствомъ. Они объявляли, что иконопочитаніе явилось

и развилось подъ вліяніемъ идей несторіанскихъ; именно они провозглашали: „Живопись (религіозная) напоминаетъ намъ Несторія, раздѣлявшаго одного Сына и Бога Слова, воплотившагося ради насъ, — на двоицу сыновъ“ (Дѣян. вс. соборовъ, томъ VII, стр. 462) ¹⁾. Съ другой стороны тѣже иконоборцы находили, что приверженцы иконопочитанія впадаютъ и въ ересь монофизитскую. „Живопись—говорили они въ упрекъ православнымъ—напоминаетъ собою Діоскора и Евтихія, учившихъ, что два естества единого Христа слились и смѣшались. Вотъ живописецъ сдѣлалъ икону Христа—представляютъ доказательство своей мысли иконоборцы,—и икона эта есть икона Бога и человѣка, а слѣдовательно онъ слилъ неслитное соединеніе и впалъ въ нечестивое заблужденіе слиянія. Тому же самому богохульству подпадаетъ и поклоняющійся иконамъ“ (Д. VII, 463. 469). Нѣтъ надобности говорить о томъ, что подобныя укоризны православнымъ рѣшительно несправедливы; для насъ однакожъ онѣ важны какъ доказательство, что иконоборцы ставили себя вдали отъ ересей предшествующей эпохи. И значить нѣтъ основаній допускать, что иконоборцы стояли подъ вліяніемъ лжеученій, которымъ они ни мало не сочувствовали ²⁾. Иконоборство по своему происхожденію стоитъ внѣ связи съ еретическими заблужденіями прежнихъ временъ. Оно составляетъ явленіе совершенно оригинальное и независимое отъ нихъ. Оно подготовлялось цѣлыми вѣками, но могло и вовсе не возникнуть. Если же оно возникло, то этимъ оно обязано стеченію благоприятныхъ для сего обстоятельствъ въ VIII вѣкѣ.

Чѣмъ же подготовилось иконоборство въ исторіи предшествующей, и какія благоприятныя обстоятельства встрѣтило оно для себя въ VIII вѣкѣ, вѣкѣ своего развитія?

¹⁾ Рус. переводъ Изданіе 1-е Казанской Дух. Академіи.

²⁾ Иногда историки ставятъ въ связь иконоборство съ моноелитствомъ на томъ основаніи, что византійскій императоръ Филиппикъ моноелитъ (нач. VIII вѣка) приказалъ вынести изъ дворца изображеніе отцевъ, бывшихъ на VI вс. соборѣ; на это не есть фактъ иконоборчества, а есть только выраженіе ненависти къ противникамъ моноелитства, иначе бы онъ приказалъ выбросить всѣ религіозныя изображенія, а не изображеніе только отцевъ VI вс. собора.

Иконоупотребленіе развилось въ церкви не вдругъ, но постепенно. Въ первые три вѣка христіанства искусство дѣлало еще довольно нерѣшительные шаги въ дѣлѣ служенія интересамъ религіи. Христіане для выраженія своихъ идей довольствовались разнообразными символами, какими были для нихъ изображенія корабля, лиры, голубя, рыбы съ христіанскимъ такимъ или другимъ знаменованіемъ. Только къ концу первыхъ трехъ вѣковъ христіанское искусство отъ символическихъ изображеній перешло къ типическимъ, т.-е. такимъ, въ которыхъ чрезъ живописаніе человѣческихъ фигуръ, преимущественно ветхозавѣтныхъ праведниковъ, дѣлалось напоминаніе о важнѣйшихъ событіяхъ новозавѣтнаго домостроительства. Что же касается до иконоупотребленія въ собственномъ смыслѣ, т.-е. изображенія новозавѣтныхъ и ветхозавѣтныхъ лицъ и событій и Основателя христіанства прямо, безъ посредства символики, образности, то эпоха 4-го и 5-го вѣковъ есть время утвержденія и распространенія онаго ¹⁾. Теперь, въ 4-мъ и 5 вѣкѣ, всѣ великіе мужи, прославившіе себя христіанскою ученостію, поддерживаютъ и восхваляютъ обычай живописать въ храмахъ лица и событія, достойныя памяти всякаго христіанина. Св. Василій Великій прямо приглашаетъ художника дополнить своими красками и кистью то, чего ораторъ не можетъ высказать словами. Въ словѣ на память мученика Варлаама Василій говоритъ: „возстаньте теперь предо мною вы, славные живописатели подвижническихъ заслугъ. Добавьте своимъ искусствомъ это неполное изображеніе военачальника. Красками вашей мудрости освѣтите неясно представленнаго мною вѣнценосца. Пусть буду побѣжденъ вашимъ живописаніемъ доблестныхъ дѣлъ мученика; радъ буду

¹⁾ Гёфеле въ „исторіи соборовъ“ (Band III, s. 336—7; Ausgabe 1858). Ключительное положеніе первозавѣтной церкви среди враждебнаго ей міра языческаго (въ первые 3 вѣка) располагало ее нерѣдко облекать поклоненіе истинному Богу аллегорическими покровами. Такъ *Орфей*, играющій на лирѣ и своею игрою укрощающій звѣрей, означалъ Христа, своимъ ученіемъ привлекающаго сердца людей; *и* *и* вѣроятно напоминали ангеловъ небесныхъ и пр. *Праг. Обзорніе*, 1872 г. іюнь. *Озерскаго*: „Миеологическіе сюжеты въ христіанскихъ археологическихъ памятникахъ“, стр. 898. 903. 904. 916. См. также монографію профессора Н. В. Покровскаго: „Очерки памятниковъ православной иконографіи и искусства“. П.-б., 1895.

признать надъ собою и нынѣ подобную побѣду нашей крѣпости. Посмотрю на этого борца, живѣе изображеннаго на вашей картинѣ“ (Дѣян. VII, 305). Призывъ такихъ великихъ мужей, какъ Василиій, чтобы искусство служило дѣлу религіи, дѣйствительно нашелъ себѣ громкій откликъ въ обществѣ христіанскомъ. Св. Златоустъ свидѣтельствуесть о широкомъ распространеніи образовъ св. Мелетія. „Многіе, говоритъ онъ, начертывали образъ св. Мелетія и на чашечкахъ, и на перстняхъ, и на печатахъ, и на чапахъ брачныхъ чертоговъ, и на стѣнахъ и вездѣ, чтобы вездѣ видѣть тѣлесный образъ его и такимъ образомъ имѣть утѣшеніе въ разлукѣ съ нимъ“ (Дѣян. VII, 233). Тоже самое блаж. Θεодоритъ свидѣтельствуесть объ образахъ Симеона столпника. „Говорятъ, что въ великомъ Римѣ—замѣчаетъ онъ—этотъ мужъ былъ такъ славенъ, что на всѣхъ преддверіяхъ ремесленныхъ заведеній ставили маленькія изображенія его, ожидая себѣ отъ этого защиты и покровительства“ (Дѣян. VII, 299). Св. отцы и учителя церкви разсматриваемыхъ вѣковъ въ своихъ сочиненіяхъ говорятъ съ великимъ умиленіемъ и благоговѣніемъ объ иконахъ, какіе имъ приходилось видѣть. Св. Григорій Нисскій не могъ безъ слезъ умиленія видѣть изображеніе принесенія Исаака въ жергву Авраамомъ. Григорій говоритъ: „нерѣдко видѣлъ я живописное изображеніе этого страданія и никогда не проходилъ безъ слезъ мимо сего зрѣлища; такъ живо эту исторію представляетъ взору искусство“ (Дѣян. VII, 235). Астерій, епископъ Амасійскій (IV в.) съ глубокимъ чувствомъ описываетъ впечатлѣніе, какое произвела на него картина, изображающая страданія мученицы Евѣиміи. „Нѣкоторый благочестивый живописецъ, по его словамъ, съ великаю искусствомъ и весьма живо представилъ на картинѣ исторію всѣхъ ея страданій и повѣсилъ картину сію около гроба ея, чтобы всѣ смотрѣли на оную“. „При воспоминаніи о картинѣ я невольно проливаю слезы и чувство сильной горести прерываетъ мое повѣствованіе“ — замѣчаетъ о ней Астерій (Дѣян. VII, 241 — 3). Св. Кириллъ александрійскій вопрошаетъ: „Итакъ кто не пожелалъ бы изъ насъ видѣть изображенную на доскѣ исторію Авраама,

какъбы ни изобразилъ ее художникъ, или по частямъ или отдѣльно“? (Дѣян. VII, 237). Св. отцы IV и V вѣка ясно свидѣтельствовали о той пользѣ, какую иконоупотребленіе должно было приносить и приносило въ дѣлѣ христіанскаго назиданія и просвѣщенія. Григорій Богословъ рассказываетъ въ одномъ своемъ стихотвореніи слѣдующій случай паразитическаго впечатлѣнія, какое икона иногда производитъ на душу человѣка. „Какой-то невоздержный юноша приглашаетъ непотребную женщину. Когда она подошла близко къ воротамъ, на которыхъ находилась икона внимательно смотрѣвшаго св. Полемона, то увидѣвъ эту икону, тотчасъ, говорятъ, воротилась, бывъ побѣждена этимъ взглядомъ; изображеннаго на иконѣ она устыдилась какъ бы живаго“ (Дѣян. VII, 238—9). Другіе отцы церкви находили особенно полезными иконы для наставленія въ вѣрѣ людей неграмотныхъ: иконы для такихъ могли служить вмѣсто книгъ. Нѣкто Олимпіодоръ извѣщалъ письмомъ св. Нила Синаита (5 в.), что онъ, Олимпіодоръ, строитъ храмъ и хочетъ украсить стѣны его изображеніями, которыя бы услаждали глазъ, именно изобразить ловлю звѣрей, спасающихся бѣгствомъ зайцевъ и сernъ, mreжи, извлекающія рыбу изъ моря и тому подобное. Нилъ не одобряетъ его за это и находитъ, что гораздо лучше украсить стѣны храма изображеніями священными. „Пусть, говоритъ онъ рука живописца наполнитъ храмъ исторіями ветхаго и новаго завѣта,—для чего? Чтобы и тѣ, кто не знаютъ грамоты и не могутъ читать божественныхъ писаній, разсматривая живописныя изображенія, приводили себѣ на память мужественные подвиги искренно послужившихъ Богу и возбуждались къ соревнованію достославнымъ и приснопамятнымъ доблестямъ. по которымъ землю обмѣняли на небо, предпочтя видимому невидимое“ (Дѣян. VII, 260—261). Св. отцы изучаемой эпохи не ограничиваются впрочемъ сужденіями о пользѣ, важности и душеспасительности употребленія иконъ, но и прямо призываютъ къ почитанію и поклоненію иконамъ. Святый Василій Великій говоритъ: „принимаю святыхъ пророковъ, апостоловъ и мучениковъ и призываю ихъ къ предстательству предъ Богомъ, чтобы чрезъ нихъ, чрезъ

ходатайство ихъ, Богъ былъ милосердъ ко мнѣ. Посему и изображенія ихъ на иконахъ почитаю и поклоняюсь имъ“ (Дѣян. VII, 299).

Четвертый и пятый вѣка составляютъ время утверженія и распространенія иконоупотребленія въ церкви и время яснаго раскрытія ученія о почитаніи иконъ. Но съ этихъ же вѣковъ начинается и непрестающее противодѣйствіе иконоупотребленію и иконопочитанію. Только это противодѣйствіе до VIII вѣка тлѣется подобно опасной искрѣ, — говоримъ — до VIII вѣка, когда эта искра вспыхиваетъ великимъ и страшнымъ пожаромъ. Считаемъ нужнымъ сообщить свѣдѣнія о томъ противодѣйствіи иконамъ и ихъ употребленію, какое имѣло мѣсто до VIII вѣка; потому что на это противодѣйствіе можно смотрѣть, какъ на настоящее подготовленіе къ иконоборству. Уже въ IV вѣкѣ, въ которомъ жили такіе глубокомысленные защитники иконъ, какъ Василій Великій, Григорій Богословъ и Григорій Нисскій, появляются первые и притомъ тоже авторитетные противники иконоупотребленія. Мы говоримъ о знаменитомъ церковномъ историкѣ, другѣ и наперсникѣ Константина Великаго, мужѣ удивительномъ по учености, Евсевіи епископѣ Кесарійскомъ. Евсевій видѣлъ первоначальное распространеніе иконоупотребленія въ церкви и отнесся къ этому явленію отрицательно. До насъ сохранилось его посланіе къ императрицѣ Констанціи, сестрѣ Константина Великаго, вдовѣ императора Ликинія. Изъ письма Евсевія видно, что Констанція просила Евсевія прислать ей икону Спасителя. Что же отвѣчаетъ на это ей Евсевій? Евсевій не хочетъ удовлетворить ея желанія и находитъ оное предосудительномъ. Онъ писалъ къ ней: „такъ какъ ты писала относительно какой то будто бы Христовой иконы и желала, чтобы я прислалъ тебѣ такую икону, то какую же эту икону разумѣешь ты, которую называешь Христовою? Истинную ли и неизмѣняемую и заключающую въ себѣ сущность Божества, или же представляющую то естество Его, которое Онъ воспринялъ ради насъ, облекшись плотію, какъ бы одеждою рабскаго вида? Но что касается образа Его, какъ Бога, то я и самъ думаю, что не

его ты ищешь; потому что ты научена Имъ, что ни Отца никто не знаетъ, какъ только Сынъ, ни самого Сына никто не знаетъ, какъ только родившій Его Отецъ. Конечно, ты ищешь икону, изображающую Его въ образѣ раба и во плоти, которою облекся ради насъ (художественное изображение внѣшняго вида Христа), но мы научены, что и она (плоть) растворена славою Божества и смертное поглощено жизнью.“ Затѣмъ Евсевій старается доказать, что было бы тщетною попыткой со стороны художника изобразить Христа въ истинномъ видѣ: это недостижимая задача. „Итакъ, пишетъ онъ, кто же въ состояніи изобразить мертвыми и бездушными красками и тѣнями, издающій сіяніе и испускающій блистательные лучи, блескъ славы и достоинства Его, изобразить Его такимъ, какимъ Онъ есть? Даже избранные ученики Его не могли взирать на Него на горѣ, но пали лицомъ ницъ, признавъ, что блескъ свѣта для нихъ невыносимъ. Итакъ, если воспринятый Имъ въ воплощеніи образъ получилъ такую силу отъ обитавшаго въ немъ Божества, то что сказать о томъ Его состояніи, когда Онъ, сложивъ съ себя смертность и смывъ тлѣніе, видъ рабскаго образа измѣнилъ въ славу Господа и Бога и возсѣлъ на царскомъ престолѣ одесную Отца“ (Дѣян. VII, 530—531)? Отсюда видно, что Евсевій не сочувствовалъ иконоупотребленію ¹⁾. Онъ не понималъ широты воззрѣній христіанскихъ, которыя назначены своимъ благотворнымъ вліяніемъ освятить и самую область искусства, сдѣлавъ изъ него средство къ служенію религиознымъ интересамъ. Въ томъ же IV вѣкѣ въ своихъ послѣднихъ выводахъ должна была приходиться къ иконоборчеству и секта аріанская — Евноміане, потому что они не чтили ни святыхъ, ни мощей ²⁾. Противодѣйствіе иконопочитанію не умолкаетъ и въ послѣдующіе вѣка. Несторіанство и монофизитство, обязанныя своимъ происхожденіемъ дальнѣйшему пятому вѣку, выдѣлили изъ себя

¹⁾ Изъ исторіи иконоборчества VIII вѣка видно, что иконоборцы дѣйствительно ссылались на авторитетъ Евсевія для доказательства правоты своихъ воззрѣній (Д. VII, стр. 400).

²⁾ Neander. Allgemeine Geschichte der chr. Religion und Kirche. S. 635 (Band. I, Ausg. 1856).

отдѣльныя секты съ иконоборческими стремленіями. Несторіане въ Индіи, извѣстные съ именемъ *Θομιστοὺ* (просвѣщенные Апостоломъ *Θομοῦ*), были нечужды этихъ стремлений. Враждуя противъ св. Кирилла Александрійскаго, какъ главнаго противника несторіанства, эти несторіане, между прочимъ, поставляли въ упрекъ этому мужу иконопочитаніе, считая почему то Кирилла главнымъ виновникомъ иконопочитанія въ церкви ¹⁾. Подобно несторіанамъ и нѣкоторыя секты монофизитскія враждебно относились къ иконопочитанію. Представитель одной монофизитской секты Филоксенъ говорилъ: „не слѣдуетъ безтѣлесныхъ ангеловъ дѣлать тѣлесными и изображать ихъ въ тѣлесномъ образѣ, какъ будто бы они имѣли человѣческія формы. Равнымъ образомъ не слѣдуетъ воздавать честь и славу Христу посредствомъ живописной иконы Его; напротивъ надобно знать, что Онъ принимаетъ одно только служеніе духомъ и истинною. Надобно знать и то, что изображать Всесвятаго Духа въ образѣ голубя есть признакъ дѣтской мысли, такъ какъ евангельскія сказанія нигдѣ не учатъ, чтобы Духъ Святой былъ голубемъ, но только говорятъ, что Онъ нѣкогда явился въ видѣ голубя. Если Онъ одинъ разъ явился въ такомъ видѣ, то изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что благочестивымъ христіанамъ прилично дѣлать тѣлесный образъ Его“ (Дѣян. VII, 404—5; 535). Отъ слова Филоксенъ переходитъ къ дѣлу; сохранилось свидѣтельство, что онъ низвергалъ иконы ангеловъ и уничтожалъ ихъ, а иконы Спасителя скрывалъ въ недоступныя мѣста (Д. VII, 405). Другой монофизитъ Северъ поступалъ подобнымъ же образомъ. Онъ низвергалъ св. жертвенники и св. сосуды, — первые истреблялъ, а вторые расплавлялъ. А золотыхъ и серебряныхъ голубей, изображающихъ Духа Святаго въ храмахъ, присвоивалъ себѣ, говоря: изображеніе голубя не можетъ носить имени Духа Святаго (Дѣян. VII, 406—7). Утверждаютъ, что и императоръ Анастасій (491—518 г.) по стремленіямъ иконоборческимъ конфисковалъ въ свою пользу золотыя и серебряныя изображенія въ Константинополѣ (Дѣян.

¹⁾ Kurtz. Kirchengeschichte. S. 307 (Band 1, Abtheil. 2; Ausg. 1858).

VII, 407). Церковные писатели позднѣйшаго времени, VI и VII вѣковъ, даютъ ясныя свѣдѣнія, изъ которыхъ можно выводить, что вражда противъ иконъ была явленіемъ, непрерывно продолжавшимся до самой иконоборческой эпохи. Анастасій Синаитъ (VI вѣка) долженъ былъ защищать почитаніе иконъ противъ какихъ то неизвѣстныхъ враговъ иконъ, позволявшихъ себѣ наносить имъ безчестіе. Анастасій писалъ: „какъ наносящій безчестіе портрету императора подвергается праведному наказанію, какъ будто бы нанесъ оскорбленіе самому императору, хотя портретъ есть не что иное какъ дерево и краски, смѣшанныя съ воскомъ, такъ точно и оказывающій безчестіе какому либо образу (святаго), наноситъ оскорбленіе тому самому, чей это образъ“ (Д. VII, 283). Въ томъ же VI вѣкѣ св. Симеонъ Столпникъ-Младшій въ посланіи къ императору Юстину II жалуется на святотатственные поступки какихъ то Самарянъ, которыхъ онъ называетъ „нечистыми и мерзкими“, и которые позволяли себѣ безчиніе надъ образами въ одномъ храмѣ. Симеонъ писалъ: „не могу сказать, съ какою силою зла дерзали они дѣлать оскорбленія иконамъ Сына Божія и всея святой преславной Богородицы, не оказывая имъ никакого состраданія“ (Д. VII, 383). Переходимъ къ VII-му вѣку. Изъ сочиненій Леонтія епископа Никопольскаго на о. Критѣ видно, что въ его время были люди, которые дѣлали многія и повидимому важныя возраженія притивъ иконопочитанія, такъ что Леонтій пишетъ противъ подобныхъ иконоборцевъ отдѣльное сочиненіе. Люди эти, по словамъ Леонтія, возводили „неправду“ на христіанъ, „осуждали ихъ за иконы“. Возраженія этихъ иконоборцевъ противъ христіанскаго иконопочитанія состояли въ слѣдующемъ: не слѣдуетъ дѣлать и почитать иконы, ибо въ ветхомъ завѣтѣ Израилю заповѣдано было не дѣлать никакого изваянія, ни образа и подобія того, что на небѣ и что на землѣ; если же Богъ и приказалъ сдѣлать херувимовъ и изваянныхъ животныхъ, то этимъ подобіямъ Іудеи не поклонялись какъ богамъ, какъ поклоняются христіане иконамъ. Христіане поклоняются самому дереву иконы, какъ Богу. Христіане почитаютъ съ восторгомъ тѣ мѣста, по которымъ Христосъ

ходилъ, на которыхъ садился или являлся, или къ которымъ прикоснулся; и значить почитаютъ простое мѣсто, домъ, страну, городъ, камни. Христіане въ этомъ случаѣ забываютъ, что не слѣдуетъ оказывать почтенія ничему рукотворному и созданному. Эти же люди смѣялись и глумились надъ христіанами за то, что они почитали мощи св. угодниковъ, находя, что они почитаютъ простыя кости. Подобные иконоборцы, если видѣли, что христіане цѣлуютъ икону Христа и пресвятой Его Матери или какого либо праведника, негодовали, и тотчасъ съ ругательствами отворачивались отъ иконопочитателей, называя ихъ идолопоклонниками (Д. VII, 268—273; 277) ¹⁾. Въ томъ же VII вѣкѣ о людяхъ иконоборческихъ стремленій даетъ свидѣтельство и еще писатель церковный, Іоаннъ епископъ Фессалоникскій. Изъ одного его „слова“ видно, что нѣкоторые лица называли христіанъ за иконопочитаніе язычниками и замѣчали: какимъ образомъ позволительно изображать въ чувственномъ видѣ Бога, невидимаго, Бога Духа? Если же христіане въ свое оправданіе скажутъ, что Богъ явился во плоти, то на какомъ основаніи они изображаютъ, ангеловъ, духовъ безплотныхъ, существъ разумныхъ? (Д. VII, 387—388)? ²⁾.

Наконецъ мусульманское владычество, начавшее распространяться въ VII вѣкѣ надъ христіанскимъ востокомъ, съ своей стороны, заявляло себя рѣшительнымъ иконоборствомъ, къ соблазну для истинныхъ почитателей иконъ и къ удовольствію иконоборческихъ христіанъ. Случаи, подобные нижеслѣдующему, теперь начали встрѣчаться часто. Одинъ агарянинъ (мусульманинъ) входитъ въ христіанскій храмъ въ Сиріи, видитъ на стѣнѣ мозаическую икону, и

¹⁾ Сочиненіе Леонтія, изъ котораго заимствуются эти свѣдѣнія, написано въ діалогической формѣ; въ немъ ведется разговоръ между Іудеемъ-полемистомъ противъ иконъ—и христіаниномъ-алологетомъ иконопочитанія. Іудей обозначаетъ здѣсь христіанина, стоящаго на точкѣ зрѣнія іудейской. Иначе, какимъ образомъ къ дѣйствительному Іудею авторъ могъ бы обратиться съ вопросомъ: „скажи мнѣ, сколько происходило чудесныхъ истеченій крови отъ иконъ и мощей“ (стр. 273)? Отсюда слѣдуетъ, что подъ образомъ Іудея авторъ изобличаетъ иконоборствующихъ христіанъ своего времени.

²⁾ Возраженія противъ иконопочитанія влагаются въ настоящемъ случаѣ въ уста язычника, подъ какимъ разумѣетъ писатель очевидно христіанъ, позволяющихъ себѣ иконопочитаніе считать за языческое идолопоклоненіе.

съ замѣчаніемъ: къ чему эта икона? варварски выкалываетъ глаза изображенному на иконѣ лицу (Д. VII, 304—5).

Изъ этихъ, указанныхъ нами, фактовъ, свидѣтельствующихъ о существованіи противодѣйствія иконопочитанію во все время отъ эпохи утвержденія иконопочитанія до самого VIII вѣка, когда появилось иконоборство въ обширнѣйшихъ размѣрахъ, видно, что неблагоприятныхъ отношеній къ иконопочитанію было не мало въ восточной имперіи. Можно положительно утверждать, что иконоборцевъ до времени иконоборства (въ VIII в.) было много, и что они представляли собою силу, которой считала себя вправѣ опасаться сама церковь. Въ церкви даже ходили чьи-то предвѣщанія, что рано ли поздно ли иконоборцы должны приобрѣсть могущество и сдѣлать много вреда церкви. Одинъ византійскій лѣтописецъ передаетъ рассказъ о бесѣдѣ патріарха Константинопольскаго Германа съ первымъ открытымъ иконоборцемъ — императоромъ Львомъ Исавряниномъ (въ VIII в.). Лѣтописецъ рассказываетъ: императоръ Левъ призвалъ къ себѣ патріарха Германа, вступилъ съ нимъ въ разговоръ объ иконахъ и давалъ ему понять, что хорошо бы уничтожить иконопочитаніе. Германъ на это отвѣчаетъ: „государь, мы слышали, что истребленіе иконъ должно послѣдовать, но не въ твое царствованіе“. Въ какое же, спросилъ Левъ? „Въ царствованіе Конона“, объявилъ Германъ. Левъ на это сказалъ: „Кононъ—мое имя, его я получилъ при крещеніи“. Тогда патріархъ воскликнулъ: „государь, удержишься отъ такого зла, ибо исполнитель этого дѣла есть предтеча антихриста“ ¹⁾. Для насъ не особенно важенъ вопросъ, достовѣренъ ли фактъ, передаваемый лѣтописцемъ; важно то, что на основаніи этого рассказа можно заключать, что въ церкви еще ранѣ развитія иконоборства было предчувствіе о возможности иконоборческаго погрома, и такое предчувствіе конечно основывалось на наблюденіи дѣйствительнаго состоянія умовъ въ христіанствѣ, на болѣе или менѣе широкомъ распространеніи иконоборческихъ мнѣній въ христіанскомъ обществѣ.

¹⁾ Theophanes, Chronographia, p. 821 (Migne. Curs. patr. Graeca ser. t. 108).

Слѣдовательно нужны были только благопріятныя условія, чтобы разрозненныя силы иконоборческія слились въ одно теченіе, нашли себѣ поддержку въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, и иконоборство должно было открыться въ грозномъ видѣ. Подобныя благопріятныя условія для развитія иконоборства въ самомъ дѣлѣ и встрѣчаются въ лицѣ императора Льва Исаврянина (717—741 г.). Левъ Исаврянинъ происходилъ изъ низшаго сословія, лишенъ былъ образованія, отличался грубостію въ нравахъ; воины составляли его общество, война была любимымъ его занятіемъ. Одинъ современникъ (папа Григорій II) называетъ его умъ „умомъ воинственнымъ, грубымъ и жестокимъ“, называетъ его „человѣкомъ неученымъ, не знающимъ пріемовъ научныхъ“ (Дѣян. VII, 42. 26). Этотъ человѣкъ какъ-бы въ самой своей природѣ носилъ задатки того вандализма, какимъ онъ заявилъ себя въ иконоборствѣ. Иконоборство VIII вѣка было деспотическимъ вторженіемъ власти гражданской въ дѣла церкви. Насильственное приведеніе въ исполненіе своихъ плановъ въ дѣлахъ религіозныхъ, безъ всякаго уваженія къ правамъ совѣсти, было чертой характера Льва, какъ это показываетъ слѣдующій примѣчательный фактъ. На шестомъ году своего царствованія онъ приходитъ къ мысли привлечь къ крещенію Іудеевъ и монтанистовъ своего царства и для этого не находилъ другихъ мѣръ, кромѣ мѣръ насилія. Слѣдствіемъ такого насилія было то, что Іудеи обратились къ христіанству лишь только по внѣшности, такъ что даже позволяли себѣ причащаться поѣвши; что же касается монтанистовъ, то они, не желая исполнить воли Льва, собравшись въ одно мѣсто, сожгли себя заживо ¹⁾. Итакъ Левъ Исаврянинъ по своему характеру былъ личностію способною стать орудіемъ иконоборческаго погрома.

Оставалось только сдѣлать давленіе на волю императора, чтобы расположить его къ иконоборству и это дѣйствительно было сдѣлано. Въ это время въ Византійскомъ царствѣ образуется вліятельный и не малочисленный кружокъ лицъ,

---

¹⁾ Cedrenus. Historiarum, compendium p. 793 (Edit. Bonn).

которыя были глубоко проникнуты иконоборческими стремленіями. Указанный кружок состоялъ изъ нѣсколькихъ высшихъ представителей духовенства съ присоединеніемъ многихъ лицъ изъ высшихъ привилегированныхъ сословій. Во главѣ иконоборцевъ изъ іерарховъ встрѣчаемъ епископа наколійскаго, Константина, изъ Фригіи. Константинъ представлялъ собою образъ человѣка, который наиболѣе могъ быть годенъ для подготовительной дѣятельности противозаконнаго характера, каково именно было иконоборство въ отношеніи къ установившемуся положенію церкви. Онъ умѣлъ съ замѣчательнымъ искусствомъ, проводя свои еретическія идеи, въ тоже время до поры до времени оставаться въ возможно лучшихъ отношеніяхъ съ лицами, чьи интересы ближе всего затрогивались его кознями. Будучи въ душѣ и на дѣлѣ ревностнымъ иконоборцемъ, онъ умѣетъ однакожь скрыть свои затѣи, отвратить отъ себя подозрѣніе, смягчить однихъ изъ своихъ противниковъ, обмануть другихъ. Такъ онъ, будучи иконоборцемъ, съ искусствомъ поддерживаетъ связи съ патріархомъ константинопольскимъ, человѣкомъ чистаго православія, и проводитъ мѣстнаго митрополита, человѣка такихъ же стремленій, какъ и патріархъ (Дѣян. VII, 325. 330—332). Благодаря такому своему характеру Константинъ легко сдѣлался главою иконоборческой партіи, главнымъ вожакомъ ея. Современная церковь прямо объявляла, что „ересь (иконаборческая) получила отъ него свое начало“ (Дѣян. VII, 330) Другимъ лицомъ, изъ числа высшихъ представителей духовенства, ставшимъ во главѣ иконоборческаго движенія, былъ Ома, епископъ клавдіопольскій ¹⁾. Но это былъ человѣкъ иного характера, — человѣкъ рѣшительный и прямо идущій къ цѣли. Такой человѣкъ могъ быть полезенъ для иконоборцевъ, но не тогда, когда дѣло ихъ только начиналось, но тогда, когда оно достигло уже извѣстной зрѣлости, когда нуженъ былъ человѣкъ, который подалъ бы первый примѣръ энергической дѣятельности въ данномъ отношеніи. Такимъ именно и выступаетъ онъ предъ нами въ исторіи. Онъ первый рѣшается уничтожить иконы въ своей епархіи, какъ будто

¹⁾ Или въ Исавріи, или въ Пафлагоніи, въ Малой Азіи.

бы вопросъ объ иконахъ не допускалъ никакого другаго рѣшенія, кромѣ того, какое даетъ оному самъ Ѳома; онъ уничтожаетъ иконы, „какъ будто бы это было общимъ желаніемъ, какъ будто бы это не подлежало никакому сомнѣнію“ (Дѣян. VII, 334). Въ числѣ первыхъ защитниковъ иконоборчества въ составѣ духовенства нужно назвать ефесскаго архіепископа Ѳеодосія и синкелла патріаршаго Анастасія, впоследствии патріарха константинопольскаго. Въ какой мѣрѣ въ первоначальный кружокъ иконоборческій входили свѣтскія лица высшихъ сословій, это можно видѣть изъ того, что сенатъ, созванный Львомъ для рѣшенія вопроса объ иконахъ, принялъ предложеніе императора объ истребленіи иконъ съ живѣйшимъ единодушіемъ ¹⁾. Какими цѣлями руководился подобный кружокъ, когда затѣвалъ иконоборчество, и почему императоръ былъ послушенъ внушеніямъ лицъ иконоборческаго характера? Иконоборцамъ представлялось, что истребленіе иконъ полезно и для церкви и для государства. Они полагали, что съ уничтоженіемъ иконъ будетъ возвращенъ христіанской церкви характеръ чистой духовности, который по ихъ понятію церковь теряла при существованіи иконопочитанія (Дѣян. VII, 325). Они находили, что съ уничтоженіемъ иконъ уничтожатся тѣ многочисленныя суевѣрія, какія развились въ обществѣ христіанскомъ и какія выражались въ поклоненіи иконамъ, именно какъ иконамъ, т. е. какъ простымъ внѣшнимъ вещамъ ²⁾. (Дѣян. VII, 328 — 9). Они могли полагать, что

¹⁾ Theophanes. Chronographia, p. 825.

²⁾ Иконоборцы безъ сомнѣнія могли подыскать въ жизни общества много фактовъ свидѣтельствующихъ, что иконопочитаніе не свободно было отъ примѣси суевѣрія. Такъ извѣстно, что при самомъ началѣ распространенія и утвержденія иконопочитанія уже встрѣчались неправильныя представленія объ иконахъ. Писатель 4-го вѣка Амфилохій Иконійскій свидѣтельствуетъ, что въ его время нѣкоторые, ревностно украшая храмы иконами, считали это достаточнымъ для спасенія и не заботились объ украшеніи собственной души добродѣтелями (Дѣян. VII, 519 — 520). Другой пастырь того же вѣка, Астерій Амасійскій свидѣтельствовалъ, что нѣкоторые иконописными изображеніями испещряли свои платья (Дѣян. VII, 522), вѣроятно считая это за выраженіе благочестія. Позднѣе суевѣрія возросли. Одинъ изъ иконоборческихъ императоровъ жаловался, что нѣкоторые христіане назначали иконы быть воспріемниками при крещеніи ихъ дѣтей, что тоже дѣлали и монахи при своемъ постриженіи, что нѣкоторые священники соскабливали краски съ образовъ, смѣшивали ихъ съ тѣломъ

съ уничтоженіемъ иконопочитанія устранился опасность распространенія магометанства между христіанами, ибо со времени нашествія магометанъ на восточныя христіанскія провинціи не мечъ только, но и коранъ началъ приобрѣтать себѣ подчиненныхъ между христіанами. Коранъ, вооружаясь противъ идолопоклонства, вооружался и противъ христіанскаго иконопочитанія, какъ несоотвѣтствующаго духу религіи монотеистической (единобожія). Надѣялись, что уничтоженіе иконъ не только сохранить христіанъ вѣрными своей религіи, но и проложить путь къ обращенію самихъ магометанъ въ христіанство ¹⁾. Такой то пользы для церкви ждали иконоборцы отъ уничтоженія иконъ. Для цѣлей государственныхъ тоже дѣло представлялось на взглядъ тогдашнихъ иконоборцевъ весьма небезполезнымъ. Положеніе государства было очень плачевнымъ въ то время. Внѣшніе враги одолѣвали имперію, а въ гражданахъ между тѣмъ недоставало гражданскихъ доблестей и истиннаго мужества. Являлось желаніе искоренить все то, что могло отвлекать подданныхъ отъ исполненія ихъ гражданскихъ обязанностей; „такъ какъ суевѣріе распространено было въ народѣ въ такой степени, что иные обоготворяли св. иконы и ожидая отъ нихъ вѣрнаго спасенія отъ враговъ, нисколько не думали о необходимости внѣшней защиты, то иконоборцы и вооружились противъ иконъ, воображая, что онѣ то и составляютъ причину такого настроенія народа“, невыгоднаго для интересовъ политическихъ ¹⁾. Подобнымъ внушеніямъ и доказательствамъ не могъ не внимать императоръ Левъ. Онъ конечно хорошо зналъ, что внутреннее состояніе государства и общества византійскаго было далеко блестяще. Притомъ Левъ началъ собою новую династію въ Византіи; нужно было поддержать и упрочить свой авторитетъ въ имперіи, а чѣмъ лучше было достигнуть этого,

и кровію Христовою въ евхаристіи и раздавали народу, что нѣкоторые евхаристію сначала клали на образа, а потомъ приобщались ей, что священники служили на образахъ вмѣсто престоловъ (Гефеле въ „Исторіи соборовъ“, т. 4, стр. 387).

¹⁾ Гефеле „въ Исторіи соборовъ“. Band 3. S. 344.

²⁾ О. Герасима. Въ сочиненіи „Отзывы о Фотіѣ патріархѣ“, въ главѣ: „иконопочитатели и иконоборцы“. (Хр. Чтеніе, 1872 года, часть 1, стр. 714).

какъ не преобразованіями въ какомъ бы то ни было родѣ? Въ Византіи каждая новая династія на престолѣ спѣшила для пріобрѣтенія популярности въ народѣ заявить себя реформами; такъ долженъ былъ поступить и Левъ Исаврянинъ ¹⁾. Можно было императору опасаться, что его иконоборческое дѣло потерпитъ неудачу, найдетъ себѣ слишкомъ сильное сопротивленіе въ обществѣ, сдѣлается источникомъ большихъ смятеній въ государствѣ; но иконоборческая партія въ успокоеніе императора могла указать на недавно совершенный опытъ иконоборчества въ Палестинѣ тамошнимъ эмиромъ, на опытъ, который кончился удачно. Года за три до начала иконоборства въ Константинополѣ, эмиръ по имени Езидъ распорядился, чтобы истреблены были всѣ иконы въ подвластныхъ ему странахъ. И вотъ, „честныя иконы были сожжены, зданія же церковныя (украшенныя живописью) частію перекрасили, частію соскоблили въ нихъ живопись“. Кромѣ того, онъ приказалъ „уничтожить и всѣ другія изображенія, какія существуютъ гдѣ либо на городскихъ площадяхъ для красоты и благолѣпія“ (Дѣян. VII, 421 — 2). Этотъ примѣръ для Льва былъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ.

Обращаемся къ краткому обзорѣ дѣятельности иконоборцевъ въ царствованіе Льва съ одной стороны и дѣятельности православныхъ въ защиту иконъ съ другой.

Левъ издалъ два указа въ пользу иконоборчества: одинъ въ 726 году, другой въ 730. Оба указа до насъ не дошли. Нѣтъ сомнѣній, что содержаніе ихъ было одинаково: тотъ и другой равно провозгласили полное истребленіе иконъ. Касательно ихъ можно находить ту только разницу, что послѣ перваго указа иконоборцы не осмѣливались еще броситься на истребленіе всѣхъ иконъ вообще, а ограничились тѣми иконами, которыя воздвигнуты были на мѣстахъ публичныхъ; послѣ же втораго истребленіе иконъ сдѣлалось без-

---

¹⁾ Византійскіе писатели: Левъ грамматикъ, Кедринъ и другіе рассказываютъ, что какіе-то іудеи, предсказавшіе Льву царствованіе, взяли съ него обѣщаніе уничтожить иконы, что онъ и счелъ долгомъ исполнить; но современная наука на достаточныхъ основаніяхъ отвергаетъ правдивость этихъ извѣстій. Гефеле. В. III, S. 344.

условнымъ; далѣе: первый указъ не былъ подкрѣпленъ подписью патріарха константинопольскаго (Германа), второй же имѣлъ подобное подкрѣпленіе со стороны патріарха (Анастасія)¹⁾. Во время и послѣ изданія этихъ указовъ Левъ ознаменовываетъ свое царствованіе гоненіями на православныхъ. Первой жертвой иконоборческаго насилия былъ патріархъ константинопольскій Германъ, человѣкъ достойный во всѣхъ отношеніяхъ²⁾. Левъ желалъ его склонить на свою сторону, но потерпѣлъ неудачу: сначала императоръ хотѣлъ поборотъ его оскорбительными насмѣшками и бранью, называя и его самого и его предшественниковъ идолопоклонниками; потомъ думалъ подѣйствовать на него временнымъ лишеніемъ кафедръ и патріархіи; наконецъ, видя его непреклоннымъ, Левъ низвергъ его съ патріаршества, назначивъ преемникомъ ему Анастасія, синкелла патріаршаго, человѣка угоднаго императору и готоваго исполнять его волю³⁾. Ссылкою поплатились за твердость въ вѣрѣ и многіе другіе епископы, не хотѣвшіе раздѣлять иконоборческихъ идей Льва⁴⁾. Съ другими почитателями иконъ было поступлено также точно или еще хуже. Иконопочитателей, отличавшихся высокимъ происхожденіемъ или богатствомъ знанія, Левъ приказалъ мучить, наказывать бичами, изгонять; многіе получили мученическіе вѣнцы⁵⁾. Замѣчательнѣйшею мѣрою Льва въ борьбѣ съ иконопочитателями было закрытіе богословскихъ школъ въ Константинополѣ. Левъ очевидно понималъ, что нужно было лишить православныхъ того оружія въ борьбѣ съ иконоборцами, какимъ было для первыхъ основательное богословское образованіе. И вотъ теперь закрыты тѣ самыя школы, которыя имѣли за собою блестящую исторію: эти школы были открыты еще Константиномъ Великимъ⁶⁾.

1) Гефеле въ „Исторіи соборовъ“ (тамъ же), стр. 345, 347—8; 350—351.

2) О св. Германѣ см. интересную статью доцента И. Д. Андреева, въ *Богослов. Вѣсти.*, за 1897 годъ, т. II.

3) Theophanes. Chronographia, p. 820—1. 823. 825.

4) Ioannes Damascenus. Oratio (II) de imaginibus, p. 1297. Migne, patr. cursus, Graeca ser., t. 94).

5) Theophanes. Chronographia, p. 817. 825.

6) Theophanes, *ibidem*, p. 817. Такъ повѣствуетъ болѣе достовѣрный сказатель Теофанъ. Что же касается разсказа о томъ, что Левъ сжегъ цѣлую бібліотеку съ директоромъ ея и 12 профессорами, то онъ не заслу-

Истребленіе иконъ производилось при Львѣ съ чрезвычайно-оскорбительною для христіанскаго чувства жестокостію. Вотъ какъ напримѣръ происходило разрушеніе изваянія Спасителя, которое находилось надъ такъ называемыми мѣдными вратами въ Константинополь. Это изваяніе считалось чудотворнымъ, и однакожь императоръ приказалъ своему чиновнику не снять только его, но разрушить. Исполнитель воли императора беретъ лѣстницу, всенародно поднимается къ изваянію, взмахиваетъ топоромъ на него и трижды ударяетъ въ лице изображеніе Спасителя. Такое оскорбленіе святыни произвело бунтъ въ народѣ и исполнитель нечестивой воли императора поплатился жизнію за иконоборческую ревность (Дѣян. VII, 36). Или вотъ какой случай иконоборчества былъ въ Никеѣ. Арабы напали на этотъ городъ; устрешенные жители прибѣгли за помощію къ иконѣ Богоматери: совершаемо было всенародное молебствіе. Въ это время одинъ изъ воиновъ, по имени Константинъ, взялъ камень, разбилъ икону и топталъ ее ногами¹⁾. Кромѣ этого, по сказанію историковъ, Левъ Исаврянинъ отвергалъ поклоненіе Божіей Матери и святымъ; вслѣдствіе чего мощи святыхъ предавалъ поруганію²⁾.

Въ виду такой дѣятельности иконоборцевъ, часто переходившей всѣ предѣлы умѣренности и благоразумія, иконопочитатели съ своей стороны противоудѣйствуютъ иконоборцамъ и выступаютъ на защиту своего дѣла. Замѣчательнѣйшимъ защитникомъ иконопочитанія, выступившимъ съ живымъ словомъ обличенія противъ иконоборцевъ, былъ Германъ, патріархъ константинопольскій. Онъ съ досто-

---

живаешь вѣры. Ученый и серьезный Гефеле говоритъ: „Кедринъ, Зонара, Манассія и Глика рассказываютъ, что императоръ хотѣлъ перетянуть на свою сторону 12 профессоровъ съ ихъ директоромъ, которые жили вблизи Софійскаго храма въ великой библиотекѣ (состоящей изъ 36,000 томовъ); когда же императору не удалось это, онъ сжегъ и библиотечку и ученыхъ, при ней состоявшихъ. Такъ какъ объ этомъ событіи не упоминаютъ ни папа Григорій II (современникъ), ни Теофанъ (IX в.), ни патр. Никифоръ (IX в.), вообще никто изъ древнихъ, описывающихъ жестокости Льва, то и самое извѣстіе нужно относить къ области вымысловъ“. Гефеле въ „исторіи соборовъ“, III, стр. 346.

1) Theophanes. Chronographia, p. 820.

2) Ibidem.

хвальною предусмотрительностію хочеть подавить развитіе иконоборства, когда оно только что начиналось (Дѣян. VII, 331—2), но тщетно: онъ вступаетъ въ неоднократныя бесѣды съ императоромъ Львомъ, и мужественно отклоняеть его отъ его иконоборческихъ затѣй; императоръ не внималъ голосу благоразумія и благочестія. Примѣчательны слова, съ которыми патріархъ покидаеть свою кафедру патріаршую: „если я Іона, бросьте меня въ море; но, государь, безъ вселенскаго собора я не соглашусь ни на какія измѣненія въ вѣрѣ“¹⁾. Этими словами Германъ выразилъ съ своей стороны готовность къ самопожертвованію для блага церковнаго, съ другой рѣшительный укоръ императору за вмѣшательство въ дѣла вѣры. Въ ревности къ вѣрѣ патріарху подражали многіе клирики, монахи и благочестивые міряне въ Константинополѣ²⁾. Въ цѣляхъ сопротивленія злу, православные собирають соборы, по крайней мѣрѣ такъ было на Западѣ; на Востокѣ же на глазахъ самого императора такіе соборы конечно были невозможны. Папа Григорій II, въ 727 г., собираеть соборъ въ Римѣ, на которомъ существованіемъ въ ветхозавѣтной скиніи херувимовъ доказывалась позволительность имѣть иконы въ храмахъ христіанскихъ. Преемникъ папы Григорія, Григорій III снова собираеть соборъ (731 г.) противъ иконоборцевъ; на немъ между прочимъ было опредѣлено: „кто будетъ отвергать, уничтожать, безчестить и презирать иконы Господа Христа, Его Матери или апостоловъ и проч.; тотъ лишается приобщенія тѣла и крови Христовой и будетъ находиться внѣ церковнаго общенія“³⁾.

Иконоборческое заблужденіе служитъ поводомъ къ развитію довольно широкой богословской литературы, которая съ своей стороны является провозвѣстницею истины. Папа Григорій II обращается съ нѣсколькими богословскими посланіями къ императору и патріарху Герману (Дѣян. VII); съ такими же посланіями Германъ обращался къ двумъ восточнымъ епископамъ, поборникамъ иконоборства. Еще

1) Theophanes. Chronograph. p. 820. 825.

2) Ibidem, p. 825.

3) Гефеле въ „исторіи соборовъ“. В. III, s. 373—5.

превосходнѣе были сочиненія св. Іоанна Дамаскина. Это былъ сначала высокій государственный мужъ при калифѣ въ Дамаскѣ въ Сирии, а потомъ монахъ и пресвитеръ въ лаврѣ св. Саввы въ Палестинѣ. Онъ написалъ въ формѣ посланій три обширныхъ защитительныхъ по вопросу объ иконахъ рѣчи и отослалъ ихъ въ Константинополь ¹⁾. Сочиненія Григорія отличаются смѣлостію и неустранимостью въ обличеніи императора Льва. Сочиненія Германа дышатъ искреннимъ желаніемъ мира и духомъ кротости къ заблуждающимся. Произведенія же Іоанна Дамаскина носятъ на себѣ печать глубокой учености. Противодѣйствіе иконоборству со стороны православныхъ во многихъ мѣстахъ обнаруживается въ сильныхъ возстаніяхъ. Папа Григорій II, предвидя, какія сильныя движенія вызоветъ иконоборство, писалъ императору: „заверни въ начальныя училища и скажи: я истребитель иконъ и тотчасъ ученики забросаютъ тебя своими дощечками“ (письменными) Дѣян. VII, 32). И дѣйствительно возстанія вспыхиваютъ во многихъ мѣстахъ, какъ скоро объявлено было иконоборство. Такъ вспыхнуло сильнѣйшее возстаніе въ собственной Греціи и на Цикладскихъ островахъ, — здѣсь явился даже претендентъ на престолъ византійскій ²⁾. Въ Италіи при первыхъ же извѣстіяхъ объ иконоборствѣ императора начали бросать портреты его на землю и попирали ногами (Дѣян. VII, 37); наконецъ и самъ папа Григорій съ Римлянами и со всею Италіей отложился отъ подданства Льву ³⁾.

Изложимъ возрѣнія, въ кругу которыхъ вращались иконоборцы и иконопочитатели по вопросу объ иконахъ. Эти возрѣнія высказаны были тѣми и другими при самомъ началѣ иконоборческихъ споровъ въ царствованіе Льва. 1) Иконоборцы находили, что иконопочитатели суть идолопоклонники и что иконы замѣняютъ мѣсто идоловъ (Дѣян. VII, 25). Иконопочитатели же отвѣчали на это: „Церковь

---

¹⁾ Одна изъ этихъ рѣчей (III) была переведена на русскій языкъ, въ „Хр. Чтен.“, за 1823 г. А всѣ рѣчи сполна недавно переведены въ Петербургѣ, г. Бронзовымъ.

²⁾ Theophanes. Chronograph. p. 817.

³⁾ Theophanes. Chronograph. p. 816.

Христова не имѣеть никакого общенія съ идолами; да не будетъ. Мы не покланяемся ни тельцамъ, ни тельцу, вылитому въ Хоривѣ, и тварь для насъ не Богъ“ (Папа Григорій: Дѣян. VII, 322). 2) Иконоборцы говорили, что христіане поклоняются камнямъ, стѣнамъ и доскамъ. Въ опроверженіе этой мысли иконопочитатели разсуждали: „мы почитаемъ иконы не какъ боговъ; мы не на нихъ возлагаемъ надежды. Если предъ нами находится икона Господа, мы говоримъ: Господи Иисусе Христе Сыне Божій, помоги намъ и спаси насъ! А если предъ нами икона святой Его Матери, то мы говоримъ: Святая Богородица, мати Господа, будь заступницею предъ Сыномъ Твоимъ. Если же икона мученика, напримѣръ Стефана, то говоримъ: Св. Стефане, излившій кровь твою за Христа и имѣющій предъ Богомъ дерзновеніе, будь нашимъ заступникомъ. Вотъ куда мы высылаемъ молитвы при посредствѣ иконъ“ (Григорій: Дѣян. VII, 31). 3) Иконоборцы возражали: не должно поклоняться творенію рукъ и *всякому подобію, елика на небеси горъ и елика на земли низу*, какъ сказалъ Господь (Исх. 20, 4); притомъ: нельзя указать, кто повелѣлъ намъ почитать творенія рукъ и поклоняться имъ (Дѣян. VII, 26). Иконопочитатели же, устраняя это возраженіе, говорили: въ Ветхомъ Завѣтѣ Богъ запретилъ „поклоняться рукотвореннымъ дьявольскимъ образамъ, приносящимъ вредъ и достойнымъ проклятія“, но не запрещалъ употреблять „рукотворенные образы, которые назначаются на служеніе Богу и во славу Его“. Такъ Богъ повелѣлъ сдѣлать скрижали, кивотъ завѣта, херувимовъ, серафимовъ, стамну (Григорій: Дѣян. VII, 27). Другіе изъ иконопочитателей объясняли, почему запрещенное въ Ветхомъ Завѣтѣ позволительно въ Новомъ Завѣтѣ. Они замѣчали: „какъ искусный врачъ не всѣмъ и не всегда даетъ одно лекарство, но каждому приличное и полезное, смотря по свойству страны, болѣзни и времени, иное младенцу, иное возрастному: такъ и совершеннѣйшій Врачъ душъ тѣмъ, которые еще суть младенцы и страдаютъ болѣзнію идолослуженія, которые идоловъ почитаютъ богами и поклоненіе Богу отвергаютъ и приличную Ему славу воздаютъ твари, воспретилъ дѣлать изображенія: та-

кой законъ данъ былъ іудеямъ. Но мы, которые по удаленіи отъ суетнаго заблужденія, по принятіи истины, удостоились быть въ соединеніи съ Богомъ и по прошествіи младенчества достигнуть въ мужа совершенна, мы получили отъ Бога способность разсужденія, по которой знаемъ, что можетъ быть изображаемо и что не подлежитъ изображенію. Бога невидимаго конечно изобразить мы не можемъ, но когда увидѣли, что Безтѣлесный сдѣлался для насъ человѣкомъ, то уже можемъ изображать Его въ человѣческомъ видѣ. Богъ по неизреченной благодати своей пріялъ плоть, явился въ оной на землѣ, жилъ между людьми, имѣя естество, твердость, видъ и цвѣтъ плоти человѣческой; по сему мы, изображая Его, не погрѣшаемъ. Апостолы видѣли тѣлесно Христа, видѣли Его страданія и чудеса, также и мы желаемъ видѣть, и слышать и быть блаженными. Этому стремленію удовлетворяютъ книги евангельскія и иконы Христа“ (Дамаскинъ) ¹⁾. 4) Иконоборцы возражали: въ св. Писаніи нѣтъ предписанія, нѣтъ указанія на необходимость иконъ. На это возраженіе иконопочитатели отвѣчали слѣдующимъ многозначительнымъ вопросомъ: но скажите сами: „гдѣ можно найти въ Ветхомъ Завѣтѣ или въ Евангеліи, ясныя слова: Троица или: единосущный, или: одно лице Христа, или: два естества“ ²⁾ (Дамаскинъ)? 5) Иконоборцы далѣе возражали: и на шести вселенскихъ соборахъ ничего не было опредѣлено объ иконахъ, — почему это? Въ устраненіе этого возраженія иконопочитатели отвѣчали такимъ сравненіемъ: „на соборахъ ничего не сказано и о хлѣбѣ и водѣ; не сказано вѣдъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ ѣсть, слѣдуетъ или нѣтъ пить. Но кто же не знаетъ, что это необходимо для поддержанія жизни? Притомъ, сами архіереи приносили иконы на соборы. И ни одинъ благочестивый человѣкъ, отправляясь въ путь, не совершалъ своего путешествія безъ иконъ“ (Григорій: Дѣян. VII, 44). 6) Уничтожая иконопочитаніе, иконоборцы въ замѣнъ того, кажется, съ особенною ревностію поощряли усиленіе про-

¹⁾ Іоанна Дамаскина. „Слово (III) объ иконахъ“. Стр. 117. 124. 125. 114. 132 (Хр. Чтеніе, 1823 г.).

²⁾ Ibidem, стр. 131.

повѣдничества, религіозную поэзію и даже ввели при богослуженіи разнообразную музыку. Такъ покрайней мѣрѣ понимаютъ не совсѣмъ опредѣленное обвиненіе, съ которымъ папа Григорій обращается къ иконоборцу Льву: „Ты приказалъ народу оставить все это (иконы и иконопочитаніе), сталъ занимать его пустяками, вздоромъ, свирѣлями, погремушками, гитарами и лирами, и вмѣсто благословеній и славословій, сталъ занимать его баснями“ (Дѣян. VII, 41). Въ виду этого иконопочитатели старались раскрывать высокое и глубокое значеніе иконопочитанія для развитія и воспитанія религіознаго чувства. Иконопочитаніе возбуждаетъ въ человѣкѣ чувство религіознаго благоговѣнія и умиленія, исторгаетъ слезы сокрушенія. „Когда мы сами, говоритъ о себѣ папа Григорій, входимъ въ церковь и разсматриваемъ изображенія чудесъ Господа Иисуса Христа, а также изображенія святой Его Матери, имѣющей на рукахъ питающагося млекою Господа, а равно и ангеловъ, то выходимъ изъ храма не безъ сердечнаго сокрушенія. Да и кто не будетъ подобно намъ сокрушаться и не прольетъ слезъ умиленія, взирая на таинственную вечерю, на исцѣленіе слѣпца, на воскрешеніе Лазаря? Кто не будетъ сокрушаться и не прольетъ слезъ, взирая на изображеніе Авраама съ мечемъ, грозно поднятымъ надъ шеей сына? Кто не будетъ сокрушаться и не прольетъ слезъ, взирая вообще на всѣ страданія Господа“ (Дѣян. VII, 33)? Далѣе иконопочитатели раскрывали мысль, что въ особенности для людей необразованныхъ и малолѣтковъ иконы въ религіозно-практическомъ отношеніи ничѣмъ незамѣнимы. „Чѣмъ служить книга для тѣхъ, кто научены, говорили иконопочитатели, тѣмъ же служить икона для необразованныхъ; что слово для слуха, то же икона для глаза“ (Дамаскинъ)¹⁾. Другой писатель говорилъ въ защиту иконъ: „держа на своихъ рукахъ недавно крещеныхъ дѣтей, мужчины и женщины пальцемъ указываютъ имъ, а также юношамъ и новообращеннымъ язычникамъ, на эти наглядныя изображенія и

¹⁾ Ioan. Damascenus, oratio (I) de imaginibus, p. 1248 (Migne, cursus patr. t. 94, Graeca ser.).

такимъ образомъ назидаютъ ихъ и возносятъ умы и сердца въ горняя, къ Богу“ (Григорій: Дѣян. VII, 41). Или иконопочитатели говорили: „Иисусъ Навинъ повелѣлъ іудеямъ, чтобы они взяли изъ Иордана 12 камней, и объявилъ имъ при этомъ: когда ваши дѣти нѣкогда спросятъ отцевъ: что значать эти камни, то вы тогда имъ скажите: какъ вода по божественному велѣнію разступилась, какъ прошелъ Кивотъ Завѣта и народъ Израильскій. Какимъ же образомъ мы не должны такъ же начертывать изображеній страданій, чрезъ которыя совершенно наше спасеніе, и чудесь Христа, дабы, если спросить меня сынъ мой: что это такое, я могъ бы отвѣчать ему: Богъ содѣлался человѣкомъ“ и проч. (Дамаскинъ) ¹⁾. Другіе раскрываютъ мысль, что иконы въ церкви могутъ служить прекраснымъ подспорьемъ при усвоеніи слова Божія и проповѣди: „кто чрезъ слухъ узналъ дѣла, совершенныя святыми, того это созерцаніе будетъ побуждать къ припоминанію слышаннаго; кто не знаетъ еще объ нихъ, того оно будетъ готовить къ усердному слушанію о нихъ и возбуждать въ немъ сильную любовь къ нимъ и славословіе Богу“ (Германъ: Дѣян. VII, 340). 7.) Иконоборцы, какъ мы замѣтили выше, кромѣ иконопочитанія ставили въ упрекъ православнымъ и почитаніе святыхъ; они прямо говорили, что православные мучениковъ считаютъ за боговъ (Дѣян. VII, 31). Писатели-же церковные стараются устранить подобную укоризну, направленную на церковь. Они объясняли, и почему поклоняются святымъ, и какъ. „Какимъ образомъ святые, которые принимаютъ участіе въ страданіяхъ Господа, не должны, будучи друзьями Христа, принимать части въ прославленіи Его здѣсь на землѣ? Христосъ называетъ ихъ не своими слугами, но своими друзьями. Во времена Ветхаго Завѣта ни одинъ храмъ не могъ быть посвященъ имени какого-либо человѣка. Смерть праведнаго оплакивалась, а не торжествовалась; прикосновеніе къ мертвому считалось оскверненіемъ; но иначе теперь послѣ того, какъ человѣческая природа по явленіи въ ней Сына Божія возвысилась до уча-

¹⁾ Ioan. Damascenus. Ibidem, p. 1249

стія въ божественной жизни“ (Дамаскинъ) ¹⁾. Но при всемъ томъ, „мы не даемъ повода думать, что они общники божественнаго естества, и не приписываемъ имъ чести поклоненія, приличествующаго божественной славѣ и могуществу, но показываемъ любовь свою къ нимъ“ (Германъ: Дѣян. VII, 328). 8). Наконецъ, какъ на отличительную черту иконоборцевъ, нужно указать на ихъ воззрѣніе касательно отношенія государства къ Церкви; по ихъ разсужденію, государство можетъ властно вмѣшиваться въ дѣла Церкви; это хотѣли они возвести въ начало (принципъ). Императоръ Левъ прямо провозгласилъ правило: я царь и первосвященникъ (Дѣян. VII, 40). Эта мысль встрѣтила рѣшительный отпоръ въ представителяхъ Церкви. Они писали: „знай, императоръ, что догматы св. Церкви дѣло не императоровъ, но архіереевъ, и должны быть точно и вѣрно опредѣляемы. Для этого-то и поставлены въ церквахъ архіереи, мужи свободные отъ дѣлъ общественныхъ. И императоры поэтому должны удерживать себя отъ вмѣшательства въ дѣла церковныя и заниматься тѣмъ, что имъ поручено. Догматы — дѣло не царей, но архіереевъ, такъ какъ мы (епископы) имѣемъ умъ Христовъ (2 Кор. 2, 14. 17). Иное дѣло — пониманіе церковныхъ постановленій и иное — разумѣніе въ мірскихъ дѣлахъ“ (Григорій: Дѣян. VII, 35. 42). Другой богословъ говорилъ: „недостойтъ царю давать законы церкви. Апостоль Павелъ между лицами, которымъ поручено отъ Бога водительство Церкви (1 Кор. 12), не поименовываетъ царя. Не цари, но апостолы, пророки, пастыри и учителя возвѣщали божественное слово. Цари должны заботиться о процвѣтаніи государства, о благоденствіи же Церкви пастыри и учителя“ (Дамаскинъ) ²⁾.

Споры иконоборцевъ и иконопочитателей показали, что взглядъ первыхъ, кругъ идей, въ какомъ они вращались, были уже, замкнутѣе, а взглядъ и кругъ идей, въ какомъ вращались иконопочитатели, шире, многостороннѣе. Первые слишкомъ суживали представленіе о воздѣйствіи Церкви

1) Ioan. Damascenus, ibidem, p. 1252. 3.

2) Ioan. Damascenus, oratio (II) de imag. Ibidem, p. 1296.

на жизнь, и потому отрицали необходимость сближенія религии съ искусствомъ (Дѣян. VII, 496); а вторые представляли идею христіанства настолько всеобъемлющею, что и самое искусство имѣло стать въ тѣсныя отношенія къ религии (Дѣян. VII, 286).

II. Господство иконоборства. (741—775 г.).

Взглядъ на состояніе церкви при Константинѣ Копронимѣ. — Церковь въ первые годы царствованія Копронима. — Лжевселенскій соборъ 754 года. — Свѣдѣніе о немъ. — Вѣроопредѣленіе лжевселенскаго собора и его содержаніе: происхожденіе иконопочитанія отъ діавола (!); употребленіе иконъ Христа есть несторіанство, оно также есть монофизитство; — Евхаристія — единственный образъ Христа; — причины почему не слѣдуетъ дѣлать иконъ Богоматери и святыхъ; — доказательства противъ иконопочитанія изъ свящ. писанія и церковнаго преданія. — Прещенія и анаематствованія. — Защита иконоборцами почитанія Богоматери и святыхъ. — Уничтоженіе религиозной живописи. — Истребленіе св. мощей. — Держновеніе монаховъ. — Гоненіе на монаховъ. — Михаилъ „драковъ“. — Иконоборческая присяга. — Православіе въ иныхъ странахъ.

Продолжительное царствованіе императора Константина Копронина (741—775 г.), сына Льва Исаврянина, есть время, когда иконоборство достигаетъ своего высшаго развитія и силы въ Византійской имперіи и церкви. Лишь немногія ереси прежнихъ временъ могутъ равняться съ иконоборствомъ по тѣмъ бурнымъ движеніямъ, какія вызвало оно въ церкви, по той силѣ и тиранніи, въ какихъ выражало оно свое господство. Иконоборство въ этомъ отношеніи подобно аріанству и монофизитству.

Самъ императоръ Константинъ Копронинъ ¹⁾ былъ ревностнѣйшимъ иконоборцемъ. Примѣръ его отца, Льва Исаврянина, и воспитаніе въ строгихъ иконоборческихъ началахъ

---

1) Сужденія древнихъ историковъ о названіи Константина копронимомъ не одинаковы. Одни (Кедричъ. *Compendium Historiarum* t. I, p. 792, edit. Bonn.) производятъ оное отъ *κίτρος* — навозъ, рассказывая, что Константинъ во время крещенія его осквернилъ купель; другіе (Глика. *Annales*, p. 528, edit. Bonn.) замѣчаютъ, что есть страна, называющаяся Кавала, и всѣ происходившіе отсюда назывались кавалинами, а такъ какъ Константинъ

сдѣлали его неумолимымъ врагомъ иконопочитанія. Ктому же Константинъ отличался характеромъ деспотическимъ ¹⁾ и въ тоже время энергическимъ; взявшись за что либо, онъ не любилъ отступаться отъ дѣла, пока успѣхъ не увѣнчаетъ его дѣло. Но тѣмъ хуже было для церкви. Тронъ императора окружали лица, вполнѣ раздѣлявшія мысли новаго императора; управление провинціями поручалось лицамъ, извѣстнымъ своимъ икопоборчествомъ. Церковь константинопольская во все время царствованія Константина видѣла патріархами однихъ только икопоборцевъ. Патріархи Анастасій, Константинъ, Никита были людьми послушными волѣ императорской. Цѣлыя сотни другихъ епископовъ Константинопольскаго патріархата примкнули къ сторонѣ императора и враждовали противъ православія. Ревностные иконопочитатели должны были бѣжать за границу, въ особенности въ Римъ, или скрываться въ мѣстахъ уединенныхъ. Казалось, что иконопочитаніе доживало свои послѣдніе дни.

Легче дышалось православнымъ въ первыя десять лѣтъ царствованія Константина. Константинъ по нѣкоторымъ обстоятельствамъ долженъ былъ дѣйствовать съ крайнею осторожностію. Главнѣйшимъ изъ такихъ обстоятельствъ было то, что на первыхъ порахъ императоръ совсѣмъ было лишился Византійскаго престола. Зять его Артавасть, иконопочитатель, поддерживаемый, какъ оказалось, многочисленными противниками икопоборчества, на нѣкоторое время восходилъ на престолъ императорскій и, безъ сопротивленія, возстановилъ иконопочитаніе. Артавасть занималъ престолъ только годъ (742—3). Константинъ низвергъ его ²⁾, но это возстановленіе иконопочитанія Артавастомъ показывало, что иконопочитаніе было силою, съ

родился въ этой же странѣ, то и онъ назывался кавалиномъ; но слово кавала происходитъ отъ *καβάλλης*—лошадь, вслѣдствіе чего для Константина названіе кавалина замѣнено было (конечно иронически) подходящимъ словомъ: Копронимъ.

¹⁾ Свой деспотизмъ императоръ выразилъ на примѣрѣ въ тѣхъ жестокихъ отношеніяхъ, въ какія онъ становится къ патріархамъ Константинопольскимъ, не смотря на то, что они были икопоборцами. Theophanes. Chronographia (Migne. Cursus patr. Gr. s. tom. 108), p. 843—4. 890—1.

²⁾ Theophanes. Chronographia, p. 835—7.

которую требовалось осторожное обращеніе. Поэтому, первые годы царствованія Константина проходятъ спокойно для православныхъ.

Иначе Константинъ повелъ дѣло въ отношеніи къ иконопочитателямъ съ 754 года, въ которомъ совершилось видное событіе, заявлявшее о господствѣ иконоборства въ церкви. Мы говоримъ о лжевселенскомъ соборѣ, собранномъ въ этотъ годъ и провозгласившемъ иконоборческое ученіе. Уже Левъ Исаврянинъ былъ убѣжденъ, что полезнѣе всего для иконоборства было бы собрать соборъ вселенскій (Дѣян. VII, 35), но эта мысль почему то не пришла къ осуществленію. Такъ же думалъ и Константинъ. Онъ конечно хорошо зналъ, какимъ глубокимъ уваженіемъ пользовались соборы вселенскіе въ церкви, и потому самъ захотѣлъ собрать соборъ вселенскій иконоборческій. Но какъ осторожный политикъ, Константинъ не вдругъ берется привести въ исполненіе свою мысль; онъ сначала тамъ и здѣсь въ провинціяхъ собираетъ общенародныя сходки, на которыхъ провозглашается отверженіе иконопочитанія. Такимъ образомъ народъ исподоволь готовится къ тому, что долженъ былъ по волѣ императора провозгласить соборъ вселенскій ¹⁾. Соборъ же вселенскій созванъ Копронимомъ, какъ мы сказали, въ 754 году. О внѣшней исторіи этого собора извѣстно немного. Онъ былъ довольно продолжителенъ: открылся 10 февраля и закончился 27 августа. Засѣданія его происходили не въ одномъ мѣстѣ: сначала во дворцѣ, называемомъ Геріею, на азиатскомъ берегу Босфора, вблизи столицы; при заключеніи же собора во Влахернскомъ храмѣ Богородицы въ самомъ Константинополѣ. Число епископовъ на немъ было велико, какъ на немногихъ истинныхъ вселенскихъ соборахъ, — именно ихъ было 338 лицъ ²⁾. Предсѣдателемъ собора за смертію патріарха

¹⁾ Theophanes, *ibidem*, p. 861.

²⁾ Всѣ они объявили себя за иконоборство (Л. VII, 568). Какъ объяснить, что такое громадное число епископовъ отрекается отъ православія и становится въ ряды иконоборцевъ на соборѣ? Въ объясненіе этого прежде всего нужно сказать, что епископы этого времени далеки были отъ тѣхъ высокихъ образцовъ пастырства, какіе дала болѣе древняя церковь. По свидѣтельству одного неизвѣстнаго, но современнаго писателя,

Константинопольскаго Анастасія былъ епископъ Ефесскій Θεодосій ¹⁾. На засѣданіи собора 8 августа произошло избраніе новаго патріарха Константинопольскаго Константина, который былъ доселѣ епископомъ Силейскимъ во Фригіи, при чемъ самъ императоръ взялъ его за руку, возвелъ на амвонъ и провозгласилъ: „многая лѣта патріарху вселенскому Константину“. Засѣданіе 27 августа кончилось торжественно: императоръ и весь соборъ вышли на площадь, было прочитано публично вѣроопредѣленіе лжевселенскаго собора и провозглашена анаѣма на вождей православія и защитниковъ иконопочитанія, св. Германа патріарха Константинопольскаго и св. Іоанна Дамаскина ²⁾.

Что касается догматической дѣятельности собора, она хорошо намъ извѣстна. Правда до насъ не дошло подробныхъ дѣяній собора, но за то сохранилось его вѣроопредѣленіе, которое въ достаточной мѣрѣ знакомитъ насъ съ догматическою дѣятельностію собора.

Вѣроопредѣленіе лжевселенскаго собора открывается вступленіемъ, въ которомъ дается знаніе о происхожденіи иконопочитанія, какъ злаго явленія, и о задачѣ собора. Мысли здѣсь высказанныя таковы: Всеблагій Богъ сотворилъ все въ наилучшемъ видѣ; такимъ созданъ былъ и человѣкъ. Поэтому люциферъ (дѣволъ), самъ ниспавши отъ блаженства, изъ зависти захотѣлъ лишити и человѣка принадлежащей ему славы. Однимъ изъ таковыхъ средствъ и было введеніе идолопоклонства въ родѣ человѣческомъ.

епископы тогдашняго времени ни о чемъ другомъ не заботились кромѣ лошадей, овцеводства, хлѣбонашества; они заботились какъ бы повысить продачу свой зерновой хлѣбъ, свои вина, масло, шелкъ, а стада свои (духовныя) они оставляли въ пренебреженіи; казалось, что ихъ обязанность состоитъ въ удовлетвореніи чувственныхъ нуждъ людеи, а не душевныхъ“ (Neander. Allgemeine Geschichte der Religion und Kirche. В. II, S. 121. Ausg. 1856). Такіе пастыри мало могли понимать интересы церкви. Притомъ нужно помнитъ, что въ Византіи епископы находились подъ сильнѣйшимъ давленіемъ власти императорской: епископы не искренне соглашались съ волею императоровъ, щадя свою жизнь. Чаконецъ мы не должны забывать, что вопросъ объ иконопочитаніи былъ доселѣ вопросомъ нерѣшеннымъ теоретически; это открывало возможность заблужденія.

¹⁾ На соборѣ не было представителей ни отъ папы Римскаго, ни отъ остальныхъ патріаршихъ кафедр Востока.

²⁾ Дѣян. VII, 432. 453. 571. Theophanes, p. 861.

Противъ этого зла направлялось все ветхозавѣтное и новозавѣтное домостроительство вѣры. Для борьбы съ идолопоклонствомъ воззваны были Моусей и пророки; для той же цѣли ниспелъ на землю и сынъ Божій, Иисусъ Христосъ. Апостолы и св. отцы сохраняли въ неприкосновенности славу церкви, въ какую возвелъ вѣрующихъ Богочеловѣкъ Христосъ. Но эта слава человѣка снова сдѣлалась предметомъ зависти и злобы діавола. И вотъ онъ въ церкви Христовой вводитъ новый родъ идолопоклонства; это — иконопочитаніе. „Подъ личиною христіанства діаволъ ввелъ идолопоклонство, убѣдивъ своими лжемудрowanіями пребывавшихъ въ христіанствѣ не отпадать отъ твари, но поклоняться ей, чтить ее и почитать Богомъ тварь, подъ именемъ Христа“. Въ виду этого императоръ собралъ соборъ, дабы „ислѣдовать Писаніе о соблазнительныхъ обычаяхъ дѣлать изображенія, отвлекающія умъ человѣческой отъ высокаго и угоднаго Богу служенія къ земному и вещественному почитанію твари, и по Божію мановенію изречь то, что будетъ опредѣлено епископами; такъ какъ она знаютъ, что у пророковъ написано: *Понеже устнѣ іеревовъ сохраняютъ разумъ и закона възвущутъ отъ устѣ его: яко ангелы Господа Вседержителя суть* (Мал. 2, 7). Такова была задача собора, по объясненію самого собора (Д. VII, 434—9; 443)

Затѣмъ слѣдуетъ въ вѣроопредѣленіи обстоятельное раскрытіе доказательствъ, почему иконопочитаніе не позволительно въ церкви. Это самая существенная часть вѣроопредѣленія. Слѣдуя логическимъ требованіямъ мысли, соборъ раздѣляетъ свои доказательства на два разряда: одни суть доказательства отъ разума человѣческаго, другія — доказательства документальныя отъ священнаго писанія и церковнаго преданія.

Обращаясь къ доказательствамъ отъ разума человѣческаго, которымъ соборъ отводитъ первое мѣсто, иконоборцы прежде всего доказываютъ: „почему нельзя допускать въ церкви изображеній самого Иисуса Христа“. Христа нельзя изображать на иконахъ, мудрствовалъ соборъ, потому что это ведетъ къ несторіанству. Несторій раздѣлялъ

во Христѣ естество человѣческое отъ естества Божескаго; тоже самое дѣлають и художники, изображающіе Христа, ибо они, изображая внѣшній видъ Христа, не въ состояніи изобразить Его Божества. „Живопись, говорилъ соборъ, напоминаетъ собой Несторія, раздѣлявшаго одного Богочеловѣка, воплотившагося ради насъ, — на двоицу сыновъ“ (Д. VII, 462). Кромѣ этого, по мнѣнію собора, изображеніе Христа на иконахъ ведетъ и къ другой ереси—монофизитской. Монофизиты сливали естества во Христѣ; тоже дѣлають и художники и иконопочитатели; ибо изобразивъ только одно естество Христа человѣческое, они полагають, что съ тѣмъ вмѣстѣ они изображаютъ и его Божество. Соборъ говоритъ: живопись напоминаетъ собою и Диоскура и Евтихія, учившихъ, что два естества единого Христа слились и смѣшались. Вотъ сдѣлалъ живописецъ икону и назвалъ ее *Христосъ*, а имя *Христосъ* есть имя Бога и человѣка. Слѣдовательно и икона есть икона и Бога и человѣка, и слѣдовательно онъ слилъ неслитное соединеніе и впалъ въ нечестивое заблужденіе слянія. Къ тому же богохульству склоняются и поклоняющіеся иконамъ“ (Д. VII, 463. 469). Чтобы не впасть въ эти два лжеученія, несторіанское и монофизитское, заключаетъ соборъ, не слѣдуетъ дѣлать изображеній Христа. Нужно отказаться изображать Христа, потому что Онъ, какъ высочайшій предметъ вѣры, какъ Всевысочайшее Существо, неизобразимъ слабыми руками человѣческими. „Какая безумная мысль у живописца, замѣчаетъ соборъ, домогаться того, чего нельзя домогаться, т.-е. бранными руками изображать то, во что вѣрують сердцемъ и что исповѣдуютъ устами: Божество неопишимо“ (Д. VII, 465. 479). Высказывая мысль: Божество неопишимо, непостижимо и потому не подлежитъ изображенію, соборъ предвидитъ возраженіе, какое могла сторона противниковъ сдѣлать иконоборцамъ по этому поводу — и отсюда соборъ излагаетъ и самое возраженіе и опроверженіе его. Иконопочитатели скажутъ: но мы и не думаемъ изображать неопишемое Божество, „мы изображаемъ икону одной плоти Его, которую мы видѣли (во Христѣ) и осязали, и съ которой обращались.“ Въ опроверженіе возра-

женія, которое по словамъ собора иконопочитатели непремѣнно сдѣлали бы, иконоборцы говорятъ: прежде всего говорить такъ, значить говорить языкомъ Несторія; далѣе: одну плоть Христа саму по себѣ безъ отношенія къ неопируемому Божеству изображать нельзя: плоть стала плотію Бога Слова; она обожествилась такъ, что гдѣ тѣло Христа, тамъ и Божество Его; какимъ же образомъ могутъ разорвать такое соединеніе иконопочитатели, изображая одну плоть Господа? Наконецъ изображая плоть Христа въ разлученіи отъ Его Божества, которое неизобразимо, иконопочитатели въ подобномъ случаѣ представляютъ себѣ плоть какъ бы имѣющею собственную упостась, какъ бы усвояютъ ей особое лице, а „этимъ они показываютъ, что они прибавляютъ къ Троицѣ четвертое лице“ (Д. VII, 473. 475 — 477). Послѣ всѣхъ этихъ разсужденій о непопозволительности иконъ Христа, иконоборцы въ своемъ опредѣленіи дѣлаютъ такой выводъ: „да постыдятся они (иконопочитатели) впадать въ богохульство и нечестіе, да обратятся и перестанутъ изображать, любить и почитать икону (Христа), которая ошибочно называется и существуетъ подъ именемъ Христовой“ (Д. VII, 477). Разсуждая такъ, иконоборцы приходятъ естественно къ вопросу: неужели нужно оставаться безъ всякаго образа, который бы напоминалъ намъ объ Искушителѣ? Нѣтъ, у насъ есть высочайшій образъ Христа, при немъ и нужно оставаться истиннымъ ученикамъ Христа. Этотъ образъ — Евхаристія. „Готовясь предать себя приснопамятной и животворящей смерти, Христось взялъ хлѣбъ, благословилъ, произнесъ благодареніе, преломилъ и отдавая его сказалъ: *примите, ядите, сіе есть тѣло мое* (Мѡ. 26, 26. 28). Такимъ же образомъ отдавая чашу, Онъ сказалъ: *Сія есть кровь моя* (Мѡ. 26, 28): *сіе творите въ мое воспоминаніе* (Лук. 22, 19). Изъ всего находящагося подъ небомъ не упомянуто другаго вида или образа, который могъ бы изображать воплощеніе Его. Итакъ вотъ что служить иконою животворящей плоти Его! Икона эта должна быть приготавлиема съ молитвою и благоговѣніемъ. Что же хотѣлъ сдѣлать этимъ премудрый Богъ? Болѣе ничего, какъ наглядно показать и объяснить намъ, людямъ, то,

что содѣлано Имъ въ таинствѣ домостроительства. Христосъ нарочито образомъ своего воплощенія избралъ хлѣбъ, не представляющій собой подобія человѣка, чтобы не ввелось идолопоклонства“ (Д. VII, 480 — 1). Рядъ доказательствъ противъ употребленія иконъ Христа въ роопредѣленіе иконоборческаго собора заканчивается указаніемъ, что касательно употребленія ихъ нѣтъ положительной заповѣди въ церкви. „Учрежденіе иконъ Христа, говорится въ роопредѣленіи, не имѣетъ для себя основанія ни въ Христовомъ, ни въ апостольскомъ, ни въ отеческомъ преданіи; нѣтъ также и священной молитвы, освящающей ихъ, чтобы, сдѣлать ихъ изъ обыкновенныхъ предметовъ святыми; но постоянно остаются онѣ вещами обыкновенными, неимѣющими никакого особеннаго значенія, кромѣ того, какое общилъ имъ живописецъ“ (Д. VII, 486).

Послѣ того какъ соборъ развилъ рядъ доказательствъ, заимствованныхъ отъ разума человѣческаго, противъ иконъ Христа, онъ переходитъ къ раскрытію мысли: по какимъ разумнымъ основаніямъ не можетъ быть допускаемо иконъ Богоматери и прочихъ святыхъ. „Быть можетъ,—писано въ роопредѣленіи, — нѣкоторые изъ иконопочитателей скажутъ, что все сказанное нами касательно иконы Христа сказано справедливо, потому что во Христѣ нераздѣльно и неслитно соединились два естества въ одной вѣчности; но что возникаетъ недоумѣніе, почему мы порицаемъ существованіе иконъ пренепорочной Дѣвы Богородицы, пророковъ, апостоловъ, мучениковъ, такъ какъ они суть простые люди и не состоятъ изъ двухъ естествъ, Божескаго и человѣческаго, какъ это во Христѣ“ (Дѣян. VII, 489). Затѣмъ соборъ приводитъ нѣсколько доказательствъ, почему иконы Богородицы и святыхъ не должны имѣть мѣста въ церкви христіанской. 1) Если необходимо отвергнуть иконы Христа, то, послѣ того какъ отвергнуты эти иконы, было бы несправедливо признавать и какія либо другія иконы (Дѣян. VII, 490). 2) Христіанство удаляется въ своихъ воззрѣніяхъ не только отъ іудейства, отвергая жертвы, но и отъ язычества, отвергая идолодѣланіе и идолослуженіе. Между тѣмъ, еслибы христіанство приняло иконопочитаніе,

этимъ самымъ оно сблизилось бы съ язычествомъ, изобрѣтшимъ постыдное искусство дѣлать идолы. „Итакъ если въ Церкви нѣтъ ничего чуждаго (іудейскаго и языческаго), то должно извергнуть изъ нея и иконопочитаніе, какъ чуждое ей и какъ изобрѣненіе людей, преданныхъ демонамъ“ (Дѣян. VII, 492). 3) „Святые угодившіе Богу, хотя и преставились отсюда, однакожь они всегда живы для Бога; кто же чрезъ мертвое искусство хочетъ ихъ оживить, тотъ богохульствуетъ.“ Т.-е. таковыя хотятъ собственною силою оживлять ихъ, что принадлежитъ одному Богу. (Дѣян. VII, 494). 4) Художники не въ состояніи дать намъ вѣрнаго понятія ни о величайшей славѣ Богоматери, ни о блаженствѣ святыхъ; ихъ кисть не имѣетъ силы вѣрно изобразить небожителей. „Какъ можно даже осмѣлиться посредствомъ низкаго эллинскаго искусства изображать преславную Матерь Божию, въ которой вмѣстилась полнота Божества, высшую небесъ и славнѣйшую херувимъ? Или еще: какъ не стыдятся посредствомъ языческаго искусства изображать (святыхъ), имѣющихъ царствовать со Христомъ, содѣлаться сопрестольниками Ему, судить вселенную и уподобиться образу славы Его, когда ихъ, какъ говоритъ Писаніе *не бы достоинъ весь міръ* (Евр. 11, 38). 5) Вообще искусство неприлично Церкви, унижаетъ ее. „Недостойно христіанамъ, получившимъ надежду воскресенія, пользоваться обычаями народовъ, преданныхъ идолослуженію, и святыхъ, имѣющихъ возблистать такою славою, оскорблять безсловеснымъ и мертвымъ веществомъ (Дѣян. VII, 496).

Доселѣ мы разсматривали доказательства, какія иконоборцы заимствовали противъ иконъ изъ области разсудочнаго мышленія человѣческаго; теперь обратимся къ разсмотрѣнію доказательствъ, какія приводятся ими для той же цѣли изъ Св. Писанія и преданія, и какія находятся во второй части вѣроопредѣленія собора лжевселенскаго.

Иконоборческіе епископы высказываютъ полную увѣренность, что Св. Писаніе заключаетъ въ себѣ ясное и прямое запрещеніе иконопочитанія. „Ислѣдованіе Писанія, говорятъ они, не противорѣчитъ нашимъ взглядамъ, и кто не знаетъ, что говорится въ Писаніи по этому поводу, тотъ

пусть поучится изъ него, ибо оно отъ Бога“. Доказательства изъ Св. Писанія, направленные противъ иконопочитанія, иконоборцы берутъ изъ новаго и ветхаго завѣта. „Въ новозавѣтномъ писаніи говорится: *Духъ есть Богъ, и уже кланяется ему, духомъ и истинною достоинъ кланяться* (Іоан. 4, 24), и еще: *Богъ никтоже видѣ нигдѣже* (Іоан. 1, 18), и *ни гласа Его* (нигдѣ же) *слышасте, ни видѣнія Его видѣсть* (Іоан. 5, 37). Также и въ Ветхомъ Завѣтѣ сказано: *да не сотвориши себѣ кумира, ни всякаго подобія, елика на небеси горъ и елика на земли низу*“ (Втор. 5, 8). Съ точки зрѣнія этихъ изреченій Св. Писанія иконоборцы именно къ христіанскимъ иконопочитателямъ относятъ слова Апостола Павла, съ которыми онъ обращается къ язычникамъ: *И измѣниша славу нетлѣннаго Бога въ подобіе образа тлѣнна челоуѣка* (Рим. 1, 23), *и почтоша и послужиши твари паче Творца* (ст. 25. Дѣян. VII, 498—9; 501. 503). Подобно какъ Св. Писаніе, иконоборцы хотѣли и преданіе Церкви также поставить на своей сторонѣ. Съ этою цѣлію въ ихъ вѣроопредѣленіи встрѣчаемъ много свидѣтельствъ изъ писаній отцевъ Церкви, въ которыхъ они отыскивали защиту своихъ воззрѣній. Прежде всего они приводили слѣдующее свидѣтельство св. Епифанія Кипрскаго: „помните дѣти возлюбленные о томъ, что не слѣдуетъ вносить иконъ въ церкви, а также и въ усыпальницы святыхъ, но всегда памяуйте о Богѣ и держите Его въ сердцахъ своихъ. Христіанину неприлично возноситься къ Богу посредствомъ глазъ и блужденій ума“ (Дѣян. VII, 510)¹⁾. Затѣмъ иконоборцы приводили въ свою пользу свидѣтельства изъ сочиненій знаменитѣйшихъ отцевъ Церкви: Григорія Богослова, Іоанна Златоуста, Василия Великаго. Въ вѣроопредѣленіи читаемъ: „Подобнымъ образомъ и Григорій въ стихахъ своихъ говорить: „несправедливо заключать вѣру въ краскахъ, а не въ сердцахъ; потому что заключенное въ краскахъ легко стирается. Что же касается вѣры въ глубинѣ души, такъ она по сердцу мнѣ““. Іоаннъ Зла-

¹⁾ Отцы VII вселенскаго собора нашли это свидѣтельство подложнымъ. (Дѣян. VII, 510.)

тоусть учить такъ: „посредствомъ Писаній мы наслаждаемся присутствіемъ святыхъ, имѣя образы не тѣлъ, но душъ ихъ, потому что сказанное ими служитъ *образами* ихъ душъ“. Св. Василиій говоритъ: въ Писаніи находятся и увѣщанія дѣлать добрыя дѣла и предлагаются жизнеописанія блаженныхъ мужей, какъ бы нѣкоторые одушевленные *образы* богоугодной жизни, предлагаемые для подражанія“ (Дѣян. VII, 515—517). ¹⁾ Далѣе иконоборцы берутъ нужныя для ихъ цѣлей свидѣтельства изъ писаній св. Аѳанасія великаго. Въ вѣроопредѣленіи говорится: „также и Аѳанасій сказалъ: какъ не пожалѣть о почитающихъ творенія по той причинѣ, что зрячіе кланяются невидящимъ и одаренные слухомъ неслышающимъ“ (Дѣян. VII, 518) ²⁾. Далѣе въ вѣроопредѣленіи слѣдуютъ свидѣтельства изъ писаній св. Амфилохія Иконійскаго, который говорилъ: „мы заботимся не о томъ, чтобы изображать красками на доскахъ тѣлесные облики святыхъ, ибо въ нихъ мы не имѣемъ надобности, но о томъ, чтобы подражать добродѣтельной жизни ихъ“ (Дѣян. VII, 519). ³⁾ Болѣе ясное свидѣтельство въ пользу иконоборчества епископы разсматриваемаго собора находили въ сочиненіяхъ Θεодота Анкирскаго (V в.). По словамъ иконоборцевъ здѣсь находились слѣдующія слова: „мы получили наставленіе не лица святыхъ изображать на иконахъ вещественными красками, а подражать указаннымъ въ Писаніяхъ объ нихъ добродѣтелямъ ихъ, какъбы какимъ одушевленнымъ образамъ. Пусть скажутъ воздвигающіе изображенія, какой пользы достигли они чрезъ это и къ какому духовному созерцанію приходятъ отъ такого напоминанія; очевидно, что это выдумка и изобрѣтеніе пустаго коварства“ (Дѣян. VII, 528—9) ⁴⁾. Наконецъ иконоборцы въ своемъ

¹⁾ Свидѣтельства изъ сочиненій Григорія, Златоуста и Василия приводятся иконоборцами въ связи рѣчи, отрывочно, а потому невѣрно. Какъ дѣйствительно омотрѣли эти отцы Церкви на иконопочитаніе, объ этомъ мы говорили выше. См. „Происхожденіе иконоборства“.

²⁾ Рѣчь идетъ у Аѳанасія объ идолопоклонникахъ, а не объ иконопочитателяхъ (Дѣян. VII, 518).

³⁾ Истинный смыслъ словъ св. отца таковъ: намъ нужны иконы святыхъ не сами по себѣ, но потому что они поучаютъ насъ добродѣтельной жизни (Дѣян. VII, 520.)

⁴⁾ Отцы собора VII вселенскаго заявляли, что ни въ одномъ сочиненіи Θεодота подобныхъ словъ не находится (Дѣян. VII, 529—530).

въроопредѣленіи ссылаются въ защиту иконоборческихъ воззрѣній на одно посланіе Евсевія Памфіла, церковнаго историка, въ которомъ онъ порицалъ употребленіе иконъ для цѣлей религіозныхъ (Дѣян. VII, 530) ¹⁾. Изъ показаній отцевъ VII вселенскаго собора видно, что кромѣ указанныхъ сочиненій святоотеческихъ, иконоборцы на своемъ лжевселенскомъ соборѣ пользовались для доказательства правоты своего дѣла книгою подъ заглавіемъ: „Путешествія св. Апостоловъ“ (Дѣян. VII, 295. 6. 8). Въ этой книги они открыли слѣдующій любопытный разсказъ о св. Иоаннѣ Богословѣ и его ученикѣ Ликомедѣ: „живописецъ написалъ икону (Іоанна Богослова), передалъ ее Ликомеду; тотъ принялъ ее съ радостію и поставивъ ее въ спальнѣ, увѣнчалъ ее. Когда потомъ Іоаннъ узналъ объ этомъ, то сказалъ ему: любезное дитя мое! Что ты дѣлаешь въ спальнѣ, оставаясь тамъ одинъ? Не молюсь ли я вмѣстѣ съ тобою и прочими братьями? Или ты скрываешь что отъ насъ? Сказавъ это, онъ вошелъ съ нимъ въ спальню, и видитъ увѣнчанную икону старца, лежащія при ней свѣчи. Тогда, подозвавъ его, онъ сказалъ: Ликомедъ! что это значить, что у тебя находится эта икона? Кто изъ боговъ твоихъ написанъ на этой иконѣ? Я вижу, что ты живешь язычески. На это Ликомедъ отвѣтилъ ему: Богъ у меня одинъ. Но если послѣ Бога нужно называть богами и людей, нашихъ благодѣтелей, то на иконѣ изображенъ ты; тебя я и увѣнчиваю, и люблю, и почитаю, такъ какъ ты сдѣлался добрымъ моимъ путеводителемъ. Іоаннъ же, не разсмотрѣвъ еще изображенія своего лица, сказалъ ему: ты шутишь надо мною дитя мое! Какъ ты убѣдишь меня, что это изображеніе похоже на меня? Тогда Ликомедъ поднесъ ему зеркало. Увидѣвъ себя въ зеркалѣ и посмотрѣвъ на икону, онъ сказалъ: „живъ Господь Іисусъ Христосъ, что похожъ мой образъ, но ты дурно поступилъ въ этомъ случаѣ“ (Дѣян. VII, 391—2) ²⁾.

¹⁾ Отцы VII вселенскаго собора признаютъ подлинность этого свидѣтельства, но не придаютъ авторитета Евсевію, какъ аrianину (Дѣян. VII, 400).

²⁾ Сочиненіе „Путешествія Апостоловъ“ древнее: оно извѣстно было еще въ IV вѣкѣ, но отвергалось и порицалось св. отцами (напр. Амфилохіемъ Иконійскимъ), какъ сочиненіе еретическое (Дѣян. VII, 398—399).

Приведши рядъ свидѣтельствъ изъ Свящ. Писанія и святоотеческой литературы, которыя, какъ казалось иконоборцамъ, подтверждали ихъ лжеученіе, лжевселенскій соборъ приходитъ къ такому общему выводу по вопросу объ иконопочитаніи: „Итакъ мы собрали эти свидѣтельства изъ Св. Писанія и изъ отцевъ и сгруппировали въ настоящемъ нашемъ опредѣленіи, выбравъ такъ сказать изъ многого не многое, чтобы не растягивать своей рѣчи. Весьма много есть и другихъ мѣстъ, но мы охотно опустили ихъ, потому что ихъ безконечное множество. Итакъ будучи твердо поставлены изъ богодухновенныхъ писаній и отцевъ, а также утвердивъ свои ноги на камнѣ божественнаго служенія духомъ, всѣ мы облеченные саномъ священства, во имя святыя Троицы, пришли къ одному убѣжденію и единодушно опредѣляемъ, что всякая икона, сдѣланная изъ какого угодно вещества, а равно и писанная красками при помощи нечестиваго искусства живописцемъ, должна быть извергаема изъ христіанскихъ церквей; она чужда имъ и заслуживаетъ презрѣнія“ (Дѣян. VII, 542—3).

Заключительную часть вѣроопредѣленія составляютъ нѣкоторыя прещенія на иконопочитателей, на разграбителей храмовъ и восемь анаематствованій противъ иконопочитателей. По примѣру истинныхъ вселенскихъ соборовъ, выражавшихъ свои прещенія на еретиковъ, соборъ лжевселенскій угрожаетъ тѣмъ, кто будетъ держаться иконъ: если они лица духовныя, лишаются сана; если свѣтскіе, анаематствуются и подвергаются гражданскому суду. Возставая на иконопочитаніе, соборъ однакожь хочетъ устранить злоупотребленія, которыя могутъ вкрасться въ церкви, подъ видомъ исполненія этого соборнаго опредѣленія. Для устраненія подобныхъ случаевъ, соборъ опредѣляетъ: чтобы никакой предстоятель церкви подъ предлогомъ уничтоженія иконъ, не осмѣливался налагать рукъ на св. сосуды и подмѣнивать ихъ, если они будутъ украшены иконописными изображеніями. Тоже самое постановляетъ соборъ относительно священныхъ одеждъ и всего, что принадлежитъ къ богослужебнымъ предметамъ. И если кто захочетъ перемѣнить подобные сосуды и одежды, таковой долженъ дѣлать это съ

позволенія патріарха и императора. Также ни высшій, ни нисшій свѣтскій чиновникъ, какъ это иногда бывало доселѣ, не долженъ, подъ предлогомъ уничтоженія иконъ, грабить храмовъ (Дѣян. VII, 546—551). Послѣ этихъ прецеденій, въ вѣроопредѣленіи находилось 8 анаематствованій, направленныхъ противъ иконопочитателей. „1) Кто божественный образъ вочеловѣчившагося Слова осмѣлится изображать красками, тотъ анаеема. 2) Кто неизобразимыя сущность и ипостась Слова, ради Его вочеловѣченія, осмѣлится изображать въ формахъ челоуѣкообразныхъ, и не захочетъ разумѣть, что Слово и по воплощеніи неизобразимо, анаеема. 3) Кто осмѣлится начертывать на образѣ ипостасное соединеніе двухъ природъ и станеть называть изображенное Христомъ, и такимъ образомъ смѣшивать двѣ природы, анаеема. 4) Кто захочетъ изображать плоть Христа, соединившуюся съ лицомъ Слова Божія, раздѣленно и отлученно отъ самого Слова, анаеема. 5) Кто единого Христа раздѣляетъ на два лица и захочетъ начертывать рождагося отъ Дѣвы въ отдѣльности и слѣдовательно принимаетъ только относительное соединеніе природъ, анаеема. 6) Кто изображаетъ плоть Христа, обожествившуюся чрезъ соединеніе ея съ Словомъ, и такимъ образомъ отдѣляетъ ее отъ Божества, анаеема. 7) Кто будетъ Бога Слово на томъ основаніи, что Онъ принялъ на себя рабскій образъ, изображать вещественными красками, какъ бы Онъ былъ простой челоуѣкъ, и будетъ отдѣлять Его отъ нераздѣльнаго съ Нимъ Божества, вводя такимъ образомъ четверичность въ св. Троицу, тотъ анаеема. 8) Кто лики святыхъ будетъ изображать вещественными красками на бездушныхъ иконахъ, которыя ровно не приносятъ никакой пользы, ибо эта мысль (о поклоненіи иконамъ) лжива и произошла отъ діавола, и не будетъ отображать на самомъ себѣ ихъ добродѣтели, эти живые образа, тотъ анаеема“ (Дѣян. VII, 554—562).

Весьма замѣчательную черту вѣроопредѣленія лжевселенскаго собора составляетъ защита со стороны иконоборцевъ почитанія Богоматери и святыхъ угодниковъ. Соборъ счелъ нужнымъ къ прочимъ анаематствованіямъ противъ иконо-

почитателей присоединить анаематствование какъ противъ-тѣхъ, кто не признаетъ Пресвятую Дѣву Марію возвышеною надъ всякимъ видимымъ и невидимымъ (духовнымъ) твореніемъ и не вѣрять въ дѣйствительность Ея молитвъ, такъ и противъ тѣхъ, кто не признаетъ святыхъ въ ихъ достоинствѣ и не прибѣгаетъ къ ихъ молитвамъ (Дѣян. VII, 561—4). Отсюда можно догадываться, что въ обществѣ христіанъ распространились слухи, что иконоборцы отвергаютъ почитаніе пресвятой Дѣвы Маріи и святыхъ, и это анаематствование составлено соборомъ въ защиту своей партіи противъ подобныхъ обвиненій. Историческія извѣстія дѣйствительно доказываютъ, что подобныя обвиненія имѣли для себя основанія. Такъ о самомъ императорѣ Константинѣ Копронимѣ историки рассказываютъ, что однажды, стараясь доказать незаконность почитанія Богоматери, онъ вынулъ кошелекъ наполненный деньгами и показавъ его, спросилъ: „Какъ велика цѣнность этого кошелька? И когда ему отвѣчали, что онъ стоитъ очень дорого, тогда императоръ опорожнилъ кошелекъ и снова повторилъ прежній вопросъ. И когда получилъ естественный въ этомъ случаѣ отвѣтъ, противоположный первому, онъ сказалъ: „Тоже самое значеніе имѣетъ и Богородица до рожденія и послѣ рожденія отъ нея Христа, и теперь она ничѣмъ не лучше, ничѣмъ не преимуществуетъ предъ прочими женами¹⁾.“ О томъ же императорѣ рассказываютъ, что онъ склонился къ несторіанскому ученію о Богородицѣ, хотѣлъ называть ее просто Христородицею, допуская, что она родила простаго человѣка, а не Бога. Конечно и съ этой точки зрѣнія почитаніе Богородицы не имѣло мѣста. Такъ одинъ древній историкъ рассказываетъ, что императоръ въ частной бесѣдѣ съ патріархомъ (Константиномъ) спросилъ его: „не лучше ли называть Марію вмѣсто Богородицы Христородицею“? На что получилъ такой отвѣтъ отъ патріарха: „Боже сохрани, государь, чтобы ты оставался при такомъ мнѣніи; развѣ ты не знаешь, что Несторій за подобное ученіе осужденъ всею Церковію“? Императоръ просилъ патріарха молчать.

¹⁾ Cedrenus, t. II, p. 4.

объ этомъ разговорѣ, но тѣмъ не менѣ тайна огласилась ¹⁾. Носились еще слухи, что императоръ отвергаль молитвенное призываніе Богородицы и святыхъ, что онъ не одобрялъ обыкновенія давать новорожденнымъ имена въ честь святыхъ. Кромѣ того объ иконоборцахъ рассказывалось, что будто бы они вмѣсто того, чтобы говорить: мы идемъ къ такому или другому святому, положили просто выражаться: мы идемъ напримѣръ къ Θεодору, къ такому-то апостолу, къ такому-то мученику ²⁾.

Ближайшимъ слѣдствіемъ лжевселенскаго собора 754 года было то, что повсюду изъ церквей иконы были повыброшены, нѣкоторыя изъ нихъ сожжены, живопись на стѣнахъ храмовъ и мозаическія изображенія затерты известью. Не избѣгъ этой участи и великолѣпный храмъ Богородицы Влахернской въ Константинополѣ, на стѣнахъ котораго лучшими художниками изображена была вся земная жизнь Богочеловѣка, всѣ Его чудеса, всѣ событія изъ евангельской исторіи, кончая вознесеніемъ Его, а также и сошествіе св. Духа на Апостоловъ. Чтобы стѣны храмовъ не оставались голыми, приказано было изображать на нихъ обыкновенные ландшафты, также разрисовывать изображеніями птицъ и плодовыхъ деревьевъ; и, какъ говорить одинъ жизнеописатель того времени, храмы превратились въ птичники и фруктовые лабазы. Также поступлено было и со всѣми общественными зданіями и дворцами, гдѣ не было недостатка въ священнымъ изображеніяхъ; въ этихъ мѣстахъ св. изображенія были уничтожены, между тѣмъ, какъ говорить тотъ же жизнеописатель, „сатанинскія изображенія всадниковъ, охотничьихъ сценъ, театральныхъ зрѣлищъ, конскихъ ристалищъ, оставались въ почетѣ и сберегались“ ³⁾. Сами патріархи константинопольскіе не уступали императору въ ревности къ уничтоженію св. иконъ. Такъ о патріархѣ Никитѣ извѣстно, что онъ приказалъ закрасить

¹⁾ Theophanes, p. 883—4. Cedrenus, ibidem. p. 14.

²⁾ Vita S. Stephani (Neander, S. 119).

³⁾ Гефеле въ „Исторія соборовъ“ стр. 491. В. III, Ausg. 1859. Glycas, p. 526.

иконы во всей своей патриаршей палатѣ ¹⁾). Иконоборческая ревность простиралась такъ далеко, что враги иконъ дозволяли себѣ жечь книги, украшенныя священными изображениями, и рвать книги, въ которыхъ говорилось о почитаніи св. иконъ. Такъ скевофилаксъ (сосудохраниль) при Софійской Константинопольской церкви позднѣе заявлялъ, что въ ризницѣ онъ нашелъ двѣ книги, обложенныя золотыми изображениями; онѣ оказались прожженными: знакъ, что ихъ иконоборцы ввергали въ огонь. Левъ епископъ фокійскій также свидѣтельствуетъ, что въ его епархіальномъ городѣ сожжено было иконоборцами 30 книгъ. Упомянутый скевофилаксъ еще заявлялъ, что въ его рукахъ есть книги, въ которыхъ иконоборцами вырѣзаны были листы, гдѣ говорилось о почитаніи св. иконъ, при чемъ представленъ былъ и образецъ подобной книги (дѣло происходило на VII вселенскомъ соборѣ). Тоже самое заявляли и другіе свидѣтели иконоборческаго царствованія Копронимова (Дѣян. VII, 408. 411. 413).

Отъ гоненія на иконы императоръ Константинъ постепенно переходитъ и къ гоненію на св. мощи, — онъ повелѣлъ повсюду ихъ выбрасывать. Такъ рассказываютъ, что мощи высокопочитаемой святой мученицы Евфиміи извлечены были изъ храма, въ которомъ происходилъ четвертый вселенскій соборъ (въ Халкидонѣ), и вмѣстѣ съ гробницею ввержены въ море, а великолѣпный храмъ, посвященный ея имени, обращенъ въ цейхаусъ ²⁾). Императору Константину приписываютъ и другія мѣры, направленныя къ ослабленію религіознаго духа въ народѣ. Запрещено будто бы было даже простое молитвенное воззваніе къ Богородицѣ: „Пресвятая Богородица помоги мнѣ“; не позволено было слишкомъ часто посѣщать храмовъ Божіихъ, отпралять всенощное бдѣніе и проводить безбрачную жизнь; во всѣхъ этихъ случаяхъ виновные судились и наказывались, какъ тяжкіе политическіе преступники ³⁾).

1) Theophanes, p. 895. Cedrenus p. 16.

2) Theophanes, p. 886. 887.

3) Theophanes, p. 892.

Самыми смѣлыми, рѣшительными и мужественными противниками мѣръ и распоряженій собора и императора Константина были монахи. Смѣлость и мужество ихъ часто переходили въ дерзновеніе, которое утрашало самого императора. Во главѣ другихъ монаховъ въ данномъ отношеніи стоялъ св. Стефанъ, называемый новымъ въ отличіе отъ первомученика архидіакона Стефана ¹⁾. О немъ рассказываютъ, что представши предъ лице императора, онъ вынулъ изъ своего клобука монету и сказалъ: „какое наказаніе заслужу я, если эту монету, носящую изображеніе императора, брошу на землю и стану топтать ногами? Отсюда ты можешь видѣть, продолжалъ онъ, какого наказанія достоинъ тотъ, кто Христа и Его св. Матерь оскорбляетъ на образахъ“. Затѣмъ онъ бросилъ монету на полъ и началъ топтать ее ногами. Императоръ приказалъ ввергнуть его въ темницу ²⁾. Не меньше дерзновенія показалъ и другой монахъ Петръ, прозванный Коливитомъ. Онъ не убоился въ лицо назвать императора за иконоборчество новымъ Валентомъ (имя аріанскаго императора) и Юліаномъ ³⁾. Ревность монаховъ, проявившаяся въ такихъ и другихъ подобныхъ фактахъ, оказывала сильное вліяніе на умы христіанскаго общества. Среди общаго потворства императору со стороны духовенства, одни монахи явили себя неустрашимыми ревнителями православія.

Такъ какъ монашество въ византійскомъ государствѣ было главнымъ врагомъ иконоборчества, то императоръ рѣшился во что бы то ни стало стереть съ лица земли это учрежденіе. Императоръ считалъ и называлъ монаховъ распространителями идолопоклонства, представителями обскурантизма, чадами тьмы. Онъ рѣшился закрыть всѣ монастыри. Онъ отдавалъ монастыри подъ казармы. Такъ знаменитѣй-

---

¹⁾ Житіе св. Стефана Новаго подробно описано въ *Душеп. Читеніе* за 1860 г. Ч. III, стр. 265—302.

²⁾ Vita S. Stephani (Neander, S. 120).

³⁾ Theophanes, 872. Теофанъ называетъ этого монаха Андреемъ, но Гефеле въ „Исторіи соборовъ“ поправляетъ Теофана, доказывая, что такое обличеніе сдѣлано другимъ монахомъ, по имени Петромъ (Гефеле, S. 495. 496).

шій въ Византіи монастырь Далматскій отданъ былъ въ распоряженіе солдатъ; другіе монастыри въ столицѣ были разрушены до основанія ¹⁾. Отъ самихъ монаховъ онъ требовалъ, чтобы они носили мірское платье и вступали въ браки; послушнымъ обѣщаны были милости, деньги, почетныя должности въ войскѣ и въ гражданскомъ управленіи. Между монахами нашлись такіе, которые соблазнились льстивыми обѣщаніями императора ²⁾. Твердые же изъ монаховъ должны были переносить всевозможныя муки и оскорбленія. Въ видахъ осмѣанія монашества, императоръ приказалъ связать попарно монаховъ съ монахинями и водить по цирку, при чемъ публикѣ позволено было плевать и издѣваться надъ страдальцами ³⁾. До чего доходила жестокость въ преслѣдованіи монаховъ, это видно изъ тѣхъ казней, какимъ подвергали ихъ. Такъ случалось, что монахамъ разбивали головы на тѣхъ самыхъ иконахъ, на защиту которыхъ они выступали ⁴⁾.

Императоръ въ ревности и жестокости преслѣдованія монашества нашелъ себѣ пособниковъ въ правителяхъ провинцій. Особенною неумолимостію въ гоненіи на монаховъ прославился правитель Фракійской провинціи Михаилъ Лахандраконъ, который сталъ извѣстенъ съ именемъ дракона. Сначала онъ призвалъ къ себѣ всѣхъ монаховъ, которые находились въ подвѣдомственной ему области, и объявилъ имъ: „вы должны слушаться императора и меня, надѣть свѣтское платье и вступить въ бракъ; кто же не послушается, тому выколоты будутъ глаза и грозить ссылка“. Затѣмъ отъ словъ онъ переходитъ къ самому дѣлу. Онъ отобралъ отъ монаховъ всѣ ихъ монастыри съ принадлежащимъ имъ имуществомъ: св. сосудами, книгами, землями, стадами, и все это распродалъ, а выручку послалъ въ даръ императору. Святоотеческія творенія и сочиненія монаховъ предавалъ пламени. Запретилъ употреблять ладонки съ св. мощами; самыя ладонки онъ сжигалъ, и носившихъ оныя подвергалъ муче-

1) Theophanes, *ibidem*, p. 894.

2) Nicephorus *patr.*, p. 80 (*Breviarium historicum*, edit. Bonn.).

3) Theophanes, p. 881.

4) Nicephorus, *ibidem*, p. 80.

ніямъ. Монахамъ при этомъ досталось болѣе всего: имъ выкалывали глаза, ихъ умерщвляли, сѣкли розгами, нѣкоторымъ изъ нихъ намазывали бороды горючими веществами и потомъ зажигали ихъ, опаляя кромѣ бороды и самое лице. Подвиги Михаила увѣнчались успѣхомъ. Во всей Фракійской провинціи не стало болѣе видно ни одного монаха въ черной монашеской рясѣ. Императоръ объявилъ Михаилу за это свое монаршее благоволеніе. Это послужило къ тому, что и другіе правители провинцій пошли по слѣдамъ Михаила Лаханодрокона ¹⁾. Болѣе мужественныя въ исповѣданіи православія, и лица мірскаго сословія также не мало претерпѣли гоненій въ царствованіе Копронима. Нѣкоторыхъ изъ нихъ, подобно тому какъ это было съ монахами, водили для посрамленія по цирку, гдѣ они подвергались оплеванію и осмѣянію. Избожденіе глазъ, отрѣзываніе носа, наказаніе розгами были обыкновенными казнями, которымъ подвергались эти страдальцы ²⁾. Вообще гоненіе на православныхъ при Копронимѣ было такъ сильно, что оно напоминало собою жесточайшее изъ гоненій языческихъ императоровъ на христіанъ, Діоклитіаново ³⁾.

Во время борьбы иконоборцевъ съ православными императоръ приходитъ къ мысли потребовать отъ всѣхъ своихъ подданныхъ клятвы въ томъ, что они отказываются впередъ отъ почитанія иконъ. Съ этою цѣлію онъ собралъ жителей Константинополя и ближайшихъ къ нему мѣстъ; на публичномъ мѣстѣ поставлены были: Евангеліе, крестъ и св. Евхаристія; всѣ должны были принести присягу, что они отвергаютъ иконопочитаніе, что каждую икону, они считаютъ за идольскій образъ, что они не будутъ имѣть общенія съ монахами, но что каждую недостойную черную монашескую фигуру будутъ преслѣдовать насмѣшками и камнями. Эту клятву, рассказываютъ, прежде всѣхъ въ образецъ другимъ произнесъ самъ патріархъ Константинъ, стоя на амвонѣ съ крестомъ въ рукѣ, послѣ чего патріархъ, несмотря на свое

¹⁾ Theophanes p. 887, 892—899. Cedrenus, p. 15, 16.

²⁾ Theophanes, p. 882—3.

³⁾ Гефеле въ „Исторіи соборовъ“, S. 494.

монашество, сталъ вести обыкновенную мірскую жизнь¹⁾. Требовалась ли подобная клятва отъ народа въ провинціяхъ, остается неизвѣстнымъ.

Нужно замѣтить впрочемъ, что все рассказанное объ иконоборческихъ насиліяхъ Константина Копронима, относится лишь къ патріархату константинопольскому. Въ гораздо болѣе благоприятныхъ условіяхъ оставалось иконопочитаніе въ другихъ патріархатахъ и на западѣ. Три остальные восточные патріархата, находясь подъ мусульманскимъ владычествомъ, не только не подчинялись императорскимъ распоряженіямъ, но и собирали соборы для искоренія зла и свидѣльствованія своихъ противоположныхъ православныхъ воззрѣній. Тоже самое было и на западѣ, куда власть императорская въ это время почти вовсе не простиралась. Папа Стефанъ III собираетъ въ 769 году соборъ Латеранскій, на которомъ отвергнуты опредѣленія лжевселенскаго константинопольскаго собора и подтверждено иконопочитаніе²⁾.

---

¹⁾ Theophanes, p. 879—881. Cedrenus, p. 13. Гефеле, S. 503.

²⁾ Гефеле, S. 504—7, 512 и д.

III. Никейскій вселенскій соборъ 787 года.

Перемѣна дѣлъ къ лучшему.—Причины, условливавшія возможность торжества иконопочитанія.—Значеніе императрицы Ирины и ея дѣятельность въ пользу православія.—Необходимость созванія вселенскаго собора: патриархи Павелъ и Тарасій.—Несостоявшійся соборъ вселенскій въ Константинополѣ.—Открытіе собора вселенскаго въ Никеѣ и составъ его.—Восоединеніе съ церковью на соборѣ епископовъ иконоборцевъ: три класса ихъ.—Разсужденія собора по вопросу объ иконопочитаніи: польза иконопочитанія; отношеніе искусства къ религіи христіанской; уясненіе истиннаго понятія о почитаніи св. иконъ; результатъ.—Судъ надъ иконоборчествомъ вообще.—Разборъ вѣроопредѣленія же-вселенскаго собора Копронома.—Православное вѣроопредѣленіе, провозглашеніе и утвержденіе его.—Похвальная рѣчь собору.

Иконоборство поддерживалось въ церкви болѣе всего мѣрами свѣтскими; поэтому когда во главѣ Византійской имперіи стояли императоры иконоборцы, иконоборство торжествовало. Такъ было въ царствованіе Льва Исаврянина и сына его Константина Копронима. Но лишь только умерли эти ревностные иконоборцы, возсѣдавшіе на тронѣ царскомъ и управленіе имперіею перешло въ руки Льва IV (775—780 г.), который не очень былъ заинтересованъ борьбою съ иконопочитателями, какъ приверженцы иконопочитанія начинаютъ пріобрѣтать все больше и больше значенія, а иконоборцы теряютъ свою силу и вліяніе. Не поддерживаемое со внѣ, иконоборство необходимо уступало мѣсто приверженцамъ иконопочитанія. Это обнаружилось съ достаточною ясностію въ царствованіе названнаго нами императора Льва IV. Императоръ Левъ мало вмѣшивался въ споры иконопочитателей съ иконоборцами, и это дало возможность

сейчасъ же усилиться сторонѣ иконопочитателей, которые были многочисленны и всегда сильны своею внутреннею, сокрытою силою. Церковь православная свободнѣе вздохнула въ царствованіе Льва, и тотчасъ же обнаружались признаки, по которымъ можно было судить, что многолѣтняя борьба иконоборцевъ императоровъ съ иконопочитателями имѣла мало успѣха. Въ самомъ дѣлѣ, какъ скоро прекратились гоненія на иконопочитателей, монахи иконопочитатели возвращаются изъ своего изгнанія; высшія церковныя каѳедры, митрополичьи, во многихъ мѣстахъ занимаются монахами, конечно, потому, что съ желаніемъ общества христіанскаго было согласнѣе имѣть пастырей иконопочитателей, какими были монахи, а не иконоборцевъ ¹⁾. При самомъ царскомъ дворѣ число высшихъ сановниковъ, принадлежавшихъ къ иконопочитателямъ, стало замѣтно возрастать. Иконопочитателями были нѣкоторые камергеры и воинскіе начальники, каковыми были напр. Іаковъ, Папій, Стратегій, Теофилъ, Левъ, Тома. Правда, этимъ лицамъ пришлось недешево поплатиться за свое сочувствіе иконопочитанію: императоръ Левъ не оставилъ ихъ безъ наказанія, когда они начали выказывать дерзновеніе и открыто обнаруживать свое отвращеніе отъ иконоборства; но все же появленіе такихъ лицъ вокругъ императорскаго трона показывало, что придворная среда начала мало по малу освобождаться отъ иконоборческихъ элементовъ ²⁾. Что же касается до народа, то въ средѣ его никогда, даже въ самыя тяжелыя времена, не оскудѣвала вѣра въ святость иконъ, не ослабѣвала привязанность къ почитанію ихъ. Скрытое почитаніе иконъ всегда держалось въ массахъ народа: его не могли искоренить никакія мѣры правительства. Въ житіи св. Стефана новаго, пострадавшаго за почитаніе иконъ при императорѣ Константинѣ, встрѣчаемъ замѣчательный примѣръ такого негласнаго поклоненія иконамъ въ народѣ. Когда Стефанъ былъ заключенъ въ темницу въ Константи-

¹⁾ Theophanes, Chronographia, p. 905 (Migne. Curs. patr. t. 108, graeca ser.).

²⁾ Theophanes, Chronographia, ibid., p. 913.

нополѣ, то жена тюремщика принесла ему сокровенно хранимыя ею иконы Богоматери и Апостоловъ Петра и Павла, поклонилась имъ въ присутствіи Стефана, въ удостовѣреніе того, что она дѣйствительно была иконопочитательницею, и передала ему оныя для совершенія предъ ними молитвъ ¹⁾. Къ такимъ тайнымъ иконопочитателямъ принадлежало большинство народа ²⁾. Значить, нужно было только не стѣснять иконопочитателей, не поддерживать иконоборство мѣрами государственными, и иконопочитаніе въ обществѣ христіанскомъ могло возстановиться весьма легко. Важнѣйшимъ лицомъ, давшимъ уже въ царствованіе Льва IV значеніе, вѣсь, и силу иконопочитанію, была сама супруга императора Ирина, впоследствии прославившая себя созваніемъ VII вселенскаго собора. Она была ревностная иконопочитательница. Воспитанная въ Аѳинахъ въ семействѣ иконопочитателей, она не отказалась отъ иконопочитанія, когда сдѣлалась супругою иконоборца Льва и принуждена была жить среди иконоборцевъ. Она тайно воздавала поклоненіе иконамъ, и не смотря на опасность имѣла въ своей опочивальнѣ подъ подушкой два образа. Ея вліяніе конечно много способствовало тому, что иконопочитатели воскресаютъ духомъ еще при Львѣ. Императрица Ирина за свою приверженность къ иконамъ потерпѣла гоненіе отъ своего мужа: она удалена была изъ дворца, но это только на время задержало готовившееся послѣдовать торжество иконопочитателей ³⁾.

Смерть императора Льва и восшествіе на престолъ Ирины вмѣстѣ съ малолѣтнимъ сыномъ Ея Константиномъ (780 г.) разомъ измѣнило положеніе церковныхъ дѣлъ. То, зачатки чего видимъ уже въ царствованіе Льва, съ водареніемъ Ирины приносятъ свой плодъ: иконопочитаніе торжествуетъ побѣду надъ иконоборствомъ. Императрица не предпри-

---

1) Житіе св. Стефана Новаго (*Душеполезное чтеніе*, 1860 г., часть 3, стр., 293—4).

2) Какъ утверждаетъ и протестанскій историкъ Неандеръ (Neander, *Allgemeine Geschichte der christlich. Religion und Kirche*, II, S. 120. Ausgabe 1856).

3) Cedrenus. *Compendium historiarum*, tomus II, p. 19. 20 (Edit. Bon).

нимаеъ никакихъ насильственныхъ мѣръ противъ иконоборцевъ, какъ это дѣлали Левъ Исаврянинъ, Копронимъ и отчасти Левъ IV по отношенію къ иконопочитателямъ, но благоразумно предоставляетъ самой истинѣ восторжествовать надъ заблужденіемъ. Этимъ, безъ сомнѣнія, прежде всего нужно объяснять, почему возстановленіе св. иконъ при Иринѣ произошло, говоря сравнительно, спокойно. Для утвержденія иконопочитанія Ирина не сдѣлала ничего такого, что могло бы возбуждать фанатизмъ иконоборцевъ. Она дѣлала въ своихъ цѣляхъ только то, чего требовало само христіанское общество: возвратила изъ ссылки всѣхъ монаховъ, передала въ руки ихъ большинство епископскихъ кафедръ, слѣдовательно продолжила то, что было предначато при императорѣ Львѣ. Монахи естественно заслуживали почестей, какія теперь имъ возданы чрезъ назначеніе ихъ на архіерейскія кафедры, ибо они не щадили своей жизни, своей крови въ борьбѣ съ иконоборцами и почти одни стояли за иконопочитаніе, когда большинство духовенства поддерживало иконоборческихъ императоровъ. О той же императрицѣ Иринѣ извѣстно, что она возвратила св. мощамъ, которыя попирали иконоборческіе императоры, почести и храмы, изъ которыхъ онѣ были извержены. Такъ она съ торжествомъ перенесла мощи св. мученицы Евѣиміи съ о. Лемноса въ Халкидонъ, гдѣ онѣ покоились въ храмѣ, посвященномъ ея имени еще во времена Халкидонскаго IV вселенскаго собора, но откуда онѣ извлечены были и ввержены въ море иконоборцами ¹⁾.

Но этимъ немногимъ, что сдѣлано было Ириной для торжества иконопочитанія, по ревности своей къ вѣрѣ, она не ограничилась. Императрица торжественно захотѣла провозгласить истину иконопочитанія и для этого выбрано было самое лучшее средство—вселенскій соборъ. Этотъ соборъ былъ тѣмъ необходимымъ, что соборъ, созданный въ царствованіе Копронима и объявившій себя противъ иконъ къ соблазну вѣрующихъ, наименованъ былъ VII вселенскимъ соборомъ: нужно было ложному вселенскому собору проти-

¹⁾ Theophanes, 886—887.

вопоставить истинный. Къ этому присоединилась и другая важная причина, которая дѣлала созваніе собора вселенскаго неизбѣжнымъ. Патріархъ константинопольскій Павелъ, избранный еще императоромъ Львомъ, и державшій себя сообразно съ требованіями иконоборчества, вдругъ въ 784 г., въ августѣ, оставилъ свой архипастырскій престоль, надѣлъ на себя монашеское платье и не хотѣлъ болѣе править церковью. Причиною такого поступка, какъ оказалось, было то, что патріархъ почувствовалъ угрызеніе совѣсти, глубокое раскаяніе въ своей иконоборческой дѣятельности. Нужно сказать, что Павелъ до патріаршества былъ иконопочитателемъ, но во время принятія на себя патріаршескаго сана, по слабости воли, уступилъ волѣ императора, давъ клятву, что онъ признаетъ иконоборчество за истину; по всей вѣроятности въ царствованіе Ирины, когда иконопочитатели уже не тайно, но явно стали исповѣдывать свое ученіе, въ Павлѣ проснулось его прежнее сочувствіе къ иконопочитанію, вступило въ борьбу съ тѣми стремленіями иконоборческими, какія возбудилъ въ немъ императоръ Левъ: онъ потерялъ миръ душевный, совѣсть смутилась; въ борьбѣ съ самимъ собою, Павелъ не нашелъ лучшаго средства къ успокоенію своего духа, какъ заключиться совершенно въ монастырь и оплакивать свои грѣхи. Императрица сильно поражена была неожиданнымъ поступкомъ патріарха Павла, сама вмѣстѣ съ сыномъ отправляется въ монастырь, куда заключился онъ, просить его возвратиться къ осиротѣвшей паствѣ, просить обьяснить, почему онъ такъ поступилъ? Патріархъ отвѣчалъ со слезами: „О еслибы я и совѣмъ никогда не возсѣдалъ на патріаршемъ тронѣ Константинопольскомъ, ибо церковь эта во зло употребляла свою власть, за что и была въ отлученіи отъ всѣхъ церквей“ (Патріархъ разумѣлъ иконоборческую тираннію). Въ первое время императрица еще не отчаявалась въ возвращеніи патріарха къ своей паствѣ, почему съ подобною просьбою и отправляетъ къ нему нѣкоторыхъ сенаторовъ и патрициевъ, но отвѣтъ патріарха былъ одинъ и тотъ же. Къ этому Павелъ присоединилъ еще мысль, чтобы собранъ былъ соборъ вселенскій для возстановленія иконопочитанія. Онъ говорилъ этимъ

посланнымъ отъ императрицы: „Если не будетъ созванъ вселенскій соборъ и не будетъ искоренено господствующее заблужденіе, то не надѣйтесь получить спасеніе“. Когда же ему замѣтили посланные: „зачѣмъ же ты при посвященіи далъ письменное клятвенное обѣщаніе, что никогда не будешь почитать св. иконъ“? на это патріархъ сказалъ: „это-то и есть истинная причина моихъ слезъ, это-то и побудило меня наложить на себя покаяніе и молить Бога о прощеніи“. Больной и душевно и тѣлесно, патріархъ вскорѣ скончался ¹⁾). Приступлено было къ избранію новаго патріарха. Императрица остановила свое вниманіе на Тарасіи, мужѣ благочестивомъ, глубоко образованномъ, состоявшемъ въ чинѣ государственнаго секретаря ²⁾). Высокая честь! Ирина полагала, что Тарасій охотно приметъ на себя почетнѣйшій санъ, но не то встрѣтила она на первыхъ порахъ. Онъ рѣшительно отказывался отъ патріаршества, несмотря на то, что общій голосъ сената и духовенства склонялся въ его пользу. Когда императрица призвала къ себѣ Тарасія для объявленія своей воли и воли государства и церкви, Тарасій не хотѣлъ брать на себя предлагаемаго сана, ссылаясь на то, что санъ слишкомъ высокъ, а онъ, какъ человѣкъ свѣтскій, мало приготовленъ къ нему. Зная Тарасія за человѣка благочестиваго и свѣдущаго въ богословіи, императрица не признала справедливыми доводы его и настоятельно требовала, чтобы онъ объяснилъ ей дѣйствительную причину, почему онъ отказывается отъ патріаршества. Тогда Тарасій прямо уже объявилъ, почему ему не хочется брать на себя бремя правленія Константинопольскою церковію. Онъ сказалъ: „смотрю я и вижу: церковь Христова разсѣкается и разрывается, и мы (Константинопольская церковь) въ одно время говоримъ такъ, въ другое иначе (по вопросу объ иконопочитаніи), а восточные единовѣрцы наши (остальные патріаршества восточныя) не такъ, какъ мы; съ ними

¹⁾ Theophanes. Chronographia, ibidem, p. 913. 921. Дѣян. т. VII. стр. 75—76.

²⁾ Нужно знать, что въ Византіи свѣтскіе люди были хорошо свѣдущи въ богословіи: человѣкомъ образованнымъ здѣсь считался только такой человѣкъ, который вмѣстѣ съ другими науками изучилъ и богословіе; поэтому не представлялось затрудненія изъ лицъ свѣтскихъ выбирать патріарховъ.

согласны и христіане Запада, и мы отчуждены отъ всѣхъ и каждый день анаематствуемъ всѣми. Поэтому я требую, чтобы созванъ былъ вселенскій соборъ* для возстановленія истины. Изъ этихъ словъ Тарасія видно, что онъ хотѣлъ принять патріаршество, на единственномъ условіи, если будетъ созванъ соборъ для возстановленія иконопочитанія. Выслушавъ лично объясненія Тарасія, императрица вывела его предъ лицо сената и духовенства, собравшихся для избранія патріарха въ Мангаврскомъ дворцѣ. Патріархъ и предъ лицомъ собора въ сильной и выразительной рѣчи объявилъ свое непреклонное желаніе, чтобы созванъ былъ соборъ вселенскій для утвержденія иконопочитанія, если только хотятъ, чтобы онъ, Тарасій, непременно принялъ на себя патріаршество. „Если защитники православія, императоры (т. е. императрица и ея сынъ) повелятъ внять моею справедливою просьбѣ о созваніи собора вселенскаго, то уступлю и я, исполню ихъ повелѣнія и принимаю вашъ выборъ“, говорилъ Тарасій. „Если же нѣтъ, то я нахожу невозможнымъ сдѣлать этого, чтобы не поднасть подъ анаему и не быть осужденнымъ въ день (пришествія) праведнаго Судіи всѣхъ, когда не могутъ выручить меня ни императоры, ни священники, ни начальники, ни толпа народа. Отвѣтите братія на мою просьбу такъ, какъ лучше и какъ вамъ угодно“. Всѣ, за исключеніемъ немногихъ, признали требованіе Тарасія справедливымъ и изъявили согласіе на созваніе собора. Что же касается до тѣхъ немногихъ, которые не хотѣли собора, то эти указывали на то, что не слѣдуетъ быть собору, когда былъ уже соборъ вселенскій при Копронимѣ и когда церковь уже выразила свой взглядъ по вопросу объ иконопочитаніи. Подобнымъ возраженіямъ Тарасій сказалъ, что соборъ Копронимовъ созванъ былъ при условіяхъ неблагопріятныхъ для выраженія истины, потому что иконы повсюду уже были низвержены въ имперіи еще въ царствованіе Льва Исаврянина, да развѣ какое постановленіе можетъ связывать истину? (Д. VII, 76. 77. 57—59). Когда мысль о созваніи собора была принята императрицею Ириною, Тарасій былъ посвященъ въ патріархи, въ день Рождества Христова 784 года.

Новый патріархъ Тарасій со всею ревностію принялся за осуществленіе задачи—созвать вселенскій соборъ. Но устроить соборъ скоро нельзя было: нужно было снестись грамотами съ папою и со всѣми восточными патріархами. Но этого нельзя было сдѣлать въ скорости: для папы нужно было удостовѣреніе, что новый патріархъ дѣйствительно православный, а такія свѣдѣнія за отдаленностію не скоро могли быть собраны на Западѣ; что же касается до восточныхъ патріарховъ, то сношенія съ ними были затруднительны; ибо патріархаты: Александрійскій, Антиохійскій и Іерусалимскій находились подъ властію Сарацинъ, а Сарацины подозрительно смотрѣли на сношенія патріарховъ съ Константинополемъ, видя въ оныхъ политическія козни. Какъ бы то ни было, къ срединѣ 786 года всѣ необходимыя приготовленія къ собору вселенскому сдѣланы. Императрица усердно упрашивала прибыть папу Адріана I самолично на соборъ. „Просимъ ваше отеческое блаженство посвятить себя дѣлу (провозглашенія истины), прибыть въ Константинополь для установленія древняго преданія о почитаніи св. иконъ. Сдѣлать это есть обязанность вашего блаженства. Итакъ да придетъ первый священникъ, предсѣдательствующій на каедрѣ и вмѣсто всехвальнаго Петра да явится въ кругу всѣхъ находящихся здѣсь священниковъ“. Такъ писала императрица Адріану. При этомъ она выражала увѣреніе, что папѣ во время пути, въ самомъ Константинополѣ и во время обратнаго пути въ Римъ будутъ доставлены всѣ удобства, честь и великолѣпіе (Д. VII, 54 — 56). Но папа по обыкновенію отказался отъ чести быть на соборѣ и послалъ легатами протопресвитера Петра и игумена Петра. Представителями отъ патріарховъ Александрійскаго и Антиохійскаго были патріаршіе синкеллы пресвитеры Іоаннъ и Ѳома (Д. VII, 359. 205); они привезли съ собою посланіе отъ патріарха іерусалимскаго, которое выражало согласіе на утвержденіе иконопочитанія ¹⁾. Собралась и епископы Константинопольскаго патріархата въ столицу. Соборъ вселенскій предположено было открыть

¹⁾ Гефеле въ „Исторіи Соборовъ“ (Band III. S. 537. Ausgabe 1858).

лѣтомъ 786 года, въ Константинополѣ, въ храмѣ св. Апостоловъ, въ храмѣ, который отличался древностію и великолѣпіемъ. Онъ построенъ былъ еще императоромъ Константиномъ великимъ, возобновленъ и роскошно отдѣланъ Юстиніаномъ, былъ усыпальницею Византійскихъ императоровъ и патріарховъ ¹⁾).

Но собору не суждено было совершить своего дѣла лѣтомъ 786 года въ Константинополѣ. Нѣкоторые изъ иконоборческихъ епископовъ не могли равнодушно сносить готовящагося торжества иконопочитанія; рѣшившись всячески мѣшать собраться и состояться собору, они возымѣли на мѣрzenie „плотно стоять за низверженіе и порицаніе честныхъ иконъ“. Сами по себѣ эти епископы были не опасны для дѣла иконопочитателей, но опасно было то, что епископы иконоборцы опирались въ своихъ затѣяхъ на войско и въ особенности на императорскую гвардію. Войско искренно было предано прежнимъ императорамъ Льву III и Константину Копровичу, потому что они были прекрасные полководцы и подъ ихъ предводительствомъ оно не разъ пожинало лавры побѣды надъ врагами. Епископы иконоборцы, говоримъ, были сильны, благодаря тому сочувствію, какимъ память иконоборцевъ императоровъ пользовалась въ войскѣ. Лишь только сдѣланы были всѣ приготовленія къ открытію собора вселенскаго, эти епископы въ разныхъ мѣстахъ Константинополя начали собирать соборы или сборища, на которыхъ изобрѣтались различныя козни противъ патріарха Тарасія и его православнаго дѣла. Услышавъ объ этихъ сборищахъ, патріархъ объявилъ зачинщикамъ оныхъ, что въ Константинополѣ власть собирать соборы имѣетъ одинъ только онъ, Тарасій; по правиламъ епископы, дѣлающіе соборы въ епархіи другаго епископа безъ вѣдома мѣстнаго іерарха, подлежатъ отлученію. Епископы усмирились, но не усмирилось войско, которое ихъ поддерживало. Наканунѣ открытія (31 іюля) собора вселенскаго, вспыхнулъ бунтъ въ Константинополѣ въ средѣ войска, пропитаннаго иконоборческими идеями. „Войско бунтовало, солдаты неистов-

¹⁾ Ibidem, S. 539.

ствовали и пришедши въ крещальню (преддверіе) кафедральной церкви, кричали каждый свое, но всё заканчивали однимъ: не бывать собору“. Объ этомъ дано было знать императрицѣ; возникъ вопросъ: возможно ли при такихъ условіяхъ быть собору вселенскому; но императрица, несмотря на опасность для собора, рѣшила открыть соборъ на другой день. Отцы собрались въ храмъ св. Апостоловъ. Начались было самыя разсужденія отцевъ: патріархъ и нѣкоторые епископы сказали рѣчи въ пользу иконопочитанія, послѣ чего занялись вопросомъ касательно собора, бывшаго при Копронимѣ: можно ли считать его вселенскимъ, когда на немъ не было представителей остальныхъ патріаршихъ кафедръ и папской? Лишь только начались пренія по этому вопросу, какъ войско подступило къ церкви св. Апостолѣвъ и подняло крикъ. Епископы иконоборческіе также пристали къ сторонѣ бунтовщиковъ. Опасность немалая грозила отцамъ со стороны разъяреннаго войска. Въ послѣдствіи, на VII вселенскомъ соборѣ Тарасій заявлялъ, что только рука Божія спасла его и другихъ православныхъ епископовъ отъ войска, „исполненнаго желчи и гнѣва“. Тогда императрица увидѣла, что соборъ въ настоящую минуту былъ невозможенъ и приказала разойтись отцамъ. Какъ кажется, нѣкоторые изъ тѣхъ епископовъ, которые были на соборѣ, но которые скрывали свое иконоборчество, поняли распоряженіе императрицы въ томъ смыслѣ, что она изъявляетъ благорасположеніе къ иконоборцамъ, и потому они тотчасъ же и сами присоединились къ бунтовщикамъ. Бунтовщики объявили, что послѣ собора Копронимова не должно быть еще вселенскому собору по вопросу объ иконахъ. Ирина на первый разъ не приняла никакихъ крутыхъ мѣръ противъ непослушнаго войска; подобныя мѣры могли послужить къ междуусобію. Она просто оставила безъ вниманія мятежниковъ; они много кричали, въ этотъ день, но наконецъ должны были разойтись, ибо естественный голодъ напомнилъ имъ, что давно уже прошелъ часъ обѣда. Бунтъ войска давалъ императрицѣ понять, что прежде чѣмъ собрать снова вселенскій соборъ, нужно устранить войска. съ этою цѣлю императрица объявила походъ на Агарянъ.

(мусульманъ); войска вышли изъ Константинополя, но затѣмъ императрица отмѣнила походъ, о которомъ она и не думала и который былъ только предлогомъ, что бы удалить войско изъ столицы, и распустила полки по домамъ. Такимъ образомъ главная опасность для будущаго собора устранена. Тѣмъ не менѣе Ирина не рѣшилась вскорѣ созывать соборъ. Нужно было, чтобы прошло болѣе или менѣе продолжительное время и чтобы успокоилось народное волненіе. Положено было созвать соборъ черезъ годъ. Найдено было нужнымъ избрать другой какой-либо городъ для созванія собора помимо Константинополя, ибо въ столицѣ болѣе чѣмъ въ какомъ-либо другомъ городѣ сохранилась въ обществѣ иконоборческая закваска. Такимъ городомъ выбрана была Никея, славная памятью перваго вселенскаго собора, удобная по своимъ путямъ сообщенія, не особенно удаленная отъ Константинополя (Д. VII, 60—62).

Никея имѣла счастье видѣть въ стѣнахъ своихъ, такимъ образомъ, собраніе какъ перваго, такъ и послѣдняго вселенскаго собора. Лица, которыя должны были составить изъ себя соборъ вселенскій въ Константинополѣ, теперь должны были собраться въ Никеѣ, и собрались. Соборъ никейскій, VII вселенскій, былъ многочисленъ по количеству своихъ членовъ. Въ подписяхъ подъ опредѣленіями собора значится не менѣе 307 св. отцевъ (Дѣян. VII, 595 и др.). На соборѣ присутствовали высшіе сановники имперіи (Дѣян. VII, 70). Мѣстомъ засѣданій собора былъ Софійскій храмъ въ Никеѣ (*Ibidem*). Днемъ открытія собора было 24 сентября 787 года ¹⁾.

Первымъ дѣломъ VII вселенскаго собора, по открытіи его, было воссоединеніе съ церковію епископовъ, виновныхъ въ иконоборчествѣ. Такихъ воссоединенныхъ епископовъ было нѣсколько классовъ. Первый классъ составляли епископы наименѣе виновные. Таковыми были тѣ епископы, которые просто повинны были во временной приверженности къ иконоборчеству. Сюда принадлежали епископы

---

¹⁾ Всѣхъ засѣданій собора было 8: сентября 24, 25, 29,—октября 1, 4, 6, 13, 23.

Василій Анкирскій, Θεодоръ Мирскій и Θεодосій Амморейскій. Каждый изъ нихъ представилъ письменное отреченіе отъ ереси и испрашивалъ прощеніе отъ собора. Первымъ выступаетъ Василій Анкирскій. Онъ заявлялъ: „владыки! насколько было моихъ силъ, я изслѣдовалъ вопросъ объ иконахъ и съ полнымъ убѣжденіемъ обращаюсь къ каеолической церкви“. На это патріархъ Тарасій, предсѣдатель собора, сказалъ, выражая сочувствіе покаявшемуся: „слава Богу, хотящему, чтобы всѣ люди спаслись и пришли въ познаніе истины“. Затѣмъ Василій Анкирскій прочелъ свое отреченіе отъ заблужденія, въ которомъ между прочимъ говорилось: „пріемлю честныя изображенія домостроительства Господа нашего Иисуса Христа, сдѣлавшагося ради насъ челоуѣкомъ, и иконы Пресвятой Богородицы, божественныхъ ангеловъ, св. апостоловъ, пророковъ и мучениковъ и всѣхъ святыхъ, лобзаю ихъ и воздаю имъ приличествующее поклоненіе; анаеematствую и отвергаю всею душою и всею мыслию неразумно собранный соборъ, названный вселенскимъ седьмымъ (Копронимовъ), потому, что онъ грубо, дерзко и даже безбожно вопреки богопреданнымъ церковнымъ постановленіямъ изрекалъ одни злохуленія, предавалъ поруганію св. иконы. Свидѣтель Богъ, нижеслѣдующія анаеematствованія произношу отъ простоты сердца и по здоровомъ размысленіи. Противникамъ христіанъ (т. е. иконоборцамъ) анаеема. Прилагающимъ изреченія св. Писанія, направленныя противъ идоловъ, къ почитанію иконъ, анаеема. Не лобзающимъ иконы, анаеема. Утверждающимъ, что христіане прибѣгаютъ къ иконамъ, какъ къ богамъ, анаеема. Дерзающимъ говорить, что Церковь когда-либо идолопоклонствовала, анаеема. Говорящимъ, что иконы суть изобрѣтеніе дьявольскихъ козней, а не преданіе св. отцевъ, анаеема“. Соборъ похвалилъ Василія за чистоту его раскаянія (Дѣян. VII, 79—82). Затѣмъ приноситъ раскаяніе собору Θεодоръ Мирскій (или Мирликійскій). Принося покаяніе, онъ прочелъ отреченіе отъ ереси во всемъ сходное съ отреченіемъ Василія Анкирскаго. Послѣ него испрашиваетъ прощенія у собора Θεодосій Амморейскій. Въ письменномъ его отреченіи отъ заблужденія заслуживаютъ вни-

манія слѣдующія слова: „Что касается до изображеній въ церквахъ, то я полагаю прежде всего изображать икону Спасителя и Богородицы изъ всякаго вещества: золота, серебра и всякими красками, чтобы всѣмъ было извѣстно домостроительство спасенія. Равнымъ образомъ считаю полезнымъ изображать жизнь святыхъ, чтобы труды и подвиги ихъ были извѣстны народу, въ особенности простому, кратко обрисовывались въ его сознаниіи и поучали его. Если царскимъ портретамъ и изображеніямъ, отправляемымъ въ города и села, выходитъ въ срѣтеніе народъ со свѣчами и кадильницами, оказывая почтеніе не изображенію на облитой воскомъ доскѣ, но императору, то насколько болѣе слѣдуетъ изображать икону Спасителя, Его Матери и святыхъ“! Одинъ изъ отцевъ собора, по выслушаніи рѣчи епископа Амморейскаго, воскликнулъ: „Много слезъ вызвала у насъ рѣчь почтеннаго епископа Амморейскаго“. Послѣ всего этого патріархъ Тарасій спросилъ соборъ, согласенъ ли онъ вышеуказаннымъ тремъ епископамъ дать прощеніе и позволить имъ удержать каѳедры? Соборъ сказалъ: „всѣмъ намъ это угодно“ (Дѣян. VII, 83—87).— Второй классъ епископовъ иконоборцевъ, представшихъ на соборъ съ мольбою о прощеніи и милости, былъ многочисленнѣе перваго. Онъ состоялъ изъ семи епископовъ, — во главѣ ихъ былъ Ипатій епископъ Никейскій. Эти епископы были виновнѣе предъидущихъ, потому, что они участвовали въ тѣхъ незаконныхъ собраніяхъ, которыя иконоборцами противопоставлены были собору вселенскому, имѣвшему сначала собраться въ Константинополѣ. Они обвинялись въ томъ, что собирали иконоборческія собранія „не во имя Господа и не во имя Духа Его“. Отъ нихъ соборъ потребовалъ, чтобы они объяснили, на какомъ основаніи они позволяли это себѣ: было ли это со стороны ихъ поступкомъ неразумительнымъ, необдуманнымъ; въ такомъ случаѣ они должны были показать, какимъ образомъ они пришли къ такому неразумію. Если же они это сдѣлали вслѣдствіе твердаго убѣжденія въ справедливости иконоборства, въ такомъ случаѣ они должны представить доказательства, основанія такого убѣжденія. Соборъ съ своей стороны хо-

тѣль подробно и тщательно разобрать ихъ хитросплетанія. Епископы каившіеся объявили, что они дѣйствовали по неразумію, потому что „худое ученіе они приняли отъ худыхъ учителей“. Одинъ изъ этихъ епископовъ, выражая увѣреніе въ святости иконъ, сказалъ: „на бывшемъ въ Антиохіи соборѣ апостоловъ сказано, чтобы спасаемые уже не прибѣгали къ идоламъ, но чтобы вмѣсто этого для нихъ изображалось пречистое знаменіе крестныхъ страданій Богочеловѣка Іисуса ¹⁾“ (Дѣян. VII, 87—89). Вопросъ о томъ, принять ли въ церковное общеніе и оставить ли въ прежнихъ должностяхъ этихъ епископовъ, принадлежавшихъ ко второму классу кающихся, разрѣшенъ былъ не такъ просто, какъ по отношенію къ епископамъ перваго класса. Соборъ на основаніи каноническихъ постановленій и отеческихъ писаній долго и много разсуждаетъ: оставить ли ихъ на епископскихъ каедряхъ? Сначала высказывались разныя мнѣнія. Строгими въ отношеніи къ этимъ епископамъ хотѣли быть: константинопольскіе монахи, присутствовавшіе на соборѣ, одинъ изъ представителей отъ восточныхъ патріаршествъ и нѣкоторые другіе епископы; эти хотѣли лишить ихъ каедръ, удовольствовавшись принятіемъ ихъ въ церковное общеніе, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ кающихся посвящены еретиками. Напротивъ Тарасій смотрѣлъ снисходительнѣе и примѣрами изъ церковной исторіи доказывалъ, что покаяніе возвращаетъ указаннымъ епископамъ ихъ каедры (Дѣян. VII, 102. 119. 120. 121 и др.). Мнѣніе Тарасія восторжествовало. По произнесеніи покаявшимися епископами письменнаго отреченія отъ ереси, подобнаго тому, какое произнесъ Василій Анкирскій, соборъ воссоединилъ ихъ съ церковію и оставилъ за ними епископскій санъ (Дѣян. VII, 111. 122. 193).—Третій классъ покаявшихся епископовъ состоялъ лишь изъ одного епископа. Это былъ Григорій епископъ Неокесарійскій. Онъ составилъ собою особый классъ, потому что, кромѣ иконоборчества, онъ обвинялся еще въ томъ, что преслѣдовалъ и гналъ

---

¹⁾ Трудно сказать, что именно разумѣлъ этотъ епископъ, приводя подобное свидѣтельство; изъ писаній апостольскихъ ничего такого неизвѣстно.

исповѣдниковъ иконопочитанія въ предъидущія царствованія. Его вина грозила ему низверженіемъ изъ сана. Григорій Неокесарійскій принятъ былъ на соборѣ съ замѣтною строгостію. Лишь только вошелъ онъ на соборъ съ просьбою о прощениі, Тарасій сказалъ ему: „неужели тебѣ до сихъ поръ не было случая узнать истину? Или ты отнесся къ ней съ пренебреженіемъ, полагая, что ее еще не постигли? Скажи, что тебѣ нужно“? Григорій заявилъ, что видя единодушіе собравшихся отцовъ по вопросу объ иконопочитаніи, онъ проситъ прощенія въ своемъ иконоборческомъ заблужденіи. Тарасій не вдругъ повѣрилъ искренности Григорія; знакъ, что его обращеніе казалось отцамъ собора подозрительнымъ. Тарасій замѣтилъ Григорію: „можетъ быть, ты хочешь затѣнить свою мысль покровомъ хитрости и, придавая словамъ видъ истины, въ душѣ остаешься злодѣемъ“. Григорій съ рѣшительностію завѣрялъ, что его обращеніе вполне искреннее (Дѣян. VII, 124. 125). Въ слѣдующемъ засѣданіи собора (третьемъ) отцы снова обратились къ вопросу о томъ, какъ поступить съ Григоріемъ, приносившимъ раскаяніе. Тарасій опять спрашивалъ его: „ты отъ чистаго ли сердца исповѣдуешь свой грѣхъ“? Когда же Григорій опять и опять объявилъ, что его покаеніе чистосердечно, тогда патріархъ спросилъ соборъ, какъ поступить съ Григоріемъ? Соборъ отвѣчалъ: „какъ въ другихъ случаяхъ было поступлено, такъ и теперь“. Послѣ этого Тарасій объявилъ, что надъ Григоріемъ тяготѣетъ еще обвиненіе въ гоненіи на исповѣдниковъ иконопочитанія. Если это вѣрно, замѣчалъ патріархъ, въ такомъ случаѣ правила повелѣваютъ: епископа, пресвитера и діакона, бѣгшаго вѣрныхъ согрѣшающихъ или невѣрныхъ и желающаго этимъ утратить ихъ, низлагать, а тѣмъ болѣе слѣдуетъ низлагать такихъ, какъ Григорій, который, говорятъ, преслѣдовалъ людей богобоязненныхъ. Соборъ согласился, что въ случаѣ справедливости обвиненія, лежащаго на Григоріи, съ нимъ должно быть поступлено по правиламъ. На это Григорій объявилъ: „ни одинъ человекъ не обвинитъ меня, чтобы я билъ и наказывалъ кого-либо“. И такъ какъ не было представлено никакихъ документальныхъ доказа-

тельство виновности Григорія, то соборъ милостиво положилъ: „пустъ будетъ принять Григорій въ свое мѣсто“. Но партія строгихъ, которая заявила себя уже при судѣ надъ каившимися епископами втораго класса, не оставалось безмолвною и теперь. Игумень студійскаго въ Константинополѣ монастыря, Савва потребовалъ, чтобы съ Григоріемъ поступлено было не какъ просто съ заблуждающимся, но какъ съ ересіархомъ, ибо онъ былъ въ числѣ главныхъ вожаконъ собора Копронимова иконоборческаго. Возникли пренія, но они кончились благополучно для Григорія. Соборъ припомнилъ, что хотя Ювеналій архіепископъ іерусалимскій и былъ однимъ изъ предводителей собора разбойничаго монофизитскаго лжевселенскаго 449 г., однакожь истинный вселенскій соборъ Халкидонскій пощадилъ преступника. Тарасій, какъ это было и прежде, принялъ сторону кающагося; онъ сказалъ: „уже и прежде этотъ св. соборъ провозгласилъ, что слѣдуетъ принимать приходящихъ отъ ереси, если не низвергаетъ ихъ изъ сана какая-либо посторонняя причина“. Соборъ вслѣдъ за Тарасіемъ сказалъ: „мы всѣ говоримъ то же“. „Благія соображенія, выказанныя въ различныхъ формахъ, святы“. Возраженіе строгихъ осталось безъ послѣдствій для Григорія (Дѣян. VII, 188—192). Возсоединеніе съ церковію многихъ иконоборческихъ епископовъ было выраженіемъ торжества иконопочитанія надъ заблужденіемъ.

Вторымъ дѣломъ собора, послѣ возсоединенія иконоборцевъ съ церковію, было выясненіе истиннаго ученія о почитаніи св. иконъ. Императорскою грамотою къ собору и рѣчью предсѣдателя его, патріарха Тарасія, допускалась на соборѣ полная свобода преній по вопросу объ иконахъ, въ видахъ полнаго и всесторонняго обсужденія истины. Такъ въ императорской грамотѣ было сказано отцамъ собора: „каждому изъ васъ мы даемъ право безъ всякаго опасенія говорить все, что пожелаетъ, чтобы изслѣдованіе дѣла могло производиться какъ можно тщательнѣе и чтобы истина была выяснена безъ всякаго принужденія, да искоренится всякое разногласіе между церквами и да соединитъ всѣхъ насъ союзъ мира“ (Дѣян. VII, 75). Патріархъ столицы съ

своей стороны стоялъ на тойже самой точкѣ зрѣнія; онъ говорилъ къ отцамъ собора: „пусть, если это угодно Богу, предстануть и воспротивившіеся истинѣ. Если они имѣютъ что-либо возразить или сказать въ свою защиту, то пусть скажутъ, потому что такимъ образомъ предметъ изслѣдованія уяснится“ (Дѣян. VII, 73). При такихъ условіяхъ соборъ и приступилъ къ выясненію истины иконопочитанія.

Приступая къ этому дѣлу, Тарасій говорилъ собору: „пророческое слово заповѣдуетъ: *на гору высокую ѡзиди, благовѣстуй Сіону, возвыси гласъ твой, благовѣстуй Іерусалиму* (Иса. 40, 9); поэтому мы, священные мужи, послѣдуя этому пророческому повелѣнію, будемъ проповѣдывать, возвысивъ наши голоса, и провозгласимъ миръ каѡлической церкви. Но какъ это сдѣлать? Пусть будутъ принесены и прочтены предъ нами для слушанія книги (св. Писанія), св. отцевъ и черпая изъ нихъ пусть каждый наполяетъ свою паству“ (Дѣян. VII, 228). Такимъ образомъ въ противоположность лжевселенскому собору 754 года, который основывалъ свое ученіе объ отмѣненіи иконопочитанія по преимуществу на основаніи соображеній разсудка, Никейскій вселенскій соборъ для уясненія истины обращается къ болѣе прочному авторитету—богодуховеннымъ и святооческимъ писаніямъ.

Сначала соборъ прочитываетъ и обсуждаетъ тѣ мѣста изъ Священнаго писанія, кои могли бы служить къ подкрѣпленію истины иконопочитанія. Такъ прочтены были изъ книгъ *Исходъ* и *Числъ* заповѣди Бога Израилева о томъ, чтобы въ скиніи свидѣнія устроены были сдѣланное изъ золота очистилище и человѣкообразные и крылатые херувимы, осѣняющіе кивотъ завѣта (Исх. 25, 1. 17. 22; Чис. 7, 88. 89). Прочтено было также весьма примѣчательное свидѣтельство изъ книги пр. Іезекіиля. Пророкъ, описывая созерцаемый имъ въ видѣніи таинственный храмъ, такъ говоритъ объ украшеніяхъ его: „отъ верха дверей, какъ внутри храма, такъ и снаружи и по всей стѣнѣ кругомъ, внутри и снаружи были разныя изображенія. Сдѣланы были херувимы и пальмы: пальма между двумя херувимами и у cadaго херувима два лица. Съ одной стороны обра-

щено къ пальмѣ лице человѣческое, а съ другой къ пальмѣ лице львиное; такъ сдѣлано во всемъ храмѣ кругомъ. Отъ пола до верха дверей сдѣланы были херувимы и пальмы, также и по стѣнѣ храма“ (Иезек. 41, 16 — 20). Изъ Новаго завѣта въ доказательство истины иконопочитанія приведено было соборомъ только одно мѣсто, именно изъ посланія къ *Евреямъ*, въ которомъ упоминается о томъ, что въ святилищѣ и Святомъ святыхъ въ скинии устроены были свѣтильникъ, трапеза, ковчегъ завѣта, херувимы, и что здѣсь находилась стамна съ манною, и жезлъ Аароновъ (9, 1 — 5). По прочтеніи указанныхъ свидѣтельствъ изъ сваящ. Писанія, Тарасій сказалъ: „если ветхій завѣтъ имѣлъ херувимовъ, осѣняющихъ святилище, то и мы будемъ имѣть иконы Господа Иисуса Христа, Богородицы и святыхъ Его, осѣняющихъ алтарь“. При этомъ одинъ изъ отцевъ собора замѣтилъ о несправедливости нападокъ иконоборцевъ на православныхъ за то, что они изображали херувимовъ, которые суть духи, сказавъ: „херувимъ, какъ прочитано, имѣлъ лице человѣческое. Какъ же нѣкоторые говорятъ: кто видѣлъ лице херувимское? хотя и говорится здѣсь о лицѣ изваянномъ“ (Дѣян. VII, 229—230).

Послѣ изложенія свидѣтельствъ въ пользу иконоупотребленія, заимствованныхъ изъ сваящ. Писанія, соборъ обращается къ изученію безчисленныхъ свидѣтельствъ святоотеческихъ, утверждающихъ истину иконопочитанія ¹⁾). Прежде всего на соборѣ по преимуществу прочитаны были такія свидѣтельства изъ писаній св. отцевъ, которыя говорили о великомъ значеніи *иконъ* для воспитанія *духа человеческого*. Когда прочитаны были свидѣтельства изъ сочиненій Іоанна Златоуста о томъ, что онъ повсюду встрѣчалъ икону св. Мелетія—на улицахъ, на торжищахъ, на поляхъ и на дорогахъ, отцы выразили свое мнѣніе по во-

---

¹⁾ Всѣ главнѣйшія свидѣтельства св. отцевъ о данномъ предметѣ, на какихъ основывался соборъ въ своемъ ученіи, изложены были выше въ главѣ: „Происхожденіе иконоборства“. Не считаемъ нужнымъ повторять ихъ, изложимъ здѣсь только возрѣнія св. отцевъ самого собора на истину иконоупотребленія и иконопочитанія, насколько они высказаны были при чтеніи того или другого мѣста изъ писаній святоотеческихъ.

просу объ иконахъ въ слѣдующихъ отзывахъ. Одинъ ска- залъ: „если такъ говоритъ объ иконахъ св. Іоаннъ Злато- устъ, то кто осмѣлится что-либо сказать противъ нихъ?“ Другой объявилъ: „жившіе тогда (при Златоустѣ) чувство- вали такую сильную любовь къ этой иконѣ, что повсюду изображали икону св. Мелетія, за что отецъ чрезвычайно и хвалить ихъ“ (Д. VII, 233). Также прочитано было и другое свидѣтельство изъ тогоже Златоуста: „Я полюбилъ сдѣланную изъ воска картину“ (икону). Патріархъ, выслу- шавъ это свидѣтельство, замѣтилъ: „Если имѣющій уста драгоцѣннѣйшія золота произнесъ: „Я полюбилъ восковое изображеніе, то что мы скажемъ о ненавидящихъ оно?“ (Д. VII, 234). Особенно выразительно о глубокомъ дѣй- ствіи на душу св. иконъ рассуждалъ Григорій Нисскій. Онъ говорилъ, что онъ не могъ проходить безъ слезъ мимо изображенія принесенія Исаака въ жертву. Присутствовав- шие на соборѣ, выслушавъ это свидѣтельство, возглашали: „Вотъ какъ тронула отца нашего эта живописная картина: онъ даже плакалъ“. Въ частности одинъ изъ отцевъ со- бора замѣтилъ: „Часто св. отецъ читалъ эту исторію и вѣ- роятно не плакалъ; но когда видѣлъ живописное изображе- ніе ея, плакалъ“. Представитель восточныхъ патріарховъ съ своей стороны выразилъ такую мысль: „Если этому учи- телю доставило пользу и вызвало слезы живописное изо- браженіе исторіи, то насколько болѣе оно приноситъ сокру- шенія и пользы для неученыхъ и простыхъ!“ Другой отецъ прибавилъ: „Если Григорій плакалъ, видя живописное изо- браженіе Авраама, то насколько болѣе можетъ приносить пользы и вызвать потоковъ слезъ у зрителей живописное представленіе домостроительства воплощенія Господа нашего Иисуса Христа!“ (Д. VII, 235—6).

Затѣмъ соборъ переходитъ къ объясненію православнаго взгляда на *отношеніе искусства къ религіи*. Иконоборцы называли религіозное искусство бесполезнымъ и нечести- вымъ; соборъ, защищая истину иконопочитанія, иначе смот- рѣлъ на вопросъ. Чтеніе сочиненія св. Астерія Амасій- скаго (IV в.), въ которомъ онъ въ высокихъ и трогательныхъ чертахъ изображаетъ красоту художественнаго изображенія

св. мученицы Евѳиміи, видѣннаго имъ самимъ, дало собору случай высказать его взглядъ на отношеніе искусства къ религіи. Присутствовавшіе на соборѣ, по прочтеніи этого сочиненія, говорили: „Значить искусство живописца есть занятіе священное, и совсѣмъ не таково, чтобы осмѣивать его, какъ нѣкоторые (т. е. иконоборцы) безумно поступаютъ; этотъ отецъ представляетъ живописца человѣкомъ, совершающимъ благочестивое дѣло“. Ту же мысль выразилъ и въ отдѣльности одинъ изъ отцевъ: „Хорошій живописецъ при помощи искусства всегда представляетъ вещи такъ, какъ и написавшій икону мученицы Евѳиміи; поэтому-то здѣсь этотъ учитель и хвалитъ живописное искусство“. Патріархъ Тарасій также произнесъ сужденіе по поводу прочитаннаго; онъ находилъ, что „отецъ заповѣдуетъ и поощряетъ въ живописи изображать исторію подвиговъ мученическихъ“. Представитель восточныхъ патріарховъ воспользовавшись этимъ случаемъ, чтобы опровергнуть воззрѣніе иконоборцевъ, будто живописцы не въ состояніи на полотнѣ и доскѣ воспроизводить то, о чемъ говоритъ Писаніе,— объявилъ: „Живописцы не противорѣчатъ Писанію, а напротивъ, что говоритъ Писаніе, то они и представляютъ, такъ что они остаются согласными съ Писаніемъ“ (Д. VII, 243 — 5; слич. 286).

При дальнѣйшемъ чтеніи различныхъ святоотеческихъ писаній соборъ приходитъ къ разясненію самой важной стороны въ вопросѣ объ иконопочитаніи: *какъ понимать и въ чемъ выражать почитаніе св. иконъ?* Поводъ высказаться отцамъ собора относительно этого предмета дало чтеніе слѣдующаго повѣствованія изъ жизни Максима Исповѣдника (VII в.). „Авва Максимъ вмѣстѣ съ Θεодосіемъ епископомъ Кесарійскимъ (въ Виенніи) и другими положилъ поклонъ и цѣловалъ св. Евангеліе, честный крестъ, икону Бога и Спасителя Іисуса Христа и Пресвятой Богородицы. При этомъ авва Максимъ, обратившись къ епископу (Θеодосію), сказалъ со слезами: „всѣ мы ожидаемъ день суда; ты знаешь, что изображается и опредѣлено изображать на животворящемъ крестѣ, на иконахъ Спасителя и Пресвятой Богородицы“. По прочтеніи этого, отцы собора высказываютъ мнѣніе о

почитаніи св. иконъ; но ихъ воззрѣнія, повидимому, были не совсѣмъ одинаковы. Одни подъ иконопочитаніемъ понимали *поклоненіе* имъ, другіе *почтительное лобзаніе*. За первое воззрѣніе высказались Константинъ епископъ Кипрскій и представитель восточныхъ патріарховъ, пресвитеръ Іоаннъ. Константинъ сказалъ: „Выраженіе цѣловаль — здѣсь въ прочитанномъ употреблено въ значеніи поклоненія, потому что Максимъ поклонился св. Евангелію и кресту, а съ тѣмъ вмѣстѣ иконамъ Спасителя и пресвятой Богородицы“. Пресвитеръ Іоаннъ къ этому добавилъ: „да, иконы имѣють одинаковое значеніе съ Евангеліемъ и крестомъ“. Нѣсколько отлично отъ этого было воззрѣніе другихъ отцевъ, и во главѣ ихъ патріарха Тарасія. Тарасій приравниваетъ иконы къ св. сосудамъ, говоря: „св. иконы сопричисляются къ священнымъ сосудамъ“; многіе подтвердили это мнѣніе Тарасія. Тарасій къ этому еще добавилъ: „посмотрите, братія, сказано, что они *цѣловами*. Тоже и мы должны дѣлать въ почтительномъ благоговѣніи; потому что наше поклоненіе относится къ одному Богу“. Какъ видно, одни считали иконы достопоклоняемыми предметами, а другіе только достопочитаемыми (Д. VII, 264—265). Но ближайшее рассмотрѣніе другихъ свидѣтельствъ изъ писаній отцевъ дало очевидный перевѣсъ первому изъ указанныхъ нами воззрѣній, именно—что иконамъ слѣдуетъ поклоняться, а не благовѣнно только лобызать ихъ. Въ этомъ отношеніи сильное вліяніе, помимо другихъ свидѣтельствъ, имѣло свидѣтельство св. Анастасія, епископа Теопольскаго. Въ одномъ его посланіи было прочтено на соборѣ слѣдующее мѣсто: „мы поклоняемся и (св.) людямъ и ангеламъ, но не служимъ имъ какъ богамъ, ибо Моисей говоритъ: *Господу Богу твоему поклонишия и Тому единому послужиши* (Втор. 6, 5). Смотри: при словѣ: *послужиши* прибавлено: единому, а къ слову: *поклонишия* не прибавлено. Значитъ поклоняться можно и не Богу, потому что поклоненіе есть обнаруженіе почтенія, служить же нельзя никому, кромѣ Бога“. Сказанное о почитаніи ангеловъ и святыхъ отцами собора приложено и къ иконамъ. Всѣ теперь склонились къ мысли, что иконамъ нужно поклоняться, но однакоже не служить,

какъ мы должны служить Богу. Во главѣ другихъ и Тарасій присоединился къ этому мнѣнію. Тарасій объявилъ предъ лицемъ собора: „обратите вниманіе на толкованіе премудраго отца. Слова его приводятъ всѣхъ насъ, даже горячо противящихся, къ принятію св. иконъ и къ поклоненію имъ. „Поклоненіе, говоритъ онъ, есть обнаруженіе почтенія“. Итакъ всѣ исповѣдающіе, что слѣдуетъ почитать св. иконы, но отказывающіеся поклоняться имъ, обличаются этимъ св. отцомъ въ томъ, что они говорятъ неправо. И въ самомъ дѣлѣ не воздавая поклоненія, которое есть символъ почтенія, они являются поступающими наоборотъ, т. е. оказывающими непочтеніе“ (Д. VII, 281—2). Послѣ этихъ и подобныхъ разсужденій соборъ наконецъ единодушно пришелъ къ мысли, что иконамъ нужно поклоняться. Результатъ своихъ занятій по вопросу о почитаніи св. иконъ соборъ наконецъ выразилъ въ такихъ словахъ: „съ любовію приедемъ мы изображеніе честнаго и животворящаго креста, святыхъ же и честныхъ иконы допускаемъ, съ любовію принимаемъ и обьемлемъ согласно древнему преданію св. отецъ, которые и сами ихъ принимали, чтобы онѣ находились во всѣхъ церквахъ и на всякомъ мѣстѣ владычества Божія. Эти иконы мы почитаемъ и почитательно поклоняемся имъ, а именно иконы Спасителя, Божіей Матери и всѣхъ святыхъ, чтобы при помощи живописныхъ изображеній можно было приходить къ воспоминанію и напominанію о первообразѣ (т. е. о самихъ изображенныхъ и ихъ добродѣтеляхъ) и стать участниками нѣкоего освященія“ (Д. VII, 357—358). На этомъ и закончились разсужденія отцевъ о почитаніи иконъ. Это почитаніе иконъ соборъ въ томъ же заключительномъ мнѣніи ясно и опредѣленно отличаетъ отъ почитанія подобающаго самому Богу. Соборъ говоритъ: „вѣруемъ въ Троицу непостижимую, неонисуюемую, которой одной надлежитъ Божеское служеніе и поклоненіе и почитаніе“ (Д. VII, 356) ¹⁾.

---

¹⁾ Кроме многочисленныхъ свидѣтельствъ св. отцевъ о почитаніи иконъ, на утвержденіе иконопочитанія въ такомъ именно видѣ, имѣло вліяніе свидѣтельство современнаго собору папы Адріана I, посланіе котораго читано было на соборѣ; въ немъ между прочимъ говорилось: „сохраняя

Какъ скоро соборъ пришелъ къ единодушному рѣшенію по вопросу о св. иконахъ, отцы берутъ на себя задачу произнести судъ надъ иконоборствомъ. Этотъ судъ продолжался долго и отличался обстоятельностью. Прежде всего соборъ произноситъ судъ надъ иконоборствомъ *по его существу*. Отцы находятъ, что иконоборцы своими воззрѣніями и дѣятельностію разомъ повторяютъ собою злые примѣры, заблужденія и ереси всѣхъ прежнихъ временъ: иконоборство было суммою множества заблужденій и ересей. Изъ библейскихъ примѣровъ, по сужденію собора, иконоборцы могутъ быть сравниваемы лучше всего съ Навуходносоромъ. Съ этою цѣлію прочитанъ былъ на соборѣ отрывокъ изъ втораго огласительнаго слова Кирилла Іерусалимскаго, въ которомъ говорилось: „не слыхалъ ли кто, что Навуходносоръ сокрушилъ херувимовъ? Не говорю—херувимовъ умосозерцаемыхъ и небесныхъ, но херувимовъ, которые были устроены въ храмѣ и осѣняли святилище, отъ среды котораго глаголалъ Божій законъ“. Соборъ находитъ, по прочтеніи этого мѣста изъ Кирилла, что иконоборцы дѣйствовали какъ Навуходносоръ и заслуживаютъ тогоже печаль-

---

чистоту вѣры, мы иконы, подобно тому какъ книги Божественнаго писанія, употребляемъ для напоминая о томъ, кого мы почитаемъ“ (Д. VII, 134). Съ какимъ глубокимъ уваженіемъ посланіе папы было принято на соборѣ, объ этомъ Тарасій свидѣтельствовалъ въ посланіи къ Адриану, пиша: „когда было постановлено прочитать посланіе твоей святости, то мы стали всѣ вокругъ и пресытились, какъ на царскомъ ужинѣ, духовными брашнами, которыя Христосъ приготовилъ пирующимъ чрезъ твое посланіе; и ты подобно глазу направлялъ все тѣло (церковь) на прямой и истинный путь“ (Д. VII, 668). Кромѣ многоразличныхъ свидѣтельствъ, которыми руководился соборъ въ опредѣленіи своего мнѣнія касательно предмета разсужденій, прочитаны были на соборѣ нѣкоторые дошедшіе изъ древности разказы о томъ, что иконы творять чудеса, и это было доказательствомъ для собора, что иконы достойны чествованія (Дѣян. VII, 284 и д. 250 и д.). При чтеніи такихъ разказовъ Тарасій въ видахъ утвержденія несомнѣнности свидѣтельствъ о чудесахъ отъ иконъ считалъ необходимымъ рѣшить вопросъ: отъ чего въ его время, во времена Тарасія, уже не было чудесъ отъ иконъ? Онъ говорилъ: „быть можетъ кто нибудь скажетъ: отъ чего же находящіяся у насъ иконы не творять чудесъ? Таковому мы отвѣтимъ: потому что, какъ сказалъ Апостолъ, знаменія даются тѣмъ, кои не вѣруютъ, а не тѣмъ, кои вѣруютъ“ (Дѣян. VII, 257). Впрочемъ нашлись на соборѣ и такіа лица, которыя повѣдали собору о чудесахъ, совершившихся и во времена настоящія; такъ епископъ Кипрскій Константинъ разказалъ о нѣкоторыхъ чудесахъ подобнаго рода, извѣстныхъ ему изъ собственной епископской практики (Дѣян. VII, 303—5).

наго жребія, какого заслужилъ онъ (Д. VII, 382—3). Соборъ далѣе полагаетъ, что иконоборцы такъ же худы, какъ Самаряне и даже хуже ихъ. Свидѣтельство св. Симеона столпника (младшаго), утверждающее, что какіе-то Самаряне въ его время низвергли иконы, подаютъ поводъ отцамъ собора объявить: „всѣмъ извѣстно, что самаряне хуже прочихъ еретиковъ. Отвергающіе честныя иконы гораздо хуже даже этихъ еретиковъ: но достаточно, если мы будемъ ихъ считать и наравнѣ съ Самарянами“ (Д. VII, 383—386). Далѣе соборъ сравниваетъ иконоборцевъ съ Іудеями. По прочтеніи одного свидѣтельства о томъ, что Іудеи не допускаютъ иконъ и осуждаютъ ихъ въ христіанствѣ, одинъ изъ членовъ собора сказалъ: „Домостроительство Господа нашего Іисуса Христа отвергаютъ тѣ, которые отрицаютъ иконы, какъ-то Евреи; поэтому отвергающіе иконы подобны имъ“ (Д. VII, 390—391). Соборъ находитъ, что иконоборцы думаютъ и поступаютъ не только подобно всѣмъ иновѣрнымъ, но они во всемъ сходны и со многими еретиками, какіе въ разныя времена появлялись въ христіанскомъ мірѣ. Больше всего есть сходства, по мнѣнію собора, у нихъ съ Манихеями и Северіанами (секта монофизитская). Объ ихъ сходствѣ съ Манихеями соборъ выводитъ заключеніе на томъ основаніи, что они пользовались апокрифическою книгою, осужденною церковію, подъ заглавіемъ: „Путешествія св. Апостоловъ“, а въ этой книгѣ говорится, что Христосъ имѣлъ тѣло призрачное, что утверждали и Манихеи (Д. VII, 391—397). При этомъ соборъ произноситъ осужденіе и на самую книгу, которою пользовались иконоборцы (Д. VII,—398). Полное сходство находитъ соборъ и между иконоборцами и Северіанами, ибо извѣстно было о послѣднихъ, что они иконоборчествовали, низвергая изображенія голубей, подъ видомъ которыхъ въ церкви представлялся Духъ святый (Д. VII, 406—7). Послѣ всего этого соборъ провозгласилъ анаемю на иконоборцевъ и опредѣлилъ въ первыхъ на другой же день поставить икону посреди собора и съ тѣхъ поръ лобзать ее; въ вторыхъ всѣ сочиненія, какія когда либо написаны были противъ иконъ, предать огню (Д. VII, 424—5).

Важнѣйшимъ дѣломъ собора въ борьбѣ съ иконоборствомъ былъ разборъ вѣроопредѣленія лжевселенскаго собора, собраннаго Копронимомъ, вѣроопредѣленія, направленнаго противъ почитанія св. иконъ. Это былъ видный документъ иконоборчества, который требовалъ вниманія къ себѣ тѣмъ болѣе, что еще находились люди между самими епископами, которые сочувствовали собору Копронимову. Соборъ вселенскій подробно и тщательно разбираетъ всѣ основанія, какими прикрывалъ свое лжеучеіе иконоборческій соборъ Копронимовъ и какія были изложены въ его вѣроопредѣленіи. Соборъ слѣдитъ шагъ за шагомъ за всѣми аргументами этого вѣроопредѣленія и опровергаетъ ихъ ¹⁾. — 1) Началось опроверженіе съ самаго названія „вселенскій соборъ“, какимъ называлъ себя соборъ Копронимовъ въ своемъ вѣроопредѣленіи. Противъ этого имени выставлены были такіа соображенія: „какимъ образомъ этотъ соборъ есть „вселенскій“, когда его не приняли и не согласились съ нимъ представители прочихъ церквей, а напротивъ предали его анаемѣ?“ Далѣе, на немъ не было ни папы Римскаго или его представителей, ни патріарховъ восточныхъ или ихъ представителей. Наконецъ, неосновательно онъ признаетъ за собою названіе: „седьмаго“. „Какимъ образомъ онъ есть седьмой, когда онъ несогласенъ съ шестью прежде него бывшими вселенскими соборами? Что считается седьмымъ, то

¹⁾ Это опроверженіе составлено не всѣмъ соборомъ сообща, а какимъ-то отдѣльнымъ лицомъ: опроверженіе только было прочитано на соборѣ и одобрено. Кто былъ составителемъ онаго, неизвѣстно (не Епифаній ли, діаконъ Сидилійскій, который позднѣе обращается къ собору съ похвальною рѣчью?). Опроверженіе отличается множествомъ глубокихъ мыслей, находчивостію въ доводахъ и разнообразіемъ ихъ, но при всемъ этомъ оно нечуждо недостатковъ: авторъ поставилъ себѣ цѣлю останавливаться на *каждомъ* выраженіи, словѣ вѣроопредѣленія иконоборческаго; потому не избѣжалъ повтореній, возвращеній къ одному и тому же нѣсколько разъ, явился многорѣчивымъ; притомъ, такъ какъ авторъ поставилъ себѣ цѣлю почти ни въ чемъ несогласаться съ вѣроопредѣленіемъ, то онъ не избѣжалъ натяжекъ и общихъ фразъ. Достоинъ вниманія, что на соборѣ опроверженіе вѣроопредѣленія иконоборческаго производилось такъ: одинъ изъ истыхъ иконоборцевъ, впрочемъ во время собора вселенскаго обратившійся къ православію, Григорій епископъ Неокесарійскій, какъ бы избрала собою лжевселенскій соборъ, читалъ по порядку пунктъ за пунктомъ вѣроопредѣленіе, при чемъ православная сторона, въ нужныхъ случаяхъ прерывая чтеніе, съ своей стороны излагала опроверженіе только что прочитаннаго. Значить чтеніе имѣло форму какъ бы диспута.

должно вытекать изъ того, что происходило равьше и составляло первыя цифры счета*. А что разбираемый соборъ не имѣеть связи съ предъидущими соборами, это видно изъ того, что онъ презрѣль опредѣленія VI вселенскаго собора (правильнѣе Трульскаго), на которомъ въ одномъ каноническомъ правилѣ (пр. 82) упоминаются иконы, какъ учрежденіе законное. Слѣдовательно соборъ Копронимовъ такъ же странно назвать седьмымъ вселенскимъ соборомъ, какъ странно къ шести золотымъ монетамъ прибавлять седьмую мѣдную и воображать, что она равнозначительна съ первыми (Дѣян. VII, 430—432; 441—2). 2) Напрасно соборъ прописываетъ въ вѣроопредѣленіи, что онъ собирався во всечестномъ храмѣ Владычицы Богородицы; это не придаетъ никакой особенной силы его рѣшеніямъ, ибо „и Каиафѣ и Аннѣ и іудейскому синадріону ихъ, вооружившемуся противъ Христа, не было никакой пользы отъ того, что незаконное совѣщаніе ихъ, направленное противъ Христа, происходило въ священномъ храмѣ“ (Дѣян. VII, 433). 3) Нечестиво дѣлають иконоборцы, собиравшіеся на соборъ Копронимовъ, когда называютъ иконопочитаніе идолопоклонствомъ¹⁾. Отвѣтъ собора на эту напраслину былъ таковъ: „имѣя языкъ изощренный во лжи, подобно острому мечу, и думая, что наша вѣра обратилась въ чествованіе иконъ, они оскорбительно отзываются о ней, называя ее вещественнымъ почитаніемъ твари. Ни одинъ изъ находящихся подъ небомъ людей-христіанъ не приносить служенія иконѣ. Идолослуженіе — вымыселъ язычниковъ, изобрѣтеніе демоновъ, проявленіе дѣла сатанинскаго. Оно погубило съ появленіемъ Христа. Нынѣ остается служеніе духомъ и истиною. Въ церкви же находятся различные предметы только въ воспоминаніе о Христѣ и святыхъ Его; къ числу ихъ относятся и иконы“ (Дѣян. VII, 452). 4) Въ вѣроопредѣленіи иконоборческомъ говорилось: религіозное искусство—дѣло безумное, жалкое удовольствіе. Противъ этого на соборѣ изъ-

---

¹⁾ Подробное раскрытіе основаній этого и подобныхъ воззрѣній иконоборческихъ, теперь разбираемыхъ соборомъ, представлено было выше. См. выше „Господство иконоборства“.

явлено: „кто изъ св. отцевъ провозгласилъ, что искусство живописцевъ въ противорѣчїи съ догматами о воплощенїи Христа? И вообще искусства полезныя, не носящїя въ себѣ ничего непристойнаго, не презирались и не отлучались св. отцами, въ томъ числѣ и искусство живописное, за исключенїемъ того случая, когда имъ пользуются для изображенїя чего-либо непристойнаго. Но какъ скоро мы хотимъ изображать жизнь добродѣтельныхъ мужей, подвиги мучениковъ и ихъ страданїя, или таинство воплощенїя, тогда, пользуясь искусствомъ живописцевъ, мы являемся поступающими весьма прилично. Да и къ какимъ страннымъ выводамъ придемъ, если подобно иконоборцамъ будемъ отвергать религіозное искусство? Значить и плотникъ, вытачивающїй крестъ, долженъ назваться жалкимъ плотникомъ? И каменьщикъ, высѣкающїй и формирующїй св. трапезу, есть также жалкій каменьщикъ? И золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеръ и ткачъ тоже? Не слѣдуетъ ли, по ихъ мнѣнїю, бросить всякое знанїе и художество, дарованное Богомъ ради славы Его? Неужели иконоборцы не знаютъ, что самъ Богъ въ ветхомъ завѣтѣ освятилъ искусство, повелѣвъ Веселеилу приготовить всѣ нужныя украшенїя для скинїи?“ (Дѣян. VII, 460 — 461; 467 — 8). 5) Рѣшившись на низверженїе иконъ Христа Спасителя, иконоборцы въ своемъ вѣроопредѣленїи въ укоризну иконопочитателямъ говорили, что послѣднїе, употребляя иконы Христа, тѣмъ самымъ впадаютъ въ двѣ ереси несторїанскую и монофизитскую, потворствуютъ ученїю Несторїя и Евтихїя съ Дїоскоромъ. Соборъ вселенскїй опровергъ это мнѣнїе иконоборцевъ со всею основательностію. Разборъ этого мнѣнїя былъ такого рода: „или они (иконаборцы) не знаютъ, что перечисленные ими еретики противоположны одни другимъ по воззрѣнїямъ, или же они просто хотятъ пустословить. Если же эти ереси и еретики другъ другу противоположны, то, допуская, что по ихъ словамъ церковь послѣдовала Несторїю, они очевидно лгутъ, когда въ тоже время говорятъ, что она единомысленна съ Дїоскоромъ и Евтихїемъ. Если же напротивъ согласится, что она единомысленна съ Евтихїемъ и Дїоскоромъ, то и въ этомъ случаѣ они окажутся лжецами, по-

тому что, какъ мы сказали уже, Евтихій и Несторій разногласятъ другъ съ другомъ въ нечестіи и такимъ образомъ этотъ силлогизмъ ихъ оказывается неосновательнымъ и излишнимъ. Невозможно, чтобы ереси противоположныя находились въ одномъ и томъ же ученіи (православномъ), какъ невозможно видѣть одинъ и тотъ же предметъ и бѣлымъ и чернымъ и находить и горячимъ и холоднымъ, — въ снѣгѣ никогда не оказывается жара, а въ огнѣ холода“. По неустойчивости въ воззрѣніяхъ иконоборцы подобны „ракамъ взадъ и впередъ ползающимъ“. Въ частности, въ самомъ дѣлѣ, какое, напр., можетъ быть сходство между иконопочитаемъ и несторіанствомъ? спрашиваетъ соборъ, и отвѣчаетъ: „Несторій вводитъ двухъ сыновъ: одного Слово Отчее, а другаго — рожденнаго отъ жены, тогда какъ иконопочитатели одного и того же исповѣдуютъ и Сыномъ и Христомъ и въ живописи изображаютъ то, какъ Слово сдѣлалось плотію“ (Дѣян. VII, 462--4; 478. 480). 6) Отвергая иконы Спасителя, иконоборцы, какъ извѣстно, утверждали, что у христіанъ есть образъ Христовой плоти, которымъ и надлежитъ довольствоваться: это Евхаристія. Соборъ считаетъ подобное представленіе иконоборцевъ совершенно ложнымъ. Онъ утверждаетъ, что Евхаристія не есть только образъ плоти Христовой, но дѣйствительная плоть и кровь Господни. „Ни одинъ изъ апостоловъ и евангелистовъ не называетъ нигдѣ безкровную жертву образомъ плоти Христовой. Если же нѣкоторые св. отцы напр. Василій Великій и Евстафій Антиохійскій и называютъ безкровную жертву — хлѣбъ и вино „вмѣстообразными“ (αὐτίματα), но такъ они называются только до момента преложенія ихъ въ истинную кровь и плоть Господа. Учить, какъ учать иконоборцы, значитъ отрицать пресуществленіе св. Даровъ“ (Дѣян. VII, 483—484). 7) Какъ иконы Спасителя, такъ и иконы Богоматери и прочихъ святыхъ иконоборцы также отвергнули въ своемъ вѣроопредѣленіи. Въ оправданіе этого поступка они въ особенности ссылались на то, что только язычникамъ свойственно религіозно-почитаемые ими предметы какъ-нибудь изображать. Соборъ отвѣчалъ: „если иконоборцы дѣйствительно такъ будутъ разсуждать, то они

должны будутъ отвергнуть все посвященное Богу, а именно священные сосуды и священныя одежды, потому что и язычники дѣлали идоловъ изъ золота и серебра. Остается имъ обвинить католическую церковь еще въ одномъ: язычники въ своихъ историческихъ сочиненіяхъ восхваляютъ своихъ боговъ и демоновъ. Не слѣдуетъ ли и намъ въ своихъ книгахъ не восхвалять ни Всевышняго Бога, ни святыхъ Его, чтобы не уподобиться язычникамъ? Вѣдь, и это у насъ сходно съ язычниками“! (Дѣян. VII, 496—8). 8) Иконоборцы отвергли иконы и потому еще, что не существовало въ то время никакой молитвы, которая бы освящала ихъ, такъ что, повидимому, онѣ оставались такими же обыкновенными предметами, какъ и все прочее. Въ ниспроверженіе этого софизма соборъ говорилъ: „пусть же они выслушаютъ правду. Надъ многими изъ такихъ предметовъ, которые мы признаемъ святыми, не читается священной молитвы, потому что они по самому имени полны святости и благодати. Поэтому такіе предметы мы чтимъ, какъ достойныя почитанія и лобызаемъ ихъ. Такимъ образомъ и самый животворящій крестъ, хотя на освященіе его и не полагается особой молитвы, считается нами достойнымъ почитанія и служить достаточнымъ для насъ средствомъ къ полученію освященія. Итакъ или они должны признать и самый крестъ вещью обыкновенною и не заслуживающею почитанія, поелику онъ не имѣетъ освящающей его священной молитвы, или же иконы они должны считать священными и достойными почитанія“ (Дѣян. VII. 488—489). 9) Считаая себя поборниками истинной духовности религіи, иконоборцы въ своемъ вѣроопредѣленіи объявляли, что иконы не должны быть принимаемы, поелику христіане должны быть далеки отъ всего чувственнаго, находившагося въ религіяхъ языческой и іудейской; при этомъ они выражались: христіанство занимаетъ средину между іудействомъ и язычествомъ. Соборъ съ своей стороны въ подобныхъ сужденіяхъ ничего не находить кромѣ путаницы мыслей. Соборъ отвѣчалъ на нихъ такъ: „своими другими разсужденіями они заводили себя то на обрывистыя скалы, то въ пропасть, а теперь увлекли себя въ бездну ада, ибо они осмѣливаются говорить, что

церковь христіанская занимает средину между язычествомъ и іудействомъ. Но этого мало: они въ то же время противорѣчатъ сами себѣ, утверждая, что церковь не принимаетъ обрядовъ свойственныхъ тому или другому изъ нихъ. Слѣдовательно они или тамъ лгутъ, или здѣсь говорятъ неправду" (VII, 492). 10) Наконецъ отцы собора съ замѣчательною силою и основательностію уничтожаютъ иконоборческіе софизмы собора лжевселенскаго, основанные на свящ. Писаніи. Такъ, на примѣръ, основываясь на новозавѣтномъ изреченіи: *Бога никтоже видѣти нигдѣже* (Іоан. 1, 18), иконоборцы утверждали: значить Богъ неизобразимъ на иконахъ. Отцы собора отвѣчали на это: здѣсь рѣчь идетъ о божественной природѣ Христа, которая дѣйствительно неизобразима; что же касается до человѣческой природы Христа, въ которой Онъ жилъ среди людей, то кто осмѣлится сказать, что она неизобразима? Апостолы видѣли Христа и даже осязали Его (Дѣян. VII, 500). Изъ ветхаго завѣта иконоборцы хотѣли обращать въ свою пользу изреченія, подобныя изреченію: *да не сотвориши себѣ кумира* (Втор. 5, 8). По поводу этого иконоборческаго доказательства отцы справедливо объявляли: подъ кумирами разумѣются не свящ. изображенія, а языческіе идолы, иначе самъ Моисей былъ бы противникомъ воли Божіей, когда онъ въ скиніи устроилъ херувимовъ (Дѣян. VII, 501—3). Съ подобною же неосновательностію иконоборцы, возставая на иконопочитаніе, осмѣливались прилагать къ православнымъ христіанамъ изреченіе апостола: *измѣниша славу нетлѣннаго Бога въ подобіе образа тлѣнна чловѣка* (Рим. 1, 23). Контекстъ рѣчи Апостола ясно изобличалъ неправду иконоборцевъ, ибо далѣе сказано: *и птицъ и четвероногъ и змѣй*; этими дальнѣйшими словами опредѣленно указывалось, что рѣчь направлялась противъ язычниковъ, а не кого другаго. Этимъ контекстомъ и воспользовался соборъ для ниспроверженія умствованій иконоборцевъ. „Иконоборцы съ коварною пѣлію урѣзали это мѣсто Писанія, чтобы ввести простодушныхъ въ заблужденіе, тогда какъ дальнѣйшія слова заключаютъ въ себѣ весьма ясное объясненіе текста; потому что тутъ упомянуто о птицахъ, четвероногихъ и гадахъ, слѣдова-

тельно о томъ, что язычники служили твари вмѣсто Бога“ (Дѣян. VII, 503—4) ¹⁾.

Два послѣднихъ засѣданія вселенскаго собора (7 и 8) посвящены на провозглашеніе и утверженіе православнаго вѣроопредѣленія о св. иконахъ, которое составляло результатъ всей дѣятельности собора. Кто былъ излагателемъ вѣроопредѣленія, неизвѣстно. Оно вносится на соборъ уже готовое ²⁾. Въ вѣроопредѣленіи читаемъ:

„Опредѣляемъ, чтобы святыя и честныя иконы предлагались (для поклоненія) точно такъ же, какъ изображеніе честнаго животворящаго креста, будутъ ли онѣ написаны красками или сдѣланы изъ мозаики или какого-либо другаго вещества, и будутъ ли находиться въ св. церквахъ Божіихъ на освященныхъ сосудахъ и одеждахъ, на стѣнахъ и на дощечкахъ, или въ домахъ и при дорогахъ, а равно будутъ ли это иконы Господа Иисуса Христа или Владычицы Богородицы или честныхъ ангеловъ и всѣхъ святыхъ и праведныхъ мужей. Чѣмъ чаще при помощи иконъ дѣлаются они предметами нашего созерцанія, тѣмъ болѣе взирающіе на эти иконы возбуждаются къ воспоминанію о самыхъ первообразахъ, приобрѣтаютъ болѣе любви къ нимъ и получаютъ болѣе побужденій воздавать имъ лобзаніе, почитаніе и поклоненіе, но никакъ не то истинное служеніе, которое, по вѣрѣ нашей, причисствуетъ только божественному естеству“ (Дѣян. VII, 593).

Когда прочитано было вѣроопредѣленіе предъ лицомъ собора, отцы приложили къ нему свою руку и провозгласили: „всѣ мы такъ вѣруемъ, всѣ такъ думаемъ, всѣ мы въ этомъ согласны и подписались. Это вѣра православная. Съ любовью принимаемъ честныя иконы. Поступающіе иначе да будутъ анаеема! Кто не допускаетъ евангельскихъ повѣствованій представленныхъ живописью, тому анаеема! Кто не

---

¹⁾ Вѣроопредѣленіе иконоборческое старалось заставить и нѣкоторыхъ отцевъ церкви говорить въ свою пользу, но насколько несправедливо, объ этомъ было уже замѣчено нами въ главѣ: „Господство иконоборства“, на основаніи словъ собора вселенскаго.

²⁾ Гефеле („Исторія соборовъ“, S. 557) полагаетъ, что излагателемъ онаго былъ патріархъ Тарасій.

лобызають иконъ, какъ сдѣланныхъ во имя Господа и святыхъ Его, тому анаѐма“ (Дѣян. VII, 610—612).

Обо всемъ, что сдѣлано было соборомъ, въ подробности донесено въ столицу императрицѣ Иринѣ (Дѣян. VII, 620). Императрица сама назначила день для торжественнаго утвержденія опредѣленій собора. Для этой цѣли отцы собора должны были переправиться изъ Никеи въ Константинополь; недалность разстоянія перваго города отъ втораго дѣлала подобный переѣздъ незатруднительнымъ (Дѣян. VII, 626). Мѣстомъ собранія отцевъ въ Константинополь былъ дворецъ Мангаврскій. Императрица съ ея царственнымъ сыномъ почтила своимъ присутствіемъ это собраніе собора. Послѣ рѣчи патріарха и краткой рѣчи самой императрицы, послѣдняя объявила: „пусть будетъ прочитано во всеуслышаніе провозглашенное вами опредѣленіе“, и когда это было исполнено, императрица объявила: „пусть скажетъ св. и вселенскій соборъ, по общему ли вашему согласію провозглашено прочитанное вами опредѣленіе“? Отцы собора воскликнули: „мы всѣ такъ вѣруемъ, всѣ такъ думаемъ и всѣ подписали его по общему одобренію“! Тогда Ирина приняла въ свои руки свитокъ, заключающій вѣроопредѣленіе, утвердила его своею печатью и подписью. Подписался также и юный императоръ (Дѣян. VII, 626—628).

Дѣятельность собора восхвалена была краснорѣчивою рѣчью, произнесенною на немъ Елифаніемъ діакономъ сицилійскимъ. Въ ней есть обращеніе къ самому собору, патріарху Тарасію, городу Никеѣ и всей католической церкви. Обращеніе къ собору: „составимъ хоры и воскликнемъ этому свящ. собранію: радуйся! Радуйтесь священнѣйшіе поборники св. отцевъ. Радуйся собраніе, среди котораго присутствуетъ Богъ. Радуйся соборъ, преисполненный духовнаго вѣдѣнія. Радуйся непрестанно цвѣтущій рай, среди котораго насаждено древо жизни. Радуйся золотой и огненный столпъ новому Израилю Божію; ты освобождаешь его свѣтлымъ ученіемъ догматическимъ отъ руки египетской, т.-е. отъ заблужденія еретиковъ, и при помощи отеческаго православія ведешь въ землю обѣтованія“. Обращеніе къ патріарху: „Радуйся и ты избранный и священнѣйшій про-

повѣдникъ; ты украшаешь у насъ по милости Христа высшій престоль; ты зеркало великаго и перваго Пастыря, чистѣйшее вмѣстилище Духа, вѣрнѣйшіе вѣсы православныхъ догматовъ, чистѣйшій свѣтильникъ, указывающій правила къ жизни во Христѣ; ты всецѣло блистаешь свѣтомъ седми-свѣчника. Блистай намъ свѣтомъ яснѣйшимъ и блистательнѣйшимъ словъ какъбы изъ невидимаго свѣтильника священной каеэдры. Возри и виждь предъ тобою собравшихся дѣтей твоихъ, которые были разогнаны стаями волковъ“. Обращеніе къ Никей: „Радуйся также и ты священный городъ Никей; имя твое достопамятно среди митрополій; тебѣ принадлежитъ преславное первенство между провинціями Визиніи. Прежде ты былъ освященъ стопами 318 св. и богоносныхъ отцевъ, а теперъ освящаешься стопами ихъ преемниковъ. Радуйся священное украшеніе митрополій; въ тебѣ и прежде появилось начало благъ, и нынѣ въ тебѣ же довершены они“. Обращеніе къ церкви: „Радуйся и ты, разлившаяся по всему земному шару, каеэлическая церковь; торжествуй и веселись о собраніи дѣтей своихъ; сними съ себя раздранное рубище и одѣнься въ неповрежденную тунуку православія и единенія. Тебѣ какъ невѣстѣ Царя вѣковъ, Сына и Слова Божія, прилично носить живописно сдѣланный челоуѣкообразный образъ Его, чтобы видно было, что ты невѣста царская. Прилично тебѣ также имѣть внутри себя живописно сдѣланныя иконы и всѣхъ св. апостоловъ и пророковъ, исповѣдниковъ, патріарховъ, св. отцевъ также и мучениковъ, а равно и всего сонма благочестивыхъ мужей“ (Дѣян. VII, 661—665).

IV. Послѣднія времена иконоборства.

Императоръ Левъ Армянинъ.—Причина его иконоборства;—коронація;—Іоаннъ Граматикъ;—императоръ и патриархъ Никифоръ;—торжественная бѣда иконопочитателей съ императоромъ;—требованіе молчанія для стороны православныхъ и Феодоръ Студитъ;—новый патриархъ иконоборецъ;—соборъ иконоборческій;—противодѣйствіе Феодора Студита;—гоненіе на православныхъ;—крайности преслѣдованія.—Императоръ Михаилъ Косноязычный.—Надежды православныхъ;—неуваженіе ходатайства православныхъ въ пользу иконопочитанія;—посланіе на западъ; гоненіе на православныхъ.—Императоръ Теофилъ. Его религіозный характеръ;—гоненія.—Императрица Феодора.—Условія благопріятствующія возстановленію иконъ;—соборъ для возстановленія ихъ;—недѣля православія.—Мысли Феодора Студита объ иконопочитаніи;—заключеніе.

Иконоборство и иконоборцы съ самаго начала появленія своего опирались на помощь государственную. Если во главѣ имперіи Византійской стояли лица иконоборческаго характера, противники иконопочитанія торжествовали и представляли собою силу. Царствованіе императрицы Ирины и VII вселенскій соборъ нанесли сильное пораженіе партіи иконоборческой: она смирилась и ослабѣла, но только до толѣ, пока политическія условія не стали благопріятствовать ей. Церковь имѣла скорбь видѣть еще нѣсколько лицъ на императорскомъ тронѣ, готовыхъ поддерживать иконоборство, и вынуждалась вести съ ними снова борьбу, которая послѣ VII вселенскаго собора казалась оконченною. Такъ было прежде всего въ царствованіе императора Льва Армянина (813—20 г.). Левъ Армянинъ обязанъ былъ престоломъ расположенности къ нему войска, а въ войскѣ со временъ Льва Исаврянина и Константина Копронима сохранялись иконоборческія воззрѣнія. Неудивительно, если Левъ, обязанный своимъ возвышеніемъ войску, считалъ себя вынужденнымъ полагать ему въ отношеніи иконоборчества.

Самъ Левъ не былъ рѣшительнымъ иконоборцемъ. Въ его душѣ постоянно происходила борьба мнѣній иконоборческихъ съ иконопочитаніемъ. Тѣмъ не менѣ его царствованіе тяжело отозвалось на положеніи иконопочитателей.

Левъ не вдругъ становится преслѣдователемъ иконопочитателей. Онъ начинаетъ съ того, что употребляетъ различныя попытки къ примиренію ихъ съ противною партией и только когда его попытки не удаются, православные оказываются твердыми въ своихъ воззрѣніяхъ, императоръ позволяетъ себѣ изъ примирителя обратиться въ гонителя православныхъ.

Впрочемъ съ самаго начала вступленія Льва на престолъ одно обстоятельство показывало, что православные мало могутъ ждать добра отъ новаго царствованія. Патріархъ Никифоръ по обычаю предъ коронаціей предложилъ Льву подписать исповѣданіе вѣры, въ которомъ между прочимъ находилось признаніе законности иконопочитанія. Императоръ отказался отъ подписанія исповѣданія, отложивъ это дѣло до времени послѣ коронаціи. Патріархъ согласился на это, но чрезъ два дня послѣ коронаціи снова потребовалъ отъ императора подписи подъ исповѣданіемъ; императоръ еще разъ отказывается исполнить требуемое ¹⁾. Левъ конечно не хотѣлъ связывать себя напередъ никакими клятвами по вопросамъ вѣры, потому что не зналъ, какъ пойдутъ дѣла на будущее время, а это уже предвѣщало новые споры изъ за иконъ.

Въ руководителя по вопросамъ вѣры Левъ, безъ сомнѣнія, по указанію иконоборцевъ, выбралъ чтеца Іоанна Грамматика (въ послѣдствіи патріарха), человека ученаго, но противника православныхъ. Императоръ приказалъ ему собрать изреченія св. отцовъ касательно иконъ ²⁾. Понятно, что Іоаннъ Грамматикъ, выполняя царское повелѣніе, поставилъ дѣло такъ, что иконоборство выходило правымъ, а иконопочитаніе противозаконнымъ. Какое впечатлѣніе произвело на императора сочиненіе Іоанна, неизвѣстно. Въ

¹⁾ Genesisius. Liber (1) Regum, p. 26—27. Edit. Bonn.

²⁾ Genesisius. Ibidem.

роятно неблагоприятное для православныхъ, но во всякомъ случаѣ это ни въ чемъ опредѣленно не выразилось. Тогда партія иконоборческая находить другой случай, чтобы побудить императора къ преслѣдованію православныхъ. Именно, въ одно изъ богослуженій они обратили вниманіе императора на слѣдующее прочтенное изъ пророка Исаи мѣсто: „кому уподобисте Господа и коему подобію уподобисте Его? еда образъ сотвори древодѣлатель или златарь слявъ злато позлати его? или подобіемъ сотвори его“? (Иса. 40, 19). Иконоборцы указывали императору на эти слова, какъ на гласъ Божій, призывающій его поднять свою руку на идолопоклонниковъ, т.-е. на иконопочитателей ¹⁾. Съ этихъ поръ императоръ вовлекается въ споры иконоборческіе и вовлекаетъ въ нихъ церковь. Прежде всего императоръ принимаетъ на себя задачу посредника между двумя сторонами, хочетъ добиться какихъ-либо уступокъ со стороны православныхъ и тѣмъ удовлетворить иконоборцевъ. Онъ призываетъ къ себѣ патріарха Никифора, ведетъ съ нимъ бесѣду объ иконахъ. Умалчивая о своихъ личныхъ воззрѣніяхъ на иконы, императоръ указывалъ патріарху на нерасположеніе къ иконамъ со стороны народа. Онъ говорилъ: народъ нападаетъ на иконопочитаніе, онъ смотритъ на оное какъ на причину общественныхъ несчастій и пораженій, какія государство потерпѣло отъ народовъ невѣрныхъ. Говоря такъ, императоръ былъ правъ только въ отношеніи къ одному войску, пропитанному иконоборчествомъ, но не больше того. На первый разъ императоръ потребовалъ отъ патріарха немногаго: принимая во вниманіе нерасположеніе будто бы народа къ иконамъ, онъ просилъ у патріарха позволеніе уничтожить тѣ иконы, которыя были поставлены на мѣстахъ невысокихъ, т.-е. такія, которымъ народъ могъ выразить свое почитаніе чрезъ лобзаніе и прочее. Но патріархъ не соглашался на это. Онъ понималъ, что если уступить въ одномъ, придется уступить и во многомъ другомъ. Тогда императоръ, вѣроятно напередъ

¹⁾ Genesis, p. 17. Cedrenus. Compendium Historiarum, pars II, p. 59 (Edit. Bonn.).

наставленный иконоборцами, потребовалъ отъ патріарха яснаго и прямого доказательства изъ священнаго писанія въ пользу иконопочитанія. Этимъ конечно хотѣли поставить патріарха въ затрудненіе, такъ какъ изъ Писанія въ пользу иконопочитанія можно извлекать доказательства только косвенныя. Однакожь патріархъ не потерялся. Онъ замѣтилъ императору, что кромѣ Писанія источникомъ вѣроученія служить священное преданіе: есть многое, говорилъ онъ, что мы считаемъ достойнымъ уваженія и священнымъ, о чемъ однакожь Писаніе прямо не говоритъ. Патріархъ утверждалъ, что почитаніе иконъ есть тоже, что и почитаніе креста и книги Евангелія. „Евангеліе всѣми почитается и однакожь, сказалъ патріархъ, объ этомъ ничего не говорится въ писаніи“ ¹⁾. Нужно помнить, что иконоборцы, отвергая почитаніе иконъ, въ тоже время не отвергали почитанія креста и Евангелія. Дѣло на первый разъ кончилось ничѣмъ.

Новое возбужденіе спорамъ иконоборцевъ съ иконопочитателями дается слѣдующимъ событіемъ. Солдаты, рьяные враги иконъ, неудерживаемые въ своей ненависти къ иконопочитателямъ императоромъ, позволили себѣ дерзскій поступокъ: они произвели нападеніе на великолѣпную икону Спасителя, поставленную надъ Халкійскими воротами императрицей Ириной на мѣсто другой такой-же иконы, низвергнутой по приказанію Льва Исаврянина. Императоръ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы совсѣмъ снять эту икону подъ благовиднымъ предлогомъ удалить ее отъ наругательства солдатъ. Патріархъ смотрѣлъ на этотъ случай, какъ на знаменіе, которое давало знать объ опасности, грозящей вѣрѣ. Онъ собралъ ночью въ своей патріаршей палатѣ великое множество епископовъ и архимандритовъ, до 270 лицъ, и совѣтовался съ ними, что предпринять для отклоненія опасности, и совокупно съ ними молилъ Бога оказать заступленіе церкви. Императоръ, услышавъ объ этомъ,

---

¹⁾ Neander. Allgemeine Geschichte der Christl. Religion und Kirche. Band II. S. 293. (Ausz. 1856). Georgius Monachus. Vitae imperatorum, p. 766—767 (Edit. Bonn.).

обезпокоился: для нечистой совѣсти все кажется подозрительнымъ. Съ разсвѣтомъ императоръ отправилъ отъ себя къ патріарху посла, чрезъ котораго и выразилъ ему неудовольствіе на образъ его дѣйствій. Затѣмъ потребованъ былъ патріархъ во дворецъ для личныхъ объясненій съ императоромъ. Никифоръ повиновался; весь ночной соборъ также послѣдовалъ за нимъ. Спутники Никифора остались предъ вратами дворца. Императоръ встрѣтилъ патріарха гнѣвно, осыпалъ его упреками за то, что онъ противится его намѣренію водворить миръ въ церкви. Онъ указывалъ патріарху, какъ на общественное зло, что не малая часть народа изъ за иконъ отдѣляется отъ церкви, считая иконопочитаніе противнымъ Писанію. Патріархъ съ своей стороны объявилъ, что хотя онъ говоритъ съ самимъ императоромъ, однакожъ долженъ сказать, что если кто изъ духовенства держится иконоборчества, то съ такимъ онъ не можетъ имѣть церковнаго общенія. А въ доказательство того, что большинство духовенства держится почитанія иконъ, патріархъ сію же минуту считалъ возможнымъ привести множество свидѣтелей, на что и просилъ позволенія у императора. Когда императоръ согласился на это, Никифоръ призвалъ предъ лице Льва весь сонмъ епископовъ и монаховъ, находившихся у воротъ дворца ¹⁾). Видя такое собраніе иконопочитателей, Левъ Армянинъ заявилъ предъ ними о своихъ толерантныхъ отношеніяхъ къ иконоборству и замѣтилъ, что предшественники погрѣшили въ вѣрѣ, когда поощряли иконопочитаніе. Для разрѣшенія спорнаго вопроса императоръ требовалъ, чтобы иконопочитатели устроили состязаніе съ иконоборцами. Но отъ этого отказались иконопочитатели, зная напередъ, что изъ подобныхъ словопреній мало полезнаго выйдетъ для церкви. Въ особенности съ большою ревностію и силою состязался въ спорѣ съ императоромъ знаменитый студійскій архимандритъ св. Феодоръ Студитъ, мужъ ученый и неутомимый поборникъ православія. Онъ доказывалъ императору, что это не его, импера-

---

¹⁾ Neander. S. 294. Гефеле въ „Исторія Соборовъ“. Band IV, S. 3—4. (Ausz. 1860).

торово, дѣло вмѣшиваться въ дѣла церкви: о церкви и церковныхъ догматахъ должна судить сама церковь. „Императоръ, говорилъ онъ, внемли тому, что Апостоль Павелъ говоритъ тебѣ о церковномъ благочиніи, и узнавъ, что царю не слѣдуетъ ставить себя судіею и рѣшителемъ въ церковныхъ дѣлахъ, послѣдуй и самъ апостольскимъ правиламъ. Апостоль говоритъ: *положи Богъ въ церкви первыя Апостоловъ, второе пророковъ, третіе учителей* (1 Кор. 12, 28), и вотъ тѣ, которые устраиваютъ и изслѣдуютъ дѣла вѣры по волѣ Божіей, а не цари; ибо Апостоль не упомянулъ, что царь распоряжается дѣлами церкви“. Нужно было имѣть много смѣлости, чтобы говорить такимъ языкомъ съ византійскимъ императоромъ. Императоръ на это могъ сказать только: развѣ по твоему я изгнанъ изъ церкви? Θεодоръ отвѣчалъ: я не свои слова говорю, я говорю то, что говоритъ Апостоль; впрочемъ если ты хочешь быть истиннымъ сыномъ церкви, то ничто тебѣ не препятствуетъ, только слѣдуй во всемъ твоему отцу духовному, указавъ при этомъ на патріарха Никифора ¹⁾). Какъ кончилось это собесѣдоаніе иконопочитателей съ императоромъ, объ этомъ разсказывается неодинаково. По однимъ, выслушавъ слова Θεодора, императоръ вышелъ изъ себя и закричалъ: „ступайте вонъ отсюда“ ²⁾). По другимъ, императоръ увидѣлъ, что иконопочитателей слишкомъ много, а потому не хотѣлъ становиться къ нимъ во враждебное отношеніе. Онъ заявилъ предъ собраніемъ, что онъ не врагъ иконопочитанія, и въ доказательство этого достаетъ икону, которую онъ носилъ на груди своей, и цѣлуетъ ее ³⁾).

Послѣ того какъ собраніе оставило дворецъ, всѣ монахи отправились въ студійскій монастырь, при чемъ Θεодоръ, настоятель монастыря, пламенными рѣчами старался возбудить въ нихъ ревность къ иконопочитанію. Такія со-

¹⁾ Жизнеописаніе св. Θεодора, помѣщенное въ видѣ предисловія къ изданію писемъ св. Θεодора Студита. Стр. 49—53. Изд. С.-Петербург. Академіи, 1867 г. Жизнеописаніе это составлено современникомъ, и потому есть важный церковно-историческій документъ.

²⁾ Жизнеописаніе св. Θεодора. Стр. 53.

³⁾ Neander, S. 295.

бранія однакожь были непріятны правительству. Дано было приказаніе всѣмъ архимандритамъ отъ имени императора, чтобъ они не сходились ни на какія совѣщанія, воздерживались отъ всякихъ разсужденій по поводу вопросовъ вѣры и не давали никакихъ отвѣтовъ, если подобные вопросы будутъ имъ предлагаемы. Въ знакъ своего послушанія всѣ настоятели монастырей должны были подписаться подъ указомъ. Есть основаніе полагать, что такой указъ былъ предъявленъ и прочему духовенству. Многие по чувству самосохраненія исполнили это требованіе, находя, что молчаніе не есть отреченіе отъ истины. Иначе смотрѣлъ на дѣло ревностный Феодоръ Студитъ, который рѣшительно отказался отъ требуемой подписи, объявляя, что онъ хочетъ болѣе слушаться Бога, нежели человѣковъ. Онъ издаетъ окружное посланіе къ монахамъ, въ которомъ дѣлаетъ сильныя упреки подписавшимъ указъ. Онъ указывалъ имъ, что поступая такъ, они являются предателями истины и измѣняютъ своимъ обязанностямъ; онъ представлялъ имъ въ образецъ св. апостоловъ, которымъ никакое человѣческое насиліе не въ силахъ было препятствовать въ свидѣтельстваніи о Христѣ, и примѣръ древнихъ монаховъ. Феодоръ въ подробности разбираетъ отговорки, по которымъ настоятели монастырей считали себя правыми, уступая императору. Въ послѣднемъ отношеніи Феодоръ писалъ: „господа игумены. какъ слышно, говорятъ: кто мы такіе (чтобы оказывать сопротивленіе)? Вопервыхъ, говоритъ Феодоръ, вы христіане, которые теперь непременно должны говорить; потомъ монашествующіе, которымъ ничѣмъ не слѣдуетъ увлекаться, какъ непривязаннымъ къ міру; далѣе игумены, которые должны отклонять соблазны отъ другихъ и никому не давать повода къ искушенію. А какой соблазнъ и искушеніе или лучше униженіе произвели они собственноручною подпискою, объ этомъ нужно ли говорить? Ибо если молчаніе есть отчасти согласіе, то утвержденіе этого согласія подписью предъ цѣлою церковію какъ позорно!“ Настоятели монастырей въ свое оправданіе говорили, что и другія лица тоже въ тайнѣ хранятъ свое исповѣданіе православное, напр. патрици, да и патріархъ не противодѣйствуетъ явно. На

это Феодоръ отвѣчаетъ: „но что сказалъ Христосъ? *Всякъ, иже исповѣсть Мя предъ чловѣки, исповѣмъ его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ* (Мѣ. 10, 32); а противное тому въ случаѣ отреченія, и если они дали собственноручную подписку не сходиться другъ съ другомъ, это тоже самое. Ибо какъ они будутъ соблюдать сказанное Христомъ: *врядущаго ко Мнѣ не изжену вонъ* (Іоан. 6, 39)? Приходить къ нимъ кто-нибудь, спрашивая и желая узнать истину, — чтоже отвѣтитъ ему игумень? Вотъ что: я получилъ повелѣніе не говорить. Итакъ они дали подписку повиноваться императору вопреки Христу“ ¹⁾ Феодоръ не оставилъ безъ должнаго вразумленія и пресвитеровъ, подписавшихся подъ тѣмъ же указомъ. Вотъ примѣчательныя слова, съ которыми онъ обращается къ пресвитеру, совершившему подобный проступокъ. „Если ты скажешь, подписываясь: я восклицалъ, что я покланяюсь св. иконамъ, то прости братъ, и Пилать, устами выдавая себя за невиннаго въ убіеніи Христа, тростию утвердилъ смерть Его“ ²⁾. Начались преслѣдованія противъ непокорныхъ изъ монаховъ и духовенства со стороны императора.

Но и этимъ дѣло не ограничилось. Императоръ началъ дѣйствовать рѣшительнѣе. Главною помѣхой иконоборческихъ затѣй правительства былъ тогдашній патріархъ Никифоръ. Императоръ сначала хотѣлъ только смирить его и заставить его уступить. Императоръ съ этою цѣлію отнимаетъ у патріарха право распоряжаться церковными имуществомъ, запрещаетъ ему проповѣдь и торжественное совершеніе литургіи. Но это мало помогло Льву Армянину. Такъ, когда императоръ успѣлъ привлечь на свою сторону нѣкоторыхъ изъ епископовъ и составилъ изъ нихъ иконоборческій соборъ, патріархъ, ничтоже сумняся, отвергъ опредѣленія этого лжесобора. Тогда Левъ рѣшился на суровую мѣру въ отношеніи къ патріарху: онъ лишилъ его сана и изгналъ. Это было въ началѣ 815 года. На его

¹⁾ Письма св. Феодора Студита, т. II, стр. 6. 9. Изд. С.-Петербур. Академіи. 1869 г.

²⁾ Тамъ же, стр. 16.

мѣсто избранъ былъ императоромъ въ патриархи человекъ, преданный планамъ его, Θεодотъ Касситера, изъ знатной фамилии, ревностный иконоборецъ, потомокъ Константина Копронима ¹⁾. Сторона православныхъ не признавала впрочемъ этого новаго патриарха законнымъ и крѣпко держалась прежняго патриарха, Никифора. Душею этихъ привержонцевъ Никифора былъ извѣстный намъ Θεодоръ Студитъ. Онъ открыто заявлялъ о своей привержности къ прежнему патриарху и его дѣлу. Такъ въ недѣлю Ваий 815 г. онъ устраиваетъ въ своемъ монастырѣ торжественный крестный ходъ, при чемъ иконы несомы были сколь возможно высоко; въ такомъ видѣ крестный ходъ обошелъ виноградникъ, облежавшій обитель. Процессія сопровождалась пѣніемъ пѣснопѣвнй въ честь и славу иконъ. Императоръ пылалъ гнѣвомъ на Θεодора и грозилъ ему наказаніемъ, но поборникъ вѣры скорѣе хотѣлъ принять мученіе, чѣмъ отказаться отъ иконопочитанія ²⁾.

Съ низверженіемъ патриарха, преданнаго иконопочитанію, иконоборство дѣлаетъ замѣтные успѣхи. Новый патриархъ Θεодотъ собираетъ въ Константинополь соборъ, который долженъ былъ опровергнуть опредѣленія собора Никейскаго II-го и снова изгнать иконы изъ храмовъ. Разослано было по монастырямъ окружное посланіе, которымъ архимандриты и игумены приглашались принять участіе въ соборѣ; но многіе не приняли этого приглашенія, считая этотъ соборъ незаконнымъ. Θεодоръ Студитъ отъ лица всѣхъ другихъ настоятелей монастырей, противившихся иконоборческому патриарху, отправилъ къ собору посланіе, въ которомъ эти поборники объявляли, что они по церковнымъ правиламъ безъ согласія своего епископа Никифора не могутъ принять никакого участія въ церковныхъ дѣлахъ, не примутъ участія и въ соборѣ, и рѣшительно высказывались въ пользу иконопочитанія ³⁾. Соборъ иконоборческой 815 г. состоялъ изъ трехъ засѣданій. На первомъ засѣда-

¹⁾ Neander, S. 296. Cedrenus, p. 56—7. Письма Θεодора Студита, т. II, стр. 64.

²⁾ Жизнеописаніе св. Θεодора, тамъ же, стр. 55.

³⁾ Письма Θεодора Студ., т. II, стр. 3—6.

ни были подтверждены опредѣленія лжевселенскаго собора Копронимова, бывшаго въ 754 году, а опредѣленія истиннаго собора вселенскаго 787 г. были отвергнуты. На слѣдующій день, во второе засѣданіе, были приглашены многіе православные епископы и, когда они не соглашались пристать къ партіи иконоборцевъ, подвергались оскорбленіямъ и относительно ихъ провозглашена анаѳема. Въ третьемъ засѣданіи собора были выражены иконоборческія мнѣнія въ видѣ соборнаго опредѣленія и подписаны были дѣянія собора ¹⁾.

Главнымъ борцемъ противъ иконоборства и теперь остается св. Феодоръ Студитъ. Онъ внушаетъ приверженцамъ иконопочитанія прервать всякія связи съ иконоборствомъ. Онъ запрещалъ имъ входить въ храмы, которые находятся въ рукахъ еретиковъ ²⁾. Онъ запрещалъ имъ принимать участіе въ богослуженіи, совершаемомъ еретиками; потому что, по его воззрѣнію, „еретики понимаютъ молитвы богослуженія не такъ, какъ составившій ихъ, и вѣруютъ не такъ, какъ гласятъ самыя слова“. Онъ не совѣтуетъ принимать отъ еретиковъ и таинства крещенія. Феодоръ внушалъ: „некрещенному, если не найдется правослачный (священникъ) для совершенія крещенія, слѣдуетъ креститься отъ монаха, или за неимѣніемъ этого, отъ мірянина“ ³⁾. Феодоръ удерживаетъ православныхъ отъ всякихъ мірскихъ сношеній съ еретиками. „Кто имѣетъ общеніе съ еретиками въ пищѣ, питіи и дружбѣ, тотъ повиненъ“ ⁴⁾. Не только не должно имѣть общенія съ еретиками, но, по мысли Феодора, и съ тѣми изъ православныхъ, которые по нуждѣ или безъ нужды имѣютъ общеніе съ еретиками. Феодоръ поучалъ такъ: „съ другими, которые имѣютъ общеніе съ совершенно нечестивыми по нуждѣ или изъ страха, или отъ голода, или безъ нужды, или по принужденію, а между тѣмъ признаютъ себя православными, можно ли вмѣстѣ вкушать пищу? Отнюдь нѣтъ, исключая

1) Гефеле въ „Исторія соборовъ“. Band IV, S. 5.

2) Письма св. Феодора Студита, т. II, стр. 69.

3) Тамъ же стр. 81. 82.

4) Тамъ же стр. 97.

развѣ только принадлежащихъ къ простому классу народа и притомъ не безразлично, а по какому-нибудь необходимому случаю, разъ или дважды. Можно ли вкушать остатки изъ ихъ снѣдей по нуждѣ или безъ нужды? Если отъ священника, то нельзя; если не отъ священника, то можно вкушать по нуждѣ. Можно ли говорить съ ними, здороваться и привѣтствовать? Нѣтъ. Господь запретилъ дѣлать имъ привѣтствіе, случайно можетъ быть, но съ любовью и дружбою этого нужно избѣгать ¹⁾. Θεодоръ запрещаетъ даже сыну поминать за литургіей отца еретика, умершаго въ ереси. „Хотя бы былъ отецъ, хотя бы мать, хотя бы братъ, хотя бы кто-либо другой обличенный въ ереси до смерти. онъ не долженъ быть поминаемъ на литургіи“ ²⁾.

Царствованіе Льва Армянина ознаменовалось многими бѣдами для Церкви. Повторилось, хотя и не въ такихъ размѣрахъ, гоненіе Константина Копронима. Θεодоръ Студитъ въ своихъ сочиненіяхъ даетъ самое живое описаніе несчастій, какія Церковь испытала въ это царствованіе. „О, страшно слышать! Досточтимая икона Спасителя, которой и бѣсы страшатся, подвергается поношенію и униженію, не только въ царствующемъ городѣ, но и во всѣхъ мѣстахъ и городахъ, жертвенники истреблены, святыни осквернены. Умолкли всѣ уста благочестивыя отъ страха смерти, открылся противный и богохульный языкъ“ ³⁾. Монахи и монахини претерпѣвали гоненія. „Одни изъ нихъ испытывали насмѣшки и бичеванія, другіе — узы и заключеніе подъ стражею, недостаточно питаея хлѣбомъ и водою; иные отправлены въ ссылку, другіе пребываютъ въ пустыняхъ, горахъ, вертепахъ и пропастьяхъ земныхъ, а нѣкоторые, потерпѣвъ бичеванія, уже мученически переселились къ Господу; есть и такіе, которые, бывъ посажены въ мѣшокъ, брошены ночью въ море, какъ сдѣлалось это извѣстно отъ видѣвшихъ“ ⁴⁾. Гоненіе простиралось даже на свящ. одежды и сосуды, если на нихъ были религіозныя изображенія. Θεодоръ пишетъ:

---

¹⁾ Тамъ же стр. 15²—4.

²⁾ Тамъ же стр. 614.

³⁾ Тамъ же стр. 42..

⁴⁾ Тамъ же стр. 48

„свещ. сосуды переплавлены, а свещ. одежды преданы огню“. Не избѣжали уничтоженія и книги, если въ нихъ говорилось объ иконопочитаніи ¹⁾. Съ какою жестокостію производилось гоненіе на православныхъ, объ этомъ лучше всего можно судить по тому, что пришлось вынести самому Феодору Студиту. Въ царствованіе Льва онъ сосланъ былъ въ ссылку, и потомъ переводился съ одного мѣста въ другое, при чемъ ему запрещено было съ кѣмъ-либо видѣться и съ кѣмъ-либо переписываться. Не разъ предписывалось наказать Феодора сотнею ударовъ ремня. Въ мѣстахъ изгнанія Феодоръ заточался въ самыхъ тѣсныхъ жилищахъ съ недостаточнымъ отверстіемъ для свѣта. Зимой въ этихъ жилищахъ было слишкомъ холодно, потому что топлива не выдавалось, а лѣтомъ слишкомъ жарко, какъ „въ пещномъ пламени“; бѣлье не перемѣнялось; насѣкомыя еще усиливали страданія подвижника. Пищи на Феодора съ его ученикомъ выдавалось столько, сколько едва могло хватить на одного. Въ особенности много выстрадалъ Феодоръ послѣ одного сѣченія ремнями. Жизнеописатель Феодора такъ описываетъ положеніе, въ какомъ находился подвижникъ послѣ бичеванія. „Феодоръ едва не умеръ послѣ этого жесточайшаго бичеванія, ибо раны, воспалившіяся и обратившіяся въ страшнѣйшія язвы и загнившіеся куски тѣла, почти не давали ему возможности перевести духъ или погрузиться въ сонъ, который облегчилъ бы боль, причиняемую ему воспаленіемъ, или получить аппетитъ къ принятію чего либо съѣстнаго. Почему доблестный ученикъ его, союзникъ въ подвигахъ и заключеніи, Николай, доставши ячменнаго отвара, подавалъ ему не больше одной чашки въ каждый день. Также за неимѣніемъ врачей отецъ позволилъ этому духовному сыну обрѣзывать ножичкомъ сгнившія части висѣвшей кожи его, чтобы остальныя части тѣла пришли мало-по-малу въ обыкновенное положеніе. Въ такомъ страданіи отъ болѣзней огненосный столпъ православія — Феодоръ провелъ все время св. четырехдесятницы и долѣе и едва въ послѣдніе дни св. пятидесятницы возстановилось его здоровье“. Но и послѣ

¹⁾ Тамъ же стр. 57.

этого Θεодоръ еще разъ, по приказанію императора, наказанъ былъ нещадно рсннями. Страданія Θεодора продолжались во все царствованіе Льва ¹⁾.

Гоненіе Льва Армянина на иконопочитателей производилось съ рѣдкою настойчивостію. Онъ рѣшился перевоспитать общество въ идеяхъ чуждыхъ православію. Съ этою цѣлію иконоборчество проводилось въ умы путемъ школьнаго образованія и путемъ общественнаго богослуженія. Мнѣнія иконоборческія даже включены были въ элементарные учебники, по какимъ учились школьники ²⁾. Такъ какъ общественное богослуженіе имѣло и имѣетъ глубокое воспитывающее значеніе, то императоръ приказалъ отмѣнить пѣніе тѣхъ церковныхъ пѣсней, въ которыхъ выражалось вѣрованіе въ святость иконъ, и напротивъ вводились такія пѣнопѣнія, которыя заключали иконоборческія мнѣнія ³⁾. Нельзя было читать книгъ, въ которыхъ говорится объ иконопочитаніи, потому что объ этомъ могло быть донесено императору; нельзя было вести простаго частнаго разговора объ иконахъ, разговоръ могъ быть подслушанъ — и горе бесѣдовавшимъ; нельзя было оказать какой-либо помощи заключеннымъ въ тюрьмахъ за иконопочитаніе, — сострадательный за милосердіе самъ могъ поплатиться тюрьмою. Θεодоръ Студитъ пишетъ объ этомъ времени: „Невозможно произнести ни одного благочестиваго слова, — ловитва близко, такъ что мужъ опасается жены своей; доносчики и записчики наняты императоромъ для развѣдыванія: не говоритъ ли кто чего-либо неугоднаго кесарю, или не уклоняется ли отъ общенія съ нечестіемъ, или не имѣетъ ли какой-либо книги, содержащей сказаніе объ иконахъ, или самой иконы, не принимаетъ ли изгнаннаго или не служитъ ли содержащимъ подъ стражею ради Господа; и если будетъ обличенъ въ этомъ, тотчасъ схватывается, бичуется, изгоняется, такъ что и господа преклоняются предъ рабами по страху доноса“ ⁴⁾. Иконоборцы, повидимому, готовы, были наказывать

¹⁾ Жизнеописаніе св. Θεодора Студ. Стр. 58—69.

²⁾ Письма св. Θεодора Студ. Томъ II стр. 48.

³⁾ Тамъ же. Стр. 53.

⁴⁾ Тамъ же. Стр. 49. 57.

за самую сокровенную мысль, за иконопочитаніе въ душѣ, еслибы возможно было проникнуть въ сердце человѣка.

Царствованіе Льва Армянина, которое мы рассматривали доселѣ, въ 821 году смѣнилось новымъ царствованіемъ — Михаила II, Косноязычнаго. Михаилъ прямо изъ темницы и въ узахъ взошелъ на тронъ императорскій. Иконопочитатели возлагали благія надежды на новаго императора, основываясь отчасти на томъ, что онъ стоялъ во враждебныхъ отношеніяхъ къ своему предшественнику Льву. Такъ какъ, притомъ, Михаилъ тотчасъ по воцареніи возвратилъ изъ изгнанія сосланныхъ при Львѣ иконопочитателей и освободилъ изъ темницъ заключенныхъ сюда за иконопочитаніе при томъ же императорѣ, то надежды православныхъ получили еще большую силу. Но это были напрасныя надежды. Михаилъ собственно не хотѣлъ быть гонителемъ иконопочитателей, но онъ не хотѣлъ быть и покровителемъ ихъ. Это былъ равнодушный врагъ иконъ. Θεодоръ Студитъ очень хорошо характеризуетъ Михаила, когда говоритъ: „огонь погасъ (разумѣется Левъ Армянинъ), но за то остался дымъ“, т. е. Михаилъ ¹⁾. Разсчитывая найдти на первыхъ порахъ въ Михаилѣ такого человѣка, который бы исполнилъ желаніе иконопочитателей касательно возстановленія иконъ въ Церкви, патріархъ Никифоръ, Θεодоръ Студитъ и многіе митрополиты, возвратившіеся по императорскому приказанію изъ ссылки, отправились было къ Михаилу привѣтствовать его съ возшествіемъ на престолъ и просить его возстать на защиту иконъ. Всѣ высшіе іерархи усердно просили царя исполнить желаніе Церкви. Внушительно говорилъ о томъ же съ императоромъ и знаменитый Θεодоръ Студитъ. Но императоръ остался нѣмъ къ ихъ увѣщаніямъ. Онъ объявилъ имъ, что не хочетъ дѣлать никакихъ измѣненій въ положеніи Церкви: какою онъ нашелъ ее, такою она и останется. Императоръ сказалъ депутатамъ: „хороши и прекрасны ваши слова, но такъ какъ я никогда доселѣ не поклонялся никакой иконѣ, то какою я нашелъ Церковь, такою и оставлю ее; вамъ же я предоставляю власть

¹⁾ Тамъ же, стр. 211.

свободно держаться догматовъ, какъ вы говорите, православной вѣры, впрочемъ внѣ этого города (Константинополя), гдѣ каждый изъ васъ захочетъ жить, не опасаясь и не ожидая себѣ никакой опасности отъ нашей власти“. Сказавъ это, онъ отпустилъ ихъ изъ дворца ¹⁾. Впрочемъ императоръ не оставилъ дѣла иконопочитателей и иконоборцевъ вовсе безъ вниманія; подобно Льву Армянину онъ хотѣлъ примирить ихъ. Съ этою цѣлю онъ назначилъ соборъ, на которомъ должны произойти пренія между иконоборцами и иконопочитателями. Но этому собору не суждено было состояться. Сторона православныхъ отказалась принять участіе на соборѣ. Православные находили это бесполезнымъ и унижительнымъ для себя. Они находили, что иконоборцы слишкомъ закоренѣли, чтобы можно было отъ собора съ ними ожидать чего-либо добраго для Церкви, да и не позволительно, говорили они, имѣть общеніе съ явными еретиками: это противно правиламъ ²⁾.

Вмѣшиваясь въ дѣла Церкви, по вопросу объ иконахъ, императоръ повидимому желалъ только того, чтобы иконопочитаніе очистилось отъ суевѣрныхъ примѣсей, и указывалъ на существованіе ихъ въ практикѣ церковной. До насъ сохранилось посланіе Михаила, писанное имъ на Западъ (къ императору Людовику Благочестивому). Въ немъ по поводу иконопочитанія на Востокѣ говорилось: „Прежде всего они (иконпочитатели) изгнали изъ церквей св. крестъ (!) и вмѣсто него повѣсили иконы и предъ ними лампы; предъ ними они воскуряютъ ладонъ и вообще оказываютъ имъ такое же уваженіе, какъ и кресту, на которомъ распялся Христосъ. Они поютъ предъ ними псалмы, поклоняются имъ и ожидаютъ именно отъ иконъ себѣ помощи. Многіе облакаютъ ихъ льняными покровами и дѣлаютъ ихъ кумовьями при крещеніи дѣтей. Другіе, принимающіе на себя монашество, оставили прежній обычай, чтобы кто-либо изъ извѣстныхъ лицъ при постриженіи ихъ получалъ волосы въ свои руки, а кладутъ волосы на образа. Нѣко-

¹⁾ Жизнеописаніе св. Феодора Студ. Тамъ же. Стр. 87—88.

²⁾ Письма св. Феодора Студ. Тамъ же. Стр. 507—508.

торые пресвитеры и клирики соскабливають даже краски съ образовъ, примѣшивають ихъ къ Евхаристіи. И еще другіе кладуть Евхаристію на образа и отсюда уже причащаются. Иные совершають Евхаристію не въ церквахъ, а въ частныхъ домахъ и притомъ на образахъ, которые служатъ вмѣсто престола“ ¹⁾. Но это были только благовидныя слова, въ сущности Михаилъ былъ болѣе врагомъ иконъ, чѣмъ императоромъ, заботившимся о процвѣтаніи истиннаго благочестія. Такъ въ патриархи по смерти Θεодота Касситеры избирается прямой иконоборецъ Антоній ²⁾. Царствованіе Михаила, далѣе, не чуждо было и прямыхъ гоненій на иконопочитателей. Съ теченіемъ времени онъ началъ преслѣдовать монаховъ, наказывая ихъ всячески, а иконопочитателей изъ числа мірянъ сажалъ въ тюрьмы и посылалъ въ ссылку. Въ особенности при немъ пострадали: монахъ Меодій, впоследствии патриархъ константинопольскій, котораго онъ держалъ подъ крѣпкою стражею на одномъ изъ острововъ,—и Евѣимій, епископъ сардикійскій; этотъ сначала подвергся изгнанію, а потомъ такъ жестоко былъ наказанъ воловьими жилами, что онъ скончался ³⁾.

Переходимъ къ обзорѣнію послѣдняго иконоборческаго царствованія—Θеофила, сына Михаила Косноязычнаго, вступившаго на престолъ византійскій въ 830 году. Отъ Θεофила, какъ и отъ отца его, Церковь не ожидала иконоборства. Онъ одушевленъ былъ самымъ горячимъ участіемъ къ дѣламъ церкви, къ благосостоянію ея, и отличался ревностнымъ почитаніемъ пресв. Богородицы и св. угодниковъ. Онъ самъ сочинялъ церковныя пѣсни, которыя и употреблялись при богослуженіи. Иконопочитатели полагали, что онъ будетъ настолькоъ разсудителенъ, что уступитъ требованію большинства лицъ въ церкви, возстановитъ иконы; въ самомъ же дѣлѣ случилось не то. Его ревность къ церковнымъ дѣламъ получила направленіе не въ пользу православія: виною этого больше всего было воспитаніе

¹⁾ Гефеле, въ „Исторіи соборовъ“ В. IV. S. 37—38.

²⁾ Symeon Magister. Annales. P. 621 (Edit. Bonn).

³⁾ Theophanes Continuatus. Chronographia, p. 48 (Edit. Bonn).

Феофила. Его учителемъ былъ непримѣримый врагъ иконъ Іоаннъ Грамматикъ, который вкоренилъ въ сердце Феофила иконоборческія стремленія и оказывалъ на него вліяніе самое невыгодное для иконопочитателей; и это тѣмъ болѣе, что Іоаннъ Грамматикъ вскорѣ (въ 833 г.) сдѣлался патриархомъ константинопольскимъ. Феофиль былъ не лучше самыхъ жестокихъ иконоборческихъ императоровъ. Его ярость обратилась въ особенности на монаховъ, между которыми было много иконописцевъ и въ которыхъ онъ встрѣтилъ наибольшее сопротивленіе себѣ. Многіе монастыри были опустошены, ни одинъ монахъ не осмѣливался показываться на улицахъ столицы. Художники между ними получили запрещеніе писать иконы, и если однакожъ вопреки запрещенію, они продолжали заниматься этимъ дѣломъ, то подвергались тѣлесному наказанію. Такъ на примѣръ случилось съ монахомъ Лазаремъ. Руки иконописцевъ были опалены при помощи раскаленныхъ желѣзныхъ досокъ. Не меньшимъ бѣдамъ подвергали себя и ученые защитники иконопочитанія. Императоръ самъ вступалъ съ ними въ диспуты и горе было тому, кто не убѣждался доводами Феофила. Такъ двое братьевъ, Феофанъ и Феодоръ, родомъ изъ Іерусалима, за подобное преступленіе не только были наказаны двумя стами ударами палокъ, но имъ начертанъ еще былъ на челѣ одинъ греческій, содержащій насмѣшку, стихъ, почему они и получили названіе „начертанныхъ“ (γραπτοι). Также ученый монахъ Меѳодій долженъ былъ въ продолженіе семи лѣтъ скрываться отъ ярости Феофила на одномъ островѣ, гдѣ онъ жилъ въ пещерѣ съ двумя разбойниками. Но такія гоненія нимало не останавливали иконопочитателей въ ихъ ревности; такъ, тотъ самый Лазарь, который наказанъ былъ палками, тотчасъ же съ мѣста казни спѣшить въ храмъ Предтечи, который находился въ Константинополѣ, и, исполненный религіознаго воодушевленія, начертываетъ здѣсь образъ Іоанна Предтечи ¹⁾). Такіе факты должны были поднимать духъ иконопочитателей.

И дѣйствительно поднимали, ибо уже въ самое царство-

---

¹⁾ Neander, S. 300. Theophanes Continuatus. Chronographia, p. 99—106

ваніе Теофила при дворѣ его образовалась партія, которая желала возстановленія иконъ. Во главѣ ея состояла супруга Теофила, благочестивая Теодора, которая впоследствии сдѣлалась извѣстна тѣмъ, что окончательно возстановила иконопочитаніе въ царствѣ византійскомъ. Теофилъ своими мѣрами конечно заставилъ умолнуть иконопочитателей, но онъ не могъ вырвать съ корнемъ того расположенія къ иконопочитанію, которое скрывалось въ душахъ большинства народа. Семья, изъ которой вышла императрица Теодора, была проникнута благоговѣніемъ къ иконамъ. Не только сама Теодора была иконопочитательница, но и мать ея Теоктиста старалась воспитать дѣтей Теофила, своихъ внуковъ въ преданности къ иконопочитанію. Съ этою цѣлію она брала этихъ послѣднихъ къ себѣ, показывала имъ образа, тайно хранимыя ею, пріучала ихъ цѣловать оные, полагала оные на главы ихъ для полученія освященія. Теофилъ узналъ обо всемъ этомъ; сама императрица едва успокоила своего разгнѣваннаго супруга, провѣдаваго о томъ, что она почитала иконы; что же касается дѣтей своихъ, то Теофилъ воспретилъ имъ навѣщать ихъ бабу Теоктисту. Смерть Теофила въ январѣ 842 года, послѣ чего императрица Теодора взяла управленіе государствомъ въ свои руки, разомъ измѣнила положеніе вещей. Вокругъ императрицы сгруппировались лица, которыя или съ самаго начала правленія Теодоры или вскорѣ потомъ рѣшительно стали содѣйствовать возстановленію иконопочитанія. Именно опекуны малолѣтняго императора Михаила III, сына Теофилова, были иконопочитателями. Такъ высшій государственный сановникъ Теоктистъ былъ рѣшительно того мнѣнія, что слѣдуетъ возстановить иконы; другой опекунъ Михаила, дядя императрицы, Варда, также согласенъ былъ на это. Колебался только третій опекунъ Мануилъ, тоже дядя императрицы. Но и этотъ не долго колебался. Одно обстоятельство быстро измѣнило его расположеніе. Онъ впалъ въ тяжкую болѣзнь; жизнь его была въ опасности. Къ нему приходили многіе монахи и лица духовныя, чтобы навѣстить его, и въ это время взяли съ него обѣтъ, въ случаѣ выздоровленія содѣйствовать возстановленію иконопочитанія. Мануилъ выздоро-

вѣлъ и съ этихъ поръ сдѣлался жаркимъ сторонникомъ Θεоктиста по вопросу объ иконахъ. Всѣ названныя лица однажды приходятъ къ императрицѣ и предлагаютъ ей востановить иконы. Императрица съ своей стороны нисколько не колебалась сдѣлать это, но затруднялась, какъ поступить, когда нѣкоторые сенаторы, епископы, а главное патріархъ Іоаннъ держатся иконоборческаго заблужденія. Поэтому для осуществленія дѣла признано было нужнымъ побудить патріарха: или присоединиться къ иконопочитателямъ, или оставить патріаршую кафедру. Этимъ и занялись опекуны Михаила. Они отправили къ патріарху одного чиновника съ словами: „отовсюду приходятъ просьбы о востановленіи иконъ и въ особенности со стороны монаховъ, почему ты или согласишься на это и снова укрась храмы Божіи, или если хочешь пребывать въ заблужденіи, выѣзжай на нѣкоторое время изъ столицы въ пригородное мѣсто, гдѣ и дожидайся монаховъ, которые придутъ наставить тебя на истину“. Этимъ сдѣланъ былъ намекъ, чтобы Іоаннъ, если онъ остается при своихъ иконоборческихъ воззрѣніяхъ, отказался отъ патріаршества. Но Іоаннъ мало расположенъ былъ къ подобному шагу. Онъ захотѣлъ возбудить къ себѣ въ народѣ сочувствіе клеветой, что будто бы его намѣревались убить по приказанію императрицы; но эта клевета только скорѣе распутала дѣло. Она была опровергнута, и Іоаннъ долженъ былъ оставить патріаршій престолъ. Въ патріархи теперь выбранъ былъ Мееодій, ученый монахъ, бывший исповѣдникомъ при императорахъ Михаилѣ Косноязычномъ и Θεофилѣ ¹⁾. Настало время окончательнаго торжества иконопочитанія надъ иконоборствомъ.

Рѣшено было собрать соборъ, который и состоялся въ февралѣ 842 года. По волѣ императрицы для этого собора учеными мужами извлечены были изъ писаній св. отцевъ всѣ мѣста, которыя говорили въ пользу св. иконъ. Эти извлечения еще до собора прочитаны были предъ лицами духовными и сенаторами; тѣ и другіе послѣ этого высказались за востановленіе иконъ. Самый соборъ, насколько

---

¹⁾ Theophanes Continuatus. Chronographia, p. 90 - 91, 149 - 152.

извѣстно о немъ, подтвердилъ опредѣленія всѣхъ прежнихъ седьми вселенскихъ соборовъ, провозгласилъ иконопочитаніе дѣломъ законнымъ, а иконоборцевъ подвергалъ анаемѣ. На томъ же соборѣ епископы, не желавшіе отказаться отъ иконоборства, были лишены своихъ кафедръ; ихъ кафедры были отданы такимъ лицамъ, которыя заявили себя исповѣдниками въ предшествующее царствованіе. Императрица Θεодора испросила отъ отцевъ собора разрѣшеніе иконоборческаго грѣха своему мужу Теофилу, заявивъ, что въ послѣднія минуты жизни онъ показалъ раскаяніе въ своемъ заблужденіи. Наконецъ соборъ опредѣлилъ, чтобы въ память событія возстановленія иконъ при Θεодорѣ, ежегодно въ первый воскресный день Четырехдесятницы совершался праздникъ *православія*, при которомъ положено было возглашать анаему на иконоборчество. Въ первый разъ это торжество совершено было 19-го февраля 842 года; въ этотъ же день снова воздвигнуты были иконы во всѣхъ церквахъ ¹⁾. Торжество это, какъ извѣстно, совершается въ Церкви восточной и донинѣ.

Важнѣйшимъ богословомъ, раскрывшимъ истинное ученіе о почитаніи иконъ, въ противоположность иконоборчеству, въ эпоху послѣднихъ иконоборцевъ былъ безъ сомнѣнія Θεодоръ Студитъ (сконч. 826 г.). Въ своихъ сочиненіяхъ онъ съ силою раскрываетъ православное ученіе объ иконахъ и опровергаетъ противоположное заблужденіе. Вотъ мысли св. отца касательно этого предмета. Иконоборцы въ это время ни на что такъ не опирались, развивая свое ученіе, какъ на то, что Христосъ *неописуемъ*, разумѣя преестественное соединеніе въ Немъ двухъ естествъ—Божескаго и человѣческаго. Эту мысль иконоборцевъ Θεодоръ разбираетъ до послѣднихъ тонкостей. Онъ писалъ: „если Господь нашъ Иисусъ Христосъ несомнѣнно явился въ человѣческомъ образѣ и въ нашемъ видѣ, то справедливо Онъ пишется и изображается на иконѣ, подобно намъ, хотя по божественному образу остается неописуемымъ; потому

¹⁾ Theophanes Contin. 152—154. Гефеле въ „Исторіи соборовъ“, В. IV, S. 103—104.

что Онъ есть посредникъ между Богомъ и людьми, сохраняющій неизмѣнными свойства обоихъ естествъ, изъ которыхъ состоитъ. А еслибы Онъ не былъ описуемъ, то пересталъ бы быть человѣкомъ, и тѣмъ болѣе посредникомъ, такъ какъ съ уничтоженіемъ описуемости уничтожаются всѣ однородныя съ ней свойства. Ибо если Онъ неописуемъ, то и неосязаемъ; а если осязаемъ, то вмѣстѣ и изобразимъ, чему противорѣчить было бы глупо; ибо это свойства тѣла, подлежащаго осязанію и изображенію. И какъ Онъ будетъ неописуемъ, когда можетъ страдать? Если же Онъ описуемъ и можетъ страдать, то конечно нужно и поклоняться Ему въ томъ видѣ, въ какомъ Онъ изображается¹⁾. Итакъ пусть онъ (иконоборецъ) выступивъ научить, какое у него есть физическое основаніе и какая причина такой неизобразимости? Развѣ Христосъ не принялъ нашего образа? Развѣ тѣло Его не было составлено изъ костей? Развѣ зѣницы очей Его не были ограждены вѣждами и бровями? Развѣ уши Его не были устроены съ извилистыми ходами? Развѣ воздри Его не были приспособлены къ обонянію? Развѣ Онъ не былъ одаренъ цвѣтущими ланитами? Развѣ устами и языкомъ, губами и зубами, Онъ не произносилъ словъ, не ѣлъ и не пилъ? Развѣ Онъ не былъ снабженъ составами плечъ, локтей и рукъ? Развѣ Онъ не имѣлъ отъ природы груди и хребта съ голенами и ногами? Развѣ Онъ не оказывалъ движенія при хожденіи, вверхъ, внизъ, внутрь, внѣ, направо, налѣво, кругомъ? Развѣ Онъ не имѣлъ волосъ на головѣ и не облакалъ всего тѣла хитономъ? Если же Онъ несомнѣнно обнаруживалъ это, чего изображеніе въ тѣлесномъ видѣ служитъ неложнымъ образомъ Его, то дерзость — утверждать, будто Христосъ неизобразимъ²⁾. Если же Христосъ человѣкъ, заключаетъ Θεодоръ, то очевидно, что можетъ изображаться на иконѣ; первое свойство человѣка быть изображаемымъ; если же Онъ не изображается, то Онъ не человѣкъ, а безплотный, и даже еще не пришелъ Христосъ, какъ пустословятъ

¹⁾ Письма св. Θεодора Студ. Томъ II, стр. 5.

²⁾ Тамъ же, стр. 99.

Иудей“¹⁾. Для доказательства своей мысли о неописуемости Христа иконоборцы выкопали слѣдующее мѣсто св. Златоуста изъ похвального слова его св. Роману: „нашъ Христосъ стѣнами не ограничивается“. Θεодоръ беретъ на себя задачу опровергнуть подобную ссылку на великаго учителя. Онъ обращаетъ вниманіе на то, что у Златоуста весьма ясно говорится о свойствахъ человѣческой природы Христа, и выводитъ отсюда слѣдствія противоположныя тѣмъ слѣдствіямъ, какія дѣлали на основаніи Златоуста иконоборцы. „Самъ Златоустъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ такъ: „Онъ Христосъ долу утомляется, а горѣ управляетъ стихіями; долу алчетъ, а горѣ наводитъ дожди; долу повинуется, а горѣ производитъ громы; долу предстоить предъ судилищемъ, а горѣ созерцаетъ все“. Посему если онъ и сказалъ: „нашъ Христосъ стѣнами не ограничивается“, то только потому что не думалъ, что надобно точнѣе объяснить это изреченіе ради нынѣ свирѣпствующей ереси. Но очевидно, что утомляющагося, алчущаго, повинующагося и предстоящаго предъ судилищемъ, Святый безъ сомнѣнія представлялъ изображаемымъ по тѣлесному виду, или на стѣнѣ красками, или на картинѣ; объяснять же предметы столь очевидные ему не было причины“²⁾. Иконоборцы въ опроверженіе иконопочитанія позволяли себѣ глумиться надъ православными и замѣчали о нихъ, что они почитаютъ не только Христа, но, подобно Христу, и Его икону. Противъ злохулителей Θεодоръ писалъ: Христосъ несомнѣнно богочтится, но досточтимая икона Его не богочтится. Замѣть, что у насъ христіанъ, одно богочитаніе одной св. и едиnodушной Троицѣ приносится всею тварію видимою и невидимою. И нельзя сказать, что досточтимая икона Христова богочтится. Одно изъ двухъ: или богочтительность ея включается въ тройческое богочитаніе, что невозможно, такъ какъ нельзя дѣлать какого-либо прибавленія къ Троицѣ, иначе она окажется четверицею; или, если не включается туда, но сама по себѣ есть богочти-

¹⁾ Тамъ же, стр. 75.

²⁾ Тамъ же, стр. 137.

тательность, то мы допускаемъ два богопочитанія, и въ такомъ случаѣ что иное могутъ думать о насъ, какъ не заключать отсюда, что мы сугубымъ богопочитаніемъ почитаемъ тварь кромѣ Творца? Итакъ мы поклоняемся иконѣ Христовой, но не богопочитаемъ ее“ ¹⁾).

Феодоръ Студитъ, радуясь въ свое время, что наконецъ скончалъ дни свои гонитель иконопочитателей, императоръ Левъ Армянинъ, восклицалъ: теперь „слѣдуетъ восхищаться не городу такому-то или такому-то, но почти, можно сказать, всей подсолнечной; ибо истребилъ Господь не Сіона царя Амморейскаго, и не Ога царя Васанскаго, царей малыхъ и угнетавшихъ малую часть вселенной (Числ. гл. 21—24), а новоявленного и великаго дракона, опустошавшаго великую часть вселенной, змія коварнаго и шипѣвшаго богохульствомъ, мерзость заустѣнія, сосудъ гнѣва, сына *Тавеллова* (Ис. 7, 6), порожденіе Ахаава, полноту нечестія, противника всѣхъ святыхъ. Да возвеселятся небеса и радуется земля (Ис. 95, 11); да искаплютъ горы сладость и холми правду (Иоил. 3, 18. Пс. 71, 3). Паль врагъ, сокрушенъ мучитель нашъ; заградилася уста, глаголющая неправедная“ (Пс. 62, 12) ²⁾. Эти восторженные слова Феодора Церковь съ еще большимъ правомъ могла возглашать послѣ полной побѣды, совершившейся въ царствованіе Феодоры, надъ свирѣпымъ врагомъ, какимъ было въ продолженіе столѣтія иконоборство — съ его тираніею, деспотизмомъ, презрѣніемъ къ святынь, пролітіемъ многой крови.

---

¹⁾ Тамъ же, стр. 547.

²⁾ Тамъ же, стр. 205.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ

„Исторіи вселенскихъ соборовъ“

I. Первый Никейскій соборъ по тексту Коптскому.

II. Константинопольскій соборъ 448 года, противъ Евтихія. (Разсказъ — на основаніи актовъ IV-го вселенскаго собора).

III. Соборъ Разбойничій 449 года, руководимый Діоскоромъ. (Разсказъ — на основаніи актовъ тогоже IV-го вселенскаго собора).

IV. Соборъ Разбойничій 449 года, въ Сирскомъ текстъ.

V. Халкидонскій IV вселенскій соборъ 451 года. (Разсказъ — на основаніи актовъ этого собора).

1 НИКЕЙСКИЙ СОБОРЪ ПО ТЕМУ КОПТСКОМУ.

Le Concile de Nicée d'après les textes Koptes. Première série de documents. Par Eugène Revillout. Paris. 1873.

Актовъ перваго вселенскаго Никейскаго собора, если подъ ними разумѣть протоколы, т. е. точную запись всего происходившаго на этомъ соборѣ, мы не имѣемъ; не имѣемъ не только въ полномъ видѣ, но даже и въ отрывкахъ. Вѣроятнѣе всего, ихъ никогда и не существовало. Всѣ свѣдѣнія о соборѣ Никейскомъ почерпаются нами изъ сказаній древнихъ церковныхъ историковъ и немногочисленныхъ указаній современниковъ. Но извѣстно: чѣмъ важнѣе, чѣмъ знаменательнѣе событіе въ исторіи, тѣмъ болѣе невѣрныхъ сказаній существуетъ о немъ. Такъ было и съ знаменитымъ Никейскимъ соборомъ. Еще древность хотѣла пополнить для себя тѣ немногочисленные свѣдѣнія, какія существовали о соборѣ Никейскомъ. Отсюда являлись сборники, въ которыхъ полнѣе, чѣмъ у историковъ и современниковъ Никейскаго собора, рассказывалось это событіе, и въ которыхъ истина перемеживалась съ ложью и вымыслами. Замѣчательнѣйшимъ между ними былъ сборникъ, обязанный своимъ происхожденіемъ Геласію, епископу Кизическому въ Пронодитѣ, жившему въ пятомъ вѣкѣ, и явившійся съ именемъ: Исторія Никейскаго собора. Въ этомъ сочиненіи рассказана исторія царствованія Константина В., исторія собора, гдѣ главную роль играетъ сказаніе о томъ, какъ философы спорили на соборѣ со св. отцами, и наконецъ помѣщено нѣсколько посланій императора Констан-

тина.— Въ новѣйшее время не разъ издавались съ именемъ актовъ перваго Вселенскаго собора сборники разныхъ правилъ, опредѣлений и постановлений, иногда многочисленныхъ, которые будто бы обязаны своимъ происхожденіемъ самому вселенскому собору. Мы разумѣемъ изданія въ 16, 17, 18 столѣтіи правилъ и опредѣлений собора Никейскаго, найденныхъ на арабскомъ языкѣ на востокѣ. Правила и опредѣленія эти, благодаря строгой критикѣ ученыхъ, оказались въ большинствѣ случаевъ неподлинными (т. е. всѣ за исключеніемъ 20 правилъ и символа, несомнѣнно принадлежащихъ собору и находимыхъ въ этихъ сборникахъ наряду съ неподлинными документами). Въ началѣ нынѣшняго столѣтія издано было нѣсколько отрывковъ изъ какой то древней коптской исторіи Никейскаго собора. Именно ученый археологъ Георгъ Цега (Zoega), датскій консулъ въ Римѣ, умершій въ 1809 году, открылъ нѣсколько отрывковъ изъ указаннаго коптскаго сочиненія о Никейскомъ соборѣ и издалъ эти фрагменты въ своемъ *Catalogus codicum Coptico-gum manuscriptorum musei Borgiani*. По своему характеру и составу эти фрагменты не могутъ принадлежать I Вселенскому собору. Авторъ сочиненія (Ревилью), заглавіе котораго мы написали выше, въ нѣкоторомъ родѣ продолжаетъ работу Георга Цеги. Онъ нашелъ фрагменты, касающіеся собора Никейскаго въ Туринской бібліотекѣ, писанные на папирусѣ на коптскомъ языкѣ, и теперь издаетъ ихъ въ своемъ сочиненіи, о которомъ мы говоримъ.

Настоящій трудъ автора состоитъ собственно изъ двухъ отдѣловъ: въ первомъ (родѣ введенія) говорится о значеніи, характерѣ и т. п. открытыхъ имъ фрагментовъ, во второмъ излагаются самые фрагменты на коптскомъ языкѣ съ французскимъ переводомъ.

Ознакомимся съ этимъ сочиненіемъ автора.

Мысли, раскрываемыя авторомъ въ первомъ отдѣлѣ, въ главномъ таковы:

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія знаменитый Zoega въ коптскомъ манускриптѣ въ музеѣ Боржіанскомъ открылъ нѣсколько фрагментовъ, приписываемыхъ собору Никейскому. Методъ, который онъ употреблялъ въ своемъ ката-

логѣ (заглавіе его мы выписали уже) не былъ методомъ критическимъ. Цѣль, которую онъ предположилъ себѣ, состояла единственно въ томъ, чтобы дать нѣкоторые образчики, нѣкоторые excerpts изъ обширныхъ богатствъ, какими была наполнена прекрасная коллекція, имъ описанная. Но однакожь, такъ какъ все касающееся собора Никейскаго до нынѣ остается неполнымъ и темнымъ и такъ какъ документы древніе, если они относятся къ этому собору, слишкомъ драгоценны, то Zoega, давая почетное мѣсто собору Никейскому въ актахъ коптскихъ, счелъ нужнымъ столь важный текстъ объяснить и обставить нѣкоторыми примѣчаніями и сносками. Въ особенности онъ старательно изучилъ подписи епископовъ собора, и мы должны сказать, что тѣ, кто шелъ за нимъ по этой дорогѣ (какъ напр. Шарль Ленорманъ), основывались въ этомъ случаѣ именно на выводахъ, добытыхъ ученымъ египтологомъ. Онъ, Zoega, далъ также полный переводъ этихъ фрагментовъ, такъ что руководясь имъ, ученые могли дѣлать научныя изслѣдованія. Но все же эти документы были слишкомъ неполны, чтобы на основаніи ихъ можно было составить себѣ опредѣленное и вѣрное понятіе о каждомъ изъ дѣяній собора, слѣды которыхъ находимъ. Въ восполненіе этого недостатка, мы имѣемъ счастье обнаруживать драгоценную находку, которая должна открыть для нашихъ изслѣдованій широкой горизонтъ. Изучая коптскіе папирусы Парижа, Оксфорда, Лондона, я съ давнихъ временъ пламенѣлъ желаніемъ рассмотреть папирусы коптскіе въ музеѣ Туринскомъ, а объ нихъ славный Амедей Пейронъ въ предисловіи къ своему коптскому словарю далъ мнѣ нѣкоторыя общія свѣдѣнія. Правда эти свѣдѣнія были настолько недостаточны, что онѣ не могли дать понятія о всей важности этихъ папирусовъ. Какъ же я былъ пріятно изумленъ, найдя въ нихъ между другими драгоценными вещами, два длинные фрагмента, въ заголовкѣ которыхъ по коптски значилась надпись: „соборъ Никейскій“. Пейронъ же упоминаетъ только объ одномъ изъ нихъ и притомъ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ.

Первый изъ нихъ касается стороны догматической: „о вѣрѣ православной“. Этотъ отрывокъ заключаетъ въ себѣ

полный Символь Никейскій съ анаеоматизмами и объясненіями, изъ которыхъ мы владѣли только одною частію. Нашъ текстъ долженъ пополнить второй фрагментъ, изданный Цегою, а въ томъ, что онъ имѣеть общаго съ текстомъ послѣдняго, можно находить неоспоримое доказательство, какъ мало основательности—по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ этой части актовъ — въ предположеніи Ленормана, который находилъ этотъ отрывокъ первоначально составленнымъ на египетскомъ языкѣ ¹⁾, хотя и признавалъ его глубокую древность. Мы теперь навѣрное знаемъ, благодаря сравненію двухъ манускриптовъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ двумя переводами коптскими по всей вѣроятности съ Греческаго языка, и это потому, что эти редакціи будучи тождественными въ сущности, разнятся одна отъ другой относительно формы и синонимическихъ выраженій, какія замѣчаются въ нихъ. Та часть текста, которая впервые открыта, заслуживаетъ полнаго вниманія. Здѣсь мы находимъ въ символѣ терминъ: *πνεύματιν* вмѣсто: *πνεύμα*, и какъ у Геласія и въ большей части древнихъ списковъ, послѣ члена о Духѣ св., находится упоминаніе о церкви каеолической и апостольской, во имя которой и произносятся анаеоматизмы. Сверхъ того здѣсь уже напередъ осуждается и опровергается ученіе Евтихія, который позднѣе заимствовалъ свою ересь отъ Аполлинарія.

Кромѣ *тома о вѣрѣ*, выразимся на манеръ коптскій, мы нашли еще въ Туринѣ другой *томъ*, также приписываемый коптами Никейскому собору и озаглавленный: *νόμοι* (сентенціи) *св. собора*. Это ничто иное какъ трактатъ, касающійся морали и поведенія христіанъ. Zoega имѣлъ подъ руками только заглавіе и первую страницу, и однакожь уже Ленорманъ и другіе критики удивлены были краснорѣчіемъ и возвышенностію этого отрывка. Нашъ манускриптъ гораздо болѣе обширенъ и мы увѣрены, что многочисленные листы, какіе мы публикуемъ и которые составляютъ продолженіе отрывковъ, изданныхъ Цегою, должны еще болѣе утвердить ученый міръ въ благосклонномъ мнѣніи, какое

¹⁾ Или, что одно и тоже, на Коптскомъ.

составлено имъ объ авторахъ отрывковъ на основаніи даже первыхъ образчиковъ. Въ нашемъ манускриптѣ есть страницы достойныя Іова и св. Павла.—Но кто авторъ этого произведенія? Доселѣ существуетъ только два мнѣнія и оба они представляются единственно возможными. Именно: сами копты думаютъ, что эти *номы* составлены самимъ первымъ Вселенскимъ соборомъ, другіе, какъ напр. Ленорманъ, считаютъ ихъ написанными немного спустя послѣ этого собора для большаго пониманія ученія и духа собора Никейскаго. Для перваго мнѣнія можно находить свидѣтельства у Геласія и у отцевъ. Геласій въ исторіи собора Никейскаго говоритъ, что онъ имѣлъ въ юности подъ руками полный экземпляръ актовъ этого собора и что акты эти составляли книгу обширную; онъ долгое время изучалъ ее, но долженъ былъ отказаться отъ намѣренія выучить ее наизусть и не могъ даже списать ее, по причинѣ ея громадности; онъ ограничился тѣмъ, что сдѣлалъ изъ нея извлеченія; когда же онъ достигъ зрѣлаго возраста, не смотря на всѣ свои розысканія, онъ могъ добыть изъ нея лишь фрагменты. Въ самомъ дѣлѣ (говоритъ нашъ авторъ уже отъ себя) дѣло Никейскаго собора, должно быть, было громаднымъ, потому что этотъ соборъ продолжался гораздо долѣе чѣмъ соборы Ефесскій (III вселенскій) и Халкидонскій (IV вселенскій) и однакожъ оффиціальныя акты этихъ соборовъ наполняютъ цѣлыя фоліанты. Легко можно понять, какимъ образомъ акты Никейскаго собора, при ихъ обширности, могли и должны были затеряться (!), когда Аріане старались уничтожить все, что имъ напоминало объ осужденіи ихъ ученія. Кромѣ протоколовъ засѣданій, акты Никейскаго собора по Геласію, состояли изъ трехъ частей: догматической, которая заключала въ себѣ символъ, анаѳематизмы и пр.; дисциплинарной, т. е. касающейся церковнаго благочинія, которая резюмировалась въ канонахъ или правилахъ, изъ нихъ только 20 дошли въ своей первоначальной подлинной формѣ; и нравственной, которая состояла изъ правилъ жизни христіанской. Эти двѣ послѣднія части составлены по неотступной просьбѣ Константина, послѣ того какъ кончились разсужденія о вѣрѣ. Фрагменты, открытые Цегою и фрагменты

Туринскіе равно даютъ ясное понятіе о такомъ трехчастномъ содержаніи актовъ собора Никейскаго. Папирусы Туринскіе заключаютъ въ себѣ такія титла: *догма, мораль*. Что касается до дисциплинарной части, то, хотя въ нашемъ манускриптѣ и нѣтъ заглавій и указаній на нее, однакожъ важно то, что Zoega въ своемъ манускриптѣ читалъ и издалъ первыя правила собора Никейскаго, вполне согласныя съ текстомъ греческимъ и древнимъ латинскимъ переводомъ ихъ. Какое было первоначально число этихъ правилъ? На этотъ вопросъ никто не въ состояніи дать прямого отвѣта. Древность въ этомъ отношеніи была не согласна сама съ собой. Одни, какъ напр. шестой соборъ Карфагенскій, говорятъ намъ о 20 правилахъ; другіе, напр. Руфинъ, о 22 правилахъ, еще другіе—о 70 правилахъ; такъ св. Аванасій въ письмѣ къ Марку (?) говоритъ, что Аріане сожгли 70 главъ Никейскаго собора. А иные говорятъ объ еще большемъ числѣ правилъ этого собора. Съ другой стороны въ томъ, что дошло до насъ отъ собора, нѣтъ указаній на повѣствуемое объ этомъ соборѣ у Евсевія, Сократа, Созомена и другихъ. Отсюда видно, какъ неопредѣленны и общи свѣдѣнія, какія мы имѣемъ о соборѣ Никейскомъ. Вотъ причина, почему различные издатели соборовъ, помѣщая въ своихъ изданіяхъ правила Никейскаго собора въ латинскомъ текстѣ, сохранившіяся равно и въ греческомъ и коптскомъ текстѣ, и подлинность которыхъ несомнѣнна, считаютъ себя обязанными въ то же время присоединять сюда цѣлую кучу всяческихъ правилъ, которыми снабждаетъ ихъ словоохотливый арабъ съ свойственною ему болтливостію.—Во всякомъ случаѣ документы коптскіе, какими мы владѣемъ, гораздо высшаго достоинства во всѣхъ отношеніяхъ. Ленорманъ уже призналъ, на основаніи тѣхъ отрывковъ, какіе были въ его распоряженіи, что въ этомъ манускриптѣ нельзя видѣть чего либо въ родѣ народнаго сборника, но что это трудъ современный самому собору, совершенный компетентною властію іерархическою. Но такимъ авторомъ не былъ ли самъ соборъ Никейскій? Въ этомъ Ленорманъ сомнѣвается и приписываетъ редакцію нашихъ актовъ св. Аванасію или кому либо изъ другихъ отцевъ церкви. Самъ я—

говорить о себѣ авторъ — въ настоящее время не считаю возможнымъ произнестъ по вопросу — своего рѣшительнаго мнѣнія.

Въ настоящее время я не сомнѣваюсь только въ одномъ, что акты эти очень древни, на что указываетъ характеръ самаго манускрипта, откуда я извлекаю ихъ. Коллекція Туринскихъ папирусовъ въ сущности составляетъ цѣлую отдѣльную библіотеку, и я увѣренъ, что они образовались въ одно и тоже время. Ничего въ этихъ манускриптахъ до того многочисленныхъ, что Пейронъ, какъ бы отчаяваясь въ возможности познакомить съ ними въ ихъ цѣломъ, указываетъ въ предисловіи къ своему словарю только заглавія и притомъ отчасти — и не совсѣмъ точно, ничего — говорю — не показываетъ въ нихъ, чтобы они явились позднѣе первыхъ годовъ епископства св. Кирилла Александрійскаго. Этотъ архіепископъ, сочиненія котораго распространены были по всему востоку или лучше сказать по всему христіанскому міру, фигурируетъ, какъ и прочіе его знаменитые современники, въ нашихъ манускриптахъ очень мало или лучше совсѣмъ не фигурируетъ. А напротивъ дядя его Теофилъ, этотъ воинственный архіепископъ Александрійскій, столь знаменитый въ свое время, но столь мало извѣстный въ настоящее время, если выключить его споры съ Іоанномъ Златоустомъ — находится представленнымъ очень ярко: мы встрѣчаемъ здѣсь очень многія его проповѣди. Изъ этого можно заключать, что наши документы собраны при жизни Теофила или немного спустя по его смерти. Въ самомъ дѣлѣ въ этихъ документахъ имя Теофила встрѣчается безъ эпитета *μακάριος*, эпитета, который обыкновенно прилагался къ именамъ епископовъ уже умершихъ; знакъ, что его сочиненія, проповѣди, вошли въ составъ нашей библіотеки еще при жизни Теофила. Съ другой стороны и сочиненія Іоанна архіепископа Константинопольскаго, которыя также встрѣчаются въ нашихъ документахъ, не обозначаются именемъ Іоанна *Златоуста*; опять потому что и этотъ святитель еще былъ живъ въ то время и неудобно было такой хвалебный эпитетъ присоединять къ имени лица еще живаго. Впрочемъ нужно сказать, что не всегда имя Теофила упот-

ребляется безъ эпитета: μακάριος, на нѣкоторыхъ его проповѣдяхъ встрѣчается и этотъ эпитетъ. Изъ этого можно догадываться, что нѣкоторые документы вошли въ наше собраніе немного спустя по смерти Теофила. Нашъ авторъ представляетъ и другія доказательства, повидимому, болѣе рѣшительныя, которыя указываютъ, что бібліотека коптская, находящаяся теперь въ Туринѣ, именно возникла въ правленіе Александрійскою церковію архіепископа Теофила. Между начальными листами нашего сборника — говоритъ авторъ — мы находимъ листъ съ проповѣдію Теофила, какую онъ говорилъ въ день Іоанна Крестителя и при ней листъ, содержащій слѣдующій интересный для насъ актъ; вотъ самый актъ буквально: „.....даръ по обѣту сдѣланный одною женою. Господь Богъ знаетъ ихъ имена. Она положила его въ этомъ мѣстѣ св. Іоанна Предтечи ради спасенія своей души и своего покойнаго мужа, своихъ дѣтей и всего своего рода, во имя ихъ, чтобы Господь и Іоаннъ Креститель благословили ихъ, наслѣдниковъ ихъ и весь ихъ домъ, благословеніемъ Авраама, Исаака и Іакова. Въ мирѣ. Аминь“. Мы здѣсь — разсуждаетъ авторъ — вѣроятно имѣемъ дѣло съ даромъ книгъ, которыя и составили нашу бібліотеку, съ даромъ, сдѣланнымъ богатою вдовою египтянкой изъ Оиванды, вслѣдствіе обѣта ея мужа. Мѣсто, куда сдѣланъ былъ даръ, названо *мѣстомъ св. Іоанна Крестителя*. Но если мы обратимся къ коптской хроникѣ, касающейся александрійской церкви, о которой (хроникѣ) сообщаетъ свѣдѣнія Зоega, то мы узнаемъ, что именно Теофиль построилъ церковь и монастырь во имя Іоанна Крестителя. — Послѣ этого авторъ замѣчаетъ: мы окончили наше дѣло; мы дали относительно вопроса о древности актовъ собора Никейскаго, нами найденныхъ, нѣкоторыя первоначальныя замѣтки.

Во второмъ отдѣлѣ своего сочиненія, какъ мы сказали, авторъ передаетъ самые документы коптскіе, имъ открытые. Прежде чѣмъ приступить къ этому дѣлу, авторъ дѣлаетъ слѣдующія два замѣчанія о своемъ переводѣ документовъ. Часть догматическую, говоритъ онъ, мы переведемъ всю буквально, потому что каждое слово здѣсь примѣчательно.

Часть нравственная, т. е. сентенціи, не одинакова по своему содержанию и по своей формѣ, однако она отличается параллелизмомъ какъ въ изложеніи, такъ и въ мысляхъ; это даетъ стилю замѣчательное величіе и настоящую поэзію. При переводѣ, замѣчаетъ издатель, мы опустимъ тѣ мѣста изъ этой части, которыя стоятъ слишкомъ изолированно отъ остальнаго цѣлага.

Фрагменты догматическаго содержанія:

Здѣсь первое мѣсто занимаетъ у автора символъ. Символь этотъ читается такъ же, какъ и въ подлинномъ греческомъ текстѣ. Отличія Символа коптскаго отъ Символа несомнѣнно принадлежащаго Никейскому собору состоятъ въ слѣдующемъ: послѣ слова: воплотившагося недостаетъ слова и вочеловѣчившагося; послѣ слова: страдавшаго прибавлено: умершаго. Затѣмъ, какъ и въ Символѣ Никейскомъ слѣдуетъ изложеніе анаѳематствованія на Арія. буквально сходнаго съ текстомъ подлинно-Никейскимъ. Но за этимъ анаѳематствованіемъ слѣдуетъ изложеніе такихъ анаѳематствованій, какихъ не находится при Символѣ Никейскомъ. Вотъ эти анаѳематствованія: „Мы анаѳематствуемъ вѣру Савеллія, который говоритъ, что тотъ же Отецъ, Сынъ и Св. Духъ. Потому что онъ заблуждается говоря, что Отецъ есть Сынъ и Сынъ есть Отецъ и равно и Духъ Св., такъ что три имени составляютъ только одно лице“. „Мы анаѳематствуемъ также вѣру Фотина, который говоритъ, что Христосъ былъ только отъ Маріи и что Онъ не былъ прежде сего. Мы признаемъ это чуждымъ вѣры. Ибо Сынъ есть съ Отцемъ всегда и когда Онъ былъ рожденъ, Онъ былъ“. „Мы говоримъ это объ Отцѣ и Сынѣ, что же касается до Св. Духа, то мы вѣруемъ такимъ образомъ: Духъ божественъ, Духъ святъ, Духъ совершенъ, не созданъ и пр. Касательно челоуѣчества Христа мы вѣруемъ, что Онъ воспріялъ совершеннаго челоуѣка отъ Маріи. Онъ во истину носилъ душу и тѣло, а не въ призракъ и въ идеѣ, потому что Онъ пришелъ для того, чтобы всего челоуѣка сдѣлать совершеннымъ“. Таково содержаніе догматическаго фрагмента Коптскаго; мы опустили только подробности.

Фрагменты нравственнаго содержанія:

Фрагментовъ этого рода гораздо больше сравнительно съ фрагментами догматическими. Мы выпишемъ только нѣкоторые изъ нихъ. Не всѣ они строго-нравственнаго содержанія, но нѣкоторые изъ нихъ носятъ характеръ догматическій, хотя и причисляются къ одному классу съ нравственными правилами, такъ, на примѣръ, первая сентенція гласитъ: „Блажь Богъ Отець, блажь Христосъ и Онъ Богъ, блажь Духъ Святой. Богъ не имѣетъ начала, не имѣетъ конца въ своемъ Божествѣ, потому что Богъ есть начало и конецъ всего“. Или: „Богъ не создалъ ничего злаго. Самые демоны злы не по ихъ природѣ, но по ихъ волѣ“. Но переходимъ къ сентенціямъ чисто-нравственнаго свойства. Одни изъ первыхъ сентенцій вотъ что говорятъ: „кто хочетъ слушаться Бога, тотъ будетъ слушаться и Его повелѣній. Человѣкъ этотъ будетъ посѣщать въ церковь. Тотъ, кто не посѣщаетъ въ церковь, небрежетъ о своемъ спасеніи. Спѣши въ церковь послѣ труда твоего, чтобы Богъ благословилъ дѣланіе рукъ твоихъ. Кто усерденъ къ труду, а не усерденъ къ дому Божию, трудъ его будетъ невѣренъ. Припоминай то, что ты слышалъ въ дому Божіемъ, работаешь ли ты или идешь, и не согрѣшишь. Единственное дѣло въ церкви это молитва, моленіе. Тотъ, кто разговариваетъ въ церкви, въ особенности когда совершается чтеніе, смѣется надъ Богомъ. Зачѣмъ и ходить въ домъ Божій, если ты идешь сюда насмѣхаться“. Затѣмъ идутъ цѣлыя ряды наставленій и предписаній — женщинѣ, потомъ мужинѣ и наконецъ дѣвѣ. Наставленія женщинѣ: „женщина, когда украшается для дома Божія, безумна, безуменъ и ея отецъ и ея мужъ. Женщина такая погубитъ душу свою. Это идолослуженіе, когда женщина покрывается золотомъ для церкви. Золото не уважается мудрымъ. Женщина, которая носить драгоценные камни на головѣ, показываетъ, что у ней мало мозгу. Женщину любитъ Богъ, любятъ люди за мудрость, за хорошее управленіе домомъ, потому что красота суетна. Украшайся для мужа дѣлами рукъ твоихъ и мудростію своихъ устъ. Не имѣй пристрастія къ украшенію, о женщина! но помни, что и самыя красивыя въ гробу. Даже когда онѣ

на одрѣ болѣзни, красота покидаетъ ихъ. Человѣкъ мудрый не будетъ привязываться къ женѣ безумной. Но и женщина, когда не слушается своего отца или мужа, безумна. Сынъ мой избѣгай женщины, которая любитъ наряды, ибо это признакъ прелюбодѣянiя“. Наставленiе мужчинъ: „человѣкъ, который брѣветъ свою бороду, хочеть уподобляться дѣтямъ безъ сознанiя. Пусть одежда твоя будетъ сообразна съ потребностями тѣла, не украшайся длинными волосами, потому что это свойственно женщинамъ. Если ты любишь наряды подобно безумной женщинѣ, то чѣмъ разнишься ты отъ нея? Если ты любишь своихъ сыновъ, наставляй ихъ въ добрѣ; если ты любишь свою дочь, наставляй ее въ законѣ. Человѣкъ, который вступаетъ въ связь съ иною женщиною, когда у него есть жена, дѣтоубiйца. Довольствуйся своей женой“. Наставленiя дѣвѣ: „Какъ дѣлаеть тотъ, кто выбираеть между всѣми другими веществами золото, такъ же и тотъ, кто избираеть дѣвство между всѣми добродѣтелями. Если дочь твоя возжелала пребывать дѣвою, явись достойнымъ благодати; Господь вспомнилъ о тебѣ, потому что Господь святъ и любитъ святыхъ. Дѣва мудрая уподобляется Марiи (Богородицѣ). Дѣва, которая не постится каждый день до вечера, не имѣеть силы быть дѣвою. Если ты не хочешь идти за мужъ, не пресыщай себя ни хлѣбомъ, ни сномъ, изъ боязни, чтобы не обрѣлся твой свѣтильникъ погасшимъ. Первая забота дѣвѣ состоитъ въ томъ, чтобы вставши по утру взять книгу (св.) и читать. Если онѣ занимаються рукодѣлемъ, то этимъ онѣ заниматься должны отъ втораго до девятаго часа. Два же первые часа дня они должны посвящать молитвѣ и чтенiю, то же самое должны дѣлать и вечеромъ послѣ девятаго часа. Монахиня дѣва не должна вступать въ разговоръ со всякимъ мужчиною. Безумная напротивъ веселится съ молодыми людьми. Дѣвство есть имя Божественное. Монахиня дѣва не смотритъ ни на золото, ни на перлы; она владѣеть лучшимъ чѣмъ то и другое. Монахиня дѣва, которая прогуливается послѣ полудня, не есть монахиня и если она ходитъ одна, близка она къ прелюбодѣянiю“. Затѣмъ слѣдуетъ множество предписанiй самаго разнообразнаго характера. О приступающихъ

къ Евхаристіи: „удивительна дерзость тѣхъ, кто приступаетъ къ Тѣлу Господню, исполненный ненависти и зависти. Какъ можно приступать къ Евхаристіи, не выслушавъ чтенія Св. Писанія! Тотъ, кто не слушаетъ чтенія Евангелія, смѣется надъ таинствомъ. Тотъ, кто приступаетъ къ Тѣлу Господню, какъ къ пиршеству, прогнѣвляетъ Бога“. О благодотвореніи: „Любовь связываетъ насъ со всѣми людьми! Исполненіе любви — это дѣлать добро всѣмъ. Дѣлающій добро врагамъ, подобенъ Богу. Никакой человѣкъ безъ любви не получитъ воздаянія. Стыдно христіанину, который имѣетъ двѣ одежды, забывать того, кто не имѣетъ одежды“. О спасеніи души: „Человѣкъ нерадивый впадаетъ въ пагубу, потому что если человѣкъ не имѣетъ вниманія къ своему собственному спасенію, то кто оживитъ его? Кто печется о своемъ спасеніи, тотъ проводитъ ночи въ бдѣніяхъ во дворахъ дома Божія и не непонимаетъ того, что читается. Тотъ, кто не понимаетъ чтеній (св.), подобенъ звѣрѣмъ“. Затѣмъ слѣдуетъ еще много предписаній самаго разнообразнаго и часто неопредѣленнаго свойства.

Надѣмся, что теперь читатель достаточно познакомился съ коптскими документами, открытыми и обнародованными французскимъ ученымъ.

Намъ кажется не бесполезнымъ изслѣдовать кратко вопросъ: могутъ ли, и въ какой мѣрѣ могутъ, эти документы быть приписываемы Никейскому собору? Авторъ на этотъ вопросъ не даетъ очень опредѣленнаго отвѣта, но характеръ его предварительныхъ разсужденій въ книгѣ ясно показываетъ: куда клонится мысль его при рѣшеніи этого вопроса. Несомнѣнно, онъ хочетъ видѣть въ нихъ дѣйствительные остатки дѣяній I Вселенскаго собора; только этимъ и можно объяснить его тщательную заботливость представить, насколько возможно, сильныя данныя для доказательства существованія первоначально большаго числа актовъ Никейскихъ, чѣмъ какое число извѣстно теперь. Но, по нашему мнѣнію, разсужденія его въ этомъ отношеніи весьма не тверды, и самые акты, найденные имъ и теперь публи-

куемые, съ своей стороны доказываютъ, что они никакъ не могли произойти отъ I Вселенскаго собора. Въ самомъ дѣлѣ:

1) Важнѣйшимъ ручательствомъ для автора, что актовъ Никейскаго собора первоначально существовало больше, чѣмъ сколько ихъ мы знаемъ теперь, служить извѣстная исторія Никейскаго собора — Геласія. Но исторія Геласія, при всей своей обширности, представляетъ въ сущности очень мало новыхъ свѣдѣній о соборѣ, ограничиваясь свѣдѣніями, которыя и безъ него извѣстны. А главное въ тѣхъ своихъ частяхъ, гдѣ Геласій рассказываетъ исторію собора иначе, подробнѣе, чѣмъ какъ излагается она у церковныхъ историковъ и современниковъ, самъ онъ, Геласій, требуетъ подтвержденія для своей правоты со стороны писателей современныхъ собору. Прежде чѣмъ утверждаться на авторитетѣ Геласія, слѣдуетъ напередъ подпереть самый этотъ авторитетъ, чего никто сдѣлать не въ состояніи.

2) Что соборъ оставилъ намъ больше дѣяній, чѣмъ сколько намъ извѣстно, авторъ подтверждаетъ это тѣмъ, что соборъ Никейскій продолжался очень долго. Откуда знаетъ это авторъ? Правда существуетъ сказаніе одного древняго анонимнаго писателя, утверждающаго, что соборъ продолжался три года и три мѣсяца, но если это имѣетъ въ виду авторъ, то развѣ онъ не знаетъ, что это басня!

3) Дальнѣйшимъ доказательствомъ для автора въ его предположеніи о большемъ числѣ актовъ, оставшихся отъ собора, чѣмъ какое извѣстно намъ, служатъ нѣкоторыя древнія свидѣтельства о томъ, что правилъ собора было составлено больше 20, какія мы имѣемъ. Но ссылка его на эти древнія свидѣтельства не имѣетъ значенія. Совершенно справедливо, что Руфинъ насчитываетъ не 20, а 22 правила Никейскаго собора. Но развѣ авторъ не знаетъ, отчего это случилось? Руфинъ при изложеніи правилъ Никейскаго собора раздѣлилъ два правила — именно: 6 и 8, на два правила; вотъ у него и вышло 22! Столь же неудовлетворительна ссылка автора на свидѣтельство Аѳанасія (приведено нами выше). Дѣло въ томъ, что посланіе Аѳанасія

къ Марку и отвѣтъ послѣдняго первому считаются сочиненіями подложными.

4) Страннымъ представляется, если дѣйствительно когда-либо существовали подробные акты Никейскаго собора, куда могли они дѣваться? Авторъ для разрѣшенія этого труднаго вопроса прибѣгаетъ къ очень наивному предположенію, что де еретики, аріане, по злобѣ на Никейскій соборъ, постарались уничтожить эти акты. Положимъ; но если аріане старались объ уничтоженіи актовъ, то развѣ православные не постарались бы сохранить такой важный церковно-историческій документъ. Вѣдь не въ одномъ же экземплярѣ существовали эти акты, такъ что аріане за разъ уничтожили ихъ. Да и церковь не обличала аріанъ въ подобномъ преступленіи.

Обращаемся къ разсмотрѣнію самаго текста актовъ Никейскаго собора, публикуемыхъ нашимъ авторомъ, и посмотримъ: могутъ ли они сами подтвердить свое происхожденіе отъ собора Никейскаго?

5) Въ догматической части этихъ актовъ такъ называемые анаематизмы собора проклинаятъ не только Арія, но и еретика Фотина, и мнѣнія Аполлинарія (хотя послѣдній здѣсь и не называется по имени). Но всѣмъ извѣстно, что ереси Фотина и Аполлинарія, какъ явившіяся послѣ Никейскаго собора, не могли быть предметомъ осужденія на I Вселенскомъ соборѣ.

Моральныя правила (гномы), какъ они представляются въ текстѣ коптскомъ, не могли произойти отъ собора Никейскаго.

6) Большинство ихъ дышетъ сильнѣйшимъ аскетизмомъ. Возьмите, на примѣръ, наставленія въ нихъ дѣвѣ (которая здѣсь даже прямо называется монахиней, какъ скоро дѣва хочетъ проводить жизнь дѣвственную). Эти правила могли возникнуть въ такомъ обществѣ, гдѣ идеи монашескія были преобладающими, господствующими. Никейскій же соборъ не состоялъ изъ лицъ съ утрированнымъ аскетизмомъ. Это видно изъ того, какъ мало расположенъ былъ этотъ соборъ утвердить безбрачіе даже для священниковъ и епископовъ, и изъ того, что епископы этого собора охотно принимали

участіе въ торжественныхъ пиршествахъ, какими выражалъ свою пріязнь къ нимъ Константинъ Великій. Правила эти могли явиться только въ Египтѣ, гдѣ съ давнихъ поръ духъ монашескій пропиталъ церковную атмосферу.

7) Моральныя правила состоятъ изъ такихъ общихъ и неопредѣленныхъ предписаній, что становится совершенно непонятнымъ: зачѣмъ собору нужно было составлять ихъ? Соборы Вселенскіе всегда собирались для того, чтобы удовлетворить важнымъ современнымъ потребностямъ, а поэтому ихъ правила носятъ всегда отпечатокъ этихъ современныхъ потребностей. Ничего подобнаго нельзя сказать о правилахъ коптскихъ. Часто они суть ни больше, ни меньше, какъ изреченія Св. Писанія, переданныя или точно, или въ видѣ парафраза. Къ чему собору было заниматься такой хрестоматіей? Правила, несомнѣнно принадлежащія собору Никейскому, не представляютъ ничего аналогическаго съ правилами коптскими.

8) Нѣкоторыя моральныя правила рѣшительно не могутъ быть приписаны собору по своей тривиальности, по своей оскорбительной для нравственнаго чувства человѣческаго неприкровенности. Авторъ самъ не счелъ удобнымъ перевести таковыя на языкъ французскій и передаетъ ихъ на языкъ менѣ популярномъ — латинскомъ. Напримѣръ соборъ изрекаетъ: „какъ земледѣлецъ не сѣетъ зерна на каменя, *ita nullus homo sapiens fundet semen suum ad meretrices, non enim germinaret ei, aut si forsitan germinaret ad maledictionem esset. Quid pretiosius semine hominis? Quid inter cuncta semina? Insano semen contemptum*“.....

Хотя впоследствии авторъ далъ болѣе подробныя и обстоятельныя разъясненія вопроса о происхожденіи открытыхъ имъ актовъ Никейскаго собора, однако и здѣсь ничего новаго авторъ не сказалъ въ защиту высокой церковно-исторической важности открытыхъ имъ документовъ.

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ СОБОРЪ 448 ГОДА ПРОТИВЪ ЕВТИХІЯ.

(Разсказъ — на основаніи актовъ IV-го вселенскаго собора).

Условія появленія монофизитскаго ученія.—Личность Евтихія.—Соборъ Константинопольскій 448 года: епископъ Евсевій и архіепископъ Флавианъ;—первый, второй и третій вызовъ Евтихія;—розыски;—судъ надъ Евтихіемъ.—Признаки грядущихъ смуть въ Церкви.

Первые слѣды монофизитства можно находить въ исторіи церковной вскорѣ послѣ собора III вселенскаго. Еще при жизни св. Кирилла Александрійскаго (ум. 444 г.), главнаго дѣятеля на соборѣ III вселенскомъ, уже встрѣчались люди съ монофизитскимъ образомъ воззрѣнія. Борьба съ несторіанствомъ въ Церкви была борьбою съ однимъ изъ утонченнѣйшихъ догматическихъ лжеученій. Эту борьбу не всѣ могли вести съ одинаковымъ умѣньемъ и успѣхомъ. Недостаточно было одной ревности къ вѣрѣ, но требовалось и самое глубокое пониманіе вѣры; какъ скоро такого соединенія ревности съ просвѣщенною вѣрою не находилось у кого-либо, грозила опасность въ борьбѣ съ лжеученіемъ впасть въ новое лжеученіе. Такъ и было съ нѣкоторыми, хотя и ревностными, но неразсудительными борцами противъ несторіанства. Они знали, что несторіанство—ересь, и что Кириллъ Александрійскій есть лучшій выразитель православнаго ученія вопреки этой ереси, но къ сожалѣнію не совсѣмъ хорошо понимали ученіе этого послѣдняго. Кириллъ вскорѣ послѣ низверженія несторіанства жаловался, что появились люди, которые искажали и перетолковывали его ученіе. Эти-то люди и были болѣе равными монофизитами, зерномъ дальнѣйшаго монофизитства. Кириллъ

при одномъ случаѣ о такихъ говорилъ: „да заградятся уста тѣмъ, которые проповѣдуютъ или тождество, или сляніе или смѣшеніе Слова Божія съ плотію; потому что есть люди, которые распространяютъ слухи въ народѣ, будтобы я подобнымъ образомъ и думаю и учу; тогда какъ наоборотъ: я даже сумасбродными считаю подобныхъ лицъ“ (Дѣян. Всел. Соб. т. III, стр. 224 ¹⁾). Другіе приписывали еще болѣе странныя мысли Кириллу. Такъ онъ говоритъ: „я узналъ, что нѣкоторые изъ тѣхъ, которые привыкли пусто-словить, жужжать подобно полевымъ осамъ и распростра-няютъ обо мнѣ нелѣпыя слухи, будто я говорилъ, что тѣло Христово заимствовано не отъ Св. Дѣвы, а принесено съ неба“. Такихъ извратителей своего ученія Кириллъ называетъ „безразсудными“ (Дѣян. III, стр. 222). Эти-то воззрѣнія, появившіяся уже во времена Кирилла, и легли въ основу позднѣйшаго монофизитскаго ученія. Съ теченіемъ времени подобныя мысли не только не исчезали, но приоб-рѣтали все большій и большій кругъ послѣдователей. Блаженный Феодоритъ въ 447 году издастъ сочиненіе, въ которомъ ведетъ рѣшительную борьбу съ воззрѣніями, родственными съ тѣми, какія, какъ мы показали, осуждалъ еще Кириллъ. Феодоритъ свидѣтельствуетъ, что появились люди съ такимъ ученіемъ: „два естества было во Христѣ до соединенія, а соединившись они составили одно“, „воспри-нятое Сыномъ Божиимъ естество человѣческое, хотя не уничтожилось, но перемѣнилось въ существо Божественное“. Отсюда подобные учителя утверждали: „имя человѣка Хри-сту не причествуетъ, причествуетъ Ему одно имя Бога, потому что, говорили, имя Богъ есть имя естества, а имя человѣкъ есть только указаніе на совершеніе нашего спасенія“. Въ какое время земной жизни Иисуса Христа совершилось подобное объединеніе двухъ естествъ Божескаго и человѣческаго, при чемъ осталось одно естество Боже-ское,—эти учителя такой вопросъ рѣшали не одинаково: одни, кажется, утверждали, что это совершилось „тотчасъ

---

¹⁾ По 1-му изданію *Дѣяній* IV-го вселен. собора, сдѣланному при Ка-занской Дух. Академіи.

же въ зачатіи Іисуса Христа“; другіе допускали, что „плоть Христова получила премѣненіе въ естество Божественное уже послѣ воскресенія изъ мертвыхъ, потому что послѣ воскресенія плоть Христова сдѣлалась нетлѣнна, безстрастна и безсмертна“. Изъ разсматриваемаго сочиненія Θεодорита ясно видно, что приводило нѣкоторыхъ изъ христіанъ къ подобному образу воззрѣнія. Именно они въ свое оправданіе, по Θεодориту, говорили: „мы не утверждаемъ двухъ естествъ, дабы не ввести двухъ сыновъ въ ученіи о Христѣ. Поэтому мы думаемъ, что Божество осталось цѣлымъ, а человѣчество поглощено Божествомъ“¹⁾. Это значитъ, что проповѣдники этого ученія усваивали подобныя мысли, стараясь стоять какъ можно далѣе отъ несторіанства, которое вводило „двухъ сыновъ“, такъ какъ оно склонялось къ мысли, что два естества во Христѣ образуютъ собою два лица.

Ложнымъ мыслямъ о лицѣ Іисуса Христа, противъ которыхъ боролись Кириллъ и Θεодоритъ и которыя были совершенно отличны отъ несторіанства, не суждено было остаться въ скрытности и неизвѣстности. Подобныя ложныя мысли съ одной стороны достигаютъ очень широкаго распространенія, съ другой возбуждаютъ вниманіе всей Церкви. Это случилось съ тѣхъ поръ, какъ одинъ изъ архимандритовъ столичнаго города Константинополя Евтихій явился приверженцемъ подобныхъ мыслей и былъ уличенъ. До времени уличенія въ ереси, что было сдѣлано на соборѣ константинопольскомъ 448 года, Евтихій слылъ человекомъ хорошей жизни и строгихъ правилъ. Онъ посвятилъ себя монашеской подвижнической жизни съ самыхъ юныхъ лѣтъ (Дѣян. III, 184). Онъ достигъ уже глубокой старости, когда онъ обличенъ и осужденъ былъ какъ еретикъ. Его монастырь, въ которомъ онъ настоятельствоваъ, принадлежалъ къ самымъ многочисленнымъ монастырямъ: подъ его начальствомъ было до 300 монаховъ (Дѣян. III, 405). Настоятелемъ монастыря Евтихій былъ ужъ болѣе 30 лѣтъ (Дѣян. *ibid*)

---

¹⁾ Θεодорита. Разговоръ между ерванистомъ и православнымъ. Христ. Чтеніе, 1846 г. томъ 2, стр. 363—4. 369—371. 375. 378. 382.

Онъ отличался ревностію по части благоустройства своего монастыря (Дѣян. III, 406). Мѣстный константинопольскій архіепископъ, хорошо зная жизнь Евтихія, считалъ его чело-вѣкомъ очень достойнымъ (Дѣян. III, 264). Онъ, Евтихій, извѣстенъ былъ ревностію въ борьбѣ противъ лжеученія Несторія (Дѣян. III, 263. 185). Кирилль Александрийскій ради этой ревности его, въ знакъ благодарности прислалъ Евтихію отдѣльный экземпляръ Дѣяній III Вселенскаго Собора (Дѣян. III, 186). Но все это не воспріятовало Евтихію сдѣлался упорнымъ еретикомъ.

Обнаруженіе, обличеніе и осужденіе ереси Евтихіевой произошло на соборѣ Константинопольскомъ 448 года. Соборъ имѣлъ семь засѣданій¹⁾. Членами этого собора было до 32 епископовъ, по разнымъ обстоятельствамъ проживавшихъ въ столичномъ городѣ Константинополь, и нѣсколько архимандритовъ. Соборъ въ началѣ составилъ собственно по другому церковному дѣлу, не имѣющему отношенія къ ереси Евтихія. Вопросъ объ Евтихіи здѣсь поднялъ одинъ изъ присутствующихъ на соборѣ епископовъ, нѣкто Евсевій Дорилейскій²⁾. Евсевій вошелъ съ прошеніемъ на соборъ: въ этомъ прошеніи между прочимъ говорилось: „прикажете Евтихію архимандриту явиться на соборъ и защищаться въ томъ, въ чемъ я его обвиняю. Я готовъ обличить его, что онъ притворно носитъ имя православнаго; жбы, когда онъ будетъ обличенъ мною, исправились тѣ, которые были совращены Евтихіемъ“ (Дѣян. III, 206—7). Точно впрочемъ въ прошеніи не обозначалось, въ чемъ заключалось лжеученіе Евтихія. Предсѣдателемъ собора былъ архіепископъ константинопольскій Флавіанъ. Флавіанъ зналъ Евтихія, какъ чело-вѣка почтеннаго, и потому сначала былъ удивленъ прошеніемъ Евсевія. И потому, а частію и по свойственной ему добротѣ душевной, онъ дружески совѣтовалъ Евсевію: пойдти въ монастырь къ Евтихію и побесѣдовать съ нимъ наединѣ, въ чаяніи, что Евтихій откажется отъ своихъ неправильныхъ мыслей,

¹⁾ 8, 12, 15, 16, 17, 20, 22 ноября.

²⁾ Гор. Дорилея во Фрагій въ Малой Азій.

въ которыхъ онъ теперь обвинялся. Но это предложеніе Флавіана не было принято Евсеіемъ. Евсеій указывалъ на то, что онъ ранѣе былъ другомъ Евтихіа, и какъ другъ, не разъ и не два увѣщевалъ его оставить заблужденія, но что Евтихій оставался и остается непреклоннымъ. Флавіанъ однакожъ и послѣ этого отказа Евсеія, не теряетъ надежды, что поднимавшееся дѣло кончится безъ большой огласки, а потому снова обращается къ Евсеію съ просьбою: сходить къ Евтихію, вразумить его и тѣмъ отстранить возможность смятенія къ Церкви въ случаѣ соборнаго разбирательства Евтихіевыхъ мнѣній. Остальные члены собора также присоединились къ этой просьбѣ Флавіана. Но Евсеій остался непреклоннымъ въ своемъ рѣшеніи. Онъ заявлялъ, что еще разъ отправиться къ Евтихію, это значитъ еще разъ заставить себя услышать хульные рѣчи этого еретика (Дѣян. III, 207—208). Соборъ долженъ былъ уступить настоящему требованію Евсеія, принять обвиненіе и подвергнуть суду Евтихіа, ибо всѣмъ хорошо была извѣстна дѣйствительная ревность Евсеія къ охраненію вѣры. Объ этой ревности Евсеія Флавіанъ свидѣтельствовалъ самъ, когда такъ отзывался о немъ: „мнѣ извѣстна ревность обвинителя; самый огонь кажется ему холоднымъ по причинѣ ревности о благочестіи“ (Дѣян. III, 264).

Положено было отправить депутацію изъ двухъ клириковъ къ Евтихію для приглашенія его на соборъ. Депутатами назначены были пресвитеръ Іоаннъ и діаконъ Андрей. Исполнивши порученіе, эти депутаты донесли собору слѣдующее: мы вручили Евтихію обвинительный актъ, назвали ему обвинителя и приглашали его явиться на соборъ для оправданія; но Евтихій отказался явиться сюда. Онъ заявилъ, что не можетъ выйти изъ монастыря не нарушивъ своего обѣта, по которому онъ рѣшился никогда не покидать монастыря и „жить въ монастырѣ какъ въ гробѣ“. При этомъ Евтихій заявилъ, что Евсеій возводитъ на него обвиненіе единственно по ненависти и враждѣ къ нему. Но, въ противорѣчіе съ этимъ заявленіемъ своимъ, Евтихій въ тоже время предъ тѣми же депутатами

открыто высказалъ свое лжеученіе. Депутаты показывали, что Евтихій вотъ какія мысли раскрывалъ предъ ними: онъ утверждалъ, что онъ готовъ подписаться подъ опредѣленіями отцевъ собора Никейскаго (I вселенскаго) и Ефесскаго (III вселенскаго), но при этомъ замѣчалъ: „если же встрѣтится въ ихъ словахъ что-нибудь ложное и погрѣшительное, этого хоть онъ и не отвергаетъ, но и не принимаетъ, утверждаясь на одномъ только св. писаніи, которое тверже всякихъ отеческихъ изложеній“. Далѣе Евтихій объяснилъ, что же именно въ этихъ отеческихъ изложеніяхъ онъ считаетъ за такое погрѣшительное и ложное. „Что Христось, говорилъ Евтихій, состоитъ изъ двухъ естествъ, соединившихся ипостасно, этого онъ не встрѣчалъ въ изложеніяхъ св. отцевъ и если случится ему у кого-либо вычитать что-либо подобное онъ *не приметъ этого*; потому что св. писаніе превосходнѣе ученія отцевъ“. Евтихій не считалъ нужнымъ скрывать того, какъ онъ самъ понимаетъ истину о соединеніи во Христѣ двухъ естествъ. Оказывалось, что его личныя воззрѣнія были чисто еретическими. Онъ говорилъ: „послѣ воплощенія Бога Слова онъ поклоняется *одному естеству*, естеству Бога воплотившагося и вочеловѣчшагося, и прибавлялъ: Родившійся отъ Маріи Дѣвы есть совершенный Богъ и совершенный человѣкъ, *не имѣющій плоти единосущной намъ*“. Утвердаясь въ этихъ мнѣніяхъ, прямо ложныхъ, Евтихій однакожъ отвергалъ слухъ, будто онъ учитъ, что Богъ Слово принесъ съ собою плоть съ неба (Дѣян. III, 249. 251). Послѣ этого заявленія, сомнѣваться въ еретичествѣ Евтихія было нельзя. Архіепископъ Флавіанъ сказалъ: „пусть придетъ сюда Евтихій и сознаетъ свое заблужденіе. Если онъ придетъ сюда и изрыгнетъ прежнее свое нечестіе и приметъ истинную вѣру, то онъ можетъ надѣяться еще на прощеніе“ (Дѣян. III, 253—4).

Рѣшено было отправить вторую депутацію къ Евтихію для приглашенія его на соборъ. Посланные (пресвитеры Мама и Теофилъ) получили отъ собора посланіе для передачи Евтихію; въ немъ говорилось: „безъ всякаго отла-

гательства явись па соборъ; неблагоразумно говорить въ свое оправданіе, что ты рѣшилъ не выходить изъ монастыря, когда тебя обвиняютъ въ такихъ важныхъ вещахъ“ (Дѣян. III, 255). Вторая депутація, отправленная къ Евтихію, возвратившись, какъ и первая, доложила собору, что Евтихій отказывается прибыть на соборъ. Депутаты именно рассказывали слѣдующее: когда мы прибыли къ монастырю Евтихія, то встрѣтили въ воротахъ монастыря нѣкоторыхъ монаховъ и объявили имъ, что по порученію архіепископа Флавіана и собора они должны говорить съ архимандритомъ. Монахи отвѣчали: архимандритъ боленъ и не можетъ принять васъ къ себѣ; поэтому объясните намъ: зачѣмъ вы посланы. Но мы отказались сдѣлать это, говоря что мы посланы къ самому архимандриту. Тогда они смутившись начали шептаться между собою и наконецъ отправились къ Евтихію. Вышедъ отъ него, они и насъ привели къ нему. Мы передали ему письмо отъ собора, которое онъ въ нашемъ присутствіи прочелъ и сказалъ: „мое правило никогда не выходитъ изъ монастыря; одна смерть заставитъ меня выйти изъ него; притомъ же соборъ и архіепископъ знаютъ, что я старъ и хилъ. Пусть архіепископъ и соборъ дѣлаютъ со мной что угодно: и пусть не хлопотуть болѣе о новомъ вызовѣ“. Онъ хотѣлъ, говорили депутаты, передать намъ какую-то написанную бумагу для представленія собору, но мы отказались, заявивъ, что если онъ имѣетъ что-либо сказать, то долженъ лично объяснить собору (Дѣян. III, 257—259). Впослѣдствіи снова переспрошенные эти депутаты еще прибавили къ прежнимъ показаніямъ нѣчто весьма важное для характеристики воззрѣній Евтихія. Евтихій, говорили они, хотѣлъ вступить съ нами въ преніе о вѣрѣ, и когда мы уклонились отъ этого, онъ, въ присутствіи нѣкоторыхъ монаховъ, сказалъ: „гдѣ въ Писаніи говорится о двухъ природахъ во Христѣ“? Одинъ изъ депутатовъ отвѣчалъ ему, что и слово: „единосущный“ (употребленное I вселенскимъ соборомъ для выраженія истиннаго отношенія Божества Сына къ Божеству Отца) такжѣ не находится въ священномъ писаніи. Евтихій на это замѣтилъ: „въ священномъ писаніи это слово не

находится, а въ изложеніи св. отцевъ находится“. Въ отвѣтъ Евтихію одинъ изъ депутатовъ справедливо сказалъ: „какъ объ единосущіи не говорится въ св. писаніи, а изложено это ученіе отцами, такъ и о двухъ естествахъ ученіе изложили тѣже св. отцы“. Другой изъ депутатовъ предложилъ Евтихію такой вопросъ: „Слово совершенный Богъ или нѣтъ“? Евтихій сказалъ: „совершенный“, Тогда тотъ-же депутатъ предложилъ еще вопросъ: „а воплотившійся—совершенный ли человекъ или нѣтъ“? Евтихій опять отвѣчалъ: „совершенный“. Дспрашивавшій Евтихію послѣ этого весьма справедливо замѣтилъ: „итакъ если Христось совершенный Богъ и совершенный человекъ и два совершенныхъ составляютъ единого Сына; то почему не говорить, что единый Сынъ состоитъ изъ двухъ естествъ“? Евтихію слѣдовало бы при этомъ замѣчаніи доказать: почему и какъ двѣ совершенныя природы составляютъ одно естество, но вмѣсто того онъ завопилъ: „да не будетъ того, чтобы я говорилъ, что Христось состоитъ изъ двухъ естествъ. Если же хотятъ низложить меня, если хотятъ что-либо сдѣлать со мною, пусть дѣлаютъ. Ибо я въ этой вѣрѣ, какою исповѣдую, стою и желаю скончаться“ (Дѣян. III, 273—274). Отказываясь лично предстать на соборъ, Евтихій дѣлаетъ попытку вмѣсто себя отправить сюда одного дружественнаго съ нимъ архимандрита Авраамія, который вмѣсто него и долженъ былъ дать объясненія по возникшему дѣлу. Этотъ Авраамій, вмѣстѣ съ нѣкоторыми монахами явившись на соборъ, заявилъ о болѣзни Евтихія, который отъ печали не могъ де спать цѣлую ночь. Затѣмъ Авраамій сказалъ, что Евтихій поручилъ ему сдѣлать отъ его, Евтихіева, лица, нѣкоторыя объясненія на соборѣ. Но этого не позволилъ сдѣлать предсѣдатель собора Флавіанъ. Онъ сказалъ: „какъ можно, спрашиваю тебя, когда обвиненъ одинъ, говорить за него другому“¹⁾? Къ этому Флавіанъ прибавилъ нѣсколько мягкихъ, успо-

1) Чтобы понять эти слова Флавіана, нужно взять во вниманіе, что въ древней Церкви судъ церковный былъ словесный, гласный и потому давать объясненія по извѣстному дѣлу должно было само обвиняемое лицо.

коительныхъ словъ. изъ которыхъ посланный долженъ былъ убѣдиться, что Евтихію нечего бояться собора, что соборъ желаетъ добра, а не зла ему. Флавіанъ говорилъ: „пустъ Евтихій придетъ сюда, онъ придетъ къ отцамъ и братьямъ, которые его знаютъ и доселѣ еще пребываютъ въ любви съ нимъ. Многіе слышали объ его заблужденіи и соблазняются и онъ долженъ оправдаться. Мы—люди; многіе изъ великихъ соблазнялись и увлекались, думая, что они правильно мудрствуютъ. Раскаяніе не приноситъ стыда, по стыдно упорствовать во грѣхѣ. Какъ червякъ точить дерево, родившее его, такъ и нераскаянный грѣхъ—сдѣлавшаго его. Но пусть Евтихій исповѣдуетъ свое прегрѣшеніе, мы простимъ его“! Флавіанъ далѣе даетъ замѣтить Авраамію, что если поднято дѣло противъ Евтихія, то это не потому, что Флавіанъ имѣетъ какое неудовольствіе на Евтихія, а единственно потому, что на него заявлено обвиненіе, котораго по закону нельзя обойти. „Я убѣждалъ и просилъ Евсевія, говорить онъ, подождать. Когда же онъ настаиваетъ: что я долженъ былъ дѣлать? И неужели я желаю расточать васъ? Да не будетъ. Расточать свойственно врагамъ, а отцамъ свойственно собирать“ (Дѣян. III, 262—264).

Соборъ рѣшилъ отправить третью депутацію ¹⁾ къ Евтихію, приглашая его явиться на соборъ. Соборъ сказалъ: „нужно въ третій разъ убѣждать Евтихія, чтобъ онъ прибылъ на соборъ. Если онъ не исполнитъ этого, то самъ себя обвинитъ“. Съ депутатами (пресвитерами Мемнономъ и Елифаніемъ и діакономъ Германомъ) соборъ послалъ записку къ Евтихію такого содержанія: „ты не знаешь, что опредѣлено канонами противъ непослушныхъ и нехотящихъ явиться для оправданія. И такъ, чтобы ты самъ не подвергнулъ себя тому, что опредѣлено ими, мы въ третій разъ вызываемъ тебя. Поспѣши придти на слѣдующій день“ (Дѣян. III, 260—1). Евтихій однакожъ не послушался и

---

¹⁾ По закону церковному къ обвиняемому грижды обращались для приглашенія явиться на разбирательство дѣла; если же онъ и послѣ третьяго раза не являлся, такого судили какъ ослушника Церкви.

этого третьяго вызова. Депутаты по исполненіи порученія заявили собору: „Евтихій прочель записку собора, и сказалъ, что онъ послалъ архимандрита Авраамія на соборъ, который отъ его лица долженъ согласиться со всѣмъ, что опредѣлено Никейскимъ и Ефесскимъ соборомъ и что изложено Кирилломъ“. Евсевій Дорилейскій, услышавъ это, обезнокоился. Онъ пришелъ въ испугъ, какъ бы ему самому не пострадать вмѣсто Евтихія, когда Евтихій согласится со всѣми церковными опредѣленіями, вслѣдствіе чего Евсевій можетъ показаться ложнымъ доносчикомъ. Дѣло въ томъ, что по законамъ, существовавшимъ въ церкви, доносчикъ въ случаѣ ложнаго извѣта на другаго, долженъ былъ понести то наказаніе, какому подвергался обвиняемый, какъ скоро обвиненіе подтвердилось бы. Этимъ и объясняются слѣдующія слова Евсевія, въ которыхъ, повидимому, заключается сожалѣніе, что Евтихій оправдывается. „Онъ намѣренъ теперь согласиться? заявилъ Евсевій. Я обвинялъ его не за будущее, а за прошедше. Теперь, если-бы кто нибудь поднесъ ему правильное изложеніе вѣры и сказалъ бы: подпишись и согласиись по необходимости, то неужели я поэтому долженъ считаться побѣжденнымъ? Скажи заключеннымъ въ тюрьмѣ: отнынѣ не разбойничайте, — и всѣ они общаются“. Флавіанъ старается успокоить Евсевія, доказывая ему, что нѣтъ основаній бояться ему за свою безопасность. Флавіанъ говоритъ: „никакого осужденія не можетъ быть сдѣлано тебѣ за сдѣланное тобою обвиненіе, хотя бы Евтихій тысячу разъ общался подписать изложеніе св. отцевъ; онъ не можетъ оправдываться за прошедшее“. Послѣ этого промежуточнаго объясненія снова начали говорить депутаты, возвратившіеся отъ Евтихія и объявляли: „Евтихій умоляетъ, чтобъ ему дана была недѣля срока, такъ какъ онъ теперь по болѣзни не можетъ прибыть на соборъ“. Тогда Флавіанъ опредѣлилъ, что хотя по канонамъ Евтихій могъ бы и теперь быть лишенъ сана и осужденъ, однакожъ, принимая во вниманіе болѣзнь Евтихія, онъ не рѣшается отказать ему въ назначеніи новаго срока, съ тѣмъ, что если онъ не явится въ опредѣленный имъ самимъ срокъ, то безъ дальнѣйшихъ изслѣдованій будетъ

лишень сана и настоятельства въ монастырѣ (Дѣян. III, 265—267. 271).

Прежде чѣмъ открылся самый судъ надъ Евтихіемъ, явились слухи, что Евтихій въ видахъ распространенія своихъ мнѣній разсылаетъ по монастырямъ какія-то подозрительныя сочиненія. Оказалось нужнымъ розыскать, что такія за сочиненія, какія разсылаетъ Евтихій. О такомъ дѣйствіи Евтихія доложилъ собору опять тотъ же Евсевій. Евсевій говорилъ къ собору: „я узналъ, что Евтихій разослалъ по монастырямъ какую то статью и возбуждаетъ монаховъ къ мятежу. Прошу развѣдать, что такое онъ дѣлаетъ и приготовляетъ“. Соборъ положилъ отправить нѣсколько клириковъ для розысканій: что именно посылалъ Евтихій, какъ въ монастыри городскіе, такъ и загородныя. Но уже на самомъ соборѣ нашлось лицо, которое могло дать нѣкоторыя показанія относительно разслѣдуемаго обстоятельства. Это былъ пресвитеръ по имени Авраамъ; онъ объявилъ, что архимандритъ Мануилъ, объяснялъ ему, что Евтихій присылалъ ему статью о вѣрѣ съ требованіемъ подписаться подъ нею (Дѣян. III, 255—7). Комиссія, наряженная для изслѣдованія этого новаго показанія Евсевія противъ Евтихія, дѣйствительно подтвердила его слова. Именно одинъ изъ членовъ комиссіи сообщилъ собору слѣдующее: мы ходили въ монастырь архимандрита Мартина и узнали, что Евтихій посылалъ ему статью о вѣрѣ съ просьбою подписаться подъ нею. И на замѣчаніе Мартина, что подписывать вѣроисповѣданіе не его дѣло, а дѣло епископовъ, посланный отъ Евтихія, отъ лица этого архимандрита отвѣчалъ, „что если не поддержите Евтихія, то онъ будетъ низвержень, а послѣ него и съ вами сдѣлають тоже самое“. Затѣмъ члены комиссіи показали, что они ходили и въ другой монастырь архимандрита Фавста, который рассказывалъ имъ, что Евтихій чрезъ нѣкоторыхъ своихъ монаховъ предлагалъ ему для подписи какую то статью; эти монахи говорили ему, что статья содержитъ изложеніе вѣры св. отцевъ соборовъ Никейскаго и Ефесскаго. Но когда Фавстъ замѣтилъ имъ, что прежде чѣмъ подписаться подъ предложеннымъ ему исповѣданіемъ, онъ долженъ сравнить

его съ самыми дѣянiями названныхъ соборовъ, которыя имѣются у него подъ руками, чтобы видѣть такимъ образомъ, не сдѣлано ли какихъ измѣненiй въ опредѣленiи соборовъ Никейскаго и Ефесскаго, то послы Евтихiевы остались недовольны этимъ и удалились. Еще: архимандритъ Iовъ, по словамъ членовъ комиссiи, говорилъ что хотя онъ и не получалъ ни какого сочиненiя отъ Евтихiя, но ему внушали, чтобы онъ отказался подписываться подъ статью, какую на дняхъ пришлетъ архiепископъ Флавианъ для подписи. Такимъ образомъ показанiя Евсевiя о томъ, что Евтихiй мятежнически распространяетъ какiя то подозрительныя статьи, достаточно подтвердились (Дѣян. III, 268—270).

Наконецъ срокъ, назначенный самимъ Евтихiемъ для разсмотрѣнiя его дѣла, наступилъ. Это было 22-го ноября 448 года. Засѣданiе открылось подъ предсѣдательствомъ архiепископа Флавиана. На срединѣ собора положено было св. Евангелiе. По тогдашнимъ судебнымъ порядкамъ епископъ Евсевiй Дорилейскiй, который возбудилъ самое дѣло, долженъ былъ стоять у дверей и дожидаться судебного разрѣшенiя, чтобы войти. По соблюденiи этой формальности, Евсевiй вошелъ въ залъ, гдѣ засѣдали отцы. Затѣмъ Флавианъ послалъ двухъ діаконовъ справиться, пришелъ ли къ мѣсту собранiя и Евтихiй. Посланные возвратились съ отрицательнымъ отвѣтомъ. Тогда Флавианъ снова отправляетъ двухъ діаконовъ для той же справки; возвратившись, и эти доложили собору, что они не нашли Евтихiя, но узнали, что онъ намѣренъ придти въ сопровожденiи воиновъ, монаховъ и преторскихъ слугъ. Когда это говорили и соборъ находился въ ожиданiи прибытiя подсудимаго, было доложено собору: пришелъ архимандритъ Евтихiй съ великимъ множествомъ воиновъ, монаховъ и слугъ префекта; и они не иначе хотятъ допустить его оставаться на соборѣ, какъ только подъ условiемъ, если члены собора дадутъ обѣщанiе относительно неприкосновенности его личности. Доложено было также собору, что пришелъ одинъ государственный чиновникъ Магнусъ, посланный отъ императора Феодосiя младшаго и желавшiй войти на соборъ. Предсѣ-

датель согласился на это. Явившись, Магнусъ обратился къ Флавіану съ такими словами: „благоволите принять повеленіе государя: онъ объявляетъ нѣчто письмомъ“. И Магнусъ прочиталъ слѣдующее: „мы заботимся о мирѣ церкви и православной вѣры и желаемъ охранять вѣру, изложенную св. отцами, собиравшимися въ Никеѣ и бывшими въ Ефесѣ при осужденіи Несторія. Мы желаемъ этого, дабы не вторгся соблазнъ въ упомянутое православіе. А такъ какъ Патрицій Флоренцій извѣстенъ за челоуѣка вѣрнаго и испытаннаго въ православіи, то мы желаемъ, чтобъ онъ присутствовалъ при засѣданіи собора, ибо рѣчь идетъ о вѣрѣ“. Соборъ изъявилъ свое согласіе на присутствованіе патриція Флоренція при разбирательствѣ дѣла Евтихіева (Дѣян. III, 276—279) ¹⁾. Когда прибылъ на соборъ Флоренцій, открылось самое засѣданіе собора. Прочтены были, между прочимъ, нѣкоторыя извлеченія изъ посланій св. Кирилла, какъ выражающихъ истинное церковное ученіе по вопросу о сединеніи двухъ естествъ во Христѣ. И когда читались посланія Кирилла, именно слова: „Сынъ Божій единосущенъ Отцу по божеству и единосущенъ намъ по челоуѣчеству, ибо въ Немъ совершилось соединеніе двухъ естествъ“, Евсевій Дорилейскій замѣтилъ: „клянусь, что Евтихій не исповѣдуетъ этого и никогда не былъ согласенъ съ этимъ“. Сановникъ Флоренцій, выслушавъ замѣчаніе Евсевія, сказалъ: „нужно спросить Евтихія, согласенъ ли онъ съ этимъ?“—Евсевій, какъ и прежде разъ это было съ нимъ, пришелъ въ сильное смущеніе, какъ бы Евтихій не согласился съ прочитанными словами и не поставилъ его въ затрудненіе, его, какъ обвинителя. „Если я окажусь клеветникомъ, то потеряю санъ, говорилъ Евсевій. „Я боюсь гоненія со стороны Евтихія: я бѣденъ, ничего не имѣю, а онъ богатъ, онъ грозитъ мнѣ ссылкой, онъ

---

¹⁾ Появленіе Евтихія на соборѣ въ сопровожденіи воиновъ и служителей префекта, письмо императора къ собору, распоряженіе того-же императора касательно присутствованія государственнаго чиновника на соборѣ, все это показывало, что власть свѣтская была сильно заинтересована дѣломъ Евтихія. Послѣдствія, о которыхъ мы скажемъ ниже, ясно подтверждаютъ это.

уже назначилъ мнѣ и мѣсто ссылки“ ¹⁾. Флавіанъ старался успокоить Евсевія, говоря: „никто не согласится ни на то, чтобы ты не уличалъ Евтихія, ни на то, чтобы кто-нибудь счелъ правымъ архимандрита Евтихія тотчасъ по его согласіи съ прочитаннымъ“ (Дѣян. III, 280—281). Затѣмъ патрицій Флоренцій распорядился, чтобы приступлено было къ допросу Евтихія. Тогда Евтихію предложенъ былъ вопросъ: „согласенъ ли онъ съ прочитаннымъ изъ Кирилла и исповѣдуетъ ли онъ соединеніе двухъ естествъ въ одномъ лицѣ и ипостаси, или нѣтъ?“ Евтихій уклончиво отвѣчалъ, что онъ признаетъ, что Христосъ изъ двухъ естествъ. Евсевій Дорилейскій, видя такую уклончивость, опредѣленнѣе предложилъ вопросъ: „исповѣдуешь ли ты два естества послѣ воплощенія и признаешь ли, что Христосъ единосущенъ намъ по плоти?“ Евтихій отвѣчалъ: „какъ я мыслю, написано вотъ въ этой бумагѣ. Прикажите прочесть“. Флавіанъ на это замѣтилъ: „читай самъ“. Евтихій отказался; „не могу“, сказалъ онъ. Флавіанъ на это сказалъ: „почему? Ты ли это изложилъ или это изложеніе другаго? Если твое, то читай самъ. Говори самъ собою,—что за нужда въ бумагѣ“ ²⁾? Евтихій произнесъ свое исповѣданіе вѣры, но въ такомъ родѣ, что вовсе не коснулся спорнаго вопроса (Дѣян. III, 282—284). Видя хитрость Евтихія, Флавіанъ снова началъ допрашивать его, наводя его на нужный пунктъ: „исповѣдуешь ли ты, что Христосъ единосущенъ Отцу по божеству и единосущенъ Матери по человѣчеству?“ Евтихій отвѣчалъ: „Я уже сказалъ, какъ я мыслю объ Отцѣ, Сынѣ и Св. Духѣ (въ своемъ исповѣданіи); ни о чемъ другомъ еще меня не спрашиваютъ“. Но предсѣдатель не удовлетворился такими уклончивыми отвѣтами. „Признаюсь, сознался тогда Евтихій, я до нынѣ не признавалъ, что Онъ единосущенъ намъ“. Флавіанъ, чтобы довести до большей ясности отвѣтъ Евтихія, снова предлагаетъ ему вопросъ: „итакъ признаешь ли ты Христа единосущнымъ Отцу по божеству и единосущ-

¹⁾ Ясный намекъ, что Евтихій имѣлъ связи съ лицами вліятельными.

²⁾ Это послѣднее требованіе вытекло изъ того, что судъ былъ гласный и потому объясненіе слѣдовало давать словесно.

нымъ намъ по человѣчеству“? Евтихій на этотъ повторительный вопросъ уже высказывается довольно опредѣленно: „до сего дня я не признавалъ тѣла Господа и Бога нашего единосущнымъ намъ; но Св. Дѣву исповѣдую единосущною намъ, и исповѣдую, что отъ Нея воплотился Богъ нашъ“. Флавіанъ, принимая во вниманіе послѣднее замѣчаніе Евтихія касательно Св. Дѣвы, дѣлаетъ такой вопросъ Евтихію: „итакъ, единосущна ли намъ Дѣва, отъ которой воплотился Христосъ“? На это Евтихій далъ отвѣтъ утвердительный. Тогда въ допросъ вмѣшался Евсевій и сказалъ: „если Матерь единосущна намъ, то и Христосъ единосущенъ намъ по плоти“. Тоже самое подтвердилъ и Флоренцій. Евтихій хорошо понималъ, куда могло повести его прямое сознаніе, понималъ, что ересь его становится слишкомъ очевидною; потому не безъ боязни, а можетъ быть и желая выставить себя человѣкомъ насилуемымъ въ своихъ убѣжденіяхъ, сказалъ: „до сего дня я не признавалъ этого; въ началѣ я не училъ такъ; а теперь говорю это; потому что ваша святость такъ говоритъ“. Тогда Флавіанъ задаетъ такой вопросъ Евтихію: „слѣдовательно ты по необходимости, а не добровольно исповѣдуешь истинную вѣру“? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ Евтихій даетъ понять, какими глазами смотритъ онъ на исповѣданіе Иисуса Христа единосущнымъ намъ по естеству; онъ даетъ знать, что это вѣрованіе есть, по нему, прямое нововведеніе, изобрѣтенное Флавіаномъ. Онъ говоритъ: „теперь я точно исповѣдую этотъ догматъ по необходимости; до сего дня, замѣчаетъ онъ, я не позволялъ себѣ рассуждать объ естествѣ Бога, а такъ какъ ваша святость позволяетъ и учитъ этому, то и я говорю подобнымъ же образомъ“ (Дѣян. III, 285—6). Допросъ, доселѣ снимаемый съ Евтихія, довелъ его до сознанія, что онъ не признаетъ плоти Господа Христа единосущною намъ по естеству человѣческому. Результатъ важный для сужденія о заблужденіи Евтихія. Но все же еще оставалось не яснымъ: какъ онъ понимаетъ истину о соединеніи во Христѣ двухъ естествъ божескаго и человѣческаго? Этотъ вопросъ тѣмъ необходимымъ было предложить Евтихію, что нужно было точнѣе опредѣлить: въ какомъ

отношеніи стоитъ заблужденіе его къ ученію въ данномъ вопросѣ какъ Кирилла Александрійскаго, который служить для Церкви выразителемъ истиннаго ученія о соединеніи двухъ естествъ во Христѣ, такъ и Несторія, который еще такъ недавно возмущалъ Церковь неправыми мыслями по тому же вопросу. Указанный вопросъ и предлагаетъ теперь Евтихію сановникъ Флоренцій: „Признаешь ли ты Господа нашего родившагося отъ Дѣвы изъ двухъ естествъ послѣ воплощенія или нѣтъ“? Евтихій болѣе уже не запирается въ своемъ ученіи, а прямо говоритъ: „исповѣдую, что Господь нашъ состоитъ изъ двухъ естествъ прежде соединенія, а послѣ соединенія признаю *одно естество*“ (Дѣян. III, 287). Теперь ересь Евтихія изобличена была со всею ясностію; всѣ сомнѣнія относительно образа возрѣвнѣй Евтихія исчезли для собора. Послѣ этого соборъ считаетъ своею священнѣйшею обязанностію наставить еретика на путь истинный, заставитъ его отказаться отъ его лжеученія. Съ этою цѣлію соборъ предлагаетъ Евтихію: изложить предъ отцами собора надлежащее церковное ученіе относительно даннаго пункта и анаѳематствовать противоположныя этому ученію лжеученія. Но эта мѣра мало подѣйствовала на заблуждающагося. Евтихій на предложеніе отвѣчалъ такъ: „я сказалъ вамъ, что прежде я не признавалъ ученія, которое сейчасъ слышу. Въ св. Писаніи я не нашелъ ничего яснаго объ этомъ; и не всѣ отцы говорили подобное. Если я стану анаѳематствовать, какъ вы приказываете, непризнающихъ ваше ученіе, замѣтилъ самомнительно Евтихій, то, увы мнѣ, я буду анаѳематствовать отцевъ моихъ“. Соборъ, слыша это, не могъ болѣе терпѣть упорства и лицемѣрія Евтихія, и возставши провозгласилъ: „анаѳема Евтихію“. Послѣ этого предсѣдатель собора архіепископъ Флавіанъ сказалъ: „пусть скажетъ соборъ, чего достоинъ присутствующій Евтихій и неисповѣдающій явно правую вѣру и нежелающій согласиться съ разсужденіемъ собора, а упорствующій въ своемъ извращеніи и худомъ миѣніи“. На это Селевкъ, епископъ амасійскій, отъ лица собора отвѣчалъ: „онъ достоинъ низложенія; впрочемъ все зависить отъ чловѣколюбія вашей святости“. „Еслибы Евтихій ис-

повѣдавши свой грѣхъ, сказалъ на это Флавіанъ, рѣшился анаематствовать свое заблужденіе и согласился съ нами, слѣдующими изложенію св. отцевъ, тогда конечно удостоился бы милости. Но такъ какъ онъ упорствуетъ въ своемъ заблужденіи, то подвергнется опредѣленнымъ канонами наказаніямъ“ (Дѣян. III, 288—289). Съ этой минуты конечно для Евтихія должно было быть очевиднымъ, что ему не избѣгнуть надлежащаго церковнаго наказанія, если онъ будетъ продолжать упорствовать въ своемъ заблужденіи. Впечатлѣніе угрозъ, о которыхъ говорилъ ему соборъ, должно было оказывать свое дѣйствіе на Евтихія. Соборъ, кажется, много рассчитывалъ на это впечатлѣніе, предполагая, не одумается ли еретикъ по крайней мѣрѣ хотя теперь. Поэтому Евтихію предложенъ былъ снова вопросъ, отвѣтъ на который долженъ былъ окончательно рѣшить его судьбу. Сановникъ Флоренцій спросилъ его снова: „скажи, признаешь ли ты два естества и единосущіе намъ по челоувѣчеству во Христѣ“? Но ожиданія собора не сбылись. Евтихій вовсе не думалъ покидать своего заблужденія. Евтихій впрочемъ не совсѣмъ прямо на вопросъ отвѣчалъ: „я читалъ св. отцевъ, блаженнаго Кирилла, св. Аѳанасія: они признавали два естества прежде соединенія, а послѣ соединенія и воплощенія, они признавали уже не два естества, а одно“. Но Флоренцій не удовлетворившись подобнымъ отвѣтомъ, еще спросилъ: „исповѣдуешь ли *ты* два естества послѣ соединенія“? Евтихій и на этотъ разъ не далъ рѣшительнаго отвѣта. „Прикажите, сказалъ онъ, прочесть св. Аѳанасія и вы узнаете, что ничего подобнаго онъ не говорилъ“. Послѣ этого соборъ не находилъ болѣе нужнымъ увѣщевать и убѣждать Евтихія: непреклонность его не давала мѣста снисхожденію собора. Весь соборъ вставши воскликнулъ: „по принужденію нѣтъ вѣры: истинная вѣра всегда побѣждаетъ. Евтихій несогласенъ съ нами, нужно ли послѣ этого убѣждать его“? Затѣмъ предсѣдатель собора архіепископъ Флавіанъ формулировалъ приговоръ противъ Евтихія въ слѣдующихъ словахъ: „такъ какъ изъ предшествующихъ изслѣдованій и изъ его, Евтихіева, собственнаго, только что сдѣланнаго признанія очевидно обнаружи-

вается, что архимандритъ Евтихій упорно держится ложнаго ученія Валентина и Аполлинарія ¹⁾, то мы въ глубокой скорби о всецѣломъ развращеніи его, именемъ Господа нашего Иисуса Христа, имъ злословимаго, опредѣлили лишить его пресвитерскаго достоинства и начальства надъ монастыремъ и отлучить отъ общенія съ нами. Пусть всѣ, кто будетъ послѣ этого разговаривать или входить въ общеніе съ нимъ, знаютъ, что сами они повинны будутъ отлученію отъ Церкви“ (Дѣян. III, 289. 291). Этотъ приговоръ подписанъ былъ самимъ архіепископомъ Флавіаномъ, 31 епископами, присутствовавшими на соборѣ и нѣсколькими архимандритами.

Соборъ константинопольскій 448 года выяснилъ, изобличилъ и осудилъ ересь Евтихія, однакоже на этомъ дѣло не остановилось. Вскорѣ появились печальные признаки новыхъ смуть въ Церкви, подобныхъ несторіанскимъ. Послѣ своего осужденія, Евтихій, не считая дѣла его проиграннымъ, обращается за помощію къ самому императору Θεодосію младшему. Императоръ охотно поддерживаетъ еретика. Чтобы понять такое повидимому странное явленіе, нужно взять во вниманіе, что въ это время императоръ Θεодосій находился подъ сильнымъ вліяніемъ одного евнуха, Хрисафія, заправлявшаго отъ имени слабаго императора дѣлами государственными. А этотъ Хрисафій съ самаго вступленія на кафедру константинопольскую архіепископа Флавіана ненавидѣлъ его и всячески старался причинять ему худое; дѣло Евтихія представлялось этому царедворцу удобнымъ случаемъ къ тому, чтобы досадить Флавіану. Причина ненависти Хрисафія къ Флавіану, по разсказу одного историка, заключалась въ слѣдующемъ: когда архіепископъ Флавіанъ посвященъ былъ въ архипастыри столицы, Хрисафій, ко рыстолюбець, началъ требовать себѣ отъ новопоставленнаго архіепископа какого-либо дорогаго подарка. Флавіанъ, какъ бы не понявъ въ чемъ дѣло, посылаетъ Хрисафію благословенный хлѣбъ—дорогой подарокъ. Этимъ былъ сильно оскорб-

---

¹⁾ Валентинъ училъ, что Творецъ нарочито образовалъ тѣло Христа изъ эфирныхъ матерій неба; а Аполливарій утверждалъ, что во Христѣ не было разумной человѣческой души, что Сынъ Божій воспріять одно тѣло человѣческое.

лень корыстолюбивый Хрисафій и искалъ постоянно случая отмстить Флавіану. Дѣло Евтихія, говоримъ, представляло удобный случай къ отмщенію архіепископу: Хрисафій, а чрезъ него и императоръ, беретъ сторону Евтихія, по осужденіи его. Хрисафій тѣмъ охотнѣе присоединяется къ сторонѣ Евтихія, что самъ онъ сочувствовалъ идеямъ, какія развивалъ Евтихій ¹⁾. Подъ вліяніемъ Хрисафія дворъ началъ дѣятельно выражать свое сочувствіе низверженному еретіку. Императоръ не запрещаетъ Евтихію дѣлать публичныя манифестаціи противъ того осужденія, какое положено на него соборомъ Флавіана (Дѣян. III, 26. 32). Этого мало; императоръ принимаетъ отъ еретика прошеніе, которымъ испрашивается у Θεодосія разрѣшеніе о пересмотрѣ дѣяній собора константинопольскаго, какъ испорченныхъ и непередающихъ дѣла во всей истинности. Евтихій осмѣливается войти къ императору съ прошеніемъ, въ которомъ говорилось: „я читалъ дѣянія, составленныя противъ меня Флавіаномъ, и нашелъ ихъ несходными съ тѣмъ, что было на самомъ дѣлѣ; въ этихъ дѣяніяхъ не помѣстили ни того, что онъ говорилъ мнѣ, ни того, что я говорилъ“, — и просилъ подвергнуть ревизіи запись дѣяній. Императоръ сдѣлалъ на прошеніи надпись, которою приказывалось, чтобъ „ислѣдовалась истина дѣла“ (Дѣян. III, 304. 305). Назначены были одна за другой двѣ ревизіонныя комиссіи. Во время засѣданій одной изъ нихъ, благопріятствующей Евтихію, клирикъ показывалъ: „осужденіе собора противъ Евтихія продиктовано не въ тотъ часъ, какъ состоялось, но было составлено прежде, чѣмъ архимандритъ пришелъ на судъ“ (Дѣян. III, 348). Дѣло запутывалось. Одна изъ комиссій впрочемъ нашла дѣянія неповрежденными и правильными; другая же, состоявшая изъ свѣтскихъ чиновниковъ, высказала себя въ пользу претензій Евтихія (Дѣян. III, 296 и д. 355 и д.). Но и этимъ еретикъ не удовольствовался. Евтихій старался внушить императору, что архіепископъ Флавіанъ самъ еретикъ, и Θεодосій требуетъ отъ него исповѣданія вѣры. Чистый въ своей совѣсти, Флавіанъ

¹⁾ Θεοφάνης. Χρονογραφία (Edit. Migne, cursus part., Graeca ser., t. CVIII) стр. 256. 257.

представляет подробное исповѣданіе своей вѣры и заключаетъ свое изложеніе такими словами: „это я написалъ своею рукою для удовлетворенія вашего величества и для того, чтобы низложились злословящіе наше благое и простое пребываніе во Христѣ“ (Дѣян. III, 33—25). Императоръ такъ далеко простеръ свою благосклонность къ еретикъ, что кажется рекомендовалъ его въ письмѣ къ папѣ Льву великому (Дѣян. III, 25). Евтихій самъ съ своей стороны повсюду въ Церкви ищетъ себѣ сторонниковъ и покровителей. Онъ жаловался на Флавіана папѣ Льву и не безъ успѣха. Сначала, не зная всѣхъ подробностей дѣла, Левъ высказываетъ себя благосклоннымъ къ Евтихію. Левъ писалъ къ Евтихію, что „ревность его къ вѣрѣ ему, Льву, пріятна“, и призываетъ на него благословеніе Божіе (Дѣян. III, 24). Подъ первымъ впечатлѣніемъ письма Евтихіева, тотъже Левъ требовалъ отъ Флавіана, чтобъ онъ объяснилъ, почему онъ осудилъ Евтихіа, замѣчая, что „суды надъ священными должны быть здравы“ (Дѣян. III, 26). И Флавіанъ долженъ былъ оправдывать свое поведеніе въ отношеніи къ Евтихію предъ папою (Дѣян. III, 29—33). Самый доносъ Евсевія Дорилейскаго, по которому начато было дѣло Евтихіа, папа находилъ недостаточно обоснованнымъ (Дѣян. III, 28). Правда, папа недолго оставался въ заблужденіи, истина для него скоро открылась; тѣмъ не менѣе временная благосклонность Льва къ Евтихію не могла не быть благопріятною для коварныхъ дѣйствій послѣдняго. Евтихій въ видахъ успѣха своего дѣла и въ видахъ оклеветанія Флавіана, хочетъ вступить въ связь даже съ отдаленною церковію Равеннскою въ Италіи (Дѣян. III, 61). И нѣтъ сомнѣнія, что еретикъ и въ это уже время стоялъ въ близкихъ отношеніяхъ съ архіепископомъ александрійскимъ Діоскоромъ, который позднѣе былъ такимъ доброхотомъ Евтихіа. Словомъ, при указанныхъ условіяхъ Евтихій не могъ не ожидать, что его дѣла поправятся, и враги его будутъ поруганы. Черная туча собиралась надъ Церковію восточною.

СОБОРЪ РАЗБОЙНИЧІЙ 449 ГОДА, РУКОВОДИМЫЙ ДІОСКОРОМЪ.

(*Разсказъ—на основаніи актовъ тогоже IV-го вселенскаго собора*).

Лжевселенскій соборъ 449 г.—Созваніе его по мысли Евтихія.—Положеніе, какое должны были принять сторона православныхъ и сторона еретиковъ, по указамъ, на предположенномъ соборѣ.—Дѣянія собора: коварная тактика Діоскора.—Евтихій въ качествѣ обвинителя.—Монофизитство собора.—Оправданіе Евтихія.—Неправый судъ и осужденіе Флавіана.—Судьба представителей православія.—Насилія Діоскора.—Мысли папы Льва о монофизитскомъ ученіи и соборѣ.

Императоръ Θεодосій младшій, созвавшій соборъ въ 431 году для разсмотрѣнія догматическихъ споровъ св. Кирилла Александрійскаго съ Несторіемъ—III вселенскій, рѣшается по случаю новыхъ споровъ въ Церкви касательно вѣроученія, поднятыхъ архимандритомъ Евтихіемъ, созвать новый соборъ въ 449 году. По намѣренію этотъ соборъ долженъ былъ быть вселенскимъ, какъ и соборъ 431 года; онъ имѣлъ составиться изъ представителей—іерарховъ всѣхъ главнѣйшихъ церквей того времени: въ немъ должны были принять участіе (и приняли) и архіепископъ столицы, и епископы Θракіи, Македоніи, Греціи, Малой Азіи, Сиріи, Палестины, Египта, и самый Римъ въ лицѣ легатовъ папскихъ; но въ дѣйствительности этотъ соборъ сталъ разбойничимъ ¹⁾, т.-е. такимъ, который не соотвѣтствовалъ инте-

---

¹⁾ Соборъ 449 года названъ былъ именемъ *разбойничаго* въ первый разъ современникомъ его, папою Львомъ Великимъ; съ тѣхъ поръ это названіе осталось за соборомъ навсегда въ исторіи.

ресамъ Церкви и вѣры: онъ вмѣсто истиннаго ученія церковнаго защищалъ и провозгласилъ лжеученіе монофизитское и ознаменовалъ себя насиліями въ отношеніи къ приверженцамъ православія.

Мысль созванія собора для изслѣдованія неодинаковыхъ догматическихъ воззрѣній о лицѣ Богочеловѣка и образѣ соединенія въ Немъ двухъ естествъ: божескаго и человѣческаго, — воззрѣній Евтихія и представителей церкви, принадлежала сторонѣ еретичествующей. Ободряемый тою дѣятельною поддержкою при дворѣ и у императора, какую нашель Евтихій здѣсь тотчасъ послѣ собора Константинопольскаго 448 года, осудившаго его, Евтихій для окончательнаго торжества надъ своими врагами и для рѣшительнаго успѣха своего лжеученія, испрашиваетъ у императора созванія собора вселенскаго (Дѣян. т. III, стр. 196). И вотъ едва прошло четыре мѣсяца послѣ осужденія Евтихія, какъ императоромъ Θεодосіемъ объявлено было созваніе общецерковнаго собора для разсмотрѣнія и изслѣдованія спорныхъ вопросовъ вѣроученія и для пересмотра опредѣленій Константинопольскаго собора 448 года по дѣлу Евтихія. Уже въ апрѣлѣ 449 года императоръ окончательно рѣшился собрать соборъ. Волею императора, человѣка слабаго и безхарактернаго, въ настоящемъ случаѣ руководилъ прежде упомянутый нами евнухъ и министръ Хрисафій, другъ Евтихія и недругъ архіепископа Флавіана. Такъ какъ первоначальная мысль созванія собора вселенскаго выходила отъ партіи Евтихіевой, то многіе изъ главнѣйшихъ представителей православія въ современной Церкви, предугадывая какимъ позоромъ покроетъ себя этотъ соборъ, весьма несочувственно относились къ созванію его. Архіепископъ Константинопольскій Флавіанъ ожидалъ отъ этого собора только новыхъ смуть и безпорядковъ въ Церкви (Дѣян. III, 33). Папа Левъ считалъ соборъ дѣломъ излишнимъ и замѣчалъ, что „по разумнымъ причинамъ можно было бы удержаться отъ созыванія собора“ (Дѣян. III, 63. 64). И другіе знаменитые мужи Церкви не ждали добра отъ собора (напр. блж. Θεодоритъ).

Тѣмъ не менѣе соборъ, къ своему собственному стыду,

состоялся. Можно было предвидѣть, что соборъ кромѣ ничего не принесетъ Церкви. Въ самомъ дѣлѣ всѣ императорскіе указы и высочайшія посланія, выданные предъ открытіемъ собора и касающіеся этого собора, ясно давали знать, чѣмъ сдѣлается собираемый соборъ. Предсѣдательство, и притомъ полномочное, на соборѣ поручается чело-вѣку совершенно не благонадежному, архіепископу Александрійскому Діоскору ¹⁾. Діоскоръ по своимъ догматическимъ убѣжденіямъ былъ вполнѣ родственъ съ Евтихіемъ, хотя до времени и не обнаруживалъ этого ясно (Дѣян. III, 144). Онъ былъ въ связяхъ съ внухомъ Хрисафіемъ, другомъ Евтихіа и полномочнымъ правителемъ имперіи въ то время, а потому естественно и дворъ и императоръ должны были принять сторону не Флавіана, а Діоскора ²⁾. Діоскоръ тѣмъ охотнѣе долженъ былъ поддерживать сторону Евтихіа, что по всей вѣроятности и онъ подобно многимъ другимъ архіепископамъ александрійскимъ (напр. Теофилу, ознаменовавшему себя постыдною борьбою съ св. Златоустомъ) съ завистию смотрѣлъ на быстрое возвышеніе архіепископской кathedры Константинопольской надъ всѣми другими кathedрами Востока, а потому былъ не прочь въ лицѣ Флавіана архіепископа столицы унизить достоинство и честь самой кathedры Константинопольской. Таковъ былъ Діоскоръ, и однакожь онъ по высочайшему повелѣнію назначался главнымъ вождемъ собора. Высочайшее посланіе, адресованное на имя Діоскора гласило: „мы почли необходимымъ послать тебѣ грамоту, въ которой объявляемъ всему собору, что мы предоставляемъ тебѣ власть и первенство предъ всѣми прочими участвующими въ соборѣ“ (Дѣян. III, 158). Понятно, какъ мало можно было ожидать истины и безпристрастія отъ собора, руководство котораго не безъ намѣренія поручено было евтихіанину. Что касается до стороны православной, то указами, изданными еще до собора, ей предписывалось положеніе на соборѣ страдательное, а

---

¹⁾ Подробную характеристику нравовъ Діоскора мы предложимъ ниже, когда будемъ говорить о судѣ надъ Діоскоромъ на соборѣ Халкидонскомъ.

²⁾ Теофанъ. Хронографія (Migne, cursus part., Graeca ser., t. CVIII, стр. 260).

не дѣятельное, а даже стѣснительное и угнетенное. Архіепископъ Флавіанъ, глава православныхъ на востокѣ, долженъ былъ явиться на соборъ скорѣе въ качествѣ подсудимаго, чѣмъ полноправнаго члена его. На это указываютъ императорскіе указы и высочайшія посланія какъ косвенно, такъ и прямо. Одинъ указъ напр. говорилъ: „такъ какъ нынѣ опять возбуждено новое недоумѣніе касательно св. вѣры, то мы опредѣлили быть въ Ефесѣ собору, поспѣшая совершенно уничтожить корень зла“ (Дѣян. III, 154). Какъ легко было примѣнить этотъ указъ противъ Флавіана, который не соглашался съ Евтихіемъ въ ученіи вѣры, и какъ легко было подъ искорененіемъ зла понять именно искорененіе возрѣвнѣй Флавіана! Или другое высочайшее посланіе гласило: „тѣмъ, которые осмѣлились говорить съ цѣлію или прибавить или убавить что-либо въ опредѣленіяхъ о вѣрѣ, постановленныхъ въ Никее и потомъ въ Ефесѣ, мы не позволяемъ совершенно имѣть голоса на соборѣ и подчиняемъ ихъ вашему (Диоскорову) суду“ (Дѣян. III, 159). Опять: какъ легко было и этимъ мѣстомъ высочайшаго посланія воспользоваться во вредъ Флавіану! потому что не было ничего проще какъ представить, что Флавіанъ хотѣлъ что-либо прибавить или убавить въ рѣшеніяхъ прежнихъ вселенскихъ соборовъ. Но кромѣ этихъ выраженій изъ высочайшихъ указовъ и посланій, косвенно указывающихъ на неблагопріятное положеніе, какое должна была занять на соборѣ сторона православныхъ — въ лицѣ Флавіана, въ разсматриваемыхъ документахъ есть прямыя указанія, направленные противъ Флавіана и его дѣла. „Такъ какъ архіепископъ Флавіанъ, говорилось въ одномъ указѣ, захотѣлъ возбудить какой-то вопросъ о вѣрѣ противъ архимандрита Евтихіа и собравши совѣтъ, началъ что-то дѣлать, то мы нѣсколько разъ относились къ этому епископу, желая воспрепятствовать возбужденному беспорядку; но хотя мы многократно убѣждали его оставить такое изслѣдованіе, чтобы это не сдѣлалось причиною беспорядковъ по всей вселенной, однакожъ онъ не успокоился“; поэтому, разсуждалось въ указѣ, „мы сочли необходимымъ собрать соборъ, дабы искоренить весь дьявольскій корень“ (Дѣян. III, 157). Могъ

ли, спрашиваемъ, ожидать себѣ добра Флавіанъ на предпологавшемся соборѣ, въ силу подобныхъ указовъ? И не долженъ ли былъ онъ считать свое дѣло, а съ нимъ вмѣстѣ и дѣло православныхъ, напередъ предрѣшеннымъ, и притомъ совершенно не въ его пользу? Императорская власть, руководимая такими врагами православія, какъ Хрисафій, постаралась даже сколько возможно ослабить сторону православныхъ на соборѣ, устранивъ отъ собора наиболѣе ревностныхъ изъ нихъ. Такъ поступилъ императоръ съ блаженнымъ Θεодоритомъ епископомъ Кирскимъ, этимъ проицательнымъ врагомъ монофизитства, умѣвшимъ оцѣнить опасность этого новаго ученія на самыхъ первыхъ порахъ развитія онаго. Въ высочайшемъ посланіи, адресованномъ къ Діоскору, читаемъ: „Θεодориту Кирскому мы повелѣваемъ не прежде придти на соборъ, какъ когда угодно будетъ всему собору, чтобы и онъ присутствовалъ на немъ. Если же возникнетъ какое-либо разногласіе касательно его, то мы повелѣваемъ безъ него собраться собору и рѣшить то, что повелѣно“ (Дѣян. III, 148). Это устраненіе Θεодорита отъ собора совершается подѣ предложеномъ склонности его къ несторіанству (Дѣян. III, 158). Оно было условное, но равнялось безусловному, какъ скоро возьмемъ во вниманіе, кто былъ предсѣдателемъ собора; могъ ли Діоскоръ допустить присутствованіе на немъ Θεодорита, ревностнѣйшаго приверженца православія? Между тѣмъ какъ сторона православныхъ на соборѣ, вопреки всякой справедливости, ослаблялась, партія монофизитская на немъ всѣчески усиливалась по волѣ императорской. Такъ указомъ вызванъ былъ къ присутствованію на соборѣ съ правомъ голоса архимандритъ Варсума изъ Сиріи, хотя по канонамъ онъ не могъ быть членомъ собора, ибо таковыми были лишь епископы. Онъ вызванъ потому, говорилъ указъ, что онъ вмѣстѣ съ другими архимандритами „ведетъ борьбу противъ нѣкоторыхъ восточныхъ епископовъ, зараженныхъ нечестіемъ Несторія“ (Дѣян. III, 152. 153), т. е. по попросту противъ епископовъ православныхъ, которыхъ монофизитствующіе обзывали именемъ несторіанъ за то, что они вопреки Евтихію допу-

скали во Христѣ два естества по воплощеніи (это видно изъ Дѣян. III, 157). Но со всѣмъ этимъ мы еще не достаточно оцѣнимъ всѣ выгоды, какіе должна была имѣть на своей сторонѣ партія монофизитская на соборѣ, если не укажемъ еще на тѣ широкія полномочія, которыя давались императорскимъ свѣтскимъ чиновникамъ Елпидію и Евлогію въ дѣлахъ этого собора. „Если усмотрите, что кто-нибудь начинаетъ возмущеніе или безпорядки (на соборѣ) въ оскорбленіе святой вѣрѣ“, такъ говорилось въ инструкціи императорскому чиновнику Елпидію, — „такоговаго отдать подъ стражу“ (Дѣян. III, 154). Само собою разумѣется, что партія, преобладающая на соборѣ и притомъ имѣющая на своей сторонѣ свѣтскую власть, могла воспользоваться противъ членовъ противной стороны и этимъ правомъ сколько угодно; а такова именно и была партія Діоскора и Евтихія. „Притомъ, говорилось далѣе въ инструкціи, тѣ, кто прежде судилъ архимандрита Евтихія, должны присутствовать и молчать на соборѣ, не имѣя званія судей, но ожидать общаго мнѣнія всѣхъ прочихъ отцевъ, потому что нынѣ обсуждается то, что опредѣлено было прежде самими ими“ (Дѣян. III, 155). То-есть назначался несправедливый судъ, въ которомъ подсудимый не могъ ни слова сказать въ свою защиту; говорить въ свою пользу и въ свое оправданіе значило бы для стороны Флавіана нарушать императорскую волю и слѣдовательно попасть подъ стражу. Наконецъ инструкція говорила: „мы послали вамъ (Елпидію съ Евлогіемъ) помощь *гражданскую*, выдавши нужный приказъ проконсулу, и на другіе случаи помощь *военную*; для того, чтобы вы при своемъ собственномъ стараніи и при этихъ вспомогательныхъ средствахъ въ состояніи были выполнить порученное вамъ (т.-е. охраненіе интересовъ вѣры), чтѣ настолько же выше всѣхъ прочихъ благъ, насколько божественное выше человѣческаго“ (Дѣян. III, 155). Можно судить, какова будетъ свобода рѣшеній и дѣйствій на соборѣ, когда одна изъ сторонъ имѣла въ своемъ распоряженіи даже военную силу. Богохульствомъ отзываются слова этого указа о томъ, что божественное выше человѣческаго,

когда христіанское ученіе вѣры устанавливается и опредѣляется мечемъ солдатъ!

При такихъ условіяхъ, неблагопріятныхъ для стороны православныхъ и выгодныхъ для стороны еретичествующихъ, открывается соборъ въ Ефесѣ въ 449 году, извѣстный въ церковной исторіи подъ страшнымъ именемъ разбойничаго собора. Соборъ открылъ свои засѣданія въ храмѣ Пресвятой Дѣвы Маріи (Дѣян. III, 164), гдѣ происходили незадолго предъ тѣмъ и засѣданія III вселенскаго собора. Днемъ открытія его былъ день 8-го августа ¹⁾. Число участвовавшихъ въ немъ отцевъ можно приблизительно полагать между 122—130 (Дѣян. III, 160—8; 191) ²⁾. Дѣянія собора состояли въ слѣдующемъ. Послѣ предварительнаго прочтенія нотаріемъ (т.-е. секретаремъ) пресвитеромъ Іоанномъ нѣкоторыхъ документовъ, относящихся до открытія собора, императорскій уполномоченный Елпидій, обращаясь къ собравшимся отцамъ, сказалъ рѣчь, въ которой между прочимъ говорилъ: „нынѣ Господь всяческихъ и Богъ Слово Спаситель отдаетъ Себя вамъ на судъ (!) и судящихъ терпитъ и удостоиваетъ васъ власти высказывать свои мнѣнія, дабы нашедши, что вы судите о Немъ правильно, и здѣсь удостоить васъ чести и опять исповѣдать предъ Отцемъ. Если вы найдете, что нѣкоторые отринули отъ помышленія цѣлость благочестія..., лучше бы имъ было, какъ говоритъ Писаніе, еслибы они не родились“ (Дѣян. III, 176). Затѣмъ нѣкоторыми членами собора заявлено было, что слѣдуя императорской волѣ, прежде всего нужно начать разсужденія о вѣрѣ. На это Діоскоръ замѣтилъ: не о вѣрѣ собственно нужно вести разсужденія, потому что вѣра уже утверждена прежними соборами, а нужно изслѣдовать: согласны или нѣтъ съ объясненіями св. отцевъ вновь воз-

---

¹⁾ Сколько дней продолжался и сколько имѣлъ засѣданій соборъ, остается неизвѣстнымъ.

²⁾ Главѣйшими представителями на немъ, кромѣ Діоскора Александрійскаго и Флавіана Константинопольскаго, были: западный епископъ Юліанъ вмѣстѣ съ пресвитеромъ Ренатомъ и діакономъ Нларіемъ, представлявшие лицо папы Римскаго, Домънъ Антиохійскій, Ювеналій Іерусалимскій, Фаласій Кесарійскій въ Каппадокіи.

аникшія мнѣнія. „Каноны, говоритъ онъ, и соборы опредѣлили ясно вѣроученіе, ихъ мы не должны преступать. Когда возникли нѣкоторые вопросы въ Церкви, императоръ велѣлъ собраться собору не для того, чтобы излагали вѣру, которая уже изложена св. отцами, но чтобы мы изслѣдовали поднятые вопросы, согласны ли они съ опредѣленіями св. отцевъ нашихъ“. „Или вы хотите обновить вѣру святыхъ отцевъ?“ съ затаенными цѣлями, но съ видомъ глубокаго благочестія спрашивалъ Діоскоръ. Нѣтъ сомнѣнія, что устраняя пренія о вѣрѣ на соборѣ, Діоскоръ хотѣлъ поставить дѣло такъ, чтобы соборъ было лишь судилищемъ надъ архіепископомъ Флавіаномъ, какъ вводившимъ какое-то новое вѣроученіе сравнительно съ тѣмъ, какого держались отцы соборовъ Никейскаго и Ефесскаго. Соборъ на послѣднее замѣчаніе Діоскора: не намѣревается ли онъ, соборъ, чрезъ разсужденія обновить вѣру отцевъ, отвѣчалъ: „если кто обновитъ вѣру, тотъ анаѳема; если кто поколеблетъ, тотъ анаѳема“ (Дѣян. III, 167—178). Между тѣмъ Діоскоръ старается все болѣе и болѣе возбудить негодованіе собора на тѣхъ, кто измѣняетъ вѣру; это онъ дѣлаетъ съ тою цѣлю, чтобы пользуясь возбужденнымъ негодованіемъ собора на измѣняющихъ вѣру, подвести и Флавіана подъ категорію такихъ нововодителей въ вѣрѣ и осудить. Поэтому Діоскоръ, выдавая себя за ревностнаго охранителя цѣлости и неприкосновенности вѣры, говорилъ еще: „вѣра утверждена въ Никее и Ефесѣ, и хотя говорятъ два собора, но они содержатъ одну вѣру. Если кто вопреки ученію и дѣяніямъ отцевъ, собиравшихся въ Никее и Ефесѣ, будетъ изыскивать, или перензслѣдовать, или перестраивать вѣру, да будетъ анаѳема. Если Св. Духъ присутствовалъ съ отцами, какъ и дѣйствительно Онъ присутствовалъ, и опредѣлялъ то, что ими опредѣлено, то перестраивающій это, упраздняетъ благодать Святаго Духа“. Слушая подобныя рѣчи предсѣдателя собора, и быть можетъ, не замѣчая въ нихъ никакой задней мысли, соборъ восклицалъ: „кто нарушаетъ эти постановленія, тотъ анаѳема! Діоскоръ—великій стражъ вѣры! это слова Св. Духа. Ты стражъ правилъ! Чрезъ тебя имѣютъ жизнь отцы!“ (Дѣян. III, 181—2). Трудно

впрочемъ предположить, чтобы эти восклицанія были еднородными; трудно предположить, чтобы напр. Флавіанъ и его сторонники могли восклицать о Діоскорѣ, что онъ „стражъ правилъ“. По всей вѣроятности это были отдѣльные голоса епископовъ—монофизитовъ, приписанные всему собору ¹⁾).

Подготовивъ такимъ образомъ соборъ къ рѣшеніямъ не въ пользу Флавіана и его сторонниковъ, Діоскоръ приступилъ къ разсмотрѣнію ученія и дѣла Евтихія. Позванъ былъ на соборъ Евтихій. Первые уже слова, съ которыми обратился Евтихій къ собору, показывали, что онъ считалъ соборъ единомысленнымъ съ собою. Онъ сказалъ: „я поручилъ себя Отцу, Сыну и Святому Духу, и васъ имѣю свидѣтелями своей вѣры, за которую я подвизался вмѣстѣ съ вами“ (Дѣян. III, 183). Затѣмъ онъ приступилъ къ объясненію своего исповѣданія вѣры; для этого онъ представилъ двѣ письменныя статьи. Здѣсь говорилось: „благодарю всеблагаго Бога, въ настоящій день, въ который благочестіе чрезъ васъ получило право свободной рѣчи (не такъ говорилъ Евтихій на соборѣ Константинопольскомъ 448 года), и увѣдомляю съборъ о томъ, что случилось со мною ради вѣры. Хотя я съ самаго дѣтства далъ обѣтъ жить въ уединенномъ молчаніи до самой старости и уклоняться отъ всякаго смятенія, однакожь мнѣ не удалось исполнить такого обѣта: я подвергся навѣту за то, что я по опредѣленію здѣшняго (Ефесскаго) собора не согласился мудрствовать противъ вѣры, изложенной отцами въ Никее“ (Дѣян. III, 184). Замѣтимъ, что это начало исповѣданія Евтихіева, предложеннаго собору, ясно даетъ понять, что Евтихій вполне былъ убѣжденъ въ благопріятномъ для себя исходѣ его дѣла на этомъ соборѣ. Иначе чѣмъ объяснить, что Евтихій вмѣ-

---

¹⁾ На соборахъ епископы обыкновенно имѣли при себѣ секретарей (нотаріевъ), которые и записывали все, что говорилъ епископъ, при которомъ тотъ или другой секретарь состоялъ. Изъ свода этихъ записей составлялся оффиціальныи документъ: „дѣянія соборныя“. На соборѣ, о которомъ мы говоримъ, епископамъ не изъ партіи Діоскора запрещено было имѣть при себѣ нотаріевъ. Откуда въ „дѣянія“ не могли войти замѣчанія и рѣчи епископовъ православныхъ, а вошли лишь замѣчанія и рѣчи епископовъ—приверженцевъ Діоскора. См. объ этомъ ниже.

сто того, чтобы оправдывать и защищать себя, въ приведенныхъ нами словахъ скорѣе выступаетъ въ качествѣ обвинителя на Флавіана? Очевидно, имъ сосчитаны были всѣ шансы въ свою пользу. Далѣе въ своемъ исповѣданіи Евтихій, не высказываясь прямо о томъ, какъ онъ учитъ о соединеніи двухъ естествъ во Христѣ, приводитъ вполнѣ символъ вѣры Никейскій, утверждаетъ, что онъ твердо держится постановленій собора Никейскаго и Ефесскаго, говоритъ, что онъ проклинаетъ еретиковъ Манеса, Валентина, Аполлинарія, Несторія и всѣхъ начиная съ Симона волхва (Дѣян. III, 185. 186. 188). И потомъ рѣшительно переходитъ къ обвиненіямъ на Флавіана и на собранный этимъ противъ него соборъ. Онъ жаловался, что хотя Евсевій Дорилейскій и обзывалъ его въ обвинительномъ актѣ еретикомъ, но прямо не указывалъ никакого вида ереси Евтихіевой для того будто бы, чтобы воспользоваться ошибками языка его, Евтихія, во время преній и обвинить его въ какомъ-либо заблужденіи; жаловался на то, что соборъ Константинопольскій, хорошо зная обѣщаніе Евтихія не выходить изъ монастыря, вызывалъ его для судебного разбирательства въ тѣхъ расчетахъ, чтобы осудить его, какъ человѣка непослушнаго Церкви, когда онъ не явится на соборъ; жаловался, что, когда противъ ожиданія Флавіанова онъ предсталъ однакожь на соборъ, ему не дали ничего высказать въ свое оправданіе, не дали произнести его исповѣданія вѣры: „судилище наполнилось шумомъ и волненіемъ,—клеветалъ Евтихій, весьма многіе начали безпорядочно тѣсниться и со всѣхъ сторонъ оглушали меня криками“; и прежде чѣмъ, такъ повѣствовалъ Евтихій, хоть что-либо онъ успѣлъ прочесть изъ своего исповѣданія, „вдругъ прочитано было осужденіе противъ меня, составленное заранѣе“. Евтихій доносилъ также собору о томъ, что будто дѣянія собора Константинопольскаго, судившаго его, были вполнѣдствіи передѣланы ко вреду для него. „Итакъ прошу теперь, говорилъ Евтихій въ заключеніе своего исповѣданія, обсудить и возведенную на меня клевету и неправду, и происшедшее отъ этой причины безпокойство во всѣхъ церквахъ, и возникшій отсюда для многіхъ соблазнъ, пре-

дать виновниковъ всего этого церковнымъ наказаніямъ, и вырвать всякій корень хуленія и нечестія“ (Дѣян. III, 193—96). Читая эти слова Евтихіева исповѣданія, трудно съ перваго раза опредѣлить: кто это говоритъ—обвиненный ли, какимъ былъ Евтихій? Но подобныя слова не приличествуютъ ему, какъ обвиненному; судья ли? Но таковымъ Евтихій вовсе не былъ. Послѣ того, какъ прочитаны были статьи исповѣданія Евтихіева, Флавіанъ потребовалъ-было, чтобы для надлежащаго обсуждения дѣла Евтихія вызванъ былъ предъ лице собора и Евсевій Дорилейскій, который, какъ обвинитель, долженъ былъ представить свои обвинительные пункты противъ Евтихія. Но императорскій чиновникъ Елпидій не дозволилъ этого, сказавъ: „императоръ повелѣлъ прежнимъ судьямъ стать въ ряду подсудимыхъ и не имѣть права голоса. Отцы собора теперь собрались, чтобы судить судей; но не такъ, чтобы вызвано было снова лице обвинителя и тѣмъ поданъ былъ поводъ къ волненію“ (Дѣян. III, 197—199). Въмѣсто того, чтобы, выслушавъ одну изъ сторонъ, Евтихіеву, выслушать и противоположную сторону—Евсевія Дорилейскаго, Елпидій распорядился, чтобы прочтены были лишь дѣянія собора Константинопольскаго 448 года и повергнуты обсужденію.

Во время чтенія дѣяній Константинопольскаго собора во всемъ свѣтѣ обнаруживаются монофизитскія убѣжденія какъ Діоскора, предсѣдателя сборища, такъ и большей части засѣдавшихъ съ нимъ же епископовъ. Когда читались указанныя дѣянія и когда дѣло дошло до того мѣста въ нихъ, гдѣ говорится: „мы вѣруемъ въ Единаго Господа Иисуса Христа въ двухъ естествахъ послѣ воплощенія и воспріятія плоти отъ св. Маріи; кто мудрствуетъ иначе, того объявляемъ чуждымъ церкви“: при чтеніи этихъ словъ соборъ или, лучше сказать, партія Діоскорова подняла страшный шумъ. Посыпались съ разныхъ сторонъ замѣчанія, клонившіяся къ обвиненію въ ереси защитниковъ православія. Одни говорили: „никто не признаетъ Господа за двухъ послѣ соединенія; не раздѣляй нераздѣлимаго,—такъ мудрствуетъ Несторій“. Діоскоръ съ своей стороны еще сдержанно замѣтилъ: „помолчите немного, выслушаемъ другія

хулы. Зачѣмъ мы обвиняемъ Несторія, Несторіевъ много“. Прочіе говорили: „изъ прочитаннаго мы замѣчаемъ, что здѣсь изложена другая вѣра, отличная отъ той, которая изложена въ Никеѣ и Ефесѣ“. Одинъ изъ епископовъ даже прямо провозгласилъ: „если подобная вѣра имѣетъ свое начало въ этихъ дѣяніяхъ, то анаеема тѣмъ, которые дали такое начало для нея“ (Дѣян. III, 23). Но полный взрывъ негодованія монофизитствующаго собора противъ православія проявился въ особенности при чтеніи того вопроса въ дѣяніяхъ константинопольскихъ, который заданъ былъ Евсевіемъ Евтихію, именно: „исповѣдуешь ли ты два естества послѣ воплощенія“? Многіе изъ членовъ собора закричали при этомъ: „возьмите, зажгите Евсевія, пусть онъ живой горитъ, пусть онъ обратится въ двухъ; какъ раздѣлилъ онъ Христа, пусть онъ самъ раздѣлится“ (Дѣян. III, 282). Діоскоръ почелъ эту минуту негодованія собора на Евсевія самую благопріятною для открытаго заявленія своего монофизитскаго воззрѣнія и для признанія его, какъ истиннаго ученія, со стороны членовъ собора. Онъ обращается къ собору съ слѣдующими словами: „Терпимо ли для васъ это выраженіе, гдѣ говорится о двухъ естествахъ послѣ воплощенія“? Соборъ воскликнулъ: „анаеема тому, кто говоритъ это“. Діоскоръ потомъ сказалъ: „такъ какъ я имѣю нужду въ вашихъ голосахъ, то кто не можетъ кричать, тотъ пусть подниметъ руку“. Соборъ снова провозгласилъ: „если кто говоритъ о двухъ, анаеема“ (Дѣян. III, 283).

Такимъ образомъ теперь на соборѣ Ефесскомъ ученіе монофизитское утверждено; православіе попрано. Діоскоръ торжествовалъ. Оставалось еще формально признать невинность Евтихія и осудить Флавіана. Этимъ дѣломъ затѣмъ и занимается соборъ.

Послѣ признанія соборомъ монофизитскаго ученія, Діоскоръ уже вполне увѣренный въ счастливомъ исходѣ дѣла Евтихіева, предлагаетъ собору такой вопросъ: „можно ли признать Евтихія православнымъ и что надлежитъ постановить о немъ“? Не менѣе 114 голосовъ высказалось въ пользу Евтихія, объявили его православнымъ и возстановили его въ достоинствѣ архимандрита и санѣ пресвитера. Прежде

другихъ высказались за Евтихія Ювеналій іерусалимскій, Домнъ антиохійскій (Дѣян. III, 366 и д.). Замѣтимъ, что хотя императоръ и лишилъ права голоса на соборѣ тѣхъ, кто судилъ Евтихія въ Константинополѣ, однакожь въ числѣ 114 членовъ собора, оправдавшихъ Евтихія, находимъ и голоса трехъ епископовъ, бывшихъ на соборѣ константинопольскомъ (ibid); они приняты въ счетъ потому конечно, что это были голоса за Евтихія, а не противъ него.

По оправданіи Евтихія настала для собора очередь суда надъ архіепископомъ Флавіаномъ. Для большаго успѣха въ подобномъ дѣлѣ, явилось на соборѣ конечно по заранѣ составленному плану, нѣсколько монаховъ изъ монастыря Евтихіева съ самыми несправедливыми жалобами на Флавіана. Лишь только кончился судъ надъ Евтихіемъ, какъ нотарій Іоаннъ заявилъ собору, что монахи Евтихіева монастыря представили свою челобитную. Діоскоръ велѣлъ принять ее и прочитать. Въ ней говорилось: „Флавіанъ осыпалъ клеветами и хулами нашего пастыря Евтихія и подъ видомъ благочестія нашелъ несправедливый предлогъ къ его осужденію въ томъ, что онъ не богохульствуетъ вмѣстѣ съ нимъ вопреки опредѣленіямъ вѣры, которую изложили соборы Никейскій и Ефесскій; намъ же приказалъ избѣгать своего пастыря и не говорить съ нимъ, а монастырское имущество, подъ предлогомъ помощи бѣднымъ, велѣлъ беречь для самого себя, ибо онъ торговалъ имъ. И самый алтарь, жаловались монахи, который онъ, Евтихій, водрузилъ за пять мѣсяцевъ до измышленнаго навѣта, стоитъ безъ божественнаго жертвоприношенія... Мы же сами были связаны несправедливымъ его осужденіемъ“ и пр. „Поэтому умоляемъ вашъ соборъ, говорилось въ прошеніи, сжалиться надъ нами, потерпѣвшими такое несправедливое наказаніе, возвратить намъ церковное общеніе, несправедливо отнятое, а ему Флавиану, совершившему это, воздать должное“ (Дѣян. III, 405—8). Замѣтимъ, что прошеніе подано отъ лица всѣхъ монаховъ Евтихіева монастыря, т. е. отъ лица трехъ сотъ человѣкъ, и однакожь въ подписяхъ значится подпись лишь 35 монаховъ (Дѣян. III. 409—11). Знакъ, что кажется здѣсь

дѣло было не совсѣмъ чисто. Вслѣдствіе этого прошенія монахи снова приняты въ церковное общеніе Діоскоромъ и его соборомъ; а самое прошеніе ихъ сдѣлалось для Діоскора сильнымъ доказательствомъ преступности Флавіана. Впрочемъ однимъ этимъ Діоскоръ не удовольствовался для осужденія Флавіана: онъ рѣшился выставить послѣдняго нарушителемъ постановленій III вселенскаго собора, именно обвинить его въ нововведеніи касательно вѣры. Еще съ самаго начала соборной дѣятельности, какъ мы видѣли, Діоскоръ усиленно старался возбудить негодованіе отцевъ на тѣхъ, кто позволялъ себѣ измѣненія и переизслѣдованія вѣры; теперь Діоскоръ принимаетъ самыя рѣшительныя мѣры къ тому, чтобы возбужденное негодованіе собора обратить прямо противъ Флавіана. Онъ приказываетъ прочесть опредѣленія собора Ефесскаго III-го вселенскаго. Когда кончилось это чтеніе, Діоскоръ сказалъ: „думаю, всѣмъ нравится Никейское опредѣленіе вѣры, которое соборъ Ефесскій утвердилъ и опредѣлилъ содержать его одно. Мы знаемъ, что отцы этого послѣдняго собора постановили: если кто вопреки этому будетъ говорить или мудрствовать или вводить новое, тотъ подвергается осужденію. Что вы думаете объ этомъ? Можемъ ли мы изслѣдовать или вводить новое вопреки этому? Если кто-либо изслѣдовалъ свыше того, что сказано, опредѣлено и одобрено, не будетъ ли онъ по всей справедливости подлежать осужденію отцевъ? Пусть каждый скажетъ, того ли онъ мнѣнія, (Дѣян. III, 411—12. 458—9). Нужно сказать, Діоскоръ въ своихъ видахъ измѣнилъ смыслъ того постановленія III вселенскаго собора, о какомъ у него въ настоящемъ случаѣ идетъ рѣчь: постановленіе запрещало измѣненіе символа вѣры, а Діоскоръ истолковывалъ его какъ рѣшительное запрещеніе всякаго богословствованія. Послѣдовало собраніе голосовъ, епископы высказались въ томъ смыслѣ, что измѣнять и разрушать вѣру противно правиламъ Никейскаго и Ефесскаго соборовъ. Діоскору оставалось теперь сдѣлать одинъ шагъ и самый послѣдній, примѣнить постановленіе III вселенскаго собора противъ Флавіана. Нѣкоторые епископы на соборѣ догадывались уже, куда клонить свою

рѣчь Діоскоръ. Такъ одинъ изъ нихъ позднѣе на соборѣ халкидонскомъ заявлялъ, что какъ скоро Діоскоръ привелъ указанное постановленіе III вселенскаго собора, онъ говорилъ потихоньку сидѣвшимъ близъ него епископамъ: „правило это читается не для чего инаго, какъ для осужденія архіепископа Флавіана“ (Дѣян. III, 362). Дѣйствительно это была правда. Едва кончилось собраніе голосовъ по данному вопросу, какъ Діоскоръ всталъ съ своего мѣста и предложилъ примѣнить ефесское правило къ Флавіану и Евсеію Дорилейскому. Онъ выразилъ свое мнѣніе такъ: „Флавіанъ и Евсеій, какъ это ясно видитъ соборъ, оказываются почти все извращающими и перестраивающими въ вѣрѣ и подали поводъ къ соблазну и и смятенію въ святыхъ церквахъ и всему православному народу. Ясно, что они сами себя подвергли наказаніямъ церковнымъ. Поэтому мы присуждаемъ Флавіана и Евсеіа на лишеніе епископскаго и священническаго достоинства“. Монофизитская партія собора единодушно поддержала это мнѣніе, и Флавіанъ съ Евсеіемъ были лишены церковнаго достоинства (Дѣян. III, 463—4. 465 и др.). Потомъ Флавіанъ былъ изгнанъ (Дѣян. III, 95) и въ изгнаніи умеръ. Въ этомъ смыслѣ Евсеій Дорилейскій называлъ позднѣе Діоскора убійцею Флавіана (Дѣян. III, 243). Самъ Евсеій Дорилейскій также, нужно полагать, не мало потерпѣлъ бѣдъ послѣ собора, какъ это видно изъ того, что Евсеій замѣчалъ о себѣ, что и его „убилъ“ Діоскоръ (Дѣян. III, *ibid*). Одинъ изъ папскихъ легатовъ, бывшихъ на соборѣ, діаконъ Иларій „едва убѣгъ“ съ собора (Дѣян. III, 67) и только окольными, мало извѣстными путями добрался до Рима (Дѣян. III, 89. 90). Блаженный Феодоритъ Кирскій былъ лишенъ на соборѣ сана, хотя онъ вовсе и не присутствовалъ на немъ, и былъ заточенъ въ монастырь. Подвергся осужденію и былъ анаематствованъ еще Ива, митрополитъ Едесскій. Замѣчательно: прещенія соборнаго не избѣжалъ даже Домнъ антиохійскій,—онъ былъ лишенъ сана, несмотря на то, что во многихъ потворствовалъ Діоскору.

Итакъ соборъ Ефесскій 449 года провозгласилъ моно-

физитское ученіе, какъ ученіе истинное, и ознаменоваль себя поруганіемъ относительно сторонниковъ православія. Чтобы понять, какъ могло произойти такое изумительное явленіе, для этого нужно дать себѣ отчетъ въ томъ, какъ и при какихъ условіяхъ достигались на этомъ соборѣ подобные результаты. Соборъ въ своемъ образѣ дѣйствования былъ чисто разбойничимъ, каждый шагъ запечатлѣнъ былъ насиліемъ. Современники рассказываютъ самыя ужасныя вещи о ходѣ дѣлъ на этомъ соборѣ. Прежде всего на соборѣ не было соблюдено важнѣйшаго условія, при которомъ только и возможна была истина въ опредѣленіяхъ и рѣшеніяхъ, именно не было свободы преній и изслѣдованія. Папа Левъ въ свое время видѣлъ въ этомъ главную причину, почему соборъ кромѣ зла не принесъ ничего Церкви. По его словамъ, изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ (отъ своихъ легатовъ) онъ узналъ, что предсѣдателю собора Диоскору не доставало истинно-христіанской „умѣренности, когда бы свободно высказывались мнѣнія всѣхъ“, ибо только при этомъ условіи, по мнѣнію Льва, возможно было бы открытіе истины и изобличеніе заблужденія (Дѣян. III, 67). Какъ мало на этомъ соборѣ уважались мнѣнія лицъ, не принадлежащихъ къ партіи Диоскара, это видно изъ того, что папскіе легаты, несмотря на настойчивое требованіе, чтобы прочтены были посланія папы Льва, которыя съ замѣчательною точностію и полнотою изъясняли спорный догматическій вопросъ, не могли добиться отъ предсѣдателя собора такого чтенія (Дѣян. III, 76). Достаточно было кому-либо имѣть какія-либо отношенія къ Флавіану, чтобы сдѣлаться подозрительнымъ въ глазахъ вожаковъ собора. Такъ случилось съ легатами. Гостепріимство, какимъ воспользовались легаты у Флавіана, было поводомъ для монофизитской партіи собора, чтобы видѣть въ нихъ лицъ непріязненныхъ собору. Евтихій открыто замѣчалъ на соборѣ: „легаты Льва для меня подозрительны, ибо они посѣщали Флавіана, обѣдали у него, обласканы были имъ и пользовались у него всякимъ вниманіемъ. По этому прошу соборъ не довѣрять имъ, если они будутъ что-либо дѣлать или говорить невы-

годное для меня“ (Дѣян. III, 202, 203). Очевидно, страда-
тельное положеніе, которое вынуждены были принять на
соборѣ легаты, доказываетъ, что подобныя подозрѣнія для
собора имѣли самое полное значеніе. Подобное же было и
съ другими представителями Церкви православной. Съѣха-
лось на соборъ больше епископовъ, чѣмъ сколько ихъ было
на немъ. Ибо не всѣ были допущены къ присутствованію
на немъ, а по выбору Діоскора: „одни были удалены, другіе
допущены“ (Дѣян. III, 67). Само собой разумѣется, допус-
кались только тѣ епископы, которые сочувствовали идѣямъ
и согласовались съ видами Діоскора, остальнымъ же, т.-е.
православнымъ, доступъ на соборъ былъ затрудненъ. Но
этого мало. Какъ ни старательно подбирались епископы
извѣстнаго характера и направленія, все же вошло въ со-
ставъ собора много и православныхъ епископовъ. Этихъ
Діоскоръ подчинилъ себѣ жестокостію, тиранніею и грубою
полицейскою и военною силою. Всѣ современники едино-
гласно жаловались на „неистовство“ и „насилъство“ Діос-
кора (папа Левъ. Дѣян. III, 45, 78), на то, что онъ дѣй-
ствовалъ какъ предводитель возмущившихся полчищъ народ-
ныхъ (Евсевій Дорилейскій. Дѣян. III, 144). Въ самомъ
дѣлѣ, при помощи какихъ страшныхъ насилій достигалось
на соборѣ кажущееся согласіе со стороны православныхъ
епископовъ съ монофизитскою партіею, объ этомъ свидѣ-
тельствуютъ слѣдующіе рассказы самихъ потерпѣвшихъ.
На соборѣ халкидонскомъ открылось, что Діоскоръ только
своимъ собственнымъ нотаріямъ и нотаріямъ своихъ дру-
зей, Фалассія каппадокійскаго и Ювеналія іерусалимскаго
дозволялъ дѣлать записи соборныхъ дѣяній, а нотаріямъ
другихъ епископовъ не позволено было что-либо записы-
вать за своими епископами. Когда два нотарія епископа
ефесскаго Стефана покусились-было записывать то, что го-
ворилъ ихъ епископъ и другіе епископы православные на
соборѣ, тогда къ нимъ подбѣжали нотаріи Діоскоровы, выр-
вали у нихъ изъ рукъ записанное и отняли у нихъ
письменные принадлежности. Самъ Стефанъ на соборѣ
халкидонскомъ заявлялъ объ этомъ такъ: „у меня было двое
нотаріевъ, къ нимъ подбѣжали нотаріи Діоскора, отняли у

нихъ записныя дощечки, почти переломали имъ пальцы, отняли у нихъ сумки съ писчими тростями“ (Дѣян. III, 178. 179). Отсюда понятно, что, когда потомъ составлялись дѣянія соборныя для публикаціи, въ эти дѣянія вошли лишь записи за епископами монофизитами, и такимъ образомъ весь соборъ, виновные и невинные, благодаря этому обстоятельству, получаютъ монофизитскую окраску и характеръ. Особенными насиліями на соборѣ Ефесскомъ сопровождалось требованіе подписи отъ епископовъ касательно осужденія Флавіана и Евсевія. По рассказамъ нѣкоторыхъ епископовъ на соборѣ Халкидонскомъ, участвовавшихъ и на соборѣ Ефесскомъ, когда произнесено было на этомъ послѣднемъ соборѣ осужденіе на Флавіана и Евсевія, то Діоскоръ, чтобы не откладывать дѣла, рѣшился въ тотъ же самый часъ принудить епископовъ подписать свое имя на бѣломъ листѣ бумаги, на которомъ потомъ должно было написать обвинительный приговоръ касательно названныхъ епископовъ. А кто изъ епископовъ отказывался сдѣлать это, тѣмъ пришлось вытерпѣть очень многое. Они заперты были въ церкви до самой ноці, имъ не позволялось ни на минуту выходить отсюда, ихъ ни на минуту не оставляли наединѣ съ самими собою для размышленія. Тягостное общество этихъ несчастныхъ епископовъ составляли солдаты съ мечами и палками и монахи приверженцы Діоскора: они должны были убѣждать епископовъ къ требуемой подписи (Дѣян. III, 180). Въ этомъ отношеніи въ особенности замѣчательны свидѣтельства епископовъ Василія селевкійскаго и Онисифора иконійскаго на соборѣ Халкидонскомъ. Василій свидѣтельствовалъ, что Діоскоръ производилъ насилія какъ своими угрожающими рѣчами, такъ и еще болѣе чрезъ бывшую въ его распоряженіи толпу людей, которые были и въ самой церкви, гдѣ было соборное засѣданіе, и внѣ ея. Это были вооруженные солдаты, монахи приведенные изъ Сиріи архимандри-

---

1) Пароволанами назывались прислужники при больницахъ, которые устраивались при христіанскихъ церквахъ. Это названіе происходитъ отъ греческаго: *παροβάλλεσθαι τὴν ζωὴν* и означаетъ людей подвергающихъ свою жизнь опасности. Въ Александріи въ V вѣкѣ такихъ параволанъ

томъ Варсумою и параволаны ¹⁾. Чрезъ эти полчища Діоскоръ приводилъ въ страхъ всѣхъ (Дѣян. III, 361). Другой епископъ Онисифоръ свидѣтельствовалъ, что, когда произнесено было Діоскоромъ осужденіе Флавіана, онъ, Онисифоръ, вмѣстѣ съ другими епископами подошли къ Діоскору, обнимали его колѣна и говорили: Флавіанъ ничего не сдѣлалъ достойнаго осужденія. Тогда Діоскоръ, поднявшись съ своего трона, грозно сказалъ: вы хотите произвести бунтъ? Подать сюда стражу! Когда же епископы продолжали умаливать его, Діоскоръ сказалъ: я не перемѣню своего приговора, хотя бы отрѣзали мнѣ языкъ. Когда же и послѣ этого епископы не отступали отъ него, онъ призвалъ проконсула, который явился, сопровождаемый слугами, съ цѣпями въ рукахъ. Чѣмъ кончилась эта печальная сцена, неизвѣстно (Дѣян. III, 362—364). Смотри на то злополучное положеніе, въ какомъ находились епископы православные на соборѣ Ефесскомъ, можно съ полною справедливостію вмѣстѣ съ папою Львомъ замѣтить о нихъ, что они „простерли невольныя руки къ нечестивымъ подписямъ“ (Дѣян. III, 67).

Такимъ то образомъ удалось Діоскору утвердить монофизитское ученіе на соборѣ Ефесскомъ 449 года и восторжествовать надъ приверженцами православія. Какъ скоро это случилось, великая опасность грозила вѣрѣ и Церкви. Ересь вступаетъ въ открытую борьбу съ православіемъ и повидимому торжествуетъ. Папа Левъ хорошо сознавалъ опасность, какая грозила вѣрѣ и Церкви со стороны ереси. Чрезъ соборъ разбойничій, по его убѣжденію, „подвергается нападенію истина, сострясается самое основаніе цѣлой Церкви“ (Дѣян. III, 65). Выходи изъ такого сознанія касательно опасности монофизитаго ученія, тотъ же Левъ вступаетъ въ дѣятельную и сильную борьбу съ этимъ лжеученіемъ. Его голосъ убѣдительный и рѣшительный громко раздавался въ Церкви восточной, куда Левъ посылалъ пос-

---

было до 600 человекъ. Когда число параволанъ умножилось, епископы стали пользоваться ими въ качествѣ охранной стражи для своихъ личныхъ цѣлей. Этимъ объясняется появленіе александрійскихъ параволанъ вмѣстѣ съ Діоскоромъ на соборѣ разбойничемъ.

ланіе за посланіемъ въ борьбѣ съ монофизитами. Никто изъ его современниковъ, въ это тревожное и печальное время въ восточной Церкви, не выступаетъ съ такою несокрушимою критикою монофизитскаго ученія, съ какою выступаетъ Левъ. Въ это время такъ писалъ онъ, обращаясь къ Востоку: „Кто мыслить по-монофизитски, того увлекаетъ въ сообщество съ собою Арій, развращенію котораго много благопріятствуетъ это нечесіе, отрицающее естество чело-вѣческое въ Богѣ Словѣ; потому что когда таковой счита-етъ за постыдное признавать въ величїи Божіемъ Его упичиженіе (человѣческое), то симъ самымъ или признаетъ ложнымъ во Христѣ образъ Его тѣла, или всѣ Его дѣй-ствія и страданія тѣлесныя скорѣе отнесетъ къ божеству, нежели къ плоти. А если онъ дерзнетъ защищать какое-либо изъ двухъ этихъ положеній, это будетъ совершенно безумно; потому что ни благочестіе вѣры, ни смыслъ таинства (во-площенія) не допускаютъ, чтобы или божество потерпѣло нѣчто (страдало), или въ чемъ-либо солгала Истина“. (Дѣян. III, 84). Въ возвышенныхъ глубоко-таинственныхъ чер-тахъ изображаетъ великій папа отпаденіе, самоотсѣченіе отъ Церкви и таинства спасенія тѣхъ, кто исповѣдывалъ монофизитскую ересь. „Кто не признаетъ чело-вѣческаго естества, воспринятаго едиnorodнымъ Сыномъ Божіимъ во чревѣ дщери Давидовой, краснорѣчиво писалъ папа, тотъ отлучаетъ себя отъ всякаго таинства вѣры христіанской и не зная Жениха (Христа), не разумѣя и Невѣсты (Церкви), не можетъ быть участникомъ въ брачномъ пиршествѣ (спа-сеніи). Плоть Христа есть покровъ Слова, которымъ обла-кается всякій, кто исповѣдуетъ сіе Слово. А кто стыдится Его и отвергаетъ какъ бы недостойное (плоть Его), тотъ не можетъ получить отъ Него викакого украшенія, и хотя бы такой приступилъ къ царскому торжеству и присоеди-нился нагло къ священной вечери, впрочемъ, какъ без-честный собесѣдникъ, не можетъ утаиться отъ разборчи-вости Царя; но, какъ засвидѣтельствовалъ самъ Господь, будетъ взятъ и связанный по рукамъ и ногамъ, отошлется въ кромѣшную тьму, гдѣ будетъ плачь и скрежетъ зубовъ (Мѡ. 22, 13). Поэтому кто не исповѣдуетъ во Христѣ

человѣческаго тѣла, тотъ самъ призналъ себя недостойнымъ таинства воплощенія и не можетъ имѣть участія въ этомъ таинствѣ“ (Дѣян. III, 85. 86). Ратуя противъ монофизитства, которое возымѣло такую силу на соборѣ Ефесскомъ и тотчасъ послѣ собора въ Церкви, папа Левъ въ то же время исполненъ былъ самой живой вѣры въ кратковременность, мимолетность монофизитскаго торжества. Эту свою вѣру онъ хотѣлъ видѣрить и въ сознаниі членовъ Церкви восточной. Онъ писалъ: „Не думайте, возлюбленные, будто надъ святою Церковію или теперъ недостаетъ, или не будетъ впредь божественнаго промысла. Чистота вѣры тогда-то и сіяетъ, когда отдѣляется отъ нея примѣсь заблужденій. Провидѣніе всегда являетъ своимъ необходимую помощь“. (Дѣян. III, 79. 65). И дѣйствительно вѣра Льва не посрамилась. Черная туча, нависшая надъ восточной Церковію, такъ-же быстро разсѣялась, какъ неожиданно и собралась. Разумѣемъ Халкидонскій соборъ и его побѣду надъ ересью.

СОБОРЪ РАЗБОЙНИЧІЙ 449 ГОДА, ВЪ СИРСКОМЪ ТЕКСТѢ.

Verhandlungen der Kirchenversammlung zu Ephesus am XXII August 449, aus einer Syrischen Handschrift übersetzt von Dr. Hofmann. S. 107, in 4-to. Kiel. 1873.

О соборѣ Разбойничемъ 449 года, не смотря на научное значеніе его въ исторіи развитія ереси монофизитской, до послѣдняго времени мы знали очень немного. Историкъ церкви принужденъ былъ довольствоваться неполными свѣдѣніями о немъ, какія находятся въ *опьяніяхъ* четвертаго Вселенскаго собора, такъ какъ на этомъ соборѣ пересматривалась дѣятельность собора Разбойничаго въ его главнѣйшихъ, но далеко не всѣхъ, частяхъ. Нѣмецкій профессоръ Гофманъ не очень давно открылъ и обнаружилъ сирскій текстъ неизвѣстной доселѣ стороны въ дѣятельности собора 449 года. Сирскій текстъ изданъ Гофманомъ въ нѣмецкомъ переводѣ; самый сирскій текстъ есть древній переводъ съ греческаго оригинала подлинныхъ дѣяній сказаннаго собора.

Къ сожалѣнію, переводчикъ Гофманъ сообщаетъ очень немногія свѣдѣнія о сирскомъ текстѣ и не выражаетъ своего взгляда на подлинность дѣяній, на научное значеніе ихъ. Въ предисловіи къ переводу издатель ограничивается немногими замѣчаниями, сущность которыхъ можетъ быть выражена въ слѣдующихъ словахъ:

Когда я (Гофманъ) въ апрѣлѣ 1869 года пересматривалъ Сирскія рукописи въ Британскомъ Музеѣ, нѣкоторые мои друзья обратили мое вниманіе на рукопись, имѣющую зна-

ченіе для исторіи, и побуждаемый ими я тотчасъ же принялся переводить ее. Въ то же время занимался ею одинъ англійскій священникъ, который уже приводилъ къ концу отпечатаніе сирскаго текста, но пожаръ въ типографіи уничтожилъ все изданіе его книги. Между тѣмъ и я оканчивалъ свой переводъ, изучилъ греческіе акты вселенскихъ соборовъ, и еще разъ сравнилъ переводъ съ рукописью; но самага сирскаго текста списать не могъ, такъ какъ вскорѣ долженъ былъ покинуть Англію. Я узналъ, что изданіе сирскаго текста не будетъ предпринято снова, и потому рѣшился издать мой переводъ. Я желалъ сдѣлать какъ можно менѣе чувствительнымъ недостатокъ сирскаго текста, и съ этою цѣлю переводилъ его съ возможною буквальною на нѣмецкій языкъ. Правильно переводить я былъ бы не въ состояніи, еслибы я не познакомился напередъ съ чуждой мнѣ областію фактовъ, о коихъ здѣсь идетъ дѣло (Гофманъ проф. восточныхъ языковъ), чѣмъ я и постарался заняться. Результатомъ моихъ занятій были примѣчанія къ тексту (приложены въ концѣ книги), которыя должны обосновать переводъ, но они далеко не представляютъ собой полнаго комментарія. Нѣкоторыя части сирскаго текста извѣстны и на греческомъ языкѣ; печатая эти части, я отмѣчалъ тѣ мѣста сирской рукописи, которыя отличаются отъ извѣстнаго греческаго текста. Описывать сирскую рукопись я не считалъ за необходимое, такъ какъ она описана въ „каталогѣ сирскихъ манускриптовъ Британскаго музея“. При книгѣ находится указатель собственныхъ именъ сирскаго текста, составленный однимъ студентомъ теологіи (Vorrede).

О писателѣ рукописи, времени и мѣстѣ ея происхожденія находится указаніе въ самой рукописи. Рукопись очень древняя: она написана въ 535 году, монахомъ монофизитомъ въ одномъ сирскомъ монастырѣ. Именно переписчикъ пишетъ: „окончена сія книга въ 535 году, десятаго мая (дата переложена на обыкновенный, принятый теперь языкъ лѣтосчисленія) въ монастырѣ блаженнаго Евсевія Кафра-д-бартскаго, во дни добродѣтельнаго и боголюбиваго пастыря и мудраго кормчаго гостепріимнаго, твердой

діамантовою стѣны, изъ за которой ни одинъ волкъ не проторгя и не сдѣлалъ никакого вреда ни одной овцѣ въ монастыряхъ, — во дни пресвитера и архимандрита Іоанна. По волѣ Бога, къ святому имени Котораго онъ устремлялся, приобрѣтена сія книга для св. монастыря, чтобы въ тотъ страшный и великій день, когда гробы разверзутся и мертвые возстануть, поставится престоль и сядеть Судія, книги откроются и каждый узнаеть, что онъ сдѣлалъ, чтобы въ этотъ день онъ (архимандритъ) могъ услышать сладкій и любящій голосъ: „вмалѣ былъ вѣренъ, вниди въ радость Господа твоего и надъ многимъ тебя поставлю“, и могъ бы онъ упокоиться съ Авраамомъ, Исаакомъ и Іаковомъ и со всѣми праведными“. Далѣе перечисляются другія лица, во дни которыхъ писалась книга и въ заключеніе говорится: „я бѣдный, грѣшный, недостойный Іоаннъ изъ страны Антиохійской, обитая въ домъ господина Евсевія въ Кафра-дбарта, написалъ книгу сію. Пусть каждый читающій ее и поучающійся изъ нея православною вѣрѣ помолится за писателя книги, чтобы милосердый Богъ простилъ ему всѣ его несовершенства и его грѣхи покрылъ множествомъ своего милосердія, и чтобы онъ достигъ рая и брачной комнаты обѣтованій, и чтобы онъ возрадовался и взыгралъ со всѣми, кто творить добрыя дѣла, кто постояненъ въ молитвѣ, прилеженъ въ служеніи и бодрственъ въ постѣ“ (S. 80).

Теперь изложимъ содержаніе актовъ собора Разбойничаго, какъ они изданы Гофманомъ, и сдѣлаемъ оцѣнку ихъ научной важности.

Прежде всего замѣтимъ, что дѣянія эти суть результатъ *второго* засѣданія собора Разбойничаго, которыя предполагають дѣянія перваго засѣданія, а такими дѣяніями нужно считать тѣ дѣянія этого собора, какія извѣстны намъ изъ греческихъ актовъ IV вселенскаго собора ¹⁾.

На первомъ мѣстѣ стоятъ посланія или указъ импера-

---

¹⁾ Первое засѣданіе собора разбойничаго, извѣстное изъ греческихъ актовъ, происходило 8 августа, а второе (?), о которомъ сообщаютъ извѣстія сирскіе акты, происходило 22 августа. Скольکو засѣданій имѣлъ соборъ — неизвѣстно.

тора Θεодосія младшаго къ Діоскору, архіепископу Александрійскому. Ихъ два; они извѣстны и въ греческомъ текстѣ. Затѣмъ слѣдуетъ указъ того же императора къ собору Ефесскому касательно суда надъ епископомъ Едесскимъ Ивою. Этотъ документъ въ греческомъ текстѣ неизвѣстенъ (стр. 1—3).

Потомъ слѣдуютъ самыя дѣянія собора:

Въ началѣ помѣщается списокъ епископовъ, присутствовавшихъ на соборѣ (стр. 3—4).

Нѣкоторые епископы и клирики объявляютъ собору, что они по приказанію собора ходили къ папскимъ легатамъ и архіепископу Антиохійскому Домну съ приглашеніемъ прибыть на соборъ, но что они отказались исполнить это; послѣдній ссылался на тяжкую болѣзнь свою (5—6).

Затѣмъ излагаются очень обширныя дѣянія, касающіяся Ивы Едесскаго и суда надъ нимъ (6—34). Ива обвинялся въ ереси несторіанской и въ церковныхъ безчиніяхъ. Прочтено было немало документовъ, свидѣтельствующихъ объ этомъ. Таковыми были донесенія по начальству Едесскихъ чиновниковъ, на основаніи показаній Едесскихъ клириковъ, монаховъ и мірянъ. Изъ этихъ документовъ видно, что въ Едессѣ происходили постоянныя возмущенія, виною которыхъ былъ Ива. Народъ собирался толпами и восклицалъ: „другаго епископа для митрополіи! Иву никто не принимаетъ! Несторіанина никто не принимаетъ! пусть будетъ сожжено отродье Несторіанъ! Церковь не должна терпѣть насилія! (стр. 8). Соглашающихся съ Несторіемъ въ ссылку! Ива разрушилъ св. вѣру, Ива разрушилъ св. вѣру собора! Истинную вѣру Кирилла Ива разрушилъ! Отродье Ивинозаживо съесть! (9). Иву въ рудокопни! (10). Да повернутся кости Іоанна (епископа Антиохійскаго), который посвятилъ его „ (13). Для сужденія о догматическихъ воззрѣніяхъ Ивы весьма важны многочисленныя показанія клириковъ, монаховъ и мірянъ изъ Едессы, читанныя на соборѣ. Діаконъ Марій говорилъ: „я слышалъ, какъ сказалъ Ива: Богъ Слово силою своего предвѣдѣнія предузналъ, что Христосъ чрезъ свои дѣла достигнетъ справедливости, а потому обиталъ въ немъ“ (раздѣленіе естествъ). Пресвитеръ Васса

говорилъ, что онъ слышалъ, какъ Ива сказалъ: „не завидую Христу, что Онъ сдѣлался Богомъ, ибо почеть, принадлежащая Ему, принадлежитъ и мнѣ: Онъ моей собственной природы“. Тоже подтвердили и другіе клирики. Пресвитеръ Урсикинъ заявлялъ, что онъ слышалъ, какъ Ива въ проповѣди говорилъ: „Евангелистъ Іоаннъ (1, 1) сказалъ: въ началѣ бѣ Слово, а Евангелистъ Матеей говорить: книга рожества І. Христа, сына Авраамова, сына Давидова, и различая то и другое Ива говорилъ: не ясно ли, что одинъ говорить объ одномъ, другой о другомъ“ (раздѣленіе естество). Тотъ же пресвитеръ заявлялъ: Ива въ день воскресный въ алтарѣ сказалъ: „теперь Христосъ сдѣлался безсмертнымъ“, и далѣе: разговаривая съ сенаторомъ Θεодотомъ, Ива замѣтилъ относительно ада: „это написано для устрашенія“. Пресвитеръ Варсума заявлялъ, что Ива говорилъ: „мы должны въ разумѣ раздѣльно представлять Того, Кто пріемлется чрезъ благодать и того, кто пріемлетъ“. Пресвитеръ Арсеній говорилъ: „Иудеи распяли простаго человѣка“, такъ сказалъ однажды въ церкви Ива. Нѣкто Іоаннъ показывалъ, что вотъ какъ говорилъ Ива: „Иной умеръ и иной на небѣ, иной безначальный и иной имѣеть начало, иной отъ Отца и иной отъ дѣвы“, и далѣе говорилъ: „еслибы Богъ умеръ, то кто же Его (Христа) оживилъ?“ Θεодотъ объявилъ, что когда Ива разсуждалъ о догматахъ въ своей залѣ, и когда рѣчь зашла о воскресеніи Иисуса Христа, онъ сказалъ: „по воскресеніи былъ не тотъ, кто былъ ранѣе живымъ“. На это ему возразили: „какъ же апост. Тома по воскресеніи Христа осязалъ раны Его?“ На это Ива сказалъ: „это случилось въ воображеніи“ (стр. 22—23). На основаніи этихъ и другихъ показаній, прочитанныхъ на соборѣ разбойничемъ, Ива былъ осужденъ. Выслушиваніе подобныхъ обвиненій на Иву привело соборъ къ прямому ожесточенію, что и выразилось въ слѣдующихъ возгласахъ собора: „сжечь Иву среди города! сжечь Иву посреди Антіохіи! Для предупрежденія другихъ сжечь Иву! И діаволь не говорилъ такъ! Не говорили такъ и фарисеи, не говорили такъ и Іудеи! Это языческія рѣчи, рѣчи сатаны! Даже демоны признавали

Христа Богомъ, а Ива не признаетъ! Діаволь почтительнѣ Ивы!“

Далѣ въ сирскомъ текстѣ слѣдуетъ изложеніе осужденія Даниїла епископа Харранскаго въ Месопотаміи, племянника Ивина, — Ирияея епископа Тирскаго, обвиненнаго въ Несторіанствѣ, — Акилина, епископа Виблосскаго, какъ чело-вѣка поставленнаго въ епископы Иринеемъ (стр. 35—40).

Затѣмъ идетъ обширное дѣяніе о знаменитомъ Θεодоритѣ епископѣ Кирскомъ (стр. 43—57). Противъ Θεодорита была выслушана жалоба Пелагія пресвитера Антиохійскаго, обвинявшаго Θεодорита въ томъ. будто онъ вмѣстѣ съ Домномъ Антиохійскимъ всячески притѣснялъ его, зная его, какъ защитника православія (?) и опытнаго въ изученіи св. Писанія; въ этомъ случаѣ Θεодоритъ дѣйствовалъ, по словамъ Пелагія, какъ защитникъ несторіанства. Прочитано было также большое посланіе Θεодорита „къ монахамъ“, въ которомъ онъ худо отзывается о Кириллѣ Александрійскомъ, и его ученіи (посланіе извѣстно и въ греческомъ текстѣ). Наконецъ прочитаны были многія выдержки изъ сочиненія Θεодорита, написаннаго въ защиту Діодора епископа Тарсскаго и Θεодора епископа Мопсуестскаго, защитниковъ или лучше сказать измыслителей доктринъ Несторіанскихъ, подъ заглавіемъ: апологія. Послѣ этого Θεодоритъ былъ осужденъ. Замѣчательно, что на осужденіе Θεодорита согласился и Домнъ Антиохійскій, не присутствовавшій на соборѣ, не смотря на то, что Домнъ былъ покровителемъ и другомъ Кирскаго епископа (стр. 58).

Послѣ дѣянія о Θεодоритѣ, слѣдуетъ въ Сирскомъ текстѣ многосложное дѣяніе о Домнѣ архіепископѣ Антиохійскомъ (стр. 58—77). На Домна представлено было нѣсколько жалобъ со стороны клириковъ Антиохійскихъ. Пресвитеръ Кириакъ между прочимъ возводилъ слѣдующія обвиненія на Домна. „Θеодоритъ проповѣдывалъ (по приглашенію Домна) въ церкви св. Павла и говорилъ: того, кто воскрешень, Θома осязалъ, и Тому, кто воскресилъ, поклонялся“. Послѣ этого, по словамъ Кириака, взошелъ на кафедру самъ Домнъ, много хвалилъ Θεодорита, какъ онъ обыкновенно это дѣлалъ, и наконецъ сказалъ: „Блаженному Петру было ска-

зано: встань Петръ, заколи и ѣшь (Дѣян. 10, 13), никто не погрѣшилъ бы, если бы и о тебѣ кто сказалъ: Теодорить встань, заколи и ѣшь“. Вѣроятно доносчику подобная параллель казалась соблазнительною и преувеличенною. „Далѣе: когда Домнъ въ среду на страстной недѣли произносилъ катехизическія поученія для готовящихся принять св. крещеніе, то указывая на свои обѣ руки, какъ на образы двухъ естествъ во Христѣ, сказалъ: ни Богъ не перемѣнился въ рабскій образъ, ни рабскій образъ не перемѣнился въ Немъ въ образъ Божій: этотъ ѣлъ, другой не ѣлъ, этотъ уставалъ, другой не уставалъ, этотъ спалъ, другой не спалъ, этотъ ходилъ, другой нѣтъ. Существо образа Божія составляетъ то, что онъ неизмѣняемъ, необъемлемъ, невидимъ, неосязаемъ, безстрастенъ, неизнаваемъ, напротивъ существо образа человѣческаго составляетъ то, что онъ измѣняемъ, объемлемъ, видимъ, осязаемъ, подлежитъ смерти. И потомъ (Домнъ) сказалъ: не смѣшивай двухъ природы! Въ то же время Пиперій, Евтихій и Θεосевій, печетивые несторіане кричали, что такъ именно и слѣдуетъ. Далѣе: когда объявленъ былъ въ Антиохіи указъ противъ Несторія и Ириней Тирскаго, вотъ что произошло: Носильщики умершихъ и свѣченосцы въ церкви, гдѣ проповѣдывалъ Домнъ, кричали: прочь императорскіе указы; Домнъ же въ проповѣди говорилъ „я принимаю вашу ревность, вы подобно Навуею боретесь за наслѣдство своихъ отцевъ, не бойтесь! это волны морскія, онѣ обратятся въ пѣну“. Далѣе, когда онъ проповѣдывалъ о воскресеніи, сказалъ: „человѣкъ (Христосъ) сдѣлался мертвъ, но Богъ Слово воскресилъ своего мертвеца“. И далѣе: въ церкви св. Стефана первомученика Домнъ говорилъ: „я удивляюсь твердости св. мученика Стефана, который подражалъ нашему Господу Христу, молился въ то время, когда его побивали камнями. Хотя лица и различны (Стефанъ и Христосъ); но благодать въ нихъ однакожь одна“ (60—61). Кромѣ этого прочитаны были нѣкоторыя посланія, какими около времени собора Домнъ обмѣнялся съ Діоскоромъ Александрійскимъ. Въ одномъ посланіи Діоскоръ укоряетъ Домна за то, что онъ позволяетъ проповѣдывать въ своей церкви

нечестивому Θεодориту (стр. 68—70). Что писалъ въ отвѣтъ Домнъ—не ясно, потому что многія строки отвѣтнаго посланія Домна въ сирскомъ текстѣ изгладились (стр. 70). Въ другомъ посланіи Діоскоръ поставляетъ на видъ Домну, что на востокъ, въ Сиріи, распространяется нелѣпая молва, будто Несторій осужденъ не за нечестивое ученіе, а за то только, что не пошелъ на соборъ III вселенскій, — что соборъ Ефесскій III вселенскій унижается въ сравненіи съ соборомъ Никейскимъ, — что монахи Египетскіе всѣми этими слухами сильно возмущены (72—73). Въ отвѣтномъ посланіи Діоскору Домнъ даетъ знать, что онъ не принимаетъ главъ (анаематствъ) Кирилловыхъ (74—75). Домнъ былъ осужденъ на соборѣ.

На этомъ собственно и кончаются дѣянія собора 449 года по тексту Сирскому. Къ нимъ здѣсь присоединяются два посланія Θεодосія младшаго, которыми онъ авторизуетъ дѣянія собора Разбойничаго (77—78), окружное посланіе Діоскора, въ которомъ коротко сообщается о дѣятельности собора; къ послѣднему письму приложена была и формула, въ сообразности съ которой требовалась подпись подъ посланіемъ отъ всѣхъ епископовъ (79). Рукопись заканчивается славословіемъ Богу.—Къ этому издатель еще присоединилъ одинъ отрывокъ дѣяній собора, относящійся къ *первому* засѣданію его, именно посланіе епископовъ собора Разбойничаго къ императору Θεодосію младшему (81—83).

По нашему мнѣнію, акты собора Разбойничаго, изданные Гофманомъ, несомнѣнно подлинны, т. е. они обязаны своимъ происхожденіемъ именно этому собору. Во всѣхъ этихъ актахъ нѣтъ ничего, что обличало бы ихъ позднее происхожденіе въ сравненіи со временемъ самого собора. Всѣ лица, всѣ дѣйствія, всѣ обстоятельства, встрѣаемыя въ актахъ носятъ печать своего времени. Ни въ какихъ деталяхъ акты не противорѣчатъ извѣстнымъ доселѣ свидѣтельствамъ о соборѣ Разбойничемъ, которыя встрѣаемъ въ отрывкахъ актовъ собора Разбойничаго, сохранившихся въ дѣяніяхъ IV вселенскаго собора, — въ самыхъ этихъ дѣяніяхъ IV вс. собора, въ письмахъ Θεодорита и папы Льва. Перечень именъ епископовъ, присутствовавшихъ на соборѣ

Разбойничемъ, по актамъ сирскимъ, совершенно согласенъ съ перечнемъ тѣхъ же именъ по дѣяніямъ собора халкидонскаго, IV вселенскаго (слич. Hofmann S. 3—4 и Рус. пер. дѣяній соборовъ всел. томъ III, стр. 164 и дал.). Правда по актамъ сирскимъ епископовъ на соборѣ Разбойничемъ присутствовало нѣсколько менѣе, чѣмъ сколько ихъ присутствовало по актамъ IV вс. собора, но нужно помнить, что Сирскій текстъ передаетъ содержаніе *второго* засѣданія собора Разбойничаго, когда нѣкоторые православные епископы, послѣ перваго засѣданія собора, естественно уклонились отъ дальнѣйшаго участія въ дѣяніяхъ его. Слѣдовательно на акты Сирскіе нужно смотрѣть какъ на документъ глубочайшей древности, а потому высоко почтенный. ¹⁾).

Акты Сирскіе весьма важны для разъясненія многихъ научныхъ церковно-историческихъ вопросовъ. Первое зарожденіе монофизитства въ наукѣ остается несовсѣмъ яснымъ. Въ лицѣ Евтихія исторія встрѣчаетъ уже зрѣлый плодъ ереси монофизитской. Акты, которые мы обзрѣваемъ, могутъ проливать немалый свѣтъ на первоначальное обнаруженіе монофизитства. Здѣсь особенно важное значеніе имѣетъ переписка Діоскора съ Домномъ Антиохійскимъ; изъ нея ясно видно, что два богословскихъ направленія—александрійское и антиохійское и послѣ собора III вселенскаго остаются непримиренными въ вопросѣ о лицѣ Богочеловѣка, и столкновеніе между ними должно было снова произойти, какъ и во времена Кирилла, хотя и съ нѣкоторыми особенностями въ сравненіи съ прежнимъ временемъ. Изъ тѣхъ же актовъ съ ясностію видно, какъ велика, неумолима была вражда александрійскихъ и другихъ родственныхъ имъ богослововъ къ несторіанству: ничего не стоило для этой вражды сдѣлать подозрительными такихъ лицъ, которыя, не имѣя ничего общаго съ несторіанствомъ, могли только казаться несторіанствующими (патр. Флавіанъ, Евсевій еп. Дорилейскій). Документы сирскіе

¹⁾ Въ западной наукѣ изданіе Гофмана встрѣтило полное довѣріе; то же и въ нашей.—Мы лично имѣли случай пользоваться разсматриваемымъ памятникомъ въ нашей книгѣ: „Вселенскіе соборы IV и V вѣковъ“.

даютъ возможность примѣчать самое зарожденіе монофизитства.

Въ частности акты важны для разъясненія нѣкоторыхъ историческихъ личностей. Епископъ Ива Едесскій былъ осужденъ соборомъ Разбойничимъ, но какъ и почему, — это оставалось неяснымъ. Соборъ Халкидонскій, пересматривавшій дѣло Ивы, не счелъ нужнымъ прочитать опредѣленія собора Разбойничаго относительно Ивы и даже прямо отказался отъ этого ¹⁾, вслѣдствіе чего предшествующая исторія Ивы оставалась темна. Акты Сирскіе хорошо знакомятъ насъ съ состояніемъ умовъ въ Едессѣ, гдѣ епископствовалъ Ива, и съ богословскими убѣжденіями Ивы. Ива былъ склоненъ къ несторіанству и заслуживалъ порицанія. Личность Ивы исторически примѣчательна: споры изъ-за него не потухли даже въ VI-мъ вѣкѣ (V вс. соборъ). Еще меньше исторія знала о томъ, при какихъ условіяхъ былъ осужденъ на соборѣ Разбойничемъ блажен. Теодоритъ Кирскій. Хотя соборъ Халкидонскій снимаетъ съ Теодорита осужденіе, наложенное на него соборомъ Разбойничимъ, но не разсматриваетъ дѣяній о немъ этого собора. ²⁾ Историческое любопытство естественно возбуждалось относительно этого вопроса. Акты Сирскіе даютъ возможность удовлетворить подобному любопытству. Тѣмъ болѣе извѣстія о Теодоритѣ важны для насъ, что личность его, подобно Ивѣ, дѣлается снова предметомъ пререканій въ церкви въ VI вѣкѣ (соборъ V вселенскій). Акты Сирскіе даютъ въ полномъ свѣтѣ понятъ и историческую роль Домна, архіепископа Антиохійскаго. Что касается самого собора Разбойничьяго, акты сирскіе пополняютъ наши свѣдѣнія о немъ, придавая имъ законченность и отчетливость.

¹⁾ Дѣян. Всел. соборовъ въ русск. переводѣ. Т. IV, стр. 234.

²⁾ Тамъ же, стр. 179 и дал.

ХАЛКИДОНСКИЙ IV-ый ВСЕЛЕНСКИЙ СОБОРЪ 451 ГОДА.

(*Разсказъ—на основаніи актовъ этого собора*).

1) ОБСТОЯТЕЛЬСТВА СОЗВАНІЯ СОБОРА.

Императоръ Θεодосій младшій, какъ защитникъ собора разбойничаго.— Безуспѣшность ходатайствъ православныхъ предъ нимъ о созваніи вселенскаго собора.—Благорасположенность къ православію новаго императора Маркіана и императрицы Пульхеріи.—Благопріятное положеніе стороны православныхъ.—Созваніе собора вселенскаго въ Никеѣ.—Перенесеніе собора въ Халкидовъ.—Общая замѣчанія о соборѣ.

Разбойничій соборъ 449 года, повидимому, былъ выраженіемъ полного торжества еutihianства или монофизитства надъ православіемъ. Тогдашній императоръ Востока Θεодосій младшій, находясь подъ сильнымъ вліяніемъ монофизитской партіи, во главѣ которой стоялъ уже извѣстный намъ министръ евнухъ Хрисафій, безприкословно утвердилъ указомъ (Дѣян. III, 160) постановленія собора разбойничаго. Указъ, которымъ утверждены эти постановленія, приравниваетъ вождей православія—Флавіана константинопольскаго, Евсевія дорилейскаго и другихъ къ несторіанамъ; онъ осуждаетъ ихъ, какъ приверженцевъ Несторія, какими старались монофизиты выставить лицъ православной стороны. Вотъ слова этого указа: „когда Несторій хотѣлъ попать древнюю вѣру на соборѣ Ефесскомъ (т.-е. III мѣ вселенскомъ), онъ былъ осужденъ. Не смотря на то, Флавіанъ архіепископъ константинопольскій и другой епископъ по имени Евсевій, слѣдуя заблужденіямъ Несторія, сдѣлались причиною новаго спора; почему императоръ и вынужденъ былъ собрать вселенскій соборъ изъ епископовъ всѣхъ странъ въ Ефесѣ (т.-е. разбойничій), который за привер-

женность къ Несторіевой ереси и лишилъ епископскихъ кафедръ Флавіана, Евсевія, Домна антиохійскаго, Θεодорита кирскаго и другихъ. Постановленіе этого собора—говорилось далѣе въ указѣ—императоръ одобряетъ, утверждаетъ, принимаетъ и повелѣваетъ, чтобы всѣ епископы подписали Никейскій символъ ¹⁾. Сочиненій Несторія и Θεодорита (котораго монофизиты считали приверженцемъ несторіанства), говорилъ указъ, никто не долженъ читать. Несторіане (*т.-е. православные*) не должны быть терпимы ни въ городахъ, ни въ странѣ, и кто ихъ будетъ терпѣть, тотъ будетъ наказанъ конфискаціей имущества и вѣчнымъ изгнаніемъ“. Такимъ-то ревностнымъ приверженцемъ постановленій разбойничаго собора является императоръ Востока, Θεодосій младшій; православіе, подобно несторіанству, признано нетерпимымъ на востокѣ. Этотъ указъ императорскій впрочемъ не могъ сдѣлаться обязательнымъ для всего христіанскаго міра, потому что на западѣ въ это время былъ императоромъ Валентиніанъ III, который отнюдь не былъ расположенъ къ монофизитству. Да и самый Востокъ, несмотря на всю строгость указа, не принялъ безприкословно этихъ императорскихъ распоряженій; на востокѣ указъ произвелъ великое церковное раздѣленіе. Египеть, Фракія (*т.-е. страна окрестная Константинополю*) и Палестина объявили себя за соборъ разбойничій и за императора; напротивъ епископы Сиріи, Понта и Азіи рѣшительно заявляли о своей приверженности къ православію ²⁾. Особенною дѣятельностію въ пользу православія отличается Левъ папа Римскій. Въ противодѣйствіе собору разбойничему, онъ собираетъ православный помѣстный соборъ въ Римѣ; здѣсь торжественно провозглашается отверженіе постановленій собора разбойничаго, произносится отлученіе на Діоскора и Евтихія, а свѣдѣнія о дѣянiяхъ римскаго собора посылаются къ клиру, сенату и народу Константинопольскому (Дѣян. III, 77 и д. 80 и д. 89 и д.), Но не ограничи-

¹⁾ Замѣтимъ, что монофизиты между прочимъ потому крѣпко держались за Никейскій символъ, что въ немъ не ясно говорится относительно спорнаго у нихъ пункта съ православными. См. объ этомъ въ Дѣян. III, 187.

²⁾ Гефеле: „Исторія соборовъ“ (Band 2, Ausgabe 1856) стр. 370—1.

ваясь такими отрицательными дѣйствіями, папа всѣми мѣрами стремится къ тому, чтобы собранъ былъ новый вселенскій соборъ въ Италіи для перерѣшенія постановленій собора разбойничаго. Въ особенности Левъ возлагалъ большія надежды въ данномъ случаѣ на западнаго императора Валентиніана. И потому когда названный императоръ вскорѣ прибылъ въ Римъ вмѣстѣ съ супругою своею Евдоксією и матерью Галлою-Плакидою для празднованія памяти св. апостола Петра, папа рѣшился воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы преклонить императора дѣятельно взять сторону православія и побудить его ходатайствовать въ этомъ смыслѣ предъ императоромъ Востока Θεодосіемъ. Съ этою цѣлю, когда Валентиніанъ съ своею супругою и матерью молились въ храмѣ святаго Петра, папа въ сопровожденіи многихъ епископовъ изъ различныхъ западныхъ провинцій, пришелъ къ царственнымъ поклонникамъ и слезно умолялъ ихъ принять на себя ходатайство за православныхъ предъ императоромъ Θεодосіемъ. Валентиніанъ внялъ мольбамъ папы, и какъ онъ самъ, такъ и его супруга съ матерью, ревнуя о православіи, письмами ходатайствовали предъ Θεодосіемъ за православіе и просили его о созваніи вселенскаго собора въ Римѣ, подъ предсѣдательствомъ папы, для изслѣдованія возникшихъ религіозныхъ споровъ (Дѣян. III, 91—2; 92—4; 94 и д.). Но попытки ихъ помочь дѣлу православія были тщегны. Θεодосій въ отвѣтъ на эти письма писалъ императорской фамиліи на западѣ, что въ Ефесѣ на соборѣ 449 года рѣшенія постановлены съ полною свободою и сообразно съ истиною, что Флавіанъ по справедливости лишенъ сана ради нововведеній въ вѣрѣ (Дѣян. III, 97—100). Напрасно самъ папа, обращаясь съ письмами къ Θεодосію, заклиналъ его страшнымъ судомъ, Св. Троицею и святыми ангелами созвать новый соборъ (Дѣян. III, 58—69); императоръ оставался глухъ и нѣмъ и дѣла продолжали пребывать въ томъ же положеніи. Такимъ образомъ какъ Востокъ, подчиненный монофизитскому правленію Θεодосія, такъ и Западъ оказывались безсильными помочь дѣлу православія. Въ такомъ состояніи оставались дѣла до самой смерти Θεодосія младшаго.

Восшествіе на престоль новаго императора Маркіана было счастливымъ событіемъ для стороны православныхъ. Маркіанъ, какъ и Пульхерія, сестра Θεодосія младшаго, которая теперь сдѣлалась супругою Маркіана, были глубоко преданы дѣлу православія. Свой религіозный характеръ Маркіанъ вполне выразилъ въ созваніи собора вселенскаго, въ образѣ отношенія къ нему и въ своихъ распоряженіяхъ касательно Церкви послѣ этого собора. Что же касается религіознаго характера Пульхеріи, то современники отзывались о немъ съ полною похвалою. Отцы собора Халкидонскаго говорили о ней, что она „всю жизнь проводитъ въ молитвѣ“, что у ней „бесѣда въ псалмахъ“ (Дѣян. III, 672); папа Левъ замѣчалъ о ней: „когда она не принимала священниковъ, когда не стояла за благочестіе и вѣру православную“ (Дѣян. III, 75)? Одинъ древній историкъ пишетъ о ней: „тщательно и мудро предотвращала она всякій случай, грозившій вѣрѣ введеніемъ новыхъ и ложныхъ догматовъ“¹⁾. Благопріятное отношеніе новаго правительства къ православію обозначилось тотчасъ же по вступленіи Маркіана на престоль. Императоръ немедленно распорядился, чтобы останки архіепископа Флавіана, умершаго въ изгнаніи, были перенесены въ Константинополь и торжественно положены въ храмъ св. Апостоловъ, мѣстѣ погребенія епископовъ константинопольскихъ. Далѣе императоръ приказалъ возвратитъ изъ ссылки всѣхъ тѣхъ епископовъ, кои подвергнуты были изгнанію послѣ осужденія ихъ на соборѣ разбойничемъ, и имъ возвращены были епископскія каѳедры (Дѣян. III, 107—109). Съ тѣмъ вмѣстѣ Маркіанъ вступилъ въ самую дружественную переписку съ главнымъ поборникомъ православія — папою Львомъ. Въ первомъ изъ своихъ писемъ къ папѣ, императоръ свидѣтельствуетъ о своей ревности къ православной вѣрѣ и охотно соглашается на созваніе собора вселенскаго для искорененія заблужденія и возстановленія мира, какъ желалъ того папа (Дѣян. III, 104—105). Въ другомъ письмѣ императоръ приглашаетъ папу, если ему угодно, лично прибыть на востокъ и здѣсь

¹⁾ Созоменъ. Церковная Исторія, кн 9, гл. 1.

принять участие на соборѣ, и если папа не явится на соборѣ, сочтетъ для себя это затруднительнымъ, императоръ обѣщаетъ папѣ, что этотъ соборъ, который долженъ собраться на востокѣ, утвердитъ православную вѣру сообразно съ изложеніемъ Льва (Дѣян. III, 106—107). Понятно, что такое отношеніе императора къ православію возвысило духъ сторонниковъ его: они чувствовали близость своего торжества. Напротивъ партія монофизитская видѣла себя сильно поражаемою. Какъ отнеслись къ этому факту начинающагося торжества православныхъ надъ ихъ врагами главнѣйшіе представители монофизитства, это показываетъ примѣръ Діоскора архіепископа Александрійскаго и примѣръ Анатолия архіепископа Константинопольскаго, назначеннаго въ преемники Флавіану на соборѣ разбойничемъ. Діоскоръ понималъ, какъ мало хорошаго онъ могъ ожидать для себя и своей партіи отъ Маркіана, при его православныхъ симпатіяхъ, и потому всѣми мѣрами старался препятствовать признанію его императоромъ въ Египтѣ (архіепископъ въ роли революціонера! Дѣян. III, 590—591). Но эта попытка не удалась Діоскору, и онъ лишь навлекъ на себя тѣмъ большее неудовольствіе со стороны поваго императора. Иначе отнесся къ факту близкаго торжества православія Анатолій, архіепископъ Константинопольскій. Какъ избранный соборомъ разбойничимъ, онъ сочувственно относился къ монофизитскимъ воззрѣніямъ; но, со вступленіемъ на престолъ новаго императора, ревнителя православія, онъ сознается въ своемъ заблужденіи, отказывается отъ всякихъ связей съ партией монофизитской, объявляетъ о своемъ согласіи въ догматическихъ мысляхъ съ папою Львомъ (Дѣян. III, 107—108).

При расположенности императора Маркіана и императрицы Пульхеріи къ православію нельзя было сомнѣваться въ томъ, что правительство поспѣшитъ возстановить, поруганную на соборѣ разбойничемъ, честь православія. И дѣйствительно императоръ Маркіанъ не замедлилъ принять на себя попеченіе о созваніи собора вселенскаго. Онъ вступилъ на престолъ въ августѣ 450 года, а въ 451 году въ маѣ мѣсяцѣ онъ уже издаетъ указъ, которымъ назна-

чался соборъ въ Никеѣ, въ Малой Азіи, отъ 1 сентября тогоже года. Указъ гласилъ: „всѣмъ занатіямъ должны быть предпочитаемы божественныя дѣла. А такъ какъ возбуждены нѣкоторыя недоумѣнія касательно нашей православной вѣры, то намъ благоугодно, чтобы составился св. соборъ въ Никеѣ, дабы при общемъ согласіи всѣхъ, по точномъ изслѣдованіи истины и по устраненіи всякаго пристрастія, которымъ уже злоупотребляли нѣкоторые и возмущали православное благочестіе, яснѣе открылась истинная вѣра и уже не могло быть никакого сомнѣнія и разногласія. Если не воспрепятствуютъ военные походы, мы сами лично будемъ присутствовать на досточтимомъ соборѣ“ (Дѣян. III, 110). Восточная Церковь съ величайшею радостію встрѣтила это распоряженіе императора. Но не съ такою радостію принято оно на западѣ. Такъ какъ соборъ созывался не въ Италіи, какъ желалъ того папа Левъ, а на востокѣ, то папа съ сожалѣніемъ видѣлъ, что онъ не можетъ принять такого дѣятельнаго участія въ немъ, къ какому онъ готовилъ себя. Притомъ же обстоятельства, при какихъ созывался соборъ, были неблагопріятны для Запада. Италіи въ это время грозили нападеніемъ варвары подъ предводительствомъ грознаго Аттилы, и это было препятствіемъ для отправленія возможно-большаго числа западныхъ епископовъ на соборъ. Папа писалъ императору Маркіану: „я думалъ, что изъ уваженія къ теперешнемъ тяжелымъ обстоятельствамъ соборъ будетъ отложенъ на болѣе или менѣе продолжительное время, чтобы епископы могли собраться на оный изъ всѣхъ провинцій и чтобы могъ составиться въ собственномъ смыслѣ вселенскій соборъ; но такъ какъ вы изъ любви къ православной вѣрѣ рѣшаете уже созвать соборъ въ Никеѣ, то я не могу препятствовать вашей благочестивой волѣ“. Въ письмѣ къ Аватолію, архіепископу константинопольскому, папа жалуется на краткость срока, назначеннаго для прибытія епископовъ на соборъ (отъ середины мая до сентября). „Какъ можетъ онъ, говорилъ папа о себѣ, разослать своевременно извѣстія во всѣ провинціи запада, чтобъ соборъ былъ поистинѣ вселенскимъ соборомъ“ ¹⁾?

¹⁾ Гефеле въ „Ист. Соборовъ“ (Band 2) стр. 385—6. Дѣян. III, 115.

Чтобы предотвратить возможность какихъ-либо беспорядковъ со стороны нахлынувшихъ въ Никею, ненужныхъ при соборныхъ совѣщаніяхъ людей, каковы были различные монахи и клирики,—попечительный императоръ приказываетъ очистить этотъ городъ отъ подобныхъ скопищъ. Маркіанъ издаетъ на имя никейскаго военачальника такой указъ: „нѣкоторые, какъ мы слышали, нахлынувшіе въ Никею клирики, монахи и міряне, привыкшіе растривать и возмущать пріятное Богу благочиніе, покушаются произвести шумъ, возставая противъ того, что намъ угодно; потому мы сочли за необходимое отправить къ тебѣ это посланіе, чтобы ты съ полною властію и всячески изгонялъ изъ города и изъ самыхъ областей этихъ, какъ клириковъ проживающихъ тамъ безъ нашего приглашенія или безъ дозволенія своихъ епископовъ, будутъ ли то клирики, находящіеся въ этомъ званіи или какіе-либо отлученные своими епископами,—такъ и монаховъ и мірянъ, которыхъ никакая причина не призываетъ на соборъ. Ибо знай, что если найденъ будетъ тамъ проживающимъ какой-либо мятежникъ, то тебѣ угрожаетъ неминуемая опасность“ (Дѣян. III, 113—114).

Впрочемъ собору не суждено было состояться въ Никеѣ, какъ предполагалось. Сообразно съ императорскимъ указомъ къ назначенному сроку, къ 1 сентября, собрались въ Никею многіе епископы для собора; но Маркіанъ, занятый въ это время войною и нѣкоторыми другими важными дѣлами, требовавшими его личнаго присутствія, медлилъ явиться на соборъ, какъ онъ обѣщалъ это прежде, и просилъ собравшихся отцевъ объ отсрочкѣ соборныхъ засѣданій до толѣ, пока онъ самъ не найдетъ возможности прибыть на соборъ, что должно было случиться, по мнѣнію императора, въ непродолжительномъ времени (Дѣян. III, 112—113). Но такъ какъ однакожь прибытіе императора и послѣ этого чрезвычайно замедлилось, то собравшіеся отцы отправили къ императору письмо, въ которомъ выражали, что такое выжидательное положеніе становится для нихъ очень обременительнымъ, въ особенности для хилыхъ и больныхъ изъ нихъ (Дѣян. III, 117). Вслѣдствіе этого императоръ рѣ-

шился перенести соборъ изъ Никеи въ г. Халкидонъ, который находился въ самомъ близкомъ разстояніи отъ императорской столицы — Константинополя ¹⁾). Дѣлая это новое распоряженіе, императоръ такъ писалъ отцамъ, съѣхавшимся для собора: „хотя мы и поспѣшали прибыть на соборъ, однакожь насъ удержали общественныя и чрезвычайно важныя дѣла. При этомъ мы разсудили, что попеченіе о святой и православной вѣрѣ должно предпочитать всему. Поэтому благоволите перейти въ Халкидонъ. Туда не замедлимъ, и мы явиться. И пусть, говорилось далѣе въ посланіи, по причинѣ нашего отсутствія долѣе не отлагается св. соборъ. Итакъ поспѣшите прибыть, не дѣлая никакой отсрочки, дабы чрезъ вашу медлительность не имѣло замедленія открытіе истины“ (Дѣян. III, 117—18. 120). Императоръ по этому случаю отмѣнилъ даже свой походъ въ Иллирію (Дѣян. III, 120). Перенеся соборъ въ Халкидонъ, Маркіанъ надѣялся, что слѣдя въ Константинополѣ за ходомъ дѣлъ общественныхъ и государственныхъ, онъ въ тоже время не оставитъ безъ вниманія и хода дѣлъ соборныхъ, вслѣдствіе близости Халкидона отъ Константинополя, какъ это и дѣйствительно доказала послѣдующая исторія собора.

Сообразно этому императорскому указу, епископы скоро перебрались въ Халкидонъ, такъ что въ началѣ октября нашли возможнымъ открыть и самыя соборныя засѣданія. Засѣданія собора происходили въ храмѣ св. мученицы Евфиміи. Историкъ Евагрій описываетъ положеніе этого храма и самый храмъ въ слѣдующихъ чертахъ. По его описанію, храмъ отстоялъ отъ Босфора на двѣ стадіи (1200 шаговъ), находился на одной изъ прелестнѣйшихъ, но не крутыхъ возвышенностей. Пѣшеходы не замѣчали подъема, когда шли къ храму. Какъ скоро они достигали храма, для нихъ открывался очаровательный видъ: предъ ними разстилались зеленѣющіе луга, волнистая жатва, роскошныя сады; вдали горы и лѣса; видъ на море услаждалъ взоръ, на море, то позлащаемое лучами солнца въ хорошую погоду, то бурно воздымающееся во время вѣтра. Зрѣлище столицы Констан-

---

¹⁾ Ихъ раздѣляетъ только небольшой проливъ Босфоръ.

тинополя, открывавшееся отъ храма, довершало прелесть, которую чувствовалъ созерцающій. Самый храмъ представлялъ собой великолѣпную постройку: онъ состоялъ изъ многихъ обширныхъ зданій, украшенъ былъ изящными колоннами и увѣнчивался куполомъ. Въ храмѣ почивали св. мощи мученицы Евфиміи въ богато-украшенной гробницѣ; мощи славились многими чудесами ¹⁾. Число отцевъ на этомъ соборѣ было чрезвычайно велико, такое, какого не было ни на одномъ изъ доселѣ бывшихъ соборовъ, и изъ послѣдующихъ лишь не многіе могутъ равняться въ этомъ отношеніи съ соборомъ Халкидонскимъ. Всѣхъ присутствовавшихъ на немъ отцевъ, если не выключать и уполномоченныхъ лицъ пресвитерскаго сана, замѣщавшихъ того или другаго епископа, было отъ 600 до 630. Главнѣйшими представителями собора являлись: Анатолій, архіепископъ константинопольскій, котораго отцы называли „первымъ“ на соборѣ (Дѣян. III, 156), папскіе легаты: епископы Пасхазинъ и Луценцій и пресвитеръ Бонифацій, — Максимъ ерхіепископъ антиохійскій, Ювеналій архіепископъ іерусалимскій, Фалассій епископъ каппадокійскій. На соборѣ встрѣлаемъ большое стеченіе высшихъ государственныхъ сановниковъ и сенаторовъ, принимавшихъ участіе въ дѣянїяхъ нобора, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда разсматривались дѣла чисто церковныя, напр. въ случаѣ суда надъ епископомъ (Дѣян. III, 568).

2) Судъ надъ соборомъ разбойничимъ и Діоскоромъ.

Судъ надъ соборомъ разбойничимъ: вопросъ о присутствующемъ Діоскорѣ;— эпизодъ съ Теодоритомъ;—вины собора разбойничаго;—поведеніе Діоскора;—осужденіе собора разбойничаго и монофизитства.—Судъ надъ Діоскоромъ: еретическое упорство Діоскора;—новыя многочисленныя обвиненія на него;—троекратный тщетный вызовъ Діоскора;—приговоръ надъ Діоскоромъ.

Первое засѣданіе халкидонскаго собора происходило 8-го октября ²⁾. Предметомъ разсужденій на засѣданіи былъ со-

¹⁾ Еваргій. Церковная Исторія, кн. 2, гл. 3.

²⁾ Всѣхъ засѣданій было 16.

боръ разбойничій. Прежде чѣмъ приступили къ дѣлу, поднятъ былъ вопросъ о томъ, долженъ ли оставаться Діоскоръ, архіепископъ александрійскій, предсѣдатель собора разбойничаго, на этомъ засѣданіи и съ какими правами. Папскіе легаты въ лицѣ Пасхазина заявили о необходимости совершеннаго удаленія Діоскора отъ собора. Такое заявленіе нашли не совсѣмъ справедливымъ императорскіе сановники, присутствующіе на соборѣ; они просили легатовъ указать опредѣленную причину, по которой они требуютъ этого; они спрашивали ихъ: „какая собственно вина возводится на Діоскора“? Луценцій, другой папскій легатъ, отвѣчалъ на это: „Діоскоръ дерзнулъ собрать соборъ безъ авторитета апостольскаго, т.-е. папскаго, чего, замѣтилъ легатъ, никогда не было и не должно быть“¹⁾. Сановники не удовлетворились объясненіемъ легатовъ, какъ слишкомъ исключительнымъ, и потребовали указанія болѣе важной причины, по которой Діоскоръ долженъ былъ удаленъ съ собора: „нужно—говорили сановники—чтобы вы изложили, въ чемъ именно Діоскоръ виноватъ“. Тогда легаты указали другую причину своего требованія: „мы не потерпимъ такого оскорбленія намъ и вамъ, сказали они, чтобы засѣдалъ тотъ, кто пришелъ на судъ“. Послѣ этого заявленія Діоскоръ, по приказанію собора, вышелъ изъ ряда другихъ епископовъ и сѣлъ на серединѣ соборнаго зала (Дѣян. III, 141—2). Это значило, что онъ становился въ рядъ истцевъ и отвѣтчиковъ и лишился права подавать свой голосъ (см. Дѣян. III, 198). Затѣмъ выступаетъ на середину собора въ качествѣ истца Евсевій епископъ дорилейскій, такъ много пострадавшій отъ собора разбойничаго, и говоритъ: „я оскорбленъ Діоскоромъ, оскорблена вѣра; онъ умертвилъ епископа Флавiana и несправедливо осудилъ его вмѣстѣ со мною; повелите принять мое прошеніе“. Въ прошеніи этомъ между прочимъ объявлялось: „на педавно бывшемъ соборѣ въ городѣ Ефесѣ, которому бы лучше было вовсе не быть, чтобы не наполнять вселенную зломъ и возмущеніемъ,—

¹⁾ Нужно сказать, папскіе легаты явились на соборъ не безъ тѣхъ притязаній, какими нѣкоторые папы заявляли себя, утверждая за собой право власти относительно всей Церкви.

Диоскоръ, ни во что считая справедливость и страхъ Божій, думая и мудрствуя подобно еретику Евтихію, скрываясь отъ многихъ, чтобы послѣ обнаружить себя, собравши буйную толпу народа и пріобрѣтши себѣ могущество деньгами, оскорбилъ вѣру православныхъ, сколько могъ, и утвердилъ нечестіе монаха Евтихіа. Посему, такъ какъ посягательство его на вѣру и на насъ велико, то просимъ, чтобы повелено было Диоскору защищаться противъ того, въ чемъ мы его обвиняемъ“ (Дѣян. III, 143—145). Прошеніе Евсевія принято и рѣшено было начать изслѣдованіе дѣйствій Диоскора, допущенныхъ имъ на соборѣ разбойничемъ. Для этого епископы положили прочесть дѣянія соборовъ бывшихъ по дѣлу Евтихіа, т. е. дѣянія собора константинопольскаго подъ предсѣдательствомъ Флавіана (448 г.) и собора разбойничаго подъ предсѣдательствомъ Диоскора (449 г.). Начато было чтеніе. Когда дѣло дошло въ дѣяніяхъ послѣдняго собора до того императорскаго указа, въ которомъ говорилось о Θεодоритѣ Кирскомъ, чтобы онъ явился на соборъ въ Ефесѣ лишь въ томъ случаѣ, если того пожелаетъ самый соборъ, то при этомъ упоминаніи о Θεодоритѣ Кирскомъ, ревностномъ защитникѣ православія противъ монофизитства, императорскіе сановники потребовали, чтобы вошелъ на соборъ и Θεодоритъ для принятія участія въ дѣлахъ соборныхъ. Такое требованіе произвело большой шумъ въ собраніи: одни соглашались съ этимъ требованіемъ, другіе напротивъ оспаривали его. Въ этомъ разногласіи по поводу Θεодорита выразилось то раздвоеніе въ воззрѣніяхъ отцевъ собора, какое дѣйствительно имѣло мѣсто при началѣ засѣданій соборныхъ, но которое вскорѣ уступило мѣсто единенію. Первоначальное раздвоеніе собора, о которомъ мы говоримъ, внѣшнимъ образомъ выразилось прежде всего въ томъ фактѣ, что одни епископы заняли мѣста въ храмѣ на лѣвой сторонѣ (римскіе, константинопольскіе, малоазійскіе, понтійскіе, антioxійскіе) а другіе на правой (египетскіе, палестинскіе, иллирійскіе ¹⁾) (Дѣян. III, 140). По вопросу о Θεодоритѣ лѣвая сторона заявляла себя такъ,

¹⁾ Иллирійскіе—т. е. изъ нынѣшней Греціи и сопредѣленныхъ съ нею странъ.

правая иначе. Епископы египетскіе, палестинскіе и иллирійскіе на помянутое требованіе отвѣчали: „помилуйте, (съ дозволеніемъ Θεодориту придти на соборъ), вѣра погибаетъ; его изгоняють правила; изгоните его вонъ; соборъ не принимаетъ Θεодорита“. Напротивъ епископы константинопольскаго и антиохійскаго округа, азійскіе и понтійскіе, являясь сторонниками Θεодорита, восклицали: „вышлите вонъ манихеевъ (т. е. приверженцевъ Діоскора); вонъ изгоните враговъ Флавіана; вонъ изгоните враговъ вѣры; Діоскора челоуѣкоубійцу вонъ изгоните“. Когда крики нѣсколько смолкли, Θεодоритъ, въ успокоеніе спорившихъ изъ-за него, объявилъ, что онъ является не въ качествѣ полноправнаго члена собора, а въ качествѣ лица, потерпѣвшаго отъ Діоскора, и въ качествѣ обвинителя его. Но это ни мало не успокоило той партіи, которая была враждебна Θεодориту. Епископы правой стороны продолжали кричать: „Не называйте Θεодорита епископомъ; онъ не епископъ; вонъ изгоните богопротивника; вонъ изгоните іудея; хулителя Христа изгоните вонъ“. Между тѣмъ и представители лѣвой стороны, защитники Θεодорита, не оставались безмолвными, — они восклицали: „православнаго, т. е. Θεодорита, оставьте на соборѣ, вонъ изгоните мятежниковъ, вонъ изгоните челоуѣкоубійцу“. Чтобы прекратить шумъ и смятеніе, наконецъ сановники и сенаторы обращаются къ шумѣвшимъ съ замѣчаніемъ: „эти простонародныя восклицанія и неприличны епископамъ и бесполезны; не препятствуйте продолжать чтеніе дѣяній“. Но правая сторона и теперь не удержалась отъ восклицанія: „изгоните одного, и всѣ будемъ слушать; мы изъ благочестія вопіемъ, ради православной вѣры говоримъ это“ (Дѣян. III, 149 51).

Когда продолжено было чтеніе дѣяній собора разбойничаго, прерванное этимъ эпизодомъ съ Θεодоритомъ, часть епископовъ, бывшихъ на соборѣ 449 года, засвидѣтельствовала во время этого чтенія, сколько золъ, неправоты допущено было на ономъ. Явилось нѣсколько обвинителей противъ этого собора изъ числа присутствовавшихъ на немъ и повѣдали предъ отцами, съ какими насиліями происходила дѣятельность его. Епископы округа антиохійскаго рассказы-

вали слѣдующее: „на осужденіе епископа Флавіана и епископа Евсевія на соборѣ Ефесскомъ никто изъ православныхъ епископовъ не былъ согласенъ; сдѣлано было—свидѣтельствовали епископы—насиліе, насиліе съ побоями и мы подписали пустую бумагу, на которой послѣ и написано осужденіе упомянутыхъ епископовъ. Намъ угрожало осужденіе, намъ угрожала ссылка; войны стояли съ палками и мечами и мы были приведены ими въ страхъ. Гдѣ палки и мечи, какой тутъ соборъ, замѣчали епископы. Войны низложили Флавіана и Евсевія болѣе, чѣмъ мы, а что мы сдѣлали, то сдѣлали изъ страха“. Послѣ этого общаго заявленія о насиліяхъ, допущенныхъ Діоскоромъ и его партіею на соборѣ Ефесскомъ, нѣкоторые епископы и въ отдѣльности засвидѣтельствовали о томъ же фактѣ. Стефанъ епископъ ефесскій объявлялъ предъ лицемъ собора: „Богъ свидѣтель, что во всемъ, что было сдѣлано на соборѣ Ефесскомъ, употреблено было насиліе и принужденіе, и что мы противъ желанія подписали осужденіе Флавіана—Богъ свидѣтель“. Онъ рассказывалъ, что когда онъ принялъ въ церковное общеніе нѣкоторыхъ клириковъ, сторонниковъ Флавіана, то къ нему въ его домъ (епископію) вторглись Елпидій и Евлогій, двое императорскихъ чиновниковъ, бывшихъ на соборѣ Ефесскомъ, и войны и монахи числомъ до 300, хотѣли убить его, и говорили: „такъ какъ ты принялъ враговъ императора, то и ты врагъ императора“. И такимъ образомъ, вообще замѣчалъ Стефанъ, все было сдѣлано по принужденію и насилію. Другой епископъ, изъ присутствовавшихъ также на соборѣ разбойничемъ, изобразилъ предъ лицемъ отцевъ тотъ же соборъ въ краскахъ самыхъ черныхъ. Теодоръ епископъ клавдіопольскій сдѣлалъ вотъ какое показаніе о немъ: „партія Діоскора, укоряя насъ, т.-е. православныхъ, въ несторіанской ереси, чтобы утратить насъ, возглашала: на-двое разсѣките признающихъ два естества, признающихъ двойство раздѣлите, умертвите, выбросьте; это говорилось для того, замѣчаетъ Теодоръ, чтобы мы, по обвиненіи въ несторіанской ереси, не судьями были какъ православные, но осужденными какъ нечестивцы. Потому они дѣлали и нѣчто другое, заявлялъ

Ееодоръ. Императоромъ повелѣно было сначала рѣшить дѣло о Флавіанѣ. Сдѣлавши по этому поводу нѣсколько собраний, не изложивши письменно своихъ постановленій и никому не прочитавши ихъ, такъ что никто не зналъ о нихъ, Діоскоръ и его сотоварищи по злодѣянію принесли намъ не писанную бумагу, имѣя съ собой множество грубыхъ людей, кричавшихъ, смущавшихъ и возмущавшихъ соборъ. Всѣхъ насъ епископовъ на соборѣ было 135; сорокъ двухъ они заставили молчать, большая часть другихъ епископовъ образовала мятежное скопище Діоскора. Оставались твердыми насъ челоуѣкъ 15; что могли мы сдѣлать? Они играли нами: вотъ еретики— кричали они всѣ въ одинъ голосъ; они застращали насъ, объявили ерестиками и мы извержены были какъ ерестики“. При этомъ показаніи епископа Ееодора, епископы антїохійскаго округа, принимавшіе сами участіе въ соборѣ Ефесскомъ, единодушно воскликнули: „это мы всѣ говоримъ, это было такъ“. Приверженцы же Діоскора не нашли возможнымъ опровергнуть этихъ обвиненій и ограничились лишь такими словами къ собору, въ которыхъ выразилось ихъ высокоуѣріе, а вмѣстѣ и упорство: „христїанинъ никого не боится, православный никого не боится“. „Пусть огонь разложатъ, говорили они горделиво, а мы предлагаемъ свое ученіе: еслибы боялись людей, то не было бы мучениковъ“ (Дѣян. III, 160—163). Кромѣ этихъ важныхъ злоупотребленій собора Ефесскаго открыты были на соборѣ Халкидонскомъ и другія проступки того же собора. Такъ найдено было, что архїепископъ Флавіанъ несправедливо являлся предъ соборомъ разбойничимъ въ качествѣ обвиненнаго (Дѣян. III, 164—5). Притомъ обнаружилось, что судъ надъ Флавіаномъ произведенъ былъ порядкомъ неправильнымъ,—онъ осужденъ безъ изслѣдованія дѣла и безъ допроса. Онисифоръ, епископъ иконійскій, выставилъ на видъ отцамъ слѣдующее: „тотчасъ послѣ того какъ прочитано было правило, въ которомъ говорилось, что никто ничего не долженъ изслѣдовать о вѣрѣ, Діоскоръ сказалъ: давайте сюда нотаріевъ (секретарей) и было произнесено осужденіе на Флавіана“ (Дѣян. III, 363). Также найдено совершенно несправедливымъ; что на томъ

же соборъ Ефесскомъ Евсевій Дорилейскій, хотя явился въ качествѣ обвинителя противъ Евтихія, не былъ однакожъ выслушанъ (Дѣян. III, 197. 209). Къ числу насильственныхъ дѣйствій разбойничаго собора было наконецъ отнесено и то, что на немъ не позволено было прочесть догматическое посланіе папы Льва, въ которомъ Левъ выразилъ свое сужденіе относительно спорныхъ вопросовъ. Весьма многіе на Халкидонскомъ соборѣ заявили, что „посланіе это не было читано и умышленно было удержано Діоскоромъ“, что „Діоскоръ семь разъ клялся предъ всѣми, что велитъ прочесть его и однакожъ оно не было читано“, — и всѣ свидѣтельствовали, что это дѣйствительно было такъ (Дѣян. III, 171). Важнѣйшею стороною въ дѣятельности собора Ефесскаго, возбудившею особенное порицаніе отъ отцевъ халкидонскихъ, было провозглашеніе на немъ монофизитства. Когда чтеніе дѣяній собора Ефесскаго дошло до того мѣста въ нихъ, гдѣ говорилось: „пресвитеръ Евтихій сказалъ: исповѣдую, что Господь нашъ состоитъ изъ двухъ естествъ прежде соединенія, а послѣ соединенія исповѣдую одно естество;—Діоскоръ епископъ александрійскій сказалъ: и мы всѣ согласны съ этимъ; соборъ сказалъ: согласны“, — то при чтеніи этого, отцы халкидонскіе, исполненные негодованія противъ подобнаго заблужденія, зывали: „это свойственно развѣ фараону; анаеема тѣмъ, кто сказалъ это; анаеема Несторію и Евтихію“ (Дѣян. III, 287. 190).

Какъ же держалъ себя Діоскоръ александрійскій, когда соборъ Ефесскій, имъ руководимый, обвинялся въ такихъ страшныхъ и многочисленныхъ преступленіяхъ? Діоскоръ, не имѣя возможности опровергнуть дѣйствительности представляемыхъ фактовъ, старается въ свое оправданіе прежде всего указать на то, что не одинъ онъ составлялъ собой соборъ, въ немъ и въ его дѣяніяхъ принимали участіе многіе (Дѣян. III, 159); какъ будто бы этимъ могли быть оправданы его злыя дѣйствія. Съ другой стороны, вопреки всякой совѣтливости, Діоскоръ самихъ же епископовъ, бывшихъ на соборѣ Ефесскомъ, обвинялъ за то, что они были такъ уступчивы его волѣ: „такъ какъ они говорятъ, замѣчалъ

Диоскоръ, что не слышавъ никакихъ разсужденій и постановленій, просто подписались на предложенной имъ пустой бумагѣ, то имъ не слѣдовало и подписываться“ (Дѣян. III, 163). А иногда Диоскоръ позволялъ себѣ и гораздо больше: онъ положительно осмѣливался глумиться надъ епископами, рассказывавшими о насиліяхъ собора Ефесскаго, насиліяхъ, которыя заставляли ихъ дѣлать то, чего они вовсе не желали. Такъ одному епископу, показывавшему на соборѣ халкидонскомъ въ этомъ именно родѣ, Диоскоръ иронически говорилъ: „нынѣ исполнилось то, что написано: отъ словесъ своихъ оправдишися и отъ словесъ своихъ осудишися (Мѡ. 12, 37). Стыдася людей ты измѣнилъ тому, что хорошо, и пренебрегъ вѣрою. Развѣ ты не слышалъ написаннаго: не срамляйся о паденіи твоемъ“ (Сир. 4, 26). (Дѣян. III, 192). Упорство и нераскаянность Диоскора такимъ образомъ оставались для собора вѣв всякаго сомнѣнія. Иначе держали себя другіе епископы, которые принимали участіе въ соборѣ Ефесскомъ и такъ или иначе являлись повинными въ его противозаконныхъ дѣянійхъ: они глубоко сожалѣли о своемъ грѣхѣ. Въ чувствѣ глубокаго покаянія не разъ и не два, но много разъ восклицаютъ они предъ лицомъ собора: „всѣ мы просимъ прощенія“ (Дѣян. III, 192. 493).

Къ концу разсматриваемаго нами чтенія дѣяній собора Ефесскаго, когда виновность собора этого являлась дѣломъ несомнѣннымъ, когда упорство и преступность дѣйствій Диоскора также открылись во всей ясности, многіе изъ епископовъ Халкидонскаго собора, которые въ началѣ подозрительно смотрѣли на сторону православныхъ и которые занимали правое отдѣленіе соборнаго зала вмѣстѣ съ Диоскоромъ, увидѣли ясно, насколько справедливо было дѣло Флавіана, Евсевія и другихъ епископовъ, потерпѣвшихъ отъ собора Ефесскаго, и насколько напротивъ преступенъ былъ соборъ этотъ,—и потому мы встрѣчаемъ отрадное явленіе: епископы налестинскіе (всѣ) и епископы илирійскіе (всѣ) къ концу перваго заеѣданія покидаютъ сообщество Диоскорова, переходятъ съ правой стороны зала на лѣвую, гдѣ засѣдали приверженцы православія. Съ этимъ водвора-

лось единодушіе въ средѣ собора Халкидонскаго. Съ Діоскоромъ остались не разлучными лишь нѣсколько епископовъ египетскихъ и только (Дѣян. III, 234—5. 237).

Когда Халкидонскій соборъ съ одной стороны рѣшительно убѣдился въ злоупотребленіяхъ собора разбойничаго, съ другой—пришелъ къ единенію своихъ членовъ, приступлено было къ произнесенію приговора надъ Ефесскимъ соборомъ, дѣянія котораго были предметомъ изслѣдованія. Произнесено было осужденіе надъ нимъ, но такъ, что большинство лицъ, составлявшихъ его, не было лишено епископскаго сана (Дѣян. III, 492 сл. 659). Приговоръ этотъ встрѣченъ былъ отцами халкидонскими съ ликованіемъ; они восклицали: „это правдивый судъ! Святый Боже, Святый Крѣпкій, Святый Безсмертный помилуй насъ! Печестивый всегда бѣгаетъ! Это справедливый приговоръ! За мучениковъ отмститъ Богъ“ (Дѣян. III, 493)! Первое засѣданіе собора кончилось глубокою ночью, при зажженныхъ уже свѣчахъ (Дѣян. III, 458. 554).

Вскорѣ затѣмъ, именно въ засѣданіи собора Халкидонскаго 13 октября, было приступлено къ болѣе подробному и обстоятельному суду надъ самимъ Діоскоромъ ¹⁾. Первое разсмотрѣнное нами засѣданіе собора имѣло своею цѣлю не судъ надъ Діоскоромъ, а лишь изслѣдованіе, насколько законны или незаконны были дѣйствія собора Ефесскаго 449 года. Еслибы Діоскоръ подобно другимъ епископамъ, принимавшимъ участіе въ соборѣ разбойничемъ, смиренно исповѣдалъ свою вину предъ отцами халкидонскими, нѣтъ сомнѣнія—онъ получилъ бы отъ милосердія отцевъ прощеніе, какъ получили его другіе участники тогоже собора Ефесскаго; но Діоскоръ пребывалъ упоренъ, почти презрительно относился къ собору Халкидонскому, и потому его поведеніе заслуживало особливаго суда. Кромѣ этого, Діоскоръ, нисколько не скрываясь, прямо и рѣшительно заявлялъ предъ сонмомъ отцевъ халкидонскихъ о своемъ монофизитскомъ ученіи. Въ засѣданіи 8 октября, Діоскоръ въ

¹⁾ Еретикъ Евтихій Халкидонскимъ соборомъ почему-то оставленъ былъ въ сторонѣ; извѣстно только, что послѣ этого собора Евтихій подвергся ссылкѣ.

горделивомъ самодовольствѣ отъ своего еретическаго ученія говорилъ: „Я имѣю свидѣтельство святыхъ отцевъ, Аѳанасія, Григорія (Богослова), и во многихъ мѣстахъ Кирилла Александрійскаго, что не должно признавать двухъ естествъ послѣ соединенія, но *одно* воплотившееся *естество Слова*. Я долженъ быть изверженъ вмѣстѣ съ отцами. Я защищаю догматы отцевъ, ни въ чемъ не отступаю отъ нихъ. Свидѣтельство ихъ не просто, не какъ-нибудь, а въ книгахъ имѣю“. При другомъ случаѣ Діоскоръ заявлялъ: „вотъ я утверждаю это: послѣ соединенія нѣтъ двухъ естествъ“ (Дѣян. III, 237—245). Моги ли соборъ щадить такого нераскаяннаго еретика? Судъ надъ Діоскоромъ былъ необходимъ еще потому, что Евсевій Дорилейскій, въ качествѣ лица потерпѣвшаго отъ этого архіепископа, вошелъ съ нарочитымъ прошеніемъ на соборъ, которымъ требовалъ законнаго разбирательства дѣйствій Діоскора въ отношеніи къ нему, Евсевию. Евсевій 13 октября вошелъ на соборъ съ жалобой на Діоскора, въ которой говорилось: „при производствѣ слѣдствія, т.-е. на первомъ засѣданіи собора, мы, какъ извѣстно, уличили Діоскора въ томъ, что онъ не позволилъ мнѣ придти на соборъ, бывшій въ городѣ Ефесѣ и представить свои доказательства (противъ Евтихія), равно какъ не позволилъ воспользоваться вовремя своими доказательствами и св. Флавиану, бывшему архіепископу константинопольскому, въ защищеніе котораго мы и составили эту просьбу, и что кромѣ того, онъ учинилъ всякую неправду въ отношеніи къ благочестію и къ священнымъ канонамъ. Прошу и припадаю къ св. собору подвергнуть Діоскора наказаніямъ, чтобы въ продолженіе остальной жизни онъ служилъ примѣромъ для вразумленія всѣхъ, которые бы вздумали поступать подобно ему“ (Дѣян. III, 556—557). При этомъ словесно Евсевій заявилъ: „прошу вызвать соперника моего ко мнѣ на лицо“ (Дѣян. III, 558). Просьба Евсевія принята была соборомъ. Наконецъ присоединились еще обстоятельства, которыя съ своей стороны неизбежно требовали суда надъ Діоскоромъ. Подана была цѣлая масса просьбъ на Діоскора клириками и даже однимъ міряниномъ изъ церкви александрійской, которою управлялъ Діоскоръ. Эти новыя жалобы даютъ бога-

тый матеріалъ для характеристики этого архіепископа. Передадимъ главнѣйшія черты, которыми обрисовывается нравственный обликъ Діоскора въ указанныхъ прошеніяхъ. Прежде другихъ истцевъ вошелъ на соборъ съ жалобой на Діоскора Теодоръ, діакопъ Александрійскій. „Діоскоръ, говорилъ истецъ въ прошеніи, безъ всякаго обвиненія исключилъ меня изъ клира, угрожая изгнать меня даже изъ Александріи не за что либо другое, какъ только за то, что я удостоился близости и благосклонности св. Кирилла. Его цѣлю было изгонять изъ города и даже лишать жизни не только родственниковъ Кирилла, но и близкихъ къ нему. Это человекъ, не чуждый убійствъ, не опасавшійся ни рубить чужіе лѣса, ни производить пожары; ни разрушать дома. Словомъ, говорилъ истецъ, онъ не святѣйшій, а лютеѣйшій. Все это я готовъ доказать“, замѣчалъ онъ (Дѣян. III, 571—5). Другой истецъ, Исхиріонъ, тоже діакопъ александрійскій, въ своемъ прошеніи къ собору говорилъ о Діоскорѣ слѣдующее: „никто не избѣжалъ жестокости и безчеловѣчія Діоскора. У однихъ опустошены имѣнія вырубкою лѣса, у другихъ разрушены жилища; иные сосланы въ ссылку; иные разорены штрафомъ“. Затѣмъ истецъ указываетъ частные примѣры изъ дѣяній Діоскоровыхъ. „Вотъ что онъ сдѣлалъ съ пшеницей, которую императоръ прислалъ для церквей Ливіи — такъ какъ эта страна бѣдна и неурожайна: — эту пшеницу слѣдовало раздать по назначенію, чтобы изъ нея во первыхъ приносима была безкровная жертва, а вовторыхъ странники и бѣдняки получали пропитаніе; между тѣмъ Діоскоръ не сдѣлалъ этого: онъ скупилъ эту пшеницу, а потомъ во время голода распродалъ ее по самымъ высокимъ цѣнамъ“. Истецъ приводитъ и другой частный примѣръ непотребствъ Діоскоровыхъ. „Ради спасенія своей души нѣкая жена, по имени Перистерія, по завѣщанію отказала большое количество денегъ монастырямъ, также страннопріимнымъ домамъ и пріютамъ для нищихъ. Діоскоръ же недовольный тѣмъ, что она ничего не оставила на его лицо, устроилъ такъ, что деньги предоставлены были музыкантамъ и другимъ театральнымъ лицамъ“... Наконецъ истецъ жаловался, въ чемъ лично противъ него, Исхиріона,

виновать Діоскоръ. „Діоскоръ запретилъ мнѣ служеніе. На мои бѣдныя имѣнія онъ выслалъ монаховъ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ; строенія въ этихъ имѣніяхъ истреблены огнемъ, сады въ нихъ вырублены. Но неудовлетворившись этимъ, онъ посылаетъ противъ меня толпу церковниковъ или лучше сказать разбойниковъ, чтобы убить меня, а потомъ заключилъ меня въ смиренный домъ, гдѣ содержатся одни опозоренные“ (Дѣян. III, 375—381). Послѣ этихъ двухъ истцевъ входитъ съ прошеніемъ на соборъ пресвитеръ Аѳанасій, родной племянникъ св. Кирилла Александрійскаго. Его жалобы на Діоскора многочисленны и особенно горьки. Аѳанасій доносилъ собору слѣдующее: „предъ своею смертію Кириллъ сдѣлалъ завѣщаніе, по которому много цѣннаго отказалъ изъ собственнаго своего имущества ¹⁾ будущему послѣ него епископу, подъ клятвою прося его покровительствовать его роду и не причинять ему ни въ чемъ затрудненій. Но Діоскоръ не только не покровительствовалъ намъ, но и поступалъ съ нами совсѣмъ на-противъ, измышлялъ всякіе ковы противъ насъ. Въ началѣ же своего епископства подъ угрозою смерти онъ изгналъ меня и моего брата Павла изъ Александріи. И когда мы прибыли въ Константинополь въ надеждѣ найти себѣ помощь, то по проискамъ Діоскора мы заключены были подъ стражу и подвергнуты были различнымъ мученіямъ дотолѣ, пока не раздали всего, что было у насъ недвижимаго. Когда же у насъ неоставало средствъ, мы принуждены были войти въ сдѣлки съ ростовщиками. Въ темницѣ здѣсь отъ мученій, жаловался Аѳанасій, умеръ братъ мой. Я, наши тетки, жена и дѣти умершаго брата, оставались въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Дома наши въ Александріи Діоскоръ отнял у насъ и устроилъ изъ нихъ церкви; лишилъ меня пресвитерства; ограбилъ деньги, принадлежащія моимъ теткамъ, сестрамъ св. Кирилла, и дѣтямъ моего брата. И вотъ семь лѣтъ, говорилъ Аѳанасій, мы живемъ скитаясь съ мѣста на мѣсто“ (Дѣян. III, 583 — 7). Послѣднимъ истцемъ противъ Діоскора былъ мірянинъ александрійскій,

¹⁾ Св. Кириллъ происходилъ отъ богатой александрійской фамиліи.

Софроній. Онъ жаловался въ своемъ прошеніи на то, что когда одинъ изъ александрійскихъ начальниковъ, Макарій, отнялъ у него, Софронія, жену, Діоскоръ не только не принималъ къ сердцу его бѣды, но даже, когда Софроній ходатайствовалъ въ Константинополѣ объ изслѣдованіи этого дѣла, ограбилъ его (Дѣян. III, 588—92). Подобно первому истцу и всѣ остальные истцы объявляли, что они имѣютъ свидѣтелей противъ Діоскора. Всѣ эти прошенія приняты были соборомъ.

Положено было пригласить Діоскора для личныхъ объясненій, но Діоскоръ, несмотря на троекратный призывъ явиться на соборъ, отказался послѣдовать приглашенію. Сначала онъ отговаривался въ своемъ отказѣ тѣмъ, что состоитъ подъ стражей; но когда депутаты, посылаемые отъ собора къ Діоскору, узнали, что онъ совершенно свободенъ, о чемъ и заявлено было ему, Діоскоръ указывалъ новый предлогъ, почему онъ не хочетъ явиться на соборъ: онъ требовалъ, чтобы дѣло его рассматривалось въ присутствіи императорскихъ сановниковъ, чего однакожь допустить было нельзя, такъ какъ судъ надъ епископомъ былъ дѣломъ чисто церковнымъ; наконецъ въ третій разъ онъ отказывался послѣдовать приказу собора, ссылаясь на свою болѣзнь, и когда ему было замѣчено, что онъ ранѣе ничего не говорилъ о своей болѣзни, Діоскоръ сталъ требовать, чтобы вмѣстѣ съ нимъ судились и другіе представители разбойничаго собора (Дѣян. III, 560 3; 566—8; 596).

Соборъ такимъ образомъ принужденъ былъ произносить свой приговоръ надъ Діоскоромъ заочно. Папскій легатъ Пасхазинъ, обращаясь къ отцамъ собора сказалъ: „соборъ узналъ, что епископъ Діоскоръ, вызванный три раза къ отвѣту своимъ обвинителямъ, сознавая себя виновнымъ, презрѣлъ приказаніе собора придти сюда. Пусть святые отцы объявятъ своими устами, чего достоинъ презирающій такимъ образомъ волю собора“! Соборъ на это отвѣтилъ: „осужденія, положеннаго канонами противъ непокорливыхъ“. Затѣмъ всѣ отцы собора поодиначкѣ выразили свое осужденіе на Діоскора (Дѣян. III, 599—603). Объ этомъ приговорѣ надъ Діоскоромъ соборъ далъ знать императору и импера-

трицѣ, говоря въ посланіи: „черезъ васъ совершилось теченіе апостольскаго ученія, ревностію вашей любви къ Богу разсѣянъ мракъ невѣдѣнія; нѣтъ болѣе у насъ вредныхъ плевель еретической заразы; черезъ васъ наши овчарни (церкви) наполняются стадами вѣрныхъ; возвращены пастыри овцамъ, а учителя ученикамъ; ибо тотъ, кто разсѣвалъ стада, обузданъ (Диоскоръ), гонитель укрощенъ, виновникъ бури низверженъ, и самый корабль (вся Церковь) возобновилъ свое теченіе“ (Дѣян. III, 670) ¹⁾.

3) Догматическія пренія и вѣроопредѣленіе.

Содержаніе догматическаго посланія папы Льва.—Пренія о томъ, необходимо ли составлять вѣроопредѣленіе.—Взгляды на достоинство посланія Льва.—Случай съ египетскими епископами.—Обстоятельства составленія вѣроопредѣленія на соборѣ.—Вѣроопредѣленіе.—Торжественное утвержденіе вѣроопредѣленія.—Императорскіе указы въ пользу православія и противъ монофизитства.

Соборъ разбойничій 449 года отвергнуть и осудить; Диоскоръ Александрійскій, глава этого собора, низвергнуть и лишень святительства—это первая, важная въ отношеніи къ исторіи ереси монофизитской, сторона дѣятельности собора Халкидонскаго; но это лишь сторона отрицательная въ его дѣятельности. Другую сторону весьма существенную въ отношеніи къ той же ереси и въ отношеніи къ исторіи догматическаго ученія Церкви составляетъ раскрытіе истиннаго вѣроученія на этомъ соборѣ, какое требовалось догматическими спорами того времени; это сторона положительная и важнѣйшая въ дѣянiяхъ собора. Къ ней и обратимся теперь.

Но прежде чѣмъ раскрыть, въ чемъ состояли, при какихъ условіяхъ происходили догматическія пренія на соборѣ и при какихъ условіяхъ совершилось составленіе вѣроопредѣ-

---

¹⁾ Диоскоръ и послѣ осужденія своего продолжалъ считать и именовать себя архіепископомъ (Дѣян. III, 665). Такъ же смотрѣли на него и нѣкоторые приверженные къ нему египетскіе архимандриты (Дѣян. IV, 65). О дальнѣйшей судьбѣ Диоскора извѣстно, что онъ сосланъ былъ на жительство въ городъ Гангрия (Исторія Евагрія, кн. 2, гл. 5).

ленія на немъ, должно изложить содержаніе догматическаго посланія папы Льва ¹⁾. Это надлежитъ сдѣлать по слѣдующимъ причинамъ. Во первыхъ, самый соборъ смотрѣлъ на это посланіе съ особеннымъ уваженіемъ и руководился имъ въ составленіи вѣроопредѣленія. Позднѣе въ вѣроопредѣленіи соборъ такъ говорилъ объ этомъ посланіи: „посланіе Льва, это какъ бы нѣкій общій столпъ противъ зломыслищихъ, для утвержденія православныхъ догматовъ; потому что оно поражаетъ тѣхъ, которые стараются раздѣлить таинство домостроительства на два сына (несторіане), и изгоняетъ изъ священнаго состоянія тѣхъ, которые дерзаютъ говорить, что божество Единороднаго страдательно, и выдумываютъ сліяніе и смѣшеніе двухъ естествъ Христа“ (монофизиты) (Дѣян. IV, 108). Во вторыхъ, пренія догматическія на соборѣ вращаются около посланія Льва, такъ что безъ достаточнаго знакомства съ нимъ не яснымъ остается все, въ чемъ выразилась соборная дѣятельность Церкви по данному догматическому вопросу. Догматическое посланіе Льва есть всестороннее разоблаченіе заблужденій монофизитскихъ. Вотъ главные мысли посланія: 1) по мнѣнію Льва, эти заблужденія прямо противорѣчатъ символу церковному. Въ немъ говорилось: „вѣруемъ въ І. Христа, Единороднаго Сына Его, Господа нашего, родившагося отъ Духа Святаго и Маріи Дѣвы“. Поясняя эти слова, Левъ писалъ: „вѣчнаго Отца Единородный Сынъ родился отъ Св. Духа и Дѣвы Маріи. Онъ зачался отъ Духа Святаго во чревѣ Матери Дѣвы, которая какъ зачала Его, пребывъ Дѣвою, такъ и родила Его. Мы не могли бы побѣдить виновника грѣха и смерти, еслибы нашего естества не воспринялъ и не усвоилъ Тотъ, Котораго ни грѣхъ не можетъ узавить, ни смерть удержать въ своей власти“ (Дѣян. III, 517—18). 2) Монофизитское лжеученіе ясно опровергается

---

¹⁾ Исторія догматическаго посланія Льва такова: оно написано было еще до собора разбойничаго на имя архіепископа константинопольскаго Флавіана; по интригамъ Диоскора не было прочтано на соборѣ разбойничьемъ, несмотря на требованіе папскихъ легатовъ и епископовъ право славныхъ; соборомъ Халкидонскимъ оно принято съ почтеніемъ и прочтано было на второмъ его засѣданіи въ качествѣ образца вѣроученія Помѣщено въ Дѣян. т. III, стр. 516—531.

свидѣтельствомъ священнаго Писанія. „Пусть бы Евтихій обратился къ ученію евангельскому, говорилъ Левъ, гдѣ Матѳей говоритъ: *книга родства І. Христа, сына Давидова, сына Авраамля* (Мѳ. 1, 1); пусть бы приступилъ онъ къ книгамъ пророческимъ и нашелъ бы обѣтованіе, данное Аврааму: *благословятся о стѣмени Твоемъ вси языцы* (Быт. 22, 17); поискалъ бы наставленія въ проповѣди апостольской, именно въ посланіи къ Римлянамъ: *Павелъ, рабъ Іисуса Христовъ... избранъ въ благовѣстіе Божіе... о Сыни своемъ бывшемъ отъ стѣмени Давидова по плоти* (Рим. 1, 1—3). Тогда не сталъ бы говорить пустословія, будто Слово стало плотію такъ, что Христосъ рожденный изъ дѣвической утробы имѣлъ образъ человѣка, а не имѣлъ истиннаго тѣла матери“. При этомъ Левъ съ замѣчательною выразительностію описываетъ истинныя свойства того человѣчества, какое принялъ на себя Христосъ. „Истинный Богъ, говоритъ онъ, родился въ подлинномъ и совершенномъ ествѣ истиннаго человѣка; Всецѣлый въ Своемъ, всецѣлъ въ нашемъ. Нашимъ же называется то, что Творецъ положилъ въ насъ въ началѣ и что Онъ восхотѣлъ возвратитъ намъ. Въ Спасителѣ не было и слѣда того, что привнесъ въ человѣка искунитель, и что прельщенный человекъ допустилъ въ себя“. Въ связи съ разъясненіемъ свойствъ человѣчества Христа, Левъ излагаетъ свои мысли и о томъ важномъ вопросѣ, какъ въ лицѣ Христа соединены между собою два естества. Эту истину онъ объясняетъ такъ: „во Христѣ оба естества сохраняютъ свои свойства безъ всякаго ущерба. Какъ образъ Божій не уничтожаетъ образа раба, такъ и образъ раба не уничтожаетъ образа Божія. И если уничиженіе человѣка и вслчіе Божества взаимно соединились, то въ этомъ единствѣ нѣтъ никакого превращенія. Ибо какъ Богъ не измѣняется чрезъ милосердіе, такъ человѣкъ не уничтожается чрезъ прославленіе. Каждое изъ двухъ ествъ въ соединеніи съ другимъ дѣйствуетъ такъ, какъ ему свойственно: Слово дѣлаетъ свойственное Слово, а плоть исполняетъ свойственное плоти. Одно сіяетъ въ чудесахъ, другое подлежитъ страданію“ (Дѣян. III, 519—523). 3) Кромѣ тѣхъ доказательствъ истиннаго человѣчества Христа, какія

извлекаетъ папа Левъ изъ символа и священнаго Писанія, цѣлый рядъ доказательствъ въ пользу тойже истины онъ находитъ въ исторіи, среди фактовъ земной жизни Христа. Пользуясь этими фактами, папа пишетъ: „младенчество отрочати (человѣка) свидѣтельствуется бѣдными целенами; новорожденному сыну человѣческому уподобился Тотъ, Кого Иродъ хочетъ умертвить; какъ человѣкъ, Христосъ приходитъ принять крещеніе отъ Предтечи Іоанна; далѣе, Его какъ человѣка искушаетъ дѣвольское коварство; алкать, жаждалъ, утруждался и спать очевидно свойственно человеку; плакать изъ состраданія по умершемъ другѣ дѣло естества человѣческаго; висѣть на деревѣ, быть пригвожденнымъ ко кресту опять дѣло тогоже естества; по воскресеніи же Господа, которое конечно есть воскресеніе истиннаго тѣла, такъ какъ не иной кто воскресъ, а тотъже, кто былъ распятъ и умеръ, что иное дѣлалось въ продолженіи сорокодневнаго Его пребыванія на землѣ, какъ не то, чтобы чистота вѣры нашей (въ Его человѣчество) была свободна отъ всякаго мрака? Такъ, Онъ то обращался и ѣлъ съ учениками своими, а тѣхъ изъ нихъ, которыхъ беспокоило сомнѣніе, допустилъ осязать себя нарочитымъ осязаніемъ; то показывалъ рану въ боку своемъ и язвы отъ гвоздей и всѣ знаки недавняго страданія, — и все это для того, чтобы убѣдить, что Слово не тоже, что плоть“ (Дѣян. III, 525—7). 4) Наконецъ Левъ въ посланіи входитъ въ тщательный разборъ самаго ученія Евтихіева, и опровергаетъ его. Левъ пишетъ: „въ Единородномъ Сынѣ Евтихій не признаетъ нашего естества ни въ униженіи смерти, ни въ славѣ воскресенія. Но если онъ не считаетъ креста Господня за призракъ и не сомнѣвается, что страданіе, воспринятое для спасенія міра, было истинное, то онъ долженъ признать и плоть Того, смерти Котораго онъ вѣруетъ. Пусть не говоритъ онъ, что не нашего тѣла былъ Тотъ человекъ, Котораго самъ признаетъ страдавшимъ, ибо отрицаніе истинной плоти есть отрицаніе и страданія плоти“ (Дѣян. III, 527—28).

Первое засѣданіе собора, съ цѣлію утвержденія истиннаго вѣроученія вопреки монофизитству, происходило 10

октября. Бывшіе на этомъ засѣданіи, императорскіе сановники, открыли его слѣдующими словами, намѣчавшими, въ чемъ состояла задача собора въ данномъ отношеніи. „Нынѣ должно изслѣдовать, разсудить и стараться о томъ, говорили они, чтобы утвердить истинную вѣру, ради которой и сошелся соборъ. Поэтому потщитесь безъ страха, безъ угодливости и вражды изложить вѣру въ чистотѣ, такъ чтобы и тѣ, кои оказываются мудрствующими неодинаково со всѣми, приведены были при видѣ истины къ единенію“ (Д. III, 509. 510). Этимъ давалась собору полная свобода догматическихъ преній: каждый могъ свободно высказывать все, что имѣлъ на душѣ и мысляхъ по вопросу. Соборъ однакожъ въ лицѣ нѣкоторыхъ членовъ находить подобную постановку дѣла неправильною или по крайней мѣрѣ излишнею. Пренія о догматахъ казались подобнымъ лицамъ ни желательными, ни нужными. Въ отвѣтъ на указанныя слова императорскихъ сановниковъ одинъ изъ членовъ собора, епископъ Кекропій сказалъ: „относительно еutihанскаго вопроса данъ уже образецъ папою Львомъ“ (въ посланіи догматическомъ). Съ заявленіемъ этого епископа согласились и многіе другіе епископы, воскликнувъ: „всѣ мы довольны объясненіями, данными папою Львомъ“. Но императорскіе сановники и послѣ этого продолжали поддерживать свой взглядъ и, настаивая на своемъ прежнемъ мнѣніи, объявили: „пусть патріархи каждой церковной области, избравши каждый по одному или по два изъ подчиненныхъ имъ епископовъ, выйдутъ на средину и сообщая разсудятъ о вѣрѣ, и свое мнѣніе предъявятъ всѣмъ, дабы, въ случаѣ если всѣ согласятся, прекратились бы всякія недоумѣнія, а если нѣкоторые будутъ думать иначе, то пусть будутъ предъявлены и ихъ мнѣнія“. При этомъ предложеніи епископы снова объявили: „не должно составлять новаго письменнаго вѣроопредѣленія“. Такимъ образомъ открылись двѣ совершенно различныя точки зрѣнія на вопросъ: слѣдуетъ или не слѣдуетъ быть преніямъ и новому вѣроизложенію? Одни рѣшали вопросъ положительно, другіе отрицательно. Одинъ изъ епископовъ, Флоренцій, высказалъ еще мнѣніе, которое было среднимъ между двумя пер-

выми, какъ рѣшительно противоположными. Онъ сказалъ: „Хотя можно бы довольствоваться существующими уже изложеніями, въ особенности изложеніемъ Льва, однакожь если нужно новое вѣроопредѣленіе, то для составленія онаго нуженъ болѣе или менѣе продолжительный срокъ, чтобы мы могли съ надлежащею обдуманностію подойти къ истинѣ дѣла“. Какъ можно догадываться изъ послѣдующаго хода дѣлъ на соборѣ, это мнѣніе Флоренція перевѣсило другія: поступлено было такъ, какъ онъ думалъ. Конѣцъ словопреніямъ по вопросу: быть или не быть новому вѣроопредѣленію, положилъ епископъ Кекроній. Съ своей точки зрѣнія, т.-е. что совершенно достаточно тѣхъ вѣроопредѣленій, какія уже существуютъ, Кекроній предложилъ собору прочесть главнѣйшія изъ тѣхъ вѣроопредѣленій, какія уже существовали въ Церкви. Это мнѣніе принято было соборомъ (Д. III, 510—11). Были прочитаны символы Никейскій и Константинопольскій (II вс. собора), посланіе Льва, и нѣкоторыя посланія Кирилла Александрійскаго. Но при этомъ-то чтеніи и открылось во всей ясности, какъ мало основательности во мнѣніи о ненадобности новаго вѣроопредѣленія. Открылось, что не всѣ принимаютъ прочитанные документы одинаково охотно. По крайней мѣрѣ не всѣ выражали свое согласіе съ посланіемъ папы Льва, а это главное, потому что посланіе Льва именно написано по случаю ереси монофизитской. Въ самомъ дѣлѣ, между тѣмъ какъ одни находили посланіе Льва образцовымъ, не подлежащимъ ни малѣйшему сомнѣнію, почему и восклицали: „это вѣра отеческая, это вѣра православныхъ, благочестиво и истинно училъ Левъ“ (Д. III, 541—2), другимъ нѣкоторыя мѣста этого посланія казались недостаточно точно выражающими истину, сомнительными, ведущими къ несторіанству. II хотя истинный смыслъ этихъ сомнительныхъ мѣстъ разъясненъ былъ соборомъ чрезъ сличеніе ихъ съ подобными же мѣстами изъ писаній св. Кирилла (Д. III, 542—3), тѣмъ не менѣе на вопросъ, послѣдовавшій затѣмъ со стороны императорскихъ сановниковъ: „всѣ ли теперь не сомнѣваются въ чистотѣ и правильности вѣры Льва, изложенной въ его посланіи“,—одинъ изъ еписко-

повъ — Аттикъ — отъ лица другихъ заявилъ, что онъ просить, чтобы ему вмѣстѣ съ нѣсколькими другими епископами данъ былъ срокъ изъ нѣсколькихъ дней для болѣе спокойнаго и точнаго обсуждения посланія Льва. На это нѣкоторые епископы замѣтили: „что если уже нужно дать срокъ, то пусть всѣ епископы сообща примутъ участіе въ этомъ обсужденіи“. Вопросъ въ настоящемъ случаѣ рѣшили императорскіе сановники, назначивъ пятидневный срокъ для обсуждения дѣла и объявивъ: „нѣтъ нужды всѣмъ вамъ собираться; пусть Анатолій архіепископъ константинопольскій изберетъ изъ числа другихъ епископовъ такихъ, которыхъ онъ сочтетъ наиболѣе способными вразумить сомнѣвающихся“ (Д. III, 544—545). А такими сомнѣвающимися были: епископы иллирійскіе и палестинскіе (Д. III, 542) ¹⁾. На этомъ засѣданіи и кончилось.

Слѣдующее засѣданіе для разсужденій о вѣрѣ состоялось 17 октября, какъ скоро кончился пятидневный срокъ, назначенный для убѣжденія епископовъ, сомнѣвавшихся въ чистотѣ вѣры, изложенной въ посланіи Льва. По открытіи засѣданія, Пасхазинъ, папскій легатъ, отъ лица прочихъ членовъ, выразилъ мысль, что соборъ подтвердилъ вѣру вселенскихъ соборовъ Никейскаго, Константинопольскаго и Ефесскаго и убѣдился въ правильности ученія, высказаннаго въ посланіи Льва. Тогда сановники потребовали, чтобы всѣ епископы по порядку поклялись предъ святымъ Евангеліемъ, что они дѣйствительно считаютъ посланіе Льва согласнымъ съ вѣроученіемъ соборовъ Никейскаго и Константинопольскаго (Д. IV, 10. 11). И дѣйствительно, открылось, что не только всѣ епископы, доселѣ ни мало не сомнѣвавшіеся въ чистотѣ убѣжденій папы Льва, подтвердили это, но тоже сдѣлали и епископы, высказывавшіе сомнѣніе въ данномъ отношеніи, каковы епи-

---

¹⁾ Кромѣ иллирійскихъ и палестинскихъ епископовъ, какъ оказалось въ послѣдствіи, сомнѣвающимися по поводу посланія Льва были и египетскіе епископы, почему-то не участвовавшіе въ этомъ засѣданіи. Замѣчательно, что сомнѣвающимися оказались тѣ самые епископы, которые съ начала собора заняли было отдѣльное отъ прочихъ членовъ мѣсто на правой сторонѣ соборной залы, и которые не тотчасъ согласились на осужденіе собора разбойничаго, о чемъ мы имѣли случай сказать.

скопы Иллиріи и Палестины. Такъ одивъ изъ иллирійскихъ епископовъ отъ лица прочихъ предстоятелей этой церкви заявилъ: „мы вполне увѣрены, что папа Левъ вполне православленъ, ибо когда мы по опредѣленію собора прибыли къ архіепископу великаго Константинополя, (т.-е. во время пятидневнаго срока, о которомъ было упоминаемо выше)—желая увѣриться въ томъ, въ чемъ мы немного сомнѣвались, то мы нашли, что легаты были вполне готовы разъяснить сомнѣніе: намъ объяснили то, что фраза говорила темно и неопредѣленно. Они анаематствовали всякаго челоуѣка, отдѣлявшаго отъ божества плоть Господа нашего Иисуса Христа (т.-е. мыслящихъ по-несторіански). Посему мы согласились съ посланіемъ Льва и подписали его“. Всѣ другіе епископы изъ Иллиріи тоже сказали: „всѣ мы подали такой же голосъ, съ которымъ всѣ мы согласны“ (Д. IV, 30—32). Такое же согласіе съ посланіемъ Льва заявили и епископы палестинскіе, относившіеся доселѣ къ нему также, какъ и иллирійскіе. Одинъ изъ этихъ епископовъ отъ лица прочихъ сказалъ собору: „нѣкоторыя слова въ посланіи Льва были намъ противны, какъ допускающія, для желающихъ такъ мыслить, раздробленіе и раздѣленіе въ Господѣ Иисусѣ (несторіанство); относительно этихъ выраженій мы сначала сомнѣвались, но услышавъ отъ легатовъ, что выраженія эти не допускаютъ никакого раздѣленія въ Иисусѣ Христѣ, мы согласились съ посланіемъ и подписали оное, и заявляемъ теперь объ этомъ для пользы всего міра“ (Д. IV, 32—34). Послѣ того какъ кончился сборъ отдѣльныхъ голосовъ по вопросу о посланіи Льва, всѣ епископы единодушно восклицали: „всѣ мы согласны, всѣ также вѣруемъ, всѣ также мудствуемъ“ (Д. IV, 47). На этомъ же засѣданіи отцамъ собора пришлось убѣдиться, что и египетскіе епископы принадлежатъ къ числу лицъ, высказывающихъ сомнѣніе относительно посланія Льва. Это было по такому случаю: названные епископы, въ числѣ 13-ти, обратились къ императору съ изложеніемъ своего вѣроисповѣданія; императоръ, какъ и слѣдовало ожидать, передалъ исповѣданіе это собору для его обсужденія. Но въ исповѣданіи между именами еретиковъ, которыхъ про-

клинали египетскіе епископы, не было имени Евтихія (Д. IV, 50—51). Этимъ фактомъ соборъ, въ справедливомъ подозрѣніи, былъ крайне недоволенъ; отцы собора говорили: „почему они не анаѳематствовали ученіе Евтихія, — они подали исповѣданіе съ коварствомъ, они хотѣли насмѣяться надъ нами и уйти“. Другіе члены собора при этомъ прибавили: „соборъ созванъ ради Евтихія, и не ради чего иного; римскій архіепископъ писалъ ради негоже. Мы согласились съ посланіемъ, пусть согласятся и они“. На требованіе произнести анаѳему на Евтихія, египетскіе епископы, когда увидѣли, что имъ нѣтъ возможности избѣжать подобнаго поступка, сначала не совсѣмъ кажется искренне и рѣшительно отвѣчали: „если кто иначе учить, чѣмъ какъ объяснено нами въ исповѣданіи, будь то Евтихій или кто другой, да будетъ анаѳема“. А потомъ, вслѣдствіе особенной настойчивости собора, они наконецъ произнесли и прямо анаѳему на Евтихія (Дѣян. IV, 52. 54). Что же касается принятія посланія Льва и согласія съ нимъ, то египетскіе епископы всячески отказывались выразить по этому поводу свое мнѣніе. „Относительно посланія Льва, говорили они, мы ничего не можемъ высказать, ибо вы знаете, что всѣ мы, египетскіе епископы, по правиламъ Никейскаго собора подчинены архіепископу Александрійскому и что мы не можемъ поступить никакъ безъ сужденія названнаго архіепископа“. А такъ какъ, съ осужденіемъ Діоскора, замѣтимъ, въ Александріи не было архіепископа, то подъ этимъ предлогомъ епископы египетскіе и вознамѣрились избѣжать подписанія посланія Льва. Напрасно отцы собора старались вразумить уклоняющихся, напрасно внушали имъ, что нельзя придавать одному лицу, хотя бы то былъ и архіепископъ александрійскій, больше значенія, чѣмъ самому собору вселенскому, что они, тринадцать епископовъ, не могутъ давать предписаній собору, состоявшему изъ 600 членовъ, устами которыхъ говорятъ предстоятели церкви всего свѣта и голосъ которыхъ для нихъ долженъ быть безусловно обязательенъ; напрасно представляли имъ, что исполняя требуемое, они исполняютъ это лишь отъ своего лица, а не отъ лица цѣлаго округа: египетскіе епископы

стояли на своемъ. Соборъ, видя такую настойчивость и упорство египетскихъ епископовъ и не желая въ тоже время принимать противъ нихъ крутыхъ мѣръ, рѣшилъ наконецъ отправить ихъ въ Константинополь, гдѣ они и должны были, какъ хотѣли того, дожидаться избранія новаго архіепископа александрійскаго, а въ удостовѣреніе, что они до того времени не оставятъ Константинополя, имъ предложено или представить поручительство за себя, или дать клятву (Дѣян. IV, 55. 58). Итакъ епископы египетскіе одни изъ всѣхъ членовъ собора не подписали посланія Льва римскаго.

Такимъ образомъ первый шагъ къ опредѣленію истиннаго догматическаго ученія, хотя и не безъ затрудненій, слѣланъ. Члены собора наконецъ единодушно рѣшили принять посланіе Льва за образецъ ученія, въ согласіи съ которымъ и надлежало теперь составить такую формулу вѣроученія, которая бы съ одной стороны выражала истинное воззрѣніе Церкви на лице Христа и на соединеніе въ Немъ двухъ естествъ, съ другой направлялась бы противъ монофизитской ереси. Подобная формула дѣйствительно составлена была особою комиссіею, выбранною соборомъ, — хотя и неизвѣстно, при какихъ условіяхъ составилаь эта комиссія и кто были членами ея. Нужно сказать, что вопросъ объ утвержденіи этой формулы, содержаніе которой для насъ остается неизвѣстно, сначала породилъ много споровъ среди членовъ собора¹⁾. Дѣло происходило на засѣданіи 21 октября, имѣющемъ особенно важное значеніе въ исторіи Халкидонскаго собора. Засѣданіе это открыто было словами императорскихъ сановниковъ: „прикажите объявить, что опредѣлено о вѣрѣ“. Затѣмъ прочтено было опредѣленіе о вѣрѣ, ранѣе составленное. Лишь только кончилось чтеніе вѣроопредѣленія, какъ одни стали выражать свое удовольствіе въ

¹⁾ Формула эта самымъ соборомъ не внесена въ „Дѣянія“. По всей вѣроятности она выработана была комиссіею, составившеюся вслѣдъ за вторымъ засѣданіемъ, послѣ того какъ императорскіе сановники выразили требованіе о необходимости составить новое вѣроизложеніе. Извѣстный ученый Гефеле въ „Исторіи соборовъ“ дѣлаетъ предположеніе, что во главѣ комиссіи стоялъ Анатолій, архіепископъ константинопольскій; свое мнѣніе Гефеле подтверждаетъ тѣмъ, что Анатолій съ особеннымъ жаромъ отстаивалъ на соборѣ формулу, о которой мы говоримъ. (Band II, S. 446. Ausgabe 1856).

отношеніи къ нему, другіе хулили оное. Одни взывали: „опредѣленіе всѣмъ нравится; это вѣра отцевъ, мудрствующій противно этому—еретикъ“. Другіе напротивъ говорили: „не хорошо составлено опредѣленіе и должно быть исправлено“. Напрасно Анатолій, архіепископъ константинопольскій, указывалъ на то, что наканунѣ епископы всѣ одобряли формулу о вѣрѣ,—распря не прекращалась. Между недовольными формулой были и римскіе легаты; имъ, повидимому, прочитанное вѣроопредѣленіе представлялось несогласнымъ съ посланіемъ Льва. Легаты говорили: „если не соглашаются съ посланіемъ блаженнѣйшаго Льва, то прикажите дать намъ грамоты на возвращеніе, и этимъ соборъ окончится“. Видя такое разногласіе, императорскіе сановники предложили было отцамъ собора избрать изъ нихъ нѣсколько членовъ, въ число которыхъ должны были войти представители изъ всѣхъ округовъ,—и составить такимъ образомъ новую комиссію, которая приняла бы на себя задачу пересмотрѣть вѣроопредѣленіе въ молельнѣ¹⁾ храма св. Евфиміи. Но на это новое обсужденіе опредѣленія рѣшительно не соглашались тѣ изъ епископовъ, которымъ это опредѣленіе нравилось. Они восклицали: „Св. Духъ диктовалъ опредѣленіе; опредѣленіе православно; пусть сейчасъ будетъ подписано опредѣленіе, опредѣленіе содержитъ въ себѣ все“! (Дѣян. IV, 96—100). Тогда императорскіе сановники увидѣли, что привести соборъ къ соглашенію трудно, и рѣшили доложить объ этомъ императору. Маркіану, который въ это время находился въ Халкидонѣ. Полученъ былъ отвѣтъ отъ императора на имя собора. Въ этомъ отвѣтѣ императоръ становится на сторону тѣхъ, кто требовали пересмотра вѣроопредѣленія, и предлагаетъ два способа, посредствомъ которыхъ можно сдѣлать это; если же соборъ не приметъ предложенія, то императоръ выска-

¹⁾ Церковный историкъ Евагрій (кн. 2, гл. 3) говоритъ: „съ сѣверной стороны главнаго храма св. Евфиміи (гдѣ происходилъ соборъ Халкидонскій) была устроена ротонда, внутри обставленная искусно отдѣланными колоннами. На нихъ (колоннахъ) возвышается горница, чтобы желающіе могли оттуда *молиться* мученицѣ“. Навѣрно можно думать, что эта-то горница и называется въ „дѣянїяхъ“ Халкидонскаго собора *молельней* храма Евфиміи.

зываетъ мысль о распущеніи собора, пока не будетъ собранъ новый соборъ въ другомъ мѣстѣ. Вотъ отвѣтъ Маркіана: „императоръ повелѣлъ, чтобы или образовалась новая коммиссія для пересмотра опредѣленія изъ представителей всѣхъ церковныхъ округовъ, въ молельнѣ храма, такъ чтобы всѣ пришли къ соглашенію и не осталось ничего сомнительнаго; или, если это не угодно, то чтобы каждый епископъ чрезъ своего митрополита объявилъ свою вѣру, дабы подобнымъ образомъ не оставалось никакого сомнѣнія или разногласія; если же и это не угодно будетъ членамъ собора, да будетъ извѣстно, что въ западныхъ странахъ имѣетъ быть новый соборъ, такъ какъ члены собора не приходятъ къ несомнительному постановленію объ истинной православной вѣрѣ“. Въ первыя минуты и это рѣшеніе императора не могло прекратить разногласія. Не желавшіе исправленія вѣроопредѣленія восклицали: „или пусть имѣетъ силу опредѣленіе, или мы уйдемъ; просимъ перечитать опредѣленіе; тѣ, которые противорѣчатъ и не подписываютъ, пусть уходятъ; мы согласны съ тѣмъ, что хорошо опредѣлено“! Но здѣсь вмѣшиваются въ пренія императорскіе сановники и съ замѣчательнымъ успѣхомъ склоняютъ противящихся волѣ императора согласиться наконецъ на пересмотръ опредѣленія. Они предложили слѣдующій вопросъ членамъ собора, который всѣхъ побудилъ изъявить согласіе на требуемое: „Діоскоръ говоритъ: выраженіе: *изъ двухъ естествъ* принимаю, но: *два естества* не принимаю. Папа же Левъ говоритъ, что во Христѣ *два естества* соединены неслитно, и неизмѣнно, и нераздѣльно. Итакъ: кому слѣдуете, святѣйшему Льву или Діоскору“? На этотъ вопросъ конечно возможенъ былъ одинъ отвѣтъ, который и водворилъ вождельнное единодушіе въ членахъ собора. „Какъ Левъ, такъ и мы вѣруемъ, восклицали отцы, а противорѣчащіе — еutihіанисты, Левъ изложилъ православно“. Тогда императорскіе сановники сказали съ торжествомъ: „итакъ прибавьте къ опредѣленію по мысли святѣйшаго Льва, что во Христѣ два естества соединены неизмѣнно, нераздѣльно и неслитно“. Отсюда видно, что именно этихъ-то словъ и недоставало въ опредѣленіи, изъ-за нихъ и вышелъ споръ. Когда водво-

рилось единеніе, собраніе потребовало, чтобы составила комиссія изъ нѣкоторыхъ отцевъ собора для необходимой поправки въ опредѣленіи. Комиссія дѣйствительно была составлена и тотчасъ сдѣлала что нужно было, и внесла на соборъ измѣненное вѣроопредѣленіе, которое немедленно и было прочтено (Дѣян. IV, 100—103). Императорскіе сановники сказали: „да благоволитъ св. соборъ, утверждающій вѣру, выслушать, что опредѣлено сошедшими св. отцами, истолковавшими опредѣленіе вѣры“. Самое вѣроопредѣленіе состояло изъ нѣкотораго рода введенія, затѣмъ изъ символовъ Никейскаго и Константинопольскаго; далѣе, послѣ замѣчаній о появленіи и характерѣ ересей Несторія и Евтихія, соборъ изложилъ свое рѣшеніе относительно спорнаго вопроса о соединеніи двухъ естествъ во Христѣ, въ слѣдующихъ словахъ:

„Итакъ послѣдуя святымъ отцамъ, всѣ согласно принимаемъ исповѣдывать одного и тогоже Господа нашего Иисуса Христа, совершеннаго въ Божествѣ и совершеннаго въ человѣчествѣ, истинно Бога и истинно человѣка, тогоже изъ души разумной и тѣла, единосущнаго Отцу по Божеству и тогоже единосущнаго намъ по человѣчеству, во всемъ подобнаго намъ, кромѣ грѣха, — одного и тогоже Христа, Сына, Господа, едиnorodнаго, въ двухъ естествахъ неслитно, неизмѣнно, нераздѣльно, неразлучно познаваемого, такъ что соединеніемъ нисколько не нарушается различіе двухъ естествъ, но тѣмъ болѣе сохраняется свойство cadaго естества и соединяется въ одно лицо, въ одну ипостась“.

Наконецъ отцы въ своемъ опредѣленіи запрещаютъ: или составлять, или проповѣдывать иную вѣру, или мудрствовать иначе, или другой вѣрѣ учить кого-либо. По прочтеніи опредѣленія члены собора воскликнули: „Это вѣра отцевъ, это вѣра апостоловъ, митрополиты пусть подпишутся тотчасъ, съ нею всѣ мы согласны, всѣ такъ мудствуемъ“. О составившемся вѣроопредѣленіи было возвѣщено императору Маркіану (Дѣян. IV, 103—110).

Въ слѣдующемъ затѣмъ засѣданіи, 25 октября, произошло торжественное утвержденіе вѣроопредѣленія, въ при-

сутствии самого императора Маркиана, императрицы Пульхерии и многочисленной и блестящей ихъ свиты. Въ началѣ засѣданія императоръ сказалъ рѣчь къ собору, въ которой между прочимъ говорилъ: „въ недавнее время открылись нѣкоторые, одни по жадности къ деньгамъ, а другіе по худымъ пристрастіямъ, мудрствующіе разное и излагающіе предъ толпою ученія, полныя вредныхъ заблужденій. Желая уврачевать зло, мы собрали святой вашъ соборъ въ увѣренности, что отъ вашихъ трудовъ по путешествію будетъ величайшій успѣхъ въ дѣлѣ утвержденія богопочитанія, такъ что отнимется тьма, лежащая на умахъ заблуждающихся людей. Итакъ пусть обнаружится истина, заключающаяся въ вашихъ изложеніяхъ. Мы же, чтобы придать твердость дѣяніямъ соборнымъ, а не для показанія силы, рѣшились присутствовать на соборѣ, взявши въ образецъ блаженной памяти Константина“. Рѣчь императора была покрыта торжественными и радостными кликами собора. Затѣмъ прочтено было вѣроопредѣленіе, установленное на предыдущемъ засѣданіи, подписанное всѣми отцами собора. По прочтеніи этого вѣроопредѣленія государь спросилъ у отцевъ собора: „пустъ скажетъ св. соборъ, по согласію ли всѣхъ епископовъ провозглашено прочитанное теперь опредѣленіе?“ Отцы собора воскликнули въ отвѣтъ: „всѣ такъ вѣруемъ, всѣ такъ мудствуемъ. Маркиану, новому Константину, новому Павлу, новому Давиду многая лѣта; вы—миръ вселенной; вы свѣтила православія; Господи сохрани свѣтила вселенной; Пульхерія—новая Елена, ты явила ревность Елены; Несторію, Евтихію и Диоскору анаеема, Троица извергла троихъ“!! Такъ произошло торжественное утвержденіе истинно-православнаго ученія на соборѣ Халкидонскомъ (Дѣян. IV, 110 до 167).

По окончаніи Халкидонскаго собора императоръ Маркианъ издаетъ рядъ указовъ, которыми онъ хочетъ пресѣчь распространеніе ереси и достигнуть повсюднаго утвержденія православія. Первый указъ въ подобныхъ цѣляхъ изданъ императоромъ отъ 7 февраля 452 года. Указъ такого содержанія: Тотъ нечестивъ, кто послѣ того какъ истина утверждена, чрезъ споры и разсужденія отыскиваетъ но-

вую истину. На будущее время пусть никакой клирикъ, или человекъ какого-либо другого званія не осмѣливается публично собирать толпы народа и рассуждать о вѣрѣ. Подобный поступокъ есть оскорбленіе для собора; обсуждать снова, что уже опредѣлено соборомъ, значить не до-вѣрять ему. Не минуетъ наказаніе презирающихъ этотъ законъ: если клирикъ осмѣлится всенародно препираться о вѣрѣ, да исключится изъ списка клириковъ; если военный, да лишится достоинства, а люди простаго сословія да изгонятся изъ столицы. (Дѣян. IV, 405—406). Въ другихъ указахъ императоръ отмѣняетъ всѣ тѣ узаконенія императора Θεодосія младшаго, которыя изданы были послѣ собора разбойничаго и направлялись противъ православія и противъ Флавіана, Евсевія Дорилейскаго и Θεодорита Кирскаго, при чемъ доблести архіепископа Флавіана описываются въ чертахъ высокихъ: „онъ одинъ былъ достоинъ быть епископомъ“. (Дѣян. IV, 425—7). Въ особенности замѣчателенъ указъ, изданный 28 іюля 452 года. Въ немъ узаконялись разныя строгости противъ Евтихіанъ, т. е. монофизитовъ. Евтихіанамъ воспрещалось имѣть у себя особыхъ духовныхъ лицъ. Если же кто осмѣлится рукоположить для нихъ епископа, пресвитера или клирика, то предписывалось и рукоположенныхъ и рукополагающихъ лишать имущества и ссылатъ въ ссылку. Евтихіанамъ запрещалось дѣлать отдѣльныя церковныя собранія и строить монастыри. Евтихіане не могли ни получить по духовному завѣщанію, ни сами дѣлать такового. Военная служба для нихъ закрыта; если же кто, уже будучи въ военной службѣ, заразится евтихіанствомъ (монофизитствомъ), таковой изгоняется изъ службы съ воспрещеніемъ жить гдѣ либо, кромѣ родины; если же родиной ихъ будетъ столица—изгнать ихъ изъ столицы. (Дѣян. IV, 427—432). Эти строгіе законы не разъ повторялись Маркіаномъ.

